

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОУ ВПО "Пермский государственный университет"

СТЕРЕОТИПНОСТЬ *и творчество* В ТЕКСТЕ

Межвузовский сборник научных трудов

ВЫПУСК 7

Под редакцией профессора
М. П. Котюровой

Пермь 2004

ББК 81.2Р—7

С 797

Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов
С 797 / Отв. ред. М.П.Котюрова; Перм. ун-т. — Пермь, 2004. — 392 с.

ISBN 5-7944-0449-3

Межвузовский тематический сборник посвящен актуальной и малоразработанной в функциональной лингвистике и смежных с нею дисциплинах — когнитивной лингвистике, стилистике текста, прагматике текста, терминоведению, теории перевода и др. — проблеме взаимодействия стереотипного и творческого компонентов в функциональных стилях речи, а также разных типах текста, обусловленных экстралингвистической основой целых произведений.

Сборник окажется полезным для филологов, интересующихся проблемами функциональной стилистики, коммуникативной лингвистики, лингвистики текста и культуры речи, а также для учителей-словесников.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного университета

Рецензент: кафедра общего и славянского языкознания Пермского государственного университета

Редакционная коллегия:

Е.А.Баженова, О.И.Богословская, Н.В.Данилевская, М.Н.Кожина, М.П.Котюрова —
главный редактор

Издание сборника осуществлено по результатам открытого конкурса научных издательских проектов 2004 г. при финансовой поддержке Департамента промышленности и науки Пермской области

ISBN 5-7944-0449-3

© Пермский государственный
университет, 2004

© Коллектив авторов, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Седьмой выпуск сборника "Стереотипность и творчество в тексте" открывается статьей проф. *К.Э.Штайн*, осуществившей разносторонний анализ достижений основного — функционально-стилистического — научного направления кафедры русского языка и стилистики Пермского университета.

Особенностью содержания данного выпуска можно считать наличие — в **I** и **II** разделах — обобщающих материалов историко-научного характера (*Т.В.Вяничевой*), статей, посвященных развитию функционально-стилистических понятий **стилевая черта** (на материале разных функциональных стилей — *А.Стояновича*, фольклорного текста — *М.А.Венгранович*), **свойства текста**, обусловленные как порождением (*Л.С.Гиренко*), так и пониманием текста (*Е.В.Левченко*), **познавательная оценка** как "начало начал" в развертывании в тексте нового знания наряду со старым — *Н.В.Данилевской*, "власть **дискурса**" в научном познании — *В.Е.Чернявской*, а также статьи, ориентированной на **культурно-речевой** аспект проблемы соотношения стереотипного и творческого в научном тексте (*М.П.Котюровой*). *С.Л.Мишланова* и *Т.М.Пермякова* представляют обзор отечественных и зарубежных работ, посвященных исследованию **концепта**.

Продолжается развитие проблемы выражения в тексте формирующегося нового знания (см. статьи *Н.В.Данилевской* во всех выпусках этого сборника — 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003), а также проблем научного перевода. Проф. *Л.М.Алексеева* и на этот раз (см. статьи в каждом выпуске этого сборника) нашла новый подход к переводу научных текстов, утверждая в переводоведении достаточно новое для него понятие **антропологизма**.

Читатель может заметить изменения в тематике: в **III** разделе появились статьи, посвященные публицистическому стилю (*Л.Р.Дускаевой*, *В.И.Конькова*). Проф. *Мария Войтак*, автор статей о религиозных текстах (см. все предыдущие выпуски), подготовила заметки о стиле бытовых текстов. Вместе с тем религиозная тема представлена здесь статьей *М.М.Лоевской* об интерпретации и стереотипах восприятия "Иудина греха" в богословской и беллетристической литературе.

В статье *В.В.Абашева* "Упоительный шаблон" дан анализ стереотипа как "машины творчества" поэтических графоманов. В этом разделе опубликована статья *Л.Г.Кыркуновой* по официально-деловому стилю на материале следственно-судебных документов, "поддержанная" — тематически — **рецензией** *О.В.Протопоповой* на книгу болгарского исследователя Димитрины Лесневской "Търговска кореспонденция на руски и български език. Съпоставителен лингвостилистичен анализ" (София, 2002). Кроме того, здесь же представлена рецензия *С.Л.Мишлановой* на "Стилистический энциклопедический словарь русского языка" под редакцией проф. М.Н.Кожинной (М.: Флинта: Наука, 2003).

Новинкой является краткая дополнительная **библиография** основных работ (преимущественно последних десятилетий) профессоров, чьи статьи опубликованы в данном выпуске сборника.

М.П.Котюрова

INTRODUCTION

The seventh edition of the Collection "Stereotype and Creativity of the Text" starts with the paper by *K.E.Stein*, who has made a complete analysis of the scientific work at the Department of the Russian Language and Stylistics of Perm State University.

The peculiarity of this edition is that the papers included in Section **I** and Section **II** tackle broad issues, which move the readers along the continuum of questions, ranging from general issues of the history of science (*T.V.Vyanitcheva*), through the papers which regard the issues of functional stylistics, including the formation of the concepts **stylistic feature** (the contributors of the edition have correlated this concept with various phenomena, e.g. *A.Stoyanovich* has done it on the basis of various functional styles, *M.A.Vengranovich* — on the basis of folklore), **text quality**, associated both with creation (*L.S.Girenko*) and comprehension of the text (*Ye.V.Levtchenko*), **cognitive evaluation** as a starting point of a new knowledge generation on the basis of the old knowledge (*N.V.Danilevskaya*), "the power of **discourse**" in scientific knowledge (*V.Ye.Tchernyavskaya*), to the papers which contain views on the **cultural perspective** of the interaction of stereotype and creativity in the scientific texts (*M.P.Kotyurova*).

The papers in this edition continue to solve the issues of the presentation of a new knowledge (*N.V.Danilevskaya*, who has made contributions into all the previous editions — in 1998, 1999, 2000, 2002 and 2003), as well as the issues of translation. Prof. *L.M.Alexeeva*, who was also among the contributors of the previous six editions, has selected a new approach to translation, applying the concept **antropology**.

A thorough reader of the Collection will notice several changes in the contents of the present edition: Section **III** contains the papers devoted to the publicist style (*L.P.Douskayeva*, *V.I.Konkova*). Prof. *M.Voitak*, the author of the papers, devoted to the religious texts (consider all her previous papers in the Collection), has regarded peculiarities of every-day style. Nevertheless, the religious theme is presented here in the papers of *M.M.Loyevskaya*, who has regarded various interpretations and stereotypes of a "Judaic sin" in religious and belles-lettres styles.

In this section you will also find the paper of *V.V.Abashev*, devoted to the analysis of a stereotype as a "creative mechanism" of a graphomam. In the contribution on the official and business style *L.G.Kyrkunova* analyses court documents. This theme is correlated with that of the **review** of the book of a Bulgarian scientist Dimitrina Lesnevskaya "Търговска кореспонденция на руски и български език. Съпоставителен лингвостилистичен анализ" (Sofia, 2002) written by *O.V.Protopopova*. This section also contains the review, written by *S.L.Mishlanova*, of the dictionary "Стилистический энциклопедический словарь", edited by Prof. M.N.Kozhina (Moscow, Flinta-nauka, 2003).

A new point of the content of this edition is a list of the main scientific works (within the last decade) of the professors, the contributors of this edition.

M.P.Kotyurova

КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ: ПЕРМСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ

Понимание знания в постиндустриальную эпоху, в связи с влиянием технологических новшеств на жизнь, качественно изменилось. Наиболее радикально по этому поводу высказались еще в конце семидесятых годов представители науковедческого постмодерна. Ж.-Ф.Лиотар в работе "Состояние постмодерна" (1979) предупреждает: "Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования (Bildung) разума и даже самой личности, устаревает и будет выходить из употребления" (Лиотар 1998: 18).

Сегодня знание действительно становится информационным товаром. Его "меркантилизация" будет иметь свои негативные последствия, в том числе и политические, социальные. Информатизация общества может стать "желанным" инструментом контроля и регуляции системы на ходу, вплоть до контроля самого знания, и управляться исключительно принципом перформативности (прагматичности). В таком случае она неизбежно приведет к террору — может использоваться заинтересованными группами, лицами, принимающими решения (там же, с. 159).

Хотя информация "перераспределялась" всегда, сейчас действительно стало легче управлять информационными потоками в силу технических возможностей. Единственное, что дает надежду, это опора на язык: ведь запас знаний, как и знание "языка возможных высказываний", неисчерпаем. И если сами "ставки" в информационной игре будут формироваться через знания, то политика, в которой будут равно уважаться стремление к справедливости и стремление к неизвестному, обретет свои очертания (там же).

© К.Э.Штайн, 2004

То, что научное знание — вид дискурса, сейчас ясно всем. Передовая наука, философия, техника в двадцатом веке имеют дело именно с языком (коммуникационные системы, базы данных и др.). Науковедение и языкознание, в свою очередь, равно занимаются отслеживанием способов означивания получаемой информации, но идут в этом разными путями. Науковедение анализирует и систематизирует общий процесс формирования знания, в том числе основываясь на данных метадескрипций; лингвистика, и в частности стилистика, занимается этим процессом изнутри, опираясь на структурно-системные свойства языка как данность, в которой мы пребываем, в том числе и осуществляя научное творчество.

Сейчас становится понятным, что глобализация в мире приведет знание о возможных высказываниях в разных сферах, в том числе и в науке, к некоторой унификации (формирование бессубъектных баз знаний), но неслучайна современная установка на обратный процесс — антропологическое содержание научной и языковой картин мира, которые дополняются "картиной жизни", объединяющей материальное, духовное и виртуальное.

В рамках современной информационной цивилизации определяется в качестве наиболее значимой информационная картина мира, которая рассматривается как знаково-символическое его представление, которое формируется в процессе создания информационной культуры современного человека. В такой ситуации исследование языка науки выходит на первый план. Неслучайно К.Р.Поппер считал, что язык, формулирование проблем, появление проблемных ситуаций, конкурирующие теории, критика в процессе дискуссии — все это необходимые средства "роста науки".

Самыми важными функциями, или измерениями, человеческого языка (которыми язык животных не обладает) являются, по Попперу, дескриптивная и аргументативная. Эти функции, конечно, развиваются благодаря деятельности человека вообще. Но лишь в границах языка, определенным образом обогащенного, отточенного становится возможным существование критического рассуждения и знания в объективном смысле. Это знание Поппер называет "лингвистическим третьим миром", то есть миром науки, миром объективного знания, который, по его мнению, состоит из предположительных теорий, открытых проблем, проблемных ситуаций и аргументов. Поппер говорит: "Именно это развитие высших функций языка (дескриптивная и аргументативная. — *К.Ш.*) и привело к формированию нашей человеческой природы, нашего

разума, ибо наша способность рассуждать есть не что иное, как способность критического аргументирования. Этот второй пункт свидетельствует о поверхностном характере всех тех теорий человеческого языка, интерес которых фокусируется на функциях выражения и коммуникации" (Поппер 2002: 122).

В связи с особой ситуацией в системе постнеоклассического знания, изменением информационного окружения человека и его информационной культуры предстает рассмотрение научного образа мира, который соприкасается с ненаучными и вненаучными, и запечатлевает в понятийных структурах, иначе говоря в языке науки, знание о мире. Науковеды, философы, лингвисты интенсивно разрабатывают эти проблемы, несмотря на сложную ситуацию в современной российской науке.

В вышедшей в 1998 г. работе "Философия науки: история и методология" А.Л.Никифоров, науковед, с горечью отмечает: "Сейчас в нашей стране период безвременья. Разрушаются общественные связи, разрушается наука. В советский период мы ощущали себя членами единого научного сообщества, независимо от того, кто где жил и работал — в Новосибирске или в Киеве, в Ленинграде или в Минске, в Тарту или в Ростове. Сейчас это общество распалось или близко к распаду. Оснований для надежд что-то не видно, однако я уверен в том, что духовное единство людей, работающих в данной области, рано или поздно восстановится, когда уйдут политические страсти и наладится нормальная экономическая жизнь" (Никифоров 1998: 8).

Если проанализировать научную ситуацию в лингвистике, то, по-видимому, можно наблюдать ту же картину, но все же как нечто нерушимое присутствует знание и мнение некоторых научных сообществ, без которых не решаются дела в гуманитарных отраслях знаний. Есть такие сообщества в Москве, Санкт-Петербурге, но, самое важное, выросли и утвердились научные школы и направления в пространстве всей России. В первую очередь здесь надо назвать ученых Пермской школы функциональной стилистики, лингвистики и стилистики в Саратове. Именно в работах этих школ прослеживается "положительная эвристика": теоретическая нагруженность эмпирических фактов, внимание как к структуре научного знания, так и к его развитию, установка на кардинальные изменения облика гуманитарного, и в частности лингвистического, знания, идеалов и стандартов научной рациональности.

Понять науку в контексте культуры стремились многие ученые XX века. К сожалению, науковедение, философия науки — особенно это касается гуманитарного знания — в нашей стране не получили систематического развития. Особенно обойдены вниманием научные школы, не находящиеся в признанных научных центрах — Москве, Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге). Думается, сейчас самое время пристально взглянуть на достижения тех научных коллективов, которые признаны во всем мире, задают тон другим научным сообществам, но остаются в тени — по причине территориальной периферии, а ведь именно они "на местах" тоже формируют то единое ментальное пространство, в котором осуществляют свою работу вузы, научно-исследовательские учреждения, школы — по их учебникам учатся наши студенты и школьники.

Известно, что на осмысление научного знания в XX веке повлияли многие направления, и в первую очередь логический позитивизм (Б.Рассел, Р.Карнап, Л.Витгенштейн), фальсификационизм (К.Р.Поппер), эпистемологический анархизм (П.Фейерабенд). Представители логического позитивизма стремились построить для эмпирической науки (точного знания) нейтральный язык описания фактических положений дел так, чтобы теоретические положения можно было выводить по самым строгим логическим законам из протокольных предложений опыта, а предсказания теории подтверждать обращением к эксперименту. Понятие абсолютно "чистого" языка наблюдения, выведенное философами, оказалось понятием относительным, и Карл Раймунд Поппер пришел к парадоксальному выводу о принципиальной возможности опровергнуть (фальсифицировать) любое научное утверждение или теорию, поскольку всякое научное знание, согласно Попперу, носит гипотетический характер, подвержено неизбежно ошибкам; оно не может быть полностью подтверждено, поэтому его можно в определенных частях или в целом опровергнуть (фальсифицировать), чтобы избавить от заведомо ложных положений.

Логический позитивизм повлиял у нас на развитие лингвистики (логическая семантика); что же касается систематизации научного гуманитарного знания, то здесь наиболее применимыми оказались понятия научной парадигмы Т.Куна, исследовательских программ И.Лакатоса, научных "тем" Т.Холтона, "эпистемы" М.Фуко.

Поиски объективных критериев в исследовании научного знания привели ученых к тому, что научные теории рассматриваются не изолированно, а с точки зрения "научной непрерывности":

тут и появляется понятие "ряда теорий" (К.Р.Поппер), понятие научной парадигмы (Т.Кун), эпистемы — связанной структуры идей, функционирующей в определенный период времени (М.Фуко), темы — единства общего содержания научных теорий (Т.Холтон). Опираясь на достижения названных направлений, И.Лакатос отмечает: "Характерным признаком утонченного фальсификационизма является то, что он вместо понятия теории вводит в логику открытия в качестве основного понятия *ряд теорий*" (Курсив наш. — К.Ш.). Именно ряд, или последовательность теорий, а не одна изолированная теория оценивается с точки зрения научности или ненаучности. Но элементы этого ряда связаны замечательной непрерывностью, позволяющей назвать этот ряд исследовательской программой. Такая непрерывность — понятие, заставляющее вспомнить "нормальную науку" Т.Куна, — играет жизненно важную роль в истории науки; центральные программы логики открытия могут удовлетворительно обсуждаться в рамках методологии исследовательских программ" (Лакатос 2001: 321).

Именно такая широкая постановка вопроса привела многих ученых и философов науки к понятию "единства знания", то есть к понятию единого пространства науки, взаимодополнительности точного и гуманитарного знания. Говоря о первоочередных задачах науковедения, Т.Кун настаивает не только на системном подходе к знанию, вводя понятия нормальной и революционной парадигм, но и на изучении *научного сообщества* как структурной единицы в организации научной деятельности, причем в сравнении с сообществами в других областях: "Каким образом человек избирает сообщество, каким образом сообщество отбирает человека для участия в совместной работе, будь она научной или какой-то иной? Каков процесс социализации группы и каковы отдельные его стадии? Что считает группа в целом, как коллектив, своими целями? Какие отклонения от этих общих целей будет она считать допустимыми и как она устраняет недопустимые заблуждения? Более полное понимание науки будет зависеть также и от ответов на другие вопросы. Они принадлежат к сфере, в которой требуется большая работа. Научное знание, *подобно языку*, по своей внутренней сути является или общим *свойством группы*, или *ничем вообще*" (Курсив наш. — К.Ш.). Чтобы понять его, мы должны понять специфические особенности групп, которые творят науку и пользуются ее плодами" (Кун 2001: 267). При этом эпистемологический анализ (М.Фуко) "текста" научного сообщества предстает как горизонтальный срез, парадигмальный подход (Т.Кун) вводит в системное изучение развития идей и теорий, тематический анализ (Дж.Холтон) позволяет уточнить место данной школы в системе формирующегося знания. Как видим, опыт, накопленный в науковедении, подтверждает мысль, неоднократно высказываемую Н.Гудменом, Г.Кюнгом, — "у мира множество путей" — постижение явлений возможно не одним, а множеством способов, они не отменяют друг друга, а находятся в дополнительных отношениях.

В этом плане как раз интересен феномен Пермской научной школы функциональной стилистики. Пермская школа стилистики, как принято говорить о ней в научном сообществе, представляет собой вполне сформировавшийся и в то же время развивающийся во времени и пространстве научный текст (в широком, семиотическом смысле). Ключевая фигура в формировании этого текста — доктор филологических наук профессор М.Н.Кожина. Хорошо известны имена многих значимых членов этого уникального сообщества профессоров: М.П.Котюровой и Е.А.Баженовой, а также Л.М.Лапп, Н.В.Данилевской и др. В широком использовании у ученых работы М.Н.Кожиной по стилистике (в том числе монографии, учебники и учебные пособия), в которых заданы основные позиции изучения этой дисциплины, рассмотрено отношение ее к другим областям лингвистического знания, разработаны методология, терминологический аппарат, вырисовывается модель научного развития. Практически ни одно исследование по стилистике, лингвистике текста не обходится без ссылок на работы М.П.Котюровой, А.В.Данилевской, Е.А.Баженовой, В.А.Салимовского и других членов этого плодотворного научного сообщества.

В истории лингвистики, и стилистики в частности, можно выделить теорию, в которой высказывается "безумная" идея (а "безумные" идеи и оказываются, по мысли Н.Бора, чаще всего гениальными) о том, что "...сначала стилистика, потом синтаксис". Эта идея принадлежит К.Фосслеру, который выдвинул задачу лингвистического изучения стилистики, определения взаимоотношения языка писателей и общенародного языка. И если отойти от "логики твердых тел", то, действительно, можно многое уточнить в фактах языка, идя последовательно от речевой деятельности и процессов функционирования языка. Если рассмотреть язык как развитие духа, считает К.Фосслер, то отдельные разделы языкознания следует располагать в обратном порядке: "Вместо того, чтобы от мелких единств подниматься к более крупным, необходимо совершенно

обратным образом, исходя из стилистики, через синтаксис, нисходить к морфологии и фонетике" (Фосслер 1961: 290). Фосслер был уверен, что единственное и истинное истолкование языка может найти в высшей дисциплине — стилистике, а грамматика должна полностью раствориться в эстетическом (в широком смысле) рассмотрении языка.

В России такие взгляды нашли поддержку в исследованиях ОПОЯЗа, Московского формального кружка начала XX века, но, конечно, не было предпринято ни одной последовательной попытки реализовать научную программу Фосслера. Хотя в рамках современной теории речеведения, которая вбирает в себя и функциональную стилистику, подход Пермской школы в отдельных пунктах напоминает "обратный" ход Фосслера, намечаемый им еще в лингвистике начала XX века. Только это уже весьма выверенный на основе последовательного применения общего критерия речевой системности взвешенный подход, уточненный на основе иерархии критериев: экстралингвистических, собственно лингвистических, функционально-стилистических, социо- и психолингвистических. М.Н.Кожина так раскрывает свой замысел в работе "Речеведческий аспект теории языка": "Разрешение ряда спорных сейчас вопросов благополучно, как кажется, разрешается с позиций речеведения. Например, вопрос о текстовых единицах, или единицах речи (поскольку текст — это результат речевой деятельности). Кстати, тут сразу возникает вопрос: где, на уровне каких единиц происходит "перелом" системы языка в речевую сферу? Очевидно, высшим уровнем языка является уровень синтаксических структур (моделей) предложения, именно его структурных схем, а конкретные предложения составляют прерогативу речи (речевой деятельности). Такая точка зрения (принцип воспроизводимости единиц) не нова, она высказывалась еще А.И.Смирницким, хотя и не стала вполне общепринятой. Известно образное выражение Э.Бенвениста: "... с предложением кончается область системы знаков и налицо область языка как средства общения, то есть речи" (Нов. в лингв. 1965: 447). Однако, строго говоря, к системе языка могут быть отнесены, исходя из его общих характеристик (как системы знаков) лишь именно структурные схемы предложений, а не конкретные предложения. Но конкретные предложения — это, собственно, уже не предложения, а высказывания, то есть единицы речевые. Если же к системе языка относить и уровень текста, то, очевидно, терминологически точнее говорить о двух уровнях: уровне структур предложения и уровне высказываний" (Кожина 1998: 7). Таким образом, получается, что речеведение делает установку на многослойность текста, многомерность синтаксических единиц, входящих в него. И это верно, ведь даже радикальные намерения Фосслера уточнялись важными оговорками. "Проложить мост от синтаксиса к стилистике — значит вновь воскресить мертвых. Но, с другой стороны, можно убить и уложить в гроб живых" — предупреждал Фосслер (1961: 293).

Пермская школа стилистики отличается лабильным подходом к рассмотрению проблем речеведения, при этом в центре внимания — текст, а стилистика становится одной из составляющих большой проблематики, связанной с теориями дискурса, речевых жанров, коммуникации. Именно весь этот комплекс теорий способствовал восхождению пермских ученых к исследованиям в области языка науки и научного стиля, которые коррелируют с фундаментальными философскими идеями о науке как одной из высших ценностей современной информационной цивилизации в процессе общего развития культуры.

Пермская школа пришла к научному стилю от языка, основываясь на экстралингвистических факторах, философия — от науки к языку и стилю научного мышления. В каких-то сущностных точках идеи коррелируют, что является дополнительным средством проверки правильности научной теории (с обеих сторон). Сейчас Пермская "стилистика" демонстрирует, по нашему мнению, тот международный уровень развития речеведения, который приходится учитывать западной лингвистике. Пермская школа может быть представлена как многообразие концепций, ядром которых является прочная теоретическая традиция. Эта традиция частично перекрывается общим понятием "российская стилистика", и более конкретным — "научная школа М.Н.Кожиной". Ключевые слова данной школы: "язык", "речь", "стилистика", "стиль", "функциональный стиль", "научный стиль", "речеведение", "речевая системность", "текст", "диалогичность", "гипотетичность", "экстралингвистические факторы", "жанровый стиль", "деятельностная концепция языка" и др.

Ученые этой школы создали особую стилистическую технику анализа научного текста, обеспечивающую логическую стройность рассуждения, установку на междисциплинарные исследования при строгом контроле со стороны лингвистики. Оказывается, что органически сформированная лингвистическая традиция, лишенная выраженной самокритики, отчетливых стремлений синтезировать все значимые в данной области достижения мировой лингвистики, и

есть значимый элемент этой самой культуры. Дело в том, что отсутствие эклектики, так характерной для науки эпохи постмодерна, здесь объясняется тем, что ядро динамического процесса исследований в Перми — оригинальная теория М.Н.Кожиной, которая постоянно развивается в диалоге с теориями учеников и последователей. В качестве научной темы для конкретного исследования функциональных стилей был избран научный стиль, по которому выпущена коллективная монография, обобщающая частные (и общие одновременно) исследования, и ряд монографий, развивающих научную программу Маргариты Кожиной.

Научные интересы представителей Пермской школы сосредоточены на проблемах речеведения, и в частности стилистики, которая, как известно, переживала в 50–60-е годы свое второе рождение, оформляясь в научную дисциплину на новой — функциональной — основе, хотя еще не были достаточно определены ни предмет этой науки, ни основные ее понятия и категории, ни методы. Опираясь на отечественную традицию, в том числе на идеи В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, Л.В.Щербы и других выдающихся ученых, М.Н.Кожина стремилась обосновать функциональные принципы стилистики, дала определения ряда основных ее понятий и категорий. Хорошо известны первые ее работы: "Стилистика и некоторые ее категории" (1961), "О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей" (1962). Далее идет разработка теоретических проблем стилистики, представленных М.Н.Кожиной в ряде монографий: "О специфике научного и художественного стилей в аспекте функциональной стилистики" (1966), "К основаниям функциональной стилистики" (1968), "О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими" (1972), — которые легли в основу докторской диссертации "Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи" (1970) и др. М.Н.Кожина — автор первого в стране учебника для вузов "Стилистика русского языка" (3-е изд. — 1993 г), получившего на ВДНХ бронзовую медаль и переведенного на иностранные языки. В 2002 году в Перми вышла книга "Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории" — избранные труды ученого.

Среди монографий, которые являются наиболее значимыми для понимания научных основ Пермской школы, следует назвать работы М.П.Котуровой "Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста" (Красноярск, 1988), Н.В.Данилевской "Вариативные повторы как средство развертывания научного текста" (Пермь, 1992), Л.М.Лапп "Интерпретация научного текста в аспекте фактора "субъект речи" (Иркутск, 1993), И.С.Бедриной "Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах" (Екатеринбург, 1995), Т.Б.Трошевой "Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII — XX вв." (Пермь, 1999), Е.А.Баженовой "Научный текст в аспекте политекстуальности" (Пермь, 2001), В.А.Салимовского "Жанры речи в функционально-стилистическом освещении" (Пермь, 2002) и др. Ежегодно издаются международные научные сборники "Стереотипность и творчество в тексте", "Филологические заметки" и др.

Это стройное гармоничное здание функциональной стилистики венчается изданием "Стилистического энциклопедического словаря русского языка" (М., 2003), в котором ученые решают вопросы, связанные с метаязыком описания, определением ключевых терминов и понятий, на которых основывается современное речеведение и функциональная стилистика. Ученые часто использовали одну и ту же лингвистическую терминологию, но при этом под одними и теми же терминами подразумевали разные вещи. Невозможность полного перевода одной конкурирующей парадигмы в другую обычно усугубляется тем, что поборники различных парадигм часто привержены различным методологическим стандартам, а также нетождественным познавательным ценностям. Но М.Н.Кожиной удалось преодолеть неизбежные трудности в утверждении своей теории. Источник толерантного характера науки в Перми — ее научная программа, которую она формирует вместе со своими учениками и единомышленниками всю свою жизнь.

1. Научная программа М.Н.Кожиной

Говоря об источнике авторитета в науке, Т.Кун имеет в виду, конечно же, серьезные исследования, монографии, а также, и главным образом, учебники по различным областям знания и популярные философские работы, основывающиеся на них. Цель учебников — в обучении словарю и синтаксису современного научного языка, считает он. Философия же науки анализирует логическую структуру научного знания. "Они (учебники. — *К.Ш.*) описывают достижения прошлых научных революций и раскрывают основу традиции нормальной науки: ... возрастание доверия к учебникам или к тем книгам, которые их заменяют, было постоянным фактором, сопутствующим появлению первой парадигмы в любой сфере науки" (Кун 2001: 180).

Наличие тематической компоненты в общей сфере знания, развивающегося в научном сообществе, закреплённость его в авторитетных изданиях, вписанность в связную структуру идей своего времени и одновременно превышение ее — признаки гармонично и красиво развивающейся научной теории, а эти критерии, как известно, являются важными в оценке качества научного знания. А.Пуанкаре, занимавшийся осмыслением научного знания, не раз останавливался на этой проблеме: "Математики, — отмечал он, — приписывают большое значение изяществу своих методов и результатов, и это не просто дилетантизм. Что, в самом деле, вызывает в нас чувство изящного в каком-нибудь решении или доказательстве? Гармония отдельных частей, их симметрия, их счастливое равновесие, — одним словом, все то, что вносит туда порядок, все то, что сообщает этим частям единство, то, что позволяет нам ясно их различать и понимать целое в одно время с деталями. Но ведь именно эти же свойства сообщают решению большую продуктивность; действительно, чем яснее мы будем видеть этот комплекс в его целом, чем лучше будем уметь обозревать его одним взглядом, тем лучше мы будем различать его аналогии с другими, смежными объектами, тем скорее мы сможем рассчитывать на открытие возможных обобщений" (Пуанкаре 1990: 385). В работах пермских ученых поражает как раз гармоническая уравновешенность теоретических и прикладных аспектов стилистики, взаимодополнительность синхронических и диахронических установок в исследовании, согласованность в исследовании различных аспектов научного стиля, гармоничность в построении элементов текста о научном тексте. Этому способствовала, несомненно, научная программа М.Н.Кожиной, основанная на глубоком тематическом анализе лингвистического знания.

Говоря о тематическом анализе науки, Дж.Холтон показывает, что во многих (возможно, в большинстве) прошлых и настоящих понятиях, методах, утверждениях и гипотезах науки имеются элементы, которые функционируют в качестве тем, ограничивающих или мотивирующих индивидуальные действия, и иногда направляющих (нормализующих) или поляризующих научные сообщества. "Я был удивлен малостью общего числа тем — по крайней мере в физических науках. Подозреваю, что суммарное количество одиночных тем, дублетов и возникающих подчас триплетов не превзойдет сотни. Появление новых тем — событие редкое" (Холтон 1981: 27).

М.Н.Кожина в статье "Пути развития стилистики русского языка во второй половине XX в." (1997), проанализировав предшествующие работы, показала, как последовательно в лингвистической науке развивалась научная тема функциональной стилистики. Но все же наиболее полное представление о ней мы получаем именно в трудах Пермской школы — М.Н.Кожиной, ее учеников и последователей.

Коллеги и ученики, суммируя достижения М.Н.Кожиной, пишут, что в начале 1960-х гг. М.Н.Кожина практически первой в советском языкознании обратилась к разработке проблем функционирования языка, к речеведческой проблематике, формированию нового научного направления — функциональной стилистики. Она определила основные понятия, категории и методы исследования стилистики, специфику и речевую системность функциональных стилей, их экстралингвистические основы на базе комплексного междисциплинарного подхода. Сейчас М.Н.Кожина — автор около 170 научных трудов, в том числе 8 монографий и учебника по стилистике, выдержавшего 3 издания. Под ее редакцией вышло более 20 межвузовских сборников и ряд монографий (в том числе учебников). Она член редколлегии международных журналов "Stylistyka" и "Стил", один из руководителей международной программы "Синтез славянской стилистики". Ученый занимается проблемами соотношения стилистики и смежных дисциплин: речеведения, культуры речи, риторики, жанроведения, социолингвистики, прагматики, когнитивной лингвистики, под ее руководством подготовлен и издан "Стилистический энциклопедический словарь русского языка" (М., 2003).

В статье, посвященной 60-летию со дня рождения М.Н.Кожиной, определяются основные результаты ее исследований, которые имеют программный характер для пермской школы стилистики:

- определение экстралингвистической основы функциональных стилей, в которой базовыми называются форма общественного сознания (поскольку язык — действительное сознание, действительность мысли) и соответствующий ей вид деятельности, тип (и форма) мышления, цели и задачи общения в этой сфере;
- выявление важнейших специфических черт изучаемых функциональных разновидностей речи;
- определение основных закономерностей функционирования языковых средств (особенно грамматических), в том числе стилостатистических, полученных в результате анализа обширного материала реальной языковой действительности;
- выдвижение и обоснование понятия "речевой системности" стиля как системы функциональной, отнюдь не являющейся (и не ограничивающейся) "исполнением", реализацией строя языка (системы языка, толкуемой в аспекте структурального языкознания), принципом организации которой оказываются коммуникативные задачи общения, конкретные для каждой сферы;
- разработка методики применения статистики для изучения воздействия на характер речи того или иного конкретного из ряда действующих экстралингвистических факторов — так называемый метод срезов, на основе использования которого можно решать вопросы стилиевой дифференциации речи на уровне более частных факторов и различные задачи социальной и коммуникативной лингвистики" (Филологические науки 1985: 95).

Выявленные М.Н.Кожиной закономерности функционирования языковых единиц и специфические черты стилей были проверены и подтверждены многими учеными на новом материале в процессе рассмотрения функционирования различных языковых средств.

Обратим внимание на название некоторых статей М.Н.Кожиной, имеющих явно теоретический, установочный, прогностический характер: "Изучение научного функционального стиля во второй половине XX века", "Стилистика и риторика в их взаимоотношении", "Стиль и жанр: их вариативная, историческая изменчивость и соотношение", "Сопоставительная стилистика: современное состояние и аспекты изучения функциональных стилей" (см.: "Избранные труды М.Н.Кожиной..."). И одна из последних статей, опубликованная в сборнике "Проблемы речевой коммуникации" в Саратове в 2003 г. "Истоки и перспективы речеведения", где дается понятие речеведения, от которого можно свободно отталкиваться в процессе новых исследований: "Речеведение — это основанный на теоретических установках лингвистики речи как одного из двух основных отделов теории языкознания междисциплинарный комплекс лингвистических дисциплин, изучающих разные аспекты речи как речевой деятельности, объединенных по "зонтиковому" принципу на основе единства фундаментальных специфических параметров именно речи: диалогичности как проявления социальности в процессах речевого общения, особой стилистико-речевой системности, обусловленной экстралингвистически" (Кожина 2003: 46).

Стиль научного мышления М.Н.Кожиной можно отнести к синтетическому, поведенческий стиль — сильного лидера. Ей свойственны интегративный подход к явлениям языка, смелые предположения, четкие дефиниции, поиски оптимальных решений в противоречивых ситуациях. Под стать ей ее ученики и единомышленники, каждый из которых — значимая личность в современной лингвистике. Главное, что М.Н.Кожина умеет объединять людей в научный коллектив, ее действия характеризуются способностью вызывать согласие, наилучшим образом разрешать противоречивые ситуации. По сути дела небольшой (и преимущественно женский!) коллектив оказался способным (при полифонии мнений) объединиться для решения трудных задач современной лингвистики. Единство действий этой согласованной команды проявляется, в первую очередь, в том, что она многопланово, многосторонне объединенными усилиями изучает единую сложнейшую проблему — исследует язык науки, по характеру, манерам, стилю работы приближаясь к лучшим лингвистическим объединениям, в разное время функционировавшим у нас и за рубежом. М.Н.Кожина вместе с учениками развивает и такие направления исследований, как историческая стилистика (в особенности — развитие научного стиля речи), сопоставительная стилистика (Филологические науки 1985: 95).

А всему начало дали 60-е годы XX века. "Незабвенные шестидесятые! — пишет историк и философ науки В.Ю.Кузнецов. — Полет Гагарина и возведение Берлинской стены, разоблачение культа личности и первая конференция неприсоединившихся стран, новая волна в фантастике и

хрущевская оттепель, убийство Кеннеди и вьетнамская война, Битлз и китайская "культурная революция", студенческие волнения во Франции и конец "пражской весны", Вудсток и первые люди на Луне... "Андрей Рублев" Тарковского и "Космическая одиссея" Кубрика, "Теорема" Пазолини... Постструктурализм и психоделические эксперименты, теология мертвого бога и системный подход, битники и контркультура, Кастанеда и теорема Белла о нелокальности..." (Кузнецов 2001: 4). Мы выходили из института с "Идеями и методами структурной лингвистики" Ю.Д.Апресяна, зачитывались американскими структуралистами. Но функциональный подход, речевая проблематика — все это только вырисовывалось...

Говоря об эпистеме второй половины XX века, М.Фуко отмечает, что следует различать два типа моделей, используемых гуманитарными науками: это перенесение моделей из других областей знания и основополагающие модели, которые позволяют образовать ансамбли явлений и объектов возможного познания. Они были заимствованы как раз из трех областей — биологии, экономики, анализа языка: "... в языковой проекции человеческое поведение проявляется в своей нацеленности на высказывание чего-то, и все даже незначительные жесты, вплоть до неосознанных механизмов и ошибок, получают смысл; все то, что окружает человека — объекты, ритуалы, привычки, речь, — вся эта сетка следов, которую они оставляют за собою, складывается в связный ансамбль, в систему знаков. Таким образом, эти три пары — функция и норма, конфликт и правило, значение и система — целиком и полностью покрывают всю область познания человека" (Фуко 1994: 376). В "Археологии знания" Фуко переходит уже непосредственно к исследованию "авторской функции" в произведениях различного рода и разных исторических эпох; анализируются разноуровневые дискурсивные практики, выявляются их взаимоотношения, изучаются преобразования, происходящие в структуре дискурсивных ансамблей (Автономова 1994: 26).

Работы М.Н.Кожиной органично вписываются в эпистему второй половины XX века: изучение языка не только в его имманентных качествах, но и в соотношении с аспектами его функционирования выходят на первый план — и это именно основополагающие модели, которые лежат в основе современного речеведения. Тем более это интересно, если учесть тот взгляд, по которому изучение дискурсивных практик на Западе и функциональных стилей составляют явную корреляцию. Об этом писал Ю.С.Степанов в статье "Изменчивый "образ языка" в науке XX века": "Термин дискурс ... начал широко употребляться в начале 1970-х гг. первоначально в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин "функциональный стиль" (речи или языка). Причина того, что при живом термине "функциональный стиль" потребовался другой — "дискурс", заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в русской традиции (особенно укрепившейся в этом отношении с трудами акад. В.В.Виноградова и Г.О.Винокура) "функциональный стиль" означал прежде всего особый тип текстов — разговорных, бюрократических, газетных и т.д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англо-саксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания" (Степанов 1995: 361).

В обобщающей статье "Пути развития стилистики русского языка во второй половине XX в.", опубликованной в 1997 году в Польше, М.Н.Кожина подробно рассматривает все этапы формирования функциональной стилистики, начиная с 40–50-х годов, выделяя ее в качестве приоритетной в формировании новой научной парадигмы: "...то, что намечалось и начало осуществляться классиками русской филологической мысли XX в. — В.В.Виноградовым, Л.В.Щербой, Г.О.Винокуром, М.М.Бахтиным, Ю.М.Лотманом и др., — пишет М.Н.Кожина, — получает в наше время широкие возможности всесторонней реализации. Кстати, как видим, во второй половине века реализуются и многие идеи авторов научной дискуссии по стилистике. Одни из них прошли проверку временем, другие получили корректировку либо отсеялись, сыграв, однако, свою роль в коллективном поиске истины. Итак, смена парадигмы науки, связанная с преобразованием стиля мышления (коллективного и индивидуальных) — изменением точки зрения на объект познания: видение языка с позиций не только системы (строения), но и закономерностей его функционирования — приводит к неизбежному изучению пограничных проблем, к междисциплинарным исследованиям в области лингвистики (и стилистики). Причем в связи с изменением научной парадигмы на смену жестким и однозначным представлениям приходит "нескованность строгим понятийным аппаратом", "догматической приверженностью одному методу", что "является знаком современного мышления". <...> Все это, кстати, надо учитывать при определении предмета исследования стилистики и ее места среди смежных

дисциплин. Как все отрасли речеведческого плана, стилистика является синтетической наукой", — пишет Кожина (1997: 41). Эти слова относятся к тому времени формирования функциональной стилистики, когда мягкий, лабильный подход к изучению языка еще не пришел на смену жесткому моделированию. Но в Перми работали именно в речеведческом русле.

Уже в первом издании учебника по стилистике (1977) М.Н.Кожина четко определяет понятие функционального стиля — "...в результате проявления в той или иной сфере сложившихся общих принципов отбора и сочетания языковых единиц, обусловленных целевым заданием и условиями общения, создается своеобразная организация языковых средств, способная создавать и выражать функциональный стиль. Последний ощущается в микро- и макроконтексте" (1977: 34). Далее идет другое важное теоретическое положение: "Не следует отождествлять речевой функциональный стиль с понятием текста, ибо текст — это само речевое произведение, обычно написанное или произнесенное; это структурное единство содержания, формы и средств выражения в его целостности. Функциональный же стиль — это одно из свойств языковой ткани текста, обусловленное общей спецификой экстралингвистической основы текста (или совокупности текстов) и выражающееся во взаимосвязи языковых единиц текста общего функционального значения. Последнее и придает высказыванию в целом определенную стилистическую окраску" (там же, с. 35).

Этот вывод основан на строгих экстралингвистических и лингвистических критериях, но в тексте есть словосочетание "языковая ткань", а функциональный стиль обусловлен ее свойствами. Использование таких научных метафор давало воздух дискурсивному мышлению, позволяло руководствоваться как рациональными, так и интуитивными посылками, так как стиль — это не только совокупность речевых средств, но и особые свойства переплетения общей ткани текста. Такое (во многом интуитивное) ощущение стиля, в частности научного, находим у П.Флоренского: "Точность описания, широта его, проникновенность и связность — в таких признаках мы видим объясняющую деятельность Науки. Объяснительность — лишь свойство описания; объяснение — не иное что, как описание же, но особое, особой уплотненности, особой проникновенной сосредоточенности, — описание любовно вдумчивое. Наука — язык; объяснительное же в Науке — особый чекан языка, особое его строение, степень его плотности" (Флоренский 1990: 123). "Чекан языка" — вот образное определение функционального стиля, вмещающее элементы значения: "специальная отделка" "обработка" "рельефное изображение" "четкость" "уплотнение" "сжатие" "выразительность" "тщательно отделанный" "особый инструмент" (инструментарий) "знак достоинства". Эти семы содержит лексема "чекан" в употреблении ее П.Флоренским. Наверное, это и есть "прибавочный элемент" к жестким научным посылкам.

Во главу угла исследований М.Н.Кожина поставила изучение не отдельных единиц, присущих тому или иному функциональному стилю, а изучение текста. М.П.Котюрова отмечает: "Обобщая имеющиеся исследования, в которых был представлен анализ функционирования языка, М.Н.Кожина в ряде работ подчеркивает, что аспект функционирования языка в целом и функционирования его единиц и категорий в широком контексте, то есть собственно в речи, по существу остается неизученным, поскольку даже функциональная грамматика почти не выходит на уровень анализа целого текста" (Котюрова 1988: 5).

Подчеркнутое внимание уделяется экстралингвистическим факторам в исследовании функциональных стилей: "Методологически точный ориентир на поиски экстралингвистических оснований стилистики в дальнейшем вывел исследователей на путь выявления специфики функциональных стилей, а также конструктивных принципов их внутренней организации, — подчеркивает М.П.Котюрова. — Причины неудач этих поисков и стилистических классификаций, по мнению М.Н.Кожиной, кроются не столько в том, что в них не учитывается внелингвистическая действительность, сколько в том, что эта действительность "берется" не дифференцированно, без учета связи экстралингвистических факторов с сущностными свойствами языка, в то время как "они (эти факторы. — М.К.) имеют... далеко не одинаковое стилеобразующее значение". Кроме того, не всегда учитываются объективные стилеобразующие факторы, которые, по мнению автора, представляют "основной интерес для лингвиста". Обращаясь к специальному исследованию экстралингвистических стилеобразующих факторов, М.Н.Кожина ставит проблему их иерархии, поскольку "не всякое экстралингвистическое явление и не все внелингвистические факторы становятся стилеобразующими", во всяком случае оказываются неодинаковыми по "силе", по стилеобразующей значимости" (там же, с. 10).

Особенностью подхода к рассмотрению функциональной стилистики является системное мышление, приводящее к наименьшему числу предпосылок, и установка на динамику языковых средств на синхронном срезе языка — деятельностный подход к изучению функциональных стилей. Это и дало возможность говорить о "речевой системности" как особом, широком, многоплановом явлении, не являющимся "исполнением", реализацией строя языка. Говоря о речевой системности функционального стиля, Кожина и ее коллеги имеют в виду деятельностное взаимодействие языка и речи, приводящее не к сумме новых свойств, а к их умножению, так как оно раскрывается во взаимосвязи "разноуровневых языковых и текстовых единиц в конкретной речевой разновидности, основанной на выполнении единой коммуникативной цели и общей функции, обусловленной экстралингвистической базой этой разновидности, прежде всего назначением в обществе соответствующей формы общественного сознания (науки, искусства, права и т.д.)" (Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 347).

Как определить ценность той или иной научной теории, не прибегая к жестким, хотя и позитивным, критериям и в то же время не стараясь их фальсифицировать? Продуктивность научной теории можно определить с помощью "фундаментальной единицы оценки" — не изолированной теории, или совокупности теорий, а с помощью именно "исследовательской программы". Именно этот критерий выдвигает Имре Лакатос. Исследовательская программа "включает в себя конвенционально принятое (и поэтому "неопровержимое", согласно заранее избранному решению) "жесткое ядро" и "позитивную эвристику", которая определяет проблемы для исследования, выделяет защитный пояс вспомогательных гипотез, предвидит аномалии и победоносно превращает их в подтверждающие примеры — все это в соответствии с заранее разработанным планом. Ученый видит аномалии, но, поскольку его исследовательская программа выдерживает их натиск, он может свободно игнорировать их. Не аномалии, а позитивная эвристика его программы — вот что в первую очередь диктует ему выбор проблем" (Лакатос 2001: 471).

Что же делает исследовательскую программу М.Н.Кожина такой продуктивной и почему школа развивается именно по направлениям, определенным этой программой? Думается, прежде всего деятельностная концепция языка, которая позволила школе стилистики основаться на больших достижениях языкознания (и прежде всего фундаменте, заложенном трудами В. фон Гумбольдта и А.А.Потебни). Деятельностный подход к языку лежит в основе всех работ, относящихся к Пермской школе: так, этому вопросу М.П.Котюрова посвящает отдельный раздел своей монографии, считая исходной методологической посылкой изучения научного текста единственно верную в свете современных исследований концепцию деятельностной природы науки, научного познания и творчества, научного текста. "Понятие деятельности, — считает она, — позволило объединить экстралингвистическую основу формирования научного текста посредством модели познавательно-коммуникативного поля. Эта модель соотносится со смысловой структурой текста. Познавательно-коммуникативное поле в статике поддается расчленению на смысловые компоненты, обусловленные субъектом-автором (в единстве социального и индивидуального), объектом (в единстве онтологического, аксиологического и методологического аспектов знания) и субъектом-адресатом и эксплицированные в тексте. Названные компоненты проявляются в тексте не изолированно — они взаимодействуют друг с другом в общей системе каждого текста. Их раздельное рассмотрение является лишь исследовательским приемом. Познавательно-коммуникативное поле в динамике включает конструирование нового знания посредством взаимодействия субъекта и объекта — от незнания к знанию через концентрацию и формулировку проблемы, выдвижение гипотезы, ее интерпретацию и доказательство (хотя бы и неполное, частичное), а также выражение установки автора на успешную коммуникацию с читателем (субъект-субъектных отношений) в сфере научной деятельности, исходя из расчета обеспечить правильное восприятие адресатом излагаемого знания" (Котюрова 1988: 146).

Важно еще и то, что М.Н.Кожина удалось привести к общему знаменателю аспекты функциональной стилистики, речеведения и антропоцентрический подход: показать взаимодействие теории речевых жанров (РЖ), речевых актов, социокультурных исследований и речевого поведения. "Много еще неисследованного и в указанной области теории и практики речевых жанров (выяснение наиболее полного списка РЖ, типология последних, определение специфики первичных и вторичных РЖ, своеобразие их функционирования в разных сферах, особенности их структуры, степень и характер их стереотипности). М.Бахтин подчеркивал также необходимость разработки истории РЖ — первичных и вторичных, "которые отражают изменения

общественной жизни" ("в каждую эпоху задают тон определенные жанры"). Можно назвать и особенно актуальный в наше время вопрос о диалогизации монологических жанров; о различиях экспрессивности языка и речи", — пишет М.Н.Кожина (1997: 28-29). Изучение проблем диалогичности письменной речи как проявления социальной сущности языка, вопросов выражения в научной речи типов мышления и структуры познающего субъекта, проблем интерпретации текста, функциональных семантико-стилистических категорий — комплекса аспектов коммуникативной лингвистики, в которую входит функциональная стилистика, — это далеко не полный перечень вопросов и проблем, которыми занимается М.Н.Кожина и ее коллектив.

Одним из критериев успешности научного знания является, по К.Р.Попперу, его рост. Центральной проблемой теории познания всегда была и остается проблема роста знания, то есть непрерывного роста и развития. Перед учеными стоит проблема — создать теорию, способную объяснить и прежние факты и новые, а также факты, с помощью которых прежние теории были фальсифицированы, и т.д. Для того чтобы такую теорию можно было проверить новым приближением к истине, она должна исходить из простой плодотворной идеальной идеи относительно некоторых связей или отношений между до сих пор не связанными вещами, фактами или новыми "теоретическими" сущностями. Это требование простоты. Новая теория должна быть независимо проверяема, она должна отбрасывать тривиальные решения и предсказывать новые. И, наконец, она постоянно должна выдерживать строгие проверки.

Магистральный поворот был предпринят: ученые Пермской школы от общих положений перешли к фактам, занявшись изучением конкретных функциональных стилей. В качестве основного объекта исследования был, как уже говорилось, избран научный стиль. "Стиль определяют как общественно осознанную, исторически сложившуюся, объединенную определенным функциональным назначением и закрепленную традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни систему языковых единиц всех уровней и способов их отбора, сочетания и употребления. Это функциональная разновидность, или вариант, русского литературного языка, определяющий его использование в разных сферах общения и создающий разные речевые стили как композиционно-текстовые структуры", — говорится в "Стилистическом словаре русского языка" (с. 508). Далее М.Н.Кожина определяет научный стиль как "научную сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания"; "научный стиль отражает теоретическое мышление, выступающее в понятийно-логической форме, для которой характерны объективность и отвлечение от конкретного и случайного (поскольку назначение науки — выражать закономерности), логическая доказательность и последовательность изложения (как воплощение динамики мышления в суждениях и умозаключениях). Общая цель научной речи — сообщение нового знания о действительности и доказательство ее истинности" (там же, с. 242). Как видим, понятие научного стиля опирается на понятие стиля научного мышления как языковой парадигмы мышления, отражающей стиль мышления определенного времени.

М.Н.Кожиной и М.П.Котюровой была выдвинута идея о целесообразности выделения особых функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК), описанных применительно к научной речи (Кожина, Котюрова 1997: 157). Одну из особенностей стилистики Пермской школы определили М.Н.Кожина и М.П.Котюрова: "Характерной чертой Пермской школы при изучении стилистики научной речи (особенно в последние годы) является междисциплинарный подход, основанный на применении *комплексных методов* (Курсив наш. — К.Ш.). <...> Следует отметить, что эта проблема, во-первых, особенно актуальна для изучения прежде всего научной речи; во-вторых, именно последняя сфера представляет собою богатый материал для реализации комплексного подхода. Пожалуй, как никакая другая сфера общения, научная речь не может быть изучена вне экстралингвистической проблематики и комплексного междисциплинарного исследования. К тому же здесь теперь имеется и основательная база в виде смежных дисциплин — психологии познания и творчества, науковедения, психологии общения, лингвосоциопсихологии и др. Вероятно, именно поэтому в современной функциональной лингвистике (в стилистике научной речи) актуализируется проблема экстралингвистических факторов и исследований на междисциплинарной основе, хотя проблема определения истинной специфики функционального стиля (то есть на объективных научных основаниях) является значимой и для всех функциональных стилей" (там же, с. 157).

В качестве базовой экстралингвистической основы для научного стиля речи был определен вид научной деятельности, наука как форма общественного сознания. Это определяет стилевую специфику речи в научной сфере общения. Данные факторы связаны с целями общения в соответствующей указанной сфере и актуализирующимся типом мышления, считают ученые. Первичные факторы определяют содержание и характер речи и другие — вторичные факторы, обуславливают внутреннюю дифференциацию научной речи на подстили, систему жанров, вплоть до индивидуальных особенностей речи (там же, с. 159).

Итогом многолетней деятельности коллектива пермских ученых явилось двухтомное издание "Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв." (1994-1998) с двумя полутомами, посвященное истории и теории научного стиля русского языка XVIII-XX вв., в первом томе которого (1994) представлено развитие научного стиля в указанный период в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней (лексических, морфологических, синтаксических). Вторым том (1996-1998) посвящен общетеоретическим вопросам стилистики научного текста и характеристике параметральных признаков последнего: рассматривается соотношение стилистики текста со смежными дисциплинами; сделана попытка определения специфики смысловой структуры применительно к научному тексту; представлена конкретная реализация воздействия на текст глубинных экстралингвистических факторов (преемственности знания, фаз познания, формирования знания, обоснования нового знания в эпистемическом контексте); затронуты вопросы композиции научного текста, некоторых принципов его развертывания, текстовых единиц, а также различных текстовых категорий и др.

Этот уникальный труд стал подлинным свидетельством роста научного знания Пермской школы, в основе которого лежала научная программа М.Н.Кожиной, так как именно ее "программа" была той в предсказании значимости функциональной стилистики, которая породила обширный научный "текст", связанный с изучением функциональных стилей современного русского языка, и в частности научного стиля. Особенностью подхода стал здесь подход исторический, но функциональный подход использовался неизменно. Историческая (диахроническая) стилистика, будучи одним из направлений функциональной стилистики, изучает историю возникновения и развития закономерностей функционирования языка в различных сферах и ситуациях общения в функциональных стилях и других речевых разновидностях (типах текста) как стилистико-системных образованиях, процессы их формирования и развития на разных этапах истории языка. Она сосредоточивает внимание на стилистико-системных свойствах целых текстов (как представителей типологии текстов, прежде всего функциональных стилей), на процессах образования и развития лингвистической организации, смысловой структуры, композиции, механизмах развертывания текстов. Языковые единицы и категории различных уровней рассматриваются при этом как компоненты общих систем, создающих и реализующих стилевую специфику и стилевые черты функциональных стилей.

Как уже говорилось, одно из наиболее ярких достижений Пермской школы — характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте применительно к научной сфере общения. Впервые была многосторонне описана семантико-стилистическая категория гипотетичности в русских научных текстах. Являясь текстообразующей именно в научной сфере общения, она эксплицитно проявляет себя в различных отраслях знания и жанрах научной литературы. Это обусловлено значимостью гипотезы на разных этапах научно-познавательной и текстовой деятельности, своеобразием выдвигаемой гипотезы в разных областях науки, задачами коммуникации в произведениях различных жанров (Очерки 1998: 187). Сущность этой категории рассматривается учеными в связи с природой познавательного процесса в сфере науки, с методами и формами научного познания.

2. Единство знания: В пространстве "третьего мира"

Двадцатый век прошел во взаимодействии гуманитарного и точного знания, и оно осуществилось под знаком языка. Языкознание, в свою очередь, впитало точные методы естественнонаучного подхода к осмыслению действительности, в его категориальную сетку вошел новый образ объекта исследования языка, который предстал как сложная система систем с общей взаимообусловленностью элементов. Структурализм, с его моделированием языка, строгим конструированием элементов системы, стал образцом для исследования других областей знания — философии, психологии, культурологии, истории. Семиотика, наука о знаковых системах, возникшая в результате применения многих лингвистических методов в исследовании названных дисциплин, объединила их, показала новые возможности междисциплинарных исследований.

Язык как наиболее объективный показатель бытия и сознания человека, стал активным объектом рефлексии в психологии, философии (и в первую очередь — феноменологии, аналитической философии), социологии, истории. А теперь уже лингвистика "добирает" многие из оставшихся за пределами ее описания аспекты исследования языка. Мы уже обращали внимание на то, что вторая половина XX века явилась переломной в развитии языкознания — в центре его человек со всеми особенностями его речевых действий и поступков. В этом процессе постепенно стираются жесткие разграничительные линии между картинами реальности, определяющими видение предмета в той или иной науке. Они становятся во многом взаимозависимыми и предстают в качестве фрагментов целостной общенаучной картины мира.

Современная наука на переднем крае своего поиска поставила в центр исследования уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые включен сам человек. Требование экспликации ценностей не только не противоречит традиционной установке на получение объективно носимых знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки. Техногенная цивилизация вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегии научного поиска. Следует особо отметить, что текст лежит во главе современных гуманитарных исследований, и именно как текст исследуется история и культура, и текст — это еще один посредник для возникновения междисциплинарных исследований в области филологии. Это уникальная по сложности система, позволяющая реализовать комплексные программы, порождает ситуацию единства теоретических и прикладных исследований.

Текст — это истинно "человекоразмерный" объект, непосредственно реализующий гуманистические ценности и ставящий человека в центр "наук о духе". При этом важно отметить роль общенаучных идей. Синтез знаний о человеке, получаемый в различных науках, является весьма сложной процедурой, предполагает установление связей между науками. Например, принцип изоморфизма, то есть принцип, утверждающий тождество закономерностей в разных науках (например, психологические закономерности тождественны физиологическим). Следуя именно этому принципу, к примеру, Курт Левин в психологии использовал систему описания явлений, принятую в физике, химии, математике. Такого рода закономерности наблюдаются и в языкознании. Но при этом в процессе изучения языка "на краях" в системе междисциплинарных исследований не следует забывать о предмете наук, представленных в его главных системно-структурных характеристиках.

Соотношение разнообразных методов науки в системе гуманитарного знания, их эпистемологически ценностная ориентация в дисциплинарных и междисциплинарных исследованиях, проблемная ориентация в различных формах исследовательской деятельности — вот особенность комплексных исследований научного стиля Пермской школы.

В этой интердисциплинарности есть особый ценностный момент — возможность многократных проверок выдвигаемых предположений, рассмотрение их в процессе функционирования в едином пространстве — пространстве сущностных объективных идей — в пространстве гипотетически существующего "третьего мира". Анализ некоторых значимых концептуальных понятий Пермской школы привел нас к выводу о том, что они по существу коррелируют со столь же значимыми идеями ученых и философов науки: это идеи мира объективного содержания научных идей и их гипотетичности, идеи гармонизации и концептуального структурирования научного текста посредством повторов, его диалогичности и др. Здесь мы остановимся только на некоторых корреляциях, связанных с идеями гипотетичности, повторяемости, диалогичности.

"Если использовать слово "мир" или "универсум" не в строгом смысле, — пишет К.Р.Поппер, — то мы можем различить следующие три мира, или универсума: во-первых, мир физических

объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний, и, возможно, предрасположений, диспозиций (dispositions) к действию; в-третьих, мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства" (Поппер 2002: 108). "Обитателями" третьего мира, по Попперу, являются прежде всего теоретические системы; не менее важными его "жителями" являются проблемы и проблемные ситуации. Однако его наиболее важными "обитателями" являются критические рассуждения и то, что — по аналогии с физическим состоянием или состоянием сознания — можно назвать состоянием дискуссий или состоянием критических споров.

Исследования Пермской школы, в которых гипотетичность — центральная категория, присущая научному тексту, именно в нем (научном тексте) также увидели репрезентацию сущностных научных идей. Этому способствует установка на междисциплинарный подход и особый уровень абстрагирования: "Можно сказать, что стилистика, точнее функциональная стилистика, получила именно сейчас возможность осуществить свою "заветную цель", когда анализ перешел на другой уровень абстракции. В кругу иных речеведческих дисциплин и, взаимодействуя с ними, функциональная стилистика все полнее и всестороннее может учитывать и использовать самый широкий экстралингвистический контекст (данные когнитивной психологии, социологии, психолингвистики, науковедения, культурологии и др.) и с помощью комплексных методов не только описывать, но и объяснять природу смысловой структуры текста, ее своеобразие в разных типах текста и закономерности использования языковых единиц (включая собственно текстовые) в реальности коммуникативно-познавательной деятельности. Здесь неопределимую роль играют работы Н.И.Жинкина, Г.В.Колшанского, Ю.Н.Караулова, Ю.С.Степанова,

А.А.Леонтьева, А.И.Новикова, Т.М.Дридзе, А.Г.Баранова и др. Учет междисциплинарных связей совершенно необходим именно функциональной стилистике, которая вместе с другими смежными науками познает одну из сторон "человеческого фактора" в языке", — пишут М.Н.Кожина и М.П.Котюрова (1997: 156).

Важен именно текстовый подход, когда система научных текстов лежит в основе изучения научного функционального стиля. Стратегия построения научного текста, его композиция во многом оказываются репрезентантами соотношения "старого" и "нового" знания. "Итак, новая информация приобретает статус научного знания только в том случае, если она "вписывается" в общий фон знания, определенным образом соотносится со старым, известным, полученным предшественниками (даже если это совершенно новая, "фантастическая" гипотеза). Преемственность знания обуславливает особые приемы изложения в научном тексте, в известном смысле, его особую архитектуру", — отмечается в коллективной монографии "Стилистика научного текста" (Очерки 1996: 157).

Не такого ли рода пространство (пространство сущностных идей "третьего мира") зафиксировала М.П.Котюрова, которая говорит о возможностях моделирования познавательно-коммуникативного поля в тексте? Система этих полей, по-видимому, и образует автономный третий мир — лингвистический мир науки. В своей монографии "Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста" (1988) М.П.Котюрова размышляет фактически о форме существования этого мира: "Следовательно, в соответствии с деятельностным принципом модели познавательно-коммуникативного поля в тексте получает выражение знание как продукт познавательной деятельности, который можно рассматривать как в статике, так и в динамике. Структура знания как динамического поля — наличие ядра и периферии — соотносится с процессом конкретной познавательной деятельности: в результате взаимодействия онтологического, аксиологического и методологического аспектов знания формируется предмет исследования, устанавливается уровень его познания, ставится цель исследования, определяется путь ее достижения. Самую суть ядра динамического поля знания образует проблема (а также задача или вопрос). Динамика знания определяется процессуальностью самой проблемы, "текучестью", тем, что она, рождаясь в результате столкновения функционирующих полей знания, постоянно пребывает в движении: решаются одни частные, периферийные задачи и вопросы, остаются нерешенными другие, возникают третьи и т.д. Динамическое состояние проблемы определяет динамику всего поля (взаимодействие ядра и периферии)" (1988: 142).

Согласно Попперу, эмпирический и теоретический уровни знания органически связаны между собой; любое научное знание носит лишь гипотетический характер, подвержен ошибкам (принцип

фаллибилизма). Рост научного знания состоит в выдвижении смелых гипотез и осуществлении их решительных опровержений, в результате чего решаются все более глубокие научные проблемы. "Третий мир", по-видимому, — арена встречи больших идей, имеющих применимость в разных сферах познания. Он-то и обнаруживает "единство знания", о котором любил говорить Н.Бор.

В понимании ученых Пермской школы стилистики, научный стиль наиболее последовательно обнаруживается именно через функциональную семантико-стилистическую категорию гипотетичности, насквозь пронизывающую научный текст, способствующую развитию проблем в рамках, тем не менее, некоторых стандартов рациональной критики.

Категория гипотетичности выступает здесь как метакатегория, характеризующая научное знание в целом и дающая принципы разграничения его от ненаучного знания. Ч.Пирс, например, утверждал, что математическая наука вовлечена в рассмотрение только чисто гипотетических проблем (2001: 69).

Виктор Гюго, говоря, что "Искусство — это я, наука — это мы", показывает невозможность замкнутости науки на субъекте, хотя он и берется во внимание в процессе анализа научного стиля и научного знания. В коллективном исследовании Пермской школы утверждается: "ФССК гипотетичности — это система разноуровневых языковых средств, включая собственно текстовые, объединенных единой семантико-коммуникативной функцией и предназначенных для выражения гипотетичности в научной сфере общения (научных текстах); это система средств, имеющая полевою структурированность (то есть содержащая центр и периферию, распадающаяся на микрополя), с помощью которых сигнализируется как о выдвижении первоначального авторского научного предположения, так и о выражении всех других случаев предположительности в ходе разработки, доказательства гипотезы, превращения ее в достоверное знание: то есть это система средств, с помощью которых в научном тексте подается и развивается новое знание (от меньшей до большей степени его достоверности). В силу текстообразующей значимости эта категория квалифицируется как текстовая. В отличие от ФСК, объединяющих языковые средства на основе выражения у них общего грамматического значения, ФССК гипотетичности представляет собой систему языковых средств, объединенных семантически и функционально-стилистически (на основе выполнения общей цели коммуникации в данной сфере общения, что способствует созданию стилевой специфики соответствующего типа текстов)" (Очерки 1998: 230).

Гипотетичность как раз и связана с критическим аргументированием знания субъектами, так как она является одной из форм знания (наряду с теорией, аксиомой и др.). Авторы монографии считают, что это одна из центральных категорий в науке, так как ей свойственна функция не только первоначального толчка к динамике научного исследования, но и "развитие знания от недостаточно достоверного к доказанному в виде вывода, закона. Гипотеза выступает как метод познания в науке. Она представляет собой именно научное знание, отличающееся от обыденного и субъективного предположения, считают ученые Пермской школы. "Гипотеза, будучи сложным явлением, изучаемым разными науками с различных сторон, может быть представлена разновидностями, систематизированными на разных основаниях. С учетом предварительного анализа научных текстов, для нас важны те разновидности гипотез, которые имеют наибольшую текстообразующую значимость. В этом плане актуальны: основная авторская концептуальная гипотеза (сквозная для целого текста — произведения, либо ее больших разделов), частная (единичная) гипотеза, высказываемая по ходу доказательства (рассуждения); *конкурирующая, обычно альтернативная (иначе — гипотеза оппонента), которая может выступать в качестве стимула для процесса развертывания содержательно-смысловой структуры текста*" (Курсив наш. — К.Ш.) (31, с. 203). Это не что иное, как основания для лингвистического рассмотрения критического типа мышления, осмысляемого науковедами как проявление одной из высших его функций, когда выкристаллизовываются сущностные идеи.

В.А.Салимовский, занимающийся исследованием теоретического текста, убедительно показывает, что теоретическое исследование представляет собой деятельность ученого по преобразованию, совершенствованию, развитию концептуальных средств науки: "Этот вид познавательной деятельности, будучи в определенной мере самостоятельным по отношению к эмпирическому познанию, опирается на свое собственное основание — исходный теоретический концептуальный каркас. Мысль ученого-теоретика движется в собственно теоретическом содержании и направлена от исходного абстрактного знания к выводному конкретному, — пишет В.А.Салимовский. — В динамической структуре теоретического исследования, рассматриваемого в наиболее общих чертах, могут быть выделены три основные фазы: 1) создание отправной

теоретической онтологии (картины реальности); 2) построение научной теории на уже найденном основании; 3) применение теории для объяснения некоторой группы явлений. <...> В рамках каждой из этих фаз проводятся многочисленные подразделения" (2002: 93).

Говоря об искусственном научном языке, Г.Вейль, опираясь на исследования Э.Кассирера, в работе "Математическое мышление" показывает, что не все символы имеют языковую природу, и нужно, по мнению философа, вернуться к "естественной символике", если хотят понять "ту искусственную символику, которую сознание создает себе в языке, искусстве, мифе (1989: 57). Великая философская проблема, по мнению Г.Вейля, — проблема отношения между предметным содержанием, мыслью и высказыванием (там же, с. 56). По нашему мнению, он прекрасно показал, как создается система "третьего мира". Здесь важно заметить, что антиномия "объективности" и одновременно гипотетичности третьего мира преодолевается системой абстрагирования и особой условностью, связанной со способами абстрагирования, соответствующей логикой, не всегда связанной с законом исключенного третьего, как это было, например, в процессе создания квантовой теории и выявлением принципа дополнительности Н.Бора.

Конфликт между "здравым смыслом", обыденным языком и научным описанием Вейль также показывает через уровни абстрагирования: "Пресловутый человек с улицы с его здравым смыслом несомненно почувствует легкое головокружение при виде того, во что превращается таким образом та реальность, которая, казалось, окружает его в повседневной жизни в столь твердой, надежной, не вызывающей ни малейших сомнений форме. Но мы должны обратить внимание на то, что конструкции физики — всего лишь естественное продолжение тех операций, которые совершает (хотя в основном несознательно) его собственный разум при восприятии, например, когда объемная форма тела сама служит общим источником различных перспективных видов этого тела. Эти виды мыслятся субъектом с его континуумом возможных положений — как проявление некоторой сущности, находящейся на следующем, более высоком уровне объективности — трехмерного тела. Выполните этот "конструктивный" процесс, в котором происходит подъем с одного уровня на другой, и вы придете к символическим конструкциям физики. Кроме того, все здание покоится на основании, которое делает его обязательным для всякого рационального мышления: весь наш опыт использует только то, что безошибочно "aufweisbar" (наглядно представимо. — *К.Ш.*)" (4, с. 75). Пермские исследователи рассматривают все способы возвышения знания от эмпирического к теоретическому и фиксации этого процесса в научном тексте.

В науковедении высказывается мнение о том, что в научном познании язык — не просто средство коммуникации, он является средством критического обсуждения, дискуссии. Объективность исследования опирается как раз на критикуемость аргументации. Язык становится способом критического обсуждения. Гипотетичность, предположительность и позволяют делать проблему открытой, не замыкать её "логикой твердых тел", то есть претендовать на истину последней инстанции. С опорой на соотношения смысловых позиций в научном тексте и выраженность в языке (вплоть до цитации) рассматривается диалогичность и в пермской постановке: "Диалогичность письменной научной речи — это выраженное в тексте (его организации) средствами языка взаимодействие общающихся в коммуникативно-познавательном процессе, понимаемое как соотношение двух и более смысловых позиций: это и учет позиций адресата (читателя), и второго "я", и возможных оппонентов, — а также отражение в речи признаков собственно диалога. В аспекте лингвистического воплощения диалогичности вся организация речи (речевая системность), все языковые средства текста реализуют диалогичность. Однако это — самое широкое понимание репрезентации диалогичности в тексте. Можно говорить и о другом её "уровне": в письменной речи, поскольку адресат её имплицитен, формируются специальные средства и способы выражения, выступающие в качестве особых маркеров диалогичности. Для научной сферы они оказываются важными, обеспечивая двусторонность коммуникативно-познавательной деятельности (и речевого акта) и адекватность (в идеале) интерпретации текста читателем" (Очерки 1998: 138). При этом разводятся понятия диалогичности и адресованности. Адресованность означает только одно из проявлений диалогичности — однонаправленное воздействие и отражение его в тексте.

О.Розеншток-Хюсси как раз указывал на то, что научное мышление или рационализация, — это вторичное мышление, повторное размышление над вещами, сказанными прежде. Язык фиксирует все элементы, этапы дискуссии: тривиальное — нетривиальное, оговорки, отсутствие доказательности, подвергаясь постоянным "истязаниям": "Снова и снова, — пишет Розеншток-Хюсси, — заявляет о себе какая-нибудь математическая философия, символическая логика, этика

от геометрии, находятся люди, которые бранят язык за то, что он пользуется метафорами типа "закат", "восход", "морочить голову", так как задним числом при вторичном мышлении они оказываются не математическими и алогичными" (1994: 63).

Метапосылки самих ученых, находящихся в коммуникации посредством такого рода языка, создающих теории, очень важны для интерпретации научных текстов. Так, в последнее время все более и более говорят об эстетическом критерии в науке, о гармонично построенных теориях. Многие основы гармонической организации текста научной теории дал в свое время (почти уже 100 лет назад) А.Пуанкаре.

Он считал, что полезными комбинациями оказываются наиболее изящные комбинации, то есть те, которые в наибольшей степени способны удовлетворить тому специальному эстетическому чувству, которое знакомо всем математикам, которое до того непонятно профанам, что упоминание о нем вызывает улыбку на лицах. Такая постановка позволяет обратиться к начальным условиям — инвариантам, к идее повторяемости в тексте, которая позволяет выделить внутренние структуры сознания ученого, не всегда выявляемые при поверхностном анализе текста. Вот как ученый описывает этот процесс: "...что нужно понимать под очень простыми условиями? Это те условия, которые сохраняют нечто неизменное, которые допускают инварианты. <...> Если что-то из начальных условий остается неизменным, то ясно, что конечное состояние не сможет быть независимым от начального" (Пуанкаре 1990: 427). Он не раз дает указание на значимость рекуррентных (возвращающихся) отношений в тексте. Существенной чертой умозаключения путем рекуррентности заключается в том, что оно содержит в себе бесчисленное множество силлогизмов, сосредоточенных, в одной формуле (там же, с. 373). По наблюдению Пуанкаре, наиболее интересными являются те факты, которые могут служить свою службу многократно, которые могут повторяться. Мы должны сосредоточить свое внимание главным образом не столько на сходствах и различиях, сколько на тех аналогиях, которые скрываются в кажущихся различиях: "Отдельные правила кажутся вначале совершенно расходящимися, но, присматриваясь к ним поближе, мы обыкновенно убеждаемся, что они имеют сходство. Различные по материалу, они имеют сходство по форме и в порядке частей. Таким образом, когда мы взглянем на них как бы со стороны, мы увидим, как они разрастаются на наших глазах, стремясь охватить все. Это именно и составляет ценность многих фактов, которые, заполняя собой одни комплексы, оказываются в то же время верными изображениями других известных нам комплексов" (там же, с. 377).

Деятельностная концепция, положенная в основание теории интерпретации научного текста, позволила М.Н.Кожиной и ее коллегам прийти к выводу об огромной организующей роли развернутых вариативных повторов (РВП) в научном тексте. Этой проблеме позже специально была посвящена работа Н.В.Данилевской "Вариативные повторы как средство развертывания научного текста" (1992). Еще раньше (1988) особое внимание им было уделено М.П.Котюровой в ее монографии "Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста": "Что касается их функции "продвижения смысла (содержания) целого текста", то о ней можно говорить, на наш взгляд, в отношении РВП, названных "неадекватными", которые действительно выражают внутреннее развитие знания, его качественное изменение (например, частное — общее), особенно в случае формулировки выводного знания. Адекватные же повторы играют противоположную роль, а именно "замедляют" поступательное движение знания (это не принижает их значения в коммуникативном аспекте). Поскольку количество идентичных повторов в научных текстах невелико, речь идет главным образом о повторах неадекватных, которые — что важно при эпистемологическом подходе к тексту — выражают качественно иное знание сравнительно с "опорным, тезисным" либо аргументирующим. Различия проявляются как в формально-логическом (частное — общее), так и в аксиологическом отношениях (знание разной степени достоверности), — пишет Котюрова. — Хотелось бы подчеркнуть, что использование в приведенных отрывках текста действительно повторяющегося понятийно-терминологического аппарата свидетельствует об отражении синтеза знания. Несомненно, что эти синтезирующие вариативные повторы играют важную роль в обеспечении целостного восприятия текста, несут большую коммуникативную нагрузку. С целью точной экспликации отношений между предшествующим и последующим (закрывающим повтор) отрезками речи эти РВП вводятся в текст совместно со средствами, передающими отношения основания — следствия. Такие средства подчеркивают также уверенность в достоверности излагаемого знания, которая все более усиливается" (Котюрова 1988: 132). Интересно, что лингвист и науковед говорят об одном и том же — гармонирующей интеллектуальной роли повторов в формулировании научного текста.

Это ли не подтверждение правильности научных идей? М.Н.Кожина так определила значимость развернутых повторов в тексте: "Анализ большого массива разнообразных научных текстов (разных отраслей науки и жанров) в указанном аспекте позволил вскрыть один из существенных механизмов текстообразования в научной сфере, один из основных принципов развертывания научного текста, определяющий его смысловую структуру, так или иначе влияющий на композицию и, в конечном счете, обуславливающий стилевую специфику данной разновидности текстов. Этот механизм заключается в том, что развертывание смысловой структуры научного текста происходит посредством специальных средств (единиц) — развернутых вариантивных повторов (РВП), занимающих в научных текстах довольно большое пространство и используемых многократно с целью акцентированно и наиболее адекватно, по мнению автора, донести до читателя свою концепцию. При этом и мысль, и смысловая структура текста развиваются, отталкиваясь от первоначально высказанного тезиса (ОВ — основного высказывания), многократно повторяясь с постепенным смысловым обогащением; и даже выводы обычно "перекликаются" с ОВ и предшествующими РВП (см.: Н.В.Данилевская, 1990). По наблюдениям Данилевской, не замечаемое обычно читателем многократное повторение почти одних и тех же компонентов смысла авторской концепции, хотя и неэкономно, но нормативно и определяет стилевую специфику и принципы развертывания именно научных текстов: *постепенное* приращение смысла через РВП. Учеными привлекаются и данные стилометрии: "Количество РВП в одном целом тексте (произведении) — даже небольшого объема — может достигать при этом нескольких десятков, причем РВП используется обычно с небольшими интервалами (в 2-4 страницы), а нередко на одной странице или идущими одна за другой употреблены несколько РВП. Так, например, в статье Н.И.Вавилова "Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости" на 13 страницах зафиксировано 11 РВП, развивающих основную идею, концептуальное положение теории, а всего повторов в тексте 85. В монографии Т.М.Николаевой "Семантика акцентного выделения" (1982) на 97 страницах текста отмечено 28 РВП; причем на первых 13 их обнаружено 10. Основная мысль автора о сущности акцентного выделения (АВ), его отличии от обычного фразового ударения (ФУ), о его функциях, о том, что АВ "меняет картину описываемого мира" многократно повторяется, утверждается в тексте, изменяясь, модифицируясь, обогащаясь, углубляясь и, наконец, формулируясь в виде вывода. И это не особенность стиля данного автора, а закон развертывания научного текста (особенно теоретического и отличающегося большой долей новизны). При этом обнаруживается характерная закономерность: чем ближе к содержанию авторской концепции то или иное высказывание (то есть чем больше степень его новизны), тем чаще оно повторяется в тексте" (Кожина 1992: 47).

Ученые говорят об осложненном соотношении повторов — их "голограмме", которая в научных текстах может быть представлена в развернутой, частично развернутой и неразвернутой форме.

Н.В.Данилевской было установлено, что механизмом развертывания именно концептуального содержания текста являются как раз речевые вариативные повторы, особенно — концептуальные. "Концептуальные вариативные повторы, "наслаиваясь" на опорное утверждение, способствуют адекватному пониманию эпистемического смысла научного текста. Вариативность таких повторов проявляется и в отношении тематического содержания концептов (синонимия), и в отношении формы его выражения" (Очерки 1998: 43). Применение этого принципа к интерпретации понятийного содержания научного текста позволило понять специфику смысла научного текста именно в эпистемическом плане, "цементирующую роль эпистемической среды". Ученые отмечают в этом значимость методологического аспекта: слова широкой семантики (общенаучные термины, имеющие методологически насыщенное значение) типа *свойство, структура, функция, классификация, типология* и др. передают обобщенное представление о путях получения нового знания в тексте. Новое концептуальное авторское знание остается новым по отношению к старому научному знанию вне зависимости от его многократного повторения.

Говоря о способах выражения научных идей и понятий, которые выкристаллизовываются в системе лингвистического "третьего мира", пермские ученые и сами становятся его обитателями, вернее, обитают в нем их идеи, что является доказательством верности выдвигаемых ими смелых научных положений.

3. Рост научного знания Пермской школы функциональной стилистики

Основные положения, выработанные учеными Пермской школы, нашли воплощение в конкретных исследованиях, которые и дают наглядно представление о поступательном разрастании знания. Поставив во главу угла изучение научного текста, они посвятили свои исследования важным и значимым проблемам: экстралингвистическим основаниям смысловой структуры научного текста (М.П.Котюрова), изучению вариативных повторов как средства развертывания научного текста (Н.В.Данилевская), рассмотрению функционально-стилистической категории гипотетичности английских научных текстов (И.С.Бедрина), интерпретации научного текста в аспекте фактора "субъект речи" (Л.М.Лапп), формированию рассуждения в процессе развития научного стиля и сопоставлении с другими функциональными разновидностями (Т.Б.Трошева), рассмотрению научного текста в аспекте политекстуальности (Е.А.Баженова). Каждый из этих ученых сейчас сам формирует научные направления, школы, оставаясь тем не менее в рамках главной школы — школы М.Н.Кожиной, что, собственно, не принижает значимости выдвигаемых идей.

Основа для многоплановых исследований — внутренняя деятельностная структура текста. Изучение большого массива научных текстов показало, что их стилистико-типологические особенности обусловлены не только содержанием, определенным денотатом и референтной ситуацией (события, факты, положения дел), но также и особенностями коммуникативного акта в данной сфере (особого рода диалогичностью при взаимодействии партнеров), а также отражением своеобразия в ней когнитивного аспекта текстообразования.

"Совершенно очевидно, что стилевая специфика научных текстов, — пишет М.Н.Кожина, — зависит от комплекса взаимосвязанных факторов, в котором важное место занимают: субъектно-объектные отношения; природа самого знания и законов познания и творчества, в частности, этапов (фаз) научной деятельности; развитие науки по законам "отрицание отрицания" и "преемственности знания"; природа не только логического мышления, но и интуитивных решений и, конечно, ряд собственно коммуникативных факторов, в том числе особенностей восприятия научного текста (учет этого при построении текста) и др." (Кожина 1992: 43).

Однако учета только этого комплекса факторов недостаточно для более углубленного изучения научного функционального стиля, особенно в аспекте стилистико-текстового анализа и смысловой стороны текста. Такая ситуация потребовала изучения зависимости текста от природы знания, отражения в текстовой деятельности закономерностей познавательного процесса. Поворотной, можно сказать, этапной для дальнейших исследований научного стиля явилась монография М.П.Котюровой "Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект)".

Исследователь сосредоточивает внимание на обусловленности экстралингвистическими факторами смысловой структуры научного текста. Отталкиваясь от базовой стилеобразующей основы и подключая данные смежных наук (гносеологии, психологии, науковедения и др.), М.П.Котюрова углубляет и конкретизирует существующие представления о комплексе стилеопределяющих факторов научной речи, которые рассматриваются с помощью модели познавательно-коммуникативной деятельности субъекта по отношению к объекту. В научном тексте эксплицируется триада взаимосвязанных компонентов научно-познавательной деятельности и ее продукта (научного знания): объект в единстве онтологического, методологического и аксиологического аспектов знания и субъект в единстве социального и индивидуального (последнее включает в себя категориальный профиль мышления автора, стиль мышления ученого, индивидуальное в его мышлении); сам процесс формирования научного знания. Утверждается тот взгляд на научный стиль изложения, в соответствии с которым научное знание выражается в тексте не только в плане объекта познания, но и в плане субъекта, формирующего знание об объекте. М.П.Котюрова пытается опровергнуть мнение о саморазвитии научного знания — "впечатление, создающееся благодаря общей, социально значимой особенности речи — ее логической стереотипности". Содержание конкретного текста, считает она, обычно воспринимается как новое знание, это происходит благодаря индивидуальному моделированию знания, проработке стратегии и тактики его формирования (в чем проявляются индивидуальные характеристики мышления ученого) и, естественно, индивидуальному отбору и использованию языковых единиц (1988: 159-160). Положение об отрицании саморазвития научного знания можно оспорить на основе идей синергетики, но внимание к индивидуальному творчеству, образующему стилевые черты текста, действительно значимо.

Параллельно с этой работой осуществляется исследование Л.М.Лапп, посвященное интерпретации научного текста в аспекте фактора субъект речи (1988, 1993). Л.М.Лапп описывает стилевые особенности научной речи, обусловленные такими сторонами коммуникативно-познавательной деятельности ученого, как фазы продуктивного мышления и рефлексивная деятельность автора; ею разработана оригинальная интерпретационная модель, актуальная для изучения научного текста.

Изучение экстралингвистических оснований релевантности фактора "субъект речи" для научных текстов на основе деятельностного (комплексного) подхода показало принципиальную возможность выраженности категории ФСР в научном тексте. Именно обусловленность рефлексивно-личностного ("субъективного") компонента научного текста гносеологическим и социальным ("речедетельностным") аспектом взаимодействия человека с миром дает возможность рассмотреть научный текст не только как структуру, передающую информацию о внешнем (по отношению к психической сущности человека) мире, но и как "гуманистическую" структуру, несущую на себе "печать" личности познающего мир субъекта.

Исходя из принимаемого понимания фактора "субъект речи", был предложен метод анализа научного текста с помощью гипотетической интерпретационно-смысловой модели научного текста, разработанной с опорой на некоторые положения психологии творчества, в основе которых лежит модель, отражающая деятельность продуктивного мышления в процессе решения творческих задач, что, по мнению Лапп, обуславливает качественное своеобразие проявления ФСР в научном тексте (1993: 149). Пуанкаре наблюдал сходное: "Некоторые преувеличили роль условных соглашений в науке; они дошли до того, что стали говорить, что закон и даже научный факт создаются учеными. Это значит зайти слишком далеко по пути номинализма. Нет, научные законы — не искусственные изобретения; мы не имеем никаких оснований считать их случайными; хотя мы и не могли бы доказать, что они таковы. Но та гармония, которую человеческий разум полагает открыть в природе, существует ли она вне человеческого разума? Без сомнения — нет; невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума, постигающего ее, видящего, чувствующего ее. Такой внешний мир, если бы даже он и существовал, никогда не был бы нам доступен. Но то, что мы называем объективной реальностью, в конечном счете есть то, что общо нескольким мыслящим существам и могло быть общо всем" (Пуанкаре 1990: 203).

В монографии Н.В.Данилевской (1992) исследуется один из механизмов развертывания научного текста — постепенное приращение компонентов нового знания через развернутые вариативные повторы. Анализ научного текста в целом произведении показал, что процесс его развертывания не носит, как это принято считать, постоянного, непрерывного характера. Напротив, он повсеместно прерывается, приостанавливается автором с целью повторить (напомнить читателю) какие-то важные смысловые моменты содержания. В динамику текстообразования включаются РВП, причем отнюдь не как "помехи" этой динамики, а как явление вполне закономерное. Н.В.Данилевская убедительно показала, что РВП являются коммуникативными единицами научного текста, с одной стороны, выражающими какие-то наиболее важные моменты содержания и тем самым принимающими самое непосредственное участие в процессе текстообразования, с другой — направленными в первую очередь на читателя в целях достижения эффективности общения в научной сфере деятельности (1992: 120).

Результаты исследования И.С.Бедриной, проведенного на материале английских научных текстов, показали, что применительно к научной речи целесообразно выделение ФССКгип (функциональной семантико-стилистической категории гипотетичности), представленной системой разноуровневых средств, обладающих общим семантическим содержанием и функцией. Данная категория реализует в научном тексте гипотетичность — неотъемлемый компонент научного мышления, познания и деятельности ученого, языковые единицы выражения которой объединяются на текстовой плоскости таким образом, как предписывают цели и задачи научной коммуникации, то есть представляют собой частный случай стилистико-речевой системности. ФССКгип является коммуникативно-функциональной категорией, которая в отличие от ФСК, характеризующих прежде всего структурный аспект языка и динамику внутри языковой системы, описывает речеведческий аспект функционирования языка.

Речеведческий характер ФССКгип и ее стилистический статус обуславливают существенные различия между данной категорией и функционально-семантической категорией модальности, в рамках которой изучается значение гипотетичности. Принцип объединения разноуровневых языковых единиц, выражающих гипотетичность в научном тексте, качественно отличается от

принципа объединения средств выражения неиндикативной (гипотетической) модальности. Параметры отличия говорят об убедительности аргументации.

Е.А.Баженова рассматривает проблему преемственности и формирования знания, отраженного в смысловой структуре русских научных текстов и определяющих композицию и архитектуру последних (1987, 1996). Все это позволяет изучать научный текст как отражение динамики познания, поскольку именно отражение поступательного движения научной мысли в произведении обеспечивает целостность его смысловой структуры и лежит в основе принципа текстообразования.

Реализованный в работе функционально-стилистический подход к изучению смысловой структуры текста, опирающийся на принципы системности и функциональности, позволил выявить механизм перехода экстралингвистического, внешнего по отношению к речевому произведению, в собственно лингвистическое и тем самым объяснить стилистико-речевую природу смысловой структуры научного текста и особенности его композиции. На основе комплексного анализа целого произведения, с учетом достижений смежных с языкознанием наук — прежде всего гносеологии, психологии и науковедения, — Е.А.Баженовой разработано понятие политекстуальности и описана функционально-типологическая модель смысловой структуры научного текста. "Смысловая структура соотносится со структурой эпистемической ситуации, характеризующейся единством взаимосвязанных аспектов как познавательной деятельности, так и ее результата — нового научного знания и оказывающей систематическое влияние на формирование научного текста" (2001: 249).

В.А.Салимовским в работе "Жанры речи в функционально-стилистическом освещении" показано, что "основные фазы как эмпирического, так и теоретического исследования объективируются в особых композиционных, тематических и стилистических типах текстов. В процессе исследования выявлены и описаны специфические черты содержательно-смысловой и поверхностно-речевой системности этих жанров, охарактеризовано единство их внутреннего и внешнего планов, изучена организация образующих речевые жанры типовых субтекстов, развиты представления о гибкости, пластичности жанровой формы. Установлено, что она может реализоваться в относительно полном или частичном виде, развернуто или компрессированно; продуцируемые коммуникативные блоки могут по-разному соотноситься в плане их информационного веса; во многих случаях отдельные звенья жанровой формы функционируют как модели не только субтекстов, но и целых речевых произведений" (2002: 205).

Исследователь считает, что развитие функционально-стилистического метода на основе включения в исследование представлений о строении деятельности приводит к ряду эвристически значимых следствий: открывается перспектива анализа речевого акта, или коммуникативно-познавательного действия, взятого не изолированно, а в составе вида социокультурной деятельности. Этот метод (а он предполагает использование данных о культурных формах, нормативно-категориальных каркасах различных видов духовной социальной деятельности) значим и для дискурсивного анализа, поскольку дает ориентиры для систематизации и упорядочения конкретных наблюдений, учета совокупности условий выполнения функции высказывания.

Вопросам синтаксиса научной речи в функционально-стилевом аспекте посвящены работы Т.Б.Трошевой, С.О.Глушаковой (1988); лингвистическому аспекту исследования типов творческого мышления — работы Е.А.Юниной.

Научная речь сыграла принципиальную роль в формировании рассуждения как функционально-смыслового типа речи в русском литературном языке, считает Т.Б.Трошева. Именно в данной сфере функционирования языка рассуждение представлено полным "набором" разновидностей. Именно здесь оттачивались в процессе эволюции стиля инвариантные черты их смысловой структуры. "За счет научного стиля обогащалась система языковых средств наиболее адекватной передачи логических связей, лежащих в основе различных аргументативных построений. Именно в его "лоне" сформировалось строгое логическое текстовое построение, образующее в русском литературном языке центральное звено полевой структуры рассуждения" (1999: 185).

Особая статья — это межвузовские сборники кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета. Г.Я.Солганик отмечает, что "в принципе почти каждый межвузовский сборник приближается по своему характеру к коллективной монографии. Можно говорить о типовой структуре, композиции такой монографии. Первая часть работы посвящается обычно общим, теоретическим вопросам, затем следуют разделы, в которых анализируются

конкретные стилистические проблемы. Завершает сборник, как правило, хроникальная информация. В качестве примера можно взять сборник 1982 г. "Основные понятия и категории лингвостилистики". В нем разрабатываются важнейшие теоретические проблемы лингвостилистики: определение понятий стиля (в экстралингвистическом и интралингвистическом аспектах) и структуры стилистики, а также принципы классификации стилей и их внутрителивая дифференциация. Уже само перечисление тем, которые рассматриваются в первом, теоретическом разделе (Общие вопросы), свидетельствует об их значимости и актуальности. Ведь до сих пор нет общепризнанной точки зрения на предмет стилистики (ее границы), на природу стилей, на принципы их классификации" (Солганик 2002: 174).

Фундаментальное издание кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета — "Стилистический энциклопедический словарь русского языка" под редакцией доктора филологических наук профессора М.Н.Кожинной (2003). Пермская лингвистическая школа подтвердила еще раз, что ей принадлежат приоритетные позиции в области изучения стилистики русского языка, поэтому появление столь значительного труда — закономерный результат многолетней работы пермских ученых, а также ведущих специалистов по стилистике, привлеченных к совместной работе.

Словарь заполняет значительную лакуну в области стилистики и словарной литературы. Он является наиболее полным комплексным трудом, выполненным на основе новейших достижений в области стилистики: отражает различные стилистические тенденции, направления, систематизирует научные знания, в нем упорядочивается терминология, стилистические понятия. "Стилистический энциклопедический словарь" имеет ретроспективный и перспективный характер: с одной стороны, в нем обобщаются предшествующие исследования, с другой — намечаются новые пути и направления в работе по стилистике русского языка. Известно, что только в ходе выявления всего корпуса данных по той или иной дисциплине можно увидеть наиболее важные тенденции развития данной области науки. Таким образом, научная значимость данного издания вполне очевидна.

Следует особо отметить, что стилистика, как бурно развивающаяся дисциплина, связанная с множеством других направлений (лингвистика, поэтика, теория текста и др.), недостаточно представлена в вузе и школе, в процессе изучения теории и практической стилистики преподавателю и студентам подчас не на что опереться. "Стилистический энциклопедический словарь" отличается коммуникативно-функциональной речеведческой ориентацией, просветительским характером, исследовательской направленностью. "Стилистический энциклопедический словарь русского языка" — это, несомненно, значительный вклад в науку и культуру нашей страны.

В словаре нашли отражение не только общепринятые положения, но и отдельные оригинальные авторские концепции. Это вызвано стремлением авторского коллектива "Стилистического энциклопедического словаря русского языка" показать процесс развития стилистической науки, обозначить острые дискуссионные вопросы, пути поиска решений проблем, требующих дальнейших изысканий. Данные особенности словаря согласуются с его энциклопедическим характером. Известно, что термины-понятия гуманитарных наук далеко не всегда позволяют дать точные и краткие дефиниции и заставляют обратиться к обширным описаниям. Словарь терминов стилистики — первый в отечественном языкознании. Он отражает различные направления стилистики: стилистику языка, стилистику текста, практическую, историческую, сопоставительную, стилистику декодирования и др. Рассматриваются различные концепции, включая дискуссионные проблемы теории, представлена обширная библиография. Авторы отмечают, что словарь отличается коммуникативно-функциональной, речеведческой ориентацией, а это соответствует актуальным задачам современного языкознания и отвечает потребностям повышения стилистико-речевой культуры.

Крупная научная школа — это огромное достояние культуры общества. Российской науке и культуре есть чем гордиться: Пермские ученые не покладая рук ткот ткань нового знания. Им есть что предъявить бурно развивающемуся информационному обществу. Пермская школа обладает продуктивной научной программой, характеризуется поступательным ростом научного знания. Творческий диалог с текстом продолжается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Автономова Н.С., 1994, *Мишель Фуко и его книга "Слова и вещи"*, Мишель Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. С.-Петербург.
- Баженова Е.А., 2001, Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь.
- Бедрина И.С., 1989, Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах. Екатеринбург.
- Вейль Г., 1989, Математическое мышление. Москва.
- Данилевская Н.В., 1992, Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь.
- Кафедра русского языка и стилистики Пермского госуниверситета. Маргарита Николаевна Кожина: к 60-летию со дня рождения*, НДВШ: Филологические науки, 1985, № 5.
- Кожина М.Н., 1977, Стилистика русского языка. Москва.
- Кожина М.Н., 1992, *Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте*, Stylistyka. Т. 1. Opole.
- Кожина М.Н., 1997, *Пути развития стилистики русского языка во 2-ой половине XX века*, Stylistyka. Т. IV. Opole.
- Кожина М.Н., 1998, *Речеведческий аспект теории языка*, Stylistyka. Т. VII. Opole.
- Кожина М.Н., 2002, *Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории*. Пермь.
- Кожина М.Н., 2003, *Истоки и перспективы речеведения*, Проблемы речевой коммуникации. Саратов.
- Кожина М.Н., Котюрова М.П., *Изучение научного функционального стиля во второй половине XX века*, Stylistyka. Т. VI. Opole.
- Котюрова М.П., 1988, Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск.
- Кузнецов В.Ю., 2001, *Понять науку в контексте культуры*, Кун Т. Структура научных революций. Москва.
- Кун Т., 2001, Структура научных революций. Москва.
- Лакатос И., 2001, *История науки и ее рациональные реконструкции*, Кун Т. Структура научных революций, Москва.
- Лапп Л.М., 1993, Интерпретация научного текста в аспекте фактора "субъект речи". Иркутск.
- Лиотар Ж.-Ф., 1998, Состояние постмодерна. Москва—С.-Петербург.
- Никифоров А.Л., 1998, Философия науки: история и методология. Москва.
- Ольшки Л., 2000, *История научной литературы на новых языках*. Сретенск.
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней, 1994. Ч. I. Пермь.
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Стилистика научного текста, 1996-1998. Т. II, Ч. 2. Пермь.
- Панченко А.И., 1988, Философия. Физика. Микромир. Москва.
- Пирс Ч., 2001, Принципы философии. Т. 1. С.-Петербург.
- Поппер К.Р., 2002, *Объективное знание. Эволюционный подход*. Москва.
- Пуанкаре А., 1990, О науке. Москва.
- Розеншток-Хюсси О., 1994, Речь и действительность. Москва.
- Салимовский В.А., 2002, Жанры речи в функционально-стилистическом освещении. Пермь.
- Солганик Г.Я., 2002, *Пермские межвузовские сборники по стилистике*, Stylistyka. Т. II. Opole.
- Степанов Ю.С., 1995, *Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности*, Язык и наука конца 20 века. Москва.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003. Москва.
- Трошева Т.Б., 1999, Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Пермь.
- Флоренский П.А., 1990, *У водоразделов мысли*, П.А.Флоренский. Соч.: В 2 т. Т. II. Москва.
- Фосслер К., 1961, *Позитивизм и идеализм в языкознании*, Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. Москва.
- Фуко М., 1994, Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. С.-Петербург.
- Холтон Дж., 1981, Тематический анализ науки. Москва.
- Эйнштейн А., 1965, Физика и реальность. Москва.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

- Штайн К.Э., 1989, Язык. Поэзия. Гармония. Ставрополь.
- Штайн К.Э., 1994, Принципы анализа поэтического текста. С.-Петербург—Ставрополь.
- Штайн К.Э., 1996, Поэтический текст в научном контексте. С.-Петербург—Ставрополь.
- Штайн К.Э., 2002, *Метапоэтика: “размытая” парадигма*, Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Ставрополь.
- Штайн К.Э., 2002, *Метапоэтика А.С.Пушкина*, Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Ставрополь.

К ОБЩИМ ЗАКОНОМЕРНОСТЯМ ДИФфуЗИИ СТИЛЕЙ

1. Вводные замечания

Как известно, диффузия¹ (смешение, пересечение, взаимопроникновение, взаимодействие) функциональных стилей национального литературного языка является проблемой далеко не новой, комплексной², многоаспектной, резко дискуссионной. В функциональной стилистике вопрос о диффузии стилей языка/речи затрагивается при описании "сдвигов в функции и целях общения" ("сочетание двух задач общения" — Кожина 1972: 82-83), рассмотрении классификации жанровых и стилевых разновидностей (Троянская 1976: 64-74; Виноградов 1981: 21; Кожина 1993: 72), изучении монолитности, полевой структуры функционального стиля (Троянская 1986; Кожина 2003а), описании изменяющейся системы языка ("трансформации бинарных оппозиций" — Разинкина 1976; Стоянович 2001) и в ряде других случаев. В последние годы в контексте борьбы за культуру речи актуализируется вопрос о "механическом смешении" функциональных стилей русского языка ("засоренность слога" — Бушев 2004). Актуализируется изучение стиля рекламы, которая нередко "сочетает в себе черты публицистического, научного, научно-популярного, отчасти разговорного и делового стилей" (Темнякова 2003).

С определенной долей упрощения можно сказать, что феномен диффузии применительно к научной речи сводится к анализу стилистических приемов ("сложного взаимодействия способов изложения и правил построения произведений, действующих в данном стиле и видоизменяющихся в зависимости от превалирования той или иной коммуникативной задачи" — Троянская 1986: 21; ср.: Виноградов 1981: 31-32). Будучи внешне обозримым феноменом, имеющим свой результат на текстовой плоскости ("гибридные

ратурной оценки и воспитании терпимости ко всякому он сыграл. Но личного реального успеха ему изведать не удалось. Графомански клишированная, донельзя упрощенная природа его письма уж слишком очевидна. Он архаичен, его стих уже кажется слишком пресным, не цепляет. Пришедшие вслед за Гребенкиным-"традиционалистом" авторы-"модернисты" оказались гораздо удачливей.

2. Светлана Аширова (Бедрий).

Пропуск в розовое счастье.

Медленное солнце: лучистая живопись строк. Пермь, 1995. 64 с. 1000 экз.;

Таинственный маршрут: лучистая музыка строк.

Пермь, 1996. 80 с. 1000 экз.;

Неподсуден: лучистая истина строк. Пермь, 1996. 100 с. 1000 экз.;

Разовый пропуск в счастье. Пермь, 1997. 142 с. 5000 экз.;

Музыка звуков. Пермь, 1998. 180 с. 3000 экз.

Энергия пермочки Светланы Ашировой неисчерпаема и всепроникающа. Именно так,

© А.Стоянович, 2004

хоть не совсем по-русски, но зато напористо выражаясь, она себя и рекомендует:

"расслоившись достойно по Вечности, тут я и там". Вроде Фигаро. Ее поэтическая карьера в Перми ошеломительна. За три года из автора тощих полусамиздатовских сборничков, вызывавших смешки околелитературной братии, она стала любимым поэтом пермской чиновно-политической элиты, автором роскошных целлофанированных томов цветной печати. Стих Ашировой впитал многие веяния. В нем очевидны следы массовой советской, особенно песенной, поэзии 70-х с ее "яростными стройотрядами". Именно оттуда этот характерный навязчивый дидактизм, вялость которого маскировалась искусственно форсированным темпераментом речи: "я не просто о городе думаю, я слагаю легенды о том, как страну мою, как судьбу мою ты вместили в свой подоблачный дом". Но явно преобладает у нее влияние иного письма. Видимо, чрезвычайное впечатление на Аширову произвел ранний отечественный модернизм преимущественно в бальмонтовском изводе, с его закликательными напевами, стихийностью, эротической экзальтацией и бутфорским космизмом. Отсюда у нее и пристрастие к гипертрофированным до комизма аллитерациям ("всем жененьям с образования" — Кожина 2003а: 291), диффузия функциональных стилей (и близкое к этому варьирование жанровых разновидностей) отмечается исследователями как явление, так сказать, естественное, подразумевающееся, отражающее сложность гетерогенной динамической системы. Как бы довольствуясь собственно "констатацией" положения вещей в языке (речи, тексте), исследователями обходится молчанием важный аспект — вопрос о внутренней логике диффузии как динамического процесса (и/или биосоциального механизма), имеющего свои закономерности функционирования в языке/речи (биосоциальных системах). Именно об этом (последнем) аспекте проблемы мы намерены поразмышлять в общетеоретической части нашего описания, опираясь в основном на положения общей теории функциональных систем. Такого рода попытка в стилистических разысканиях предпринимается, насколько нам известно, впервые. Практический анализ материала производится с привлечением отдельных иллюстраций, почерпнутых из научной и художественной литературы сербского языка. Отметим, что вопрос об общих закономерностях "диффузии", проникновения иностилевых (в первую очередь — "диссонансных") элементов в научную и художественную речь сербского языка не являлся до сих пор предметом специального³ рассмотрения в лингвистической сербистике.

2. Диффузия стилей как системный процесс

2.1. Вероятно, уже при первой попытке понять целостность, единство мира мыслящий человек столкнулся с поразительной гармонией между целым, "универсумом" и отдельными деталями, частями. Непосредственное, частное, имело прямое практическое значение для усовершенствования приспособительной деятельности человека, и потому абстрактное "целое" пришло в его познавательную деятельность значительно позднее. От диффузных и недифференцированных форм целое постепенно приобретало значение чего-то организованного с постоянным гармоническим взаимодействием своих частей, подчиняющимся своим специфическим законам, не свойственным частям, деталям целого. Так постепенно подготавливалось то научное движение, которое в настоящее время получило широкое название "системного подхода" (Анохин 1973: 5).

Термин "система" имеет весьма древнее происхождение, и едва ли есть какое-либо научное направление, которое его не употребляло. Идеи системного подхода находят место и в лингвистике, которая в XX веке занималась в основном изучением системы языка, его структурной организацией. В русле функциональной стилистики для раскрытия дихотомии "стиль языка" — "стиль речи" В.В.Виноградовым акцентируются соответствующие понятия-термины, относящиеся именно к системам ("система языка", "строй языка", "стилистические системы", "общая языковая система" — 1981: 19). М.Н.Кожина различает *систему* языка (в терминологии В.Гумбольдта — *ergon*) и "функционирование языка" (*energia*), рассматриваемых ученым как единство (1993: 7).

Стилисты давно обнаружили в речевой практике "диффузию" — сложные случаи, когда стили как системные образования "находятся в глубоком **взаимодействии** и даже в смешении" (Виноградов 1981: 21; выделено нами. — А.С.) или "пересечении" (совмещение черт двух-трех функциональных стилей — Кожина 2003а: 291; ср.: Троянская 1986).

В лингвостилистической литературе бытует мнение, согласно которому так называемые иностилевые элементы, включаемые в число компонентов стиля, различаются особенностями чередования и сочетаниями стилистически окрашенных и нейтральных элементов, пропорциями их смешения, приемами ввода стилистически маркированных единиц в "чуждую" стилевую среду (Разинкина 1976: 92). С другой стороны, учитывая относительную монолитность функционального стиля, исследователи пытались понять причины неоднородности стиля (и жанра). Неоднородность, размытость границ, кажущаяся неоднозначность, противоречивость (особенно при изучении подстилей — Троянская 1986: 26) и вместе с тем удивительная гармония самого явления отпугнули от себя многих лингвистов. Излишнее теоретизирование при обсуждении "монолитности функционального стиля" и других системных образований в области "живой жизни" языка можно решительно приостановить приведением аксиоматического утверждения: "Функциональная система всегда гетерогенна" (Анохин 1973: 41).

Итак, судя по литературным источникам⁴, стилисты в поисках системы ("речевой системности") и при раскрытии частных феноменов (включая "диффузию функциональных стилей") обычно не идут дальше своих формулировок о "(сложной) взаимосвязи (на текстовой плоскости разноуровневых единиц и их значений)", "пересечении (функциональных стилей)", "(глубоком) взаимодействии", "взаимодействии множества компонентов" при формировании системы. И это естественно, так как позицию исследователей-стилистов можно определить как склонность изучать не "методологию вообще", а "методологию моего дела".

Поскольку в общетеоретическом плане (применительно к биологическим и биосоциальным объектам, включая сюда "язык/речь") сообщалось, что **"взаимодействие как таковое не может сформировать систему"** (Анохин 1973: 21; подчеркивания наши — А.С.; ср.: Стоянович 1998: 76-77; Stojanović 1999), вопрос о применимости критерия "взаимодействия" при исследовании самой сути системных образований (в рассматриваемом случае — "языка/речи", диффузии функциональных стилей как механизма биосоциальных систем) должен быть подвергнут специальной дискуссии. В нашем представлении, дискуссию о языке/речи как "живом организме" следует провести в русле надлежащей теории, которая, так сказать, уже специализировалась на раскрытии сути механизмов "живой жизни" различных классов явлений (организма, общества, машины). Речь пойдет об общей теории функциональных систем академика П.К.Анохина (1973) с попыткой приложения данной концепции к решению животрепещущих проблем функциональной стилистики.

2.2. "Язык как функционирующая система" в кругу наук о жизни.

Наиболее характерной чертой системного подхода является то, что в исследовательской работе не может быть аналитического изучения какого-то частного объекта без точной идентификации этого частного в большой системе. Таким образом, со стратегической и практической точек зрения исследователь должен иметь прежде всего *конкретную концепцию системы*, которая должна удовлетворить основным требованиям самого понятия системы, и лишь после этого формулировать тот пункт системы, который подлежит конкретному исследованию. Такой рабочий принцип мог бы перебросить "концептуальный мост" между теми фактами, которые получаются при изучении явлений у целостного объекта, и теми, которые получаются при тонком аналитическом эксперименте.

Обязательным положением для всех видов и направлений системного подхода является поиск и формулировка *системообразующего фактора*. Эта ключевая проблема определяет как само понятие системы, так и всю *стратегию его применения* в исследовательской работе. Для целей построения общей теории функциональных систем П.К.Анохина (1973) системообразующий фактор выведен из свойств живого организма. Согласно этой теории⁵, "результат является ... центральным фактором системы", причем "не может быть понятия системы без ее полезного результата" (с. 26).

Фундаментальная формулировка понятия системы в русле данной теории гласит:

Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретают характер взаимосодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата (с. 28).

Из процитированного определения вытекает, что ключевыми понятиями системы являются "результат" и универсальный принцип "взаимосодействие". Иными словами:

Результат является неотъемлемым и решающим компонентом системы, инструментом, создающим упорядоченное взаимодействие между всеми другими ее компонентами (1973: 29).

Результат через характерные для него параметры и благодаря обратной афферентации⁶ имеет возможность реорганизовать⁷ систему, создавая такую форму взаимодействия между компонентами, которая является наиболее благоприятной для получения запрограммированного результата. Результат, будучи недостаточным, активно влияет на отбор именно тех степеней свободы у компонентов системы, которые при их интегрировании определяют в дальнейшем получение полноценного результата (*там же*).

По словам П.К.Анохина, именно "потому, что в нашей концепции результат имеет центральное организующее влияние на все этапы формирования функциональной системы, а сам полезный результат является, несомненно, функциональным феноменом, мы и назвали всю архитектуру функциональной системой" (1973: 29).

Отметим, что четкое разграничение терминов "взаимодействие" и "взаимосодействие" не является игрой слов. Об этом имеется специальное авторское предупреждение: "... термин взаимодействие звучит более феноменологически, нейтрально, в то время как термин взаимосодействие звучит более каузально, активно, поскольку для создания этого взаимодействия включаются многие новые специализированные механизмы" (с. 28).

Еще одно замечание. Теория, выдвинутая академиком П.К.Анохиным, ставит важный вопрос:

Различаются ли чем-либо принципиально архитектура функционирования как у весьма элементарных, так и у сложных субсистем? Иначе говоря, функционируют ли системы всех уровней по одной и той же архитектуре, которая характерна для функциональной системы вообще, или эти архитектуры чем-то отличаются друг от друга? (с. 38).

Ответ на поставленные вопросы сводится к фундаментальному выводу:

Все функциональные системы независимо от уровня своей организации и от количества составляющих их компонентов имеют принципиально одну и ту же функциональную архитектуру, в которой результат является доминирующим фактором, стабилизирующим организацию систем ... "иерархия систем" превращается в иерархию результатов каждой из субсистем предыдущего уровня (с. 39).

Итак, не вдаваясь далее во все тонкости общей теории функциональных систем П.К.Анохина, поставим перед собою ряд гипотетических вопросов, относящихся к лингвистической проблематике.

Не функционируют ли по этому же ("анохинскому") принципу "язык/речь" и/или все функциональные стили национального языка, объединяясь на текстовой плоскости целостного речевого произведения (по принципу взаимосодействия) в относительно "застывшую" суперсистему? Не является ли "застывшая суперсистема" лишь фазным результатом текстопорождающей деятельности, который может

послужить "компонентом" для последующих взаимодействий, протекающих по универсальному принципу взаимоСОдействия? Насколько разумно в стилистике текста (в аспекте интерпретации и порождения) не учитывать универсальный фактор "полезность результата" (в первую очередь "полезность⁸ результата текстопорождающей деятельности в реальной жизни адресанта")? Правоммерно ли в общеметодологическом плане измерять диффузию функциональных стилей на текстовой плоскости как определенный вид реорганизации адресантом компонентов системы под императивным влиянием полезного (в данный момент и при доминирующей мотивации) результата деятельности индивида?

На данном этапе теоретического описания с уверенностью можно утверждать, что существует общая закономерность. Именно — поразительная гармония в организации всех систем, где результат является решающим фактором системообразования. Это так или иначе уводит нас в область прагматики, прагматической стилистики текста, к анализу дискурса, поиску "полезного результата" в порождении текстов различных функциональных стилей.

2.3. Прагматика текстов научного и художественного стилей. "Полезность результата" текстопорождающей деятельности скорее всего можно искать в области прагматики (анализ дискурса⁹, понимаемого как "текст, погруженный в ситуацию общения" и широкий экстралингвистический контекст).

Как известно, "в условиях научной и литературной коммуникации интенция субъекта речи реализуется в форме прагматической установки текста. Для научного стиля речи — это доказательство правильности научного факта, осуществляемое посредством ряда логических вербальных действий" (истинность мысли здесь доказывается с помощью других мыслей, а истинность последних — практикой). "Для художественного стиля — это доказательство открытой познающим субъектом в жизни истины, активно утверждаемой им средствами образного воплощения с позиций эстетического идеала. Конечная цель прагматической установки текста — достижение адекватного прагматического эффекта, т.е. стимулирование запрограммированной реакции адресата" (Азнаурова 1987: 18).

К тому же известно, что произведения научной литературы получили соответствующее лингвопрагматическое описание как тип "институционального дискурса", тогда как произведения художественной литературы причисляются к "персональному (точнее — бытийному) дискурсу" (Карасик 2000). На подобных описаниях, раскрывающих принципиальные вопросы коммуникативно-прагматических стратегий текстов различной стилистической принадлежности (с акцентированием предмета, целей и участников общения), мы не будем останавливаться детально, так как результаты этих поисков хорошо известны из лингвистической литературы. Тем более, что результаты эти относятся, как правило, лишь к одному (хотя и весьма значимому) аспекту — стимулированию запрограммированной реакции адресата.

Для целей нашего описания важно отметить: одно дело — адресат и его интересы, а другое — потребности адресанта. Именно интересы адресата, **часто не совпадающие с интересами говорящего**, имеют первостепенное значение для проблемы правильности (эффективности) речевого общения); именно их защищают в первую очередь языковые нормы и критерии ясности, точности и приемлемости (Кукушкина 1998). Если же в речевом взаимо(со)действии возникают коммуникативные неудачи (в частности, проявление "механического смещения функциональных стилей"), то данное явление фокусирует внимание читателя не только на глубинном смысле текста, но и на личности автора. Этим актуализируется изучение идиостиля в коммуникативно-деятельностном аспекте (Болотнова 2003а), а также прагматикона языковой личности (Котюрова 2003а). Прежде чем перейти к описанию намеченной проблематики, следует кратко охарактеризовать позицию адресанта.

Мы исходим из предположения о том, что трудности позиций адресанта и адресата не совпадают. Иначе говоря, трудности реализации речевого оформления мысли говорящего, как правило, превышают трудности слушателя. Следуя концепции О.В.Кукушкиной (1998), условно различают три случая: 1) трудности, связанные с особенностями языкового кода (наличие ограничений на систему, вариативность означающих, наличие объектов с низкой степенью языковой кодируемости, и др.); 2) трудности, возникающие в процессе выполнения конкретных речемыслительных действий (трудности поиска и извлечения информации, ограничения на объем оперативной памяти, ослабление контроля и др.) и 3) трудности, вызванные несовпадением интересов адресанта и адресата. Как будет показано ниже, рассогласованность интересов общающихся может послужить одним из отправных пунктов

для описания диффузии стилей как полезного результата текстопорождающей деятельности в реальной жизни адресанта.

Лишний раз отметим, что описание параметров текста с позиций интенции адресанта с необходимостью включает в себя и фактор адресата. Проблема читательского восприятия возникает в самой структуре творческого процесса и является органической составляющей общей проблемы "стратегии творчества". Фактор адресата в целом влияет на формирование замысла информационного образования, еще не закрепленного в определенных языковых формах, но уже рассчитанного на задуманное воздействие, точнее — взаимодействие. Так, например, адекватное "раскодирование"¹⁰ художественного текста требует от адресата знакомства с "культурным контекстом" — совокупностью социальных, литературных, личностных обстоятельств создания текста, а также владения навыками лингвистического анализа (Азнаурова 1987: 19).

При оформлении словесного произведения автору приходится решать ряд задач, относящихся к "содержанию, материалу, форме" (Бахтин 1986). Это — обработка речи с (неминуемой) оглядкой на тот "социокультурный контекст", в котором будет функционировать произведение как "надтекстовая модель жизни". Следовательно, в процессе речетворчества автор высказывания, так сказать, вынужден считаться хотя бы с некоторым минимумом социальных ценностей, принятых в социуме. Автор неиндифферентен, как правило, ко мнению читателя (редакторов, рецензентов и прочих типов адресата), так как позитивный отклик "публики" (в широком понимании последней) является для автора существенной предпосылкой достижения последующего конечного¹¹ полезного результата деятельности автора. Если этот аспект речетворчества с позиции адресанта отнести к задаче "ремесла" (технологии) при выполнении автором некоего минимума социальных ожиданий¹² публики (образно говоря, при облечении словесного продукта в "нарядную одежду" для последующего приема авторского произведения в социуме), то анализом этого аспекта далеко не исчерпывается, не раскрывается полностью весь комплекс истинных, глубоко личностных (осознаваемых и неосознаваемых) мотивов автора к реализации конкретного целостного поведенческого (речетворческого) акта.

Сказанное согласуется с аксиоматическим тезисом о том, что текстопорождающая деятельность всегда полимотивирована. А если это так, то очевидно, что у одного и того же писателя при создании каждого отдельного словесного произведения (при доминирующей в данный момент мотивации) формируется своя иерархия¹³ авторских мотивов текстопорождения. В нашем представлении, иерархия эта — как правило — несвободна от экзистенциальных, биологических запросов автора-индивида. Применительно к анализу целого текста (в частности, диффузии стилей) представляется важным учитывать именно личностные обстоятельства создания текста, считаться с "экзистенциально-биологическим прагматикомом" языковой личности создателя текста. Это так или иначе подводит нас к описанию мотивационно-прагматического уровня языковой личности автора, рассмотрению целого списка авторских потребностей, к учету соотношения коммуникативного эгоцентризма и социоцентризма (Головин 1977: 774) и других факторов, значимых как для интерпретации идиостиля, так и изучения на текстовой плоскости общих закономерностей диффузии стилей.

При рассмотрении прагматического уровня языковой личности "необходима психологическая составляющая, а именно эмоциональная" (Котюрова 2003а: 661), характеризующая специфику языковой личности автора в коммуникативно-деятельностной сфере. Применительно к анализу научных текстов сербского языка имеются единичные попытки изучения эмоциональности (Стоянович 1996, 1998).

Кроме эмоциональной составляющей, здесь существенное значение имеет вопрос о выявлении авторских потребностей. Под потребностью подразумевается **"динамическая сила, исходящая от организма"** (Головин 1997: 423). Потребность может пониматься как некая гипотетическая переменная, которая, по обстоятельствам (в зависимости от доминирующей мотивации — Анохин 1973), проявляется то в виде мотива, то в виде черты. В последнем случае потребности стабильны и становятся качествами характера.

К набору элементарных биологических потребностей, врожденных для человека, нужно добавить еще потребность общения и потребность познавательную. Список потребностей можно продолжить (согласно Х.Меррею, цит. по: Головин 1997: 423-424): 1) доминантность; 2) агрессия — стремление словом или делом опозорить, осудить, унижить; 3) поиск дружеских связей; 4) отвержение других; 5) автономия — стремление освободиться от всяких ограничений; 6) пассивное повиновение; 7) потребность в уважении и поддержке; 8)

потребность достижения — стремление преодолеть нечто, превзойти других, сделать что-то лучше; 9) потребность быть в центре внимания; 10) потребность игры — предпочтение игры всякой серьезной деятельности, желание развлечений, любовь к остроумию; 11) эгоизм (нарциссизм); 12) социальность (социофилия) — забвение собственных интересов во имя группы, альтруистическая направленность; 13) потребность поиска покровителя; 14) потребность оказания помощи; 15) потребность избегания наказания — потребность считаться с общественным мнением; 16) потребность самозащиты — трудности с признанием собственных ошибок, отказ от анализа своих ошибок; 17) потребность преодоления поражения, неудачи; 18) потребность избегания опасности; 19) потребность порядка — стремление к аккуратности, точности, красоте; 20) потребность суждения — стремление ставить общие вопросы или отвечать на них; склонность к абстрактным формулам, обобщениям, увлеченность "вечными вопросами" и пр.

Поскольку процесс удовлетворения потребностей выступает как целенаправленная деятельность, потребности являются источником активности личности. Осознавая цель субъективно как потребность, человек убеждается, что удовлетворение последней возможно лишь через достижение цели. Это позволяет ему, по утверждению С.Ю.Головина, "соотнести свои субъективные представления о потребности с ее объективным содержанием, **отыскивая средства овладения целью** [т.е. средства для достижения *полезного результата* — А.С.] как объектом" (1997: 425; выделено нами. — А.С.). Цель к получению данного результата (как мы уже знаем из общей теории функциональных систем П.К.Анохина) возникает раньше, чем может быть получен сам результат, причем интервал между этими двумя моментами может равняться и минуте, и годам ...

Для сравнения (с текстопорождающей деятельностью) отметим, что единственной областью, где результат, "полезность результата" и проблема оценки этого результата становятся почти центральным фактором исследования, является область промышленно-экономических систем. Здесь полезность деятельности делается настолько очевидной, что игнорировать ее было бы просто неразумно. Об этом П.К.Анохин образно высказывается: "... если мы имеем "большую систему" в виде производственно связанных заводских агрегатов, например в нефтеперерабатывающей промышленности, то игнорирование полезности результата на уровне каждой подсистемы этой большой системы привело бы к расточительности и полной нерентабельности всего предприятия. Именно состояние ценности и полезности результата в каждой подсистеме этого предприятия и сочетание их с окончательным результатом могут дать решающее суждение о том, насколько полезным является конечный результат и в какой степени выгодно все обширное предприятие" (1973:33).

Итак, с большой долей упрощения мы готовы утверждать, что процитированный пример П.К.Анохина можно по аналогии спроецировать на анализ идиостиля и прагматикона языковой личности (при поисках общих закономерностей "диффузии стилей", рассматриваемой как полезный результат текстопорождающей деятельности автора). Однако прежде чем перейти к практическому анализу текстового материала, следует кратко остановиться на отдельных предпосылках нашего описания, которые могут оказаться спорными.

Возвращаясь к лингвистической проблематике, отметим, что несколько спорным может оказаться вопрос об отношении читателя (интерпретатора) к автору. Точнее, возникает вопрос: может ли интерпретатор из письменного произведения, организованного как "общение в масках", извлекать сколько-нибудь надежную информацию об авторе как человеке, его творческой индивидуальности и "полезности результата" его текстопорождающей деятельности? Если да, то в какой степени описание творческой индивидуальности (языковой картины мира) может способствовать выявлению каких бы то ни было закономерностей диффузии функциональных стилей?

Ответ на первый вопрос можно найти отчасти у М.М.Бахтина, который применительно к анализу художественного текста предупреждает о том, что автор "авторитетен и необходим для читателя, который относится к нему не как к лицу, не как к другому человеку ..., а как к *принципу*, которому нужно следовать ... Индивидуальность автора как творца есть творческая индивидуальность особого, неэстетического порядка ... Собственно индивидуальностью автор становится лишь там, где мы относим к нему оформленный и созданный им индивидуальный мир героев или где он частично объективирован как рассказчик" (1986: 190). Как видно, Бахтиным не исключается полностью возможность почерпнуть из события произведения некую информацию об авторе-человеке, причем индивидуализация автора как человека есть уже "вторичный творческий акт читателя, критика, историка ... — акт, делающий его самого пассивным" (с. 191).

По всей вероятности, приведенное мнение Бахтина относится, во-первых, только к словесным произведениям подлинного¹⁴ искусства, во-вторых, к авторам этих же произведений. Следовательно, здесь речь идет о так называемом идеальном¹⁵ авторе.

С литературоведческих¹⁶ позиций образ автора художественного текста — способ авторского существования в пределах произведения, концентрированное воплощение сути произведения; он не всегда совпадает с образом рассказчика или повествователя.

Несмотря на разного рода "маски" (например, образ повествователя, образ рассказчика, образ автора-свидетеля, а также "маски" институционального дискурса), в которых автор произведения выступает перед читательской публикой, его так или иначе видно, так как автор-отправитель "стоит" за текстом. Этот факт в принципе позволяет интерпретатору извлекать из произведения *субъективную информацию* о свойствах отправителя. Такой подход к языку художественной литературы соотносится со способом "выражения и репрезентации языковой и концептуальной картины мира автора, "стоящего" за текстом ..." (Болотнова 2003: 656). Языковая картина мира автора становится, кажется, более прозрачной, доступной для наблюдения (интерпретации диффузии стилей) в тех случаях, когда речь идет об анализе¹⁷ фикциональных текстов, относящихся к так называемой массовой литературе (обычно пониженного художественного уровня). Принципиальная возможность изучать фактор "субъект речи" научных произведений с точки зрения индивидуального проявления данной категории в тексте не подлежит сомнению (об этом уже сообщалось в: Лапп 1993: 149; частные попытки на материале сербского языка — Стоянович 1996; 1998; 2000).

Итак, ответ на вышепоставленный (первый) вопрос может быть положительным. Однако необходимо учесть, что интерпретатор должен располагать двумя комплексами данных об авторе произведения: (1) *субъективным* (свойства, с которыми автор выступает перед другим, в первую очередь, получателем сообщения) и (2) *объективным* (характеристики отправителя сообщения, которые удастся выявить в качестве объективных). Примечательно, что объективная сторона отправителя осталась до сих пор почти неизученной (Поповић 1994: 159; Стоянович 1998: 101).

Суммируя все сказанное, теперь можно переформулировать *второй* из ранее поставленных вопросов. Вопрос этот теперь гласит: могут ли реальные знания интерпретатора о *субъективных* и *объективных* свойствах автора произведения оказаться достаточными для того, чтобы на текстовой плоскости выявить некоторые общие закономерности диффузии функциональных стилей?

Ответ на этот существенный вопрос можно дать лишь на принципиальной основе. В нашем представлении, надеяться на положительный ответ можно лишь при выполнении следующих условий, относящихся к факторам "интерпретатор текста", "субъективные свойства автора", "объективные свойства автора".

Во-первых, *интерпретатор* должен быть максимально информированным в области, именуемой "субъективные¹⁸ свойства автора". Область эта обращена к анализу языковой личности. Кроме того, здесь необходима опора на комплекс речеведческих и смежных дисциплин, фокусированных на изучение письменной речевой коммуникации, текста, вплетенного в широкий экстралингвистический контекст. Сюда также входят знания и навыки лингвистического анализа, осведомленность интерпретатора в традициях жанровых стилей, знания по когнитивной ортологии, умение интерпретатора различать " типовые (стереотипизированные) способы описания" (институционально поддерживаемые в данном обществе в прошлые времена и/или настоящем) и "стилистические приемы" (если приемы эти функционально и эстетически оправданы), словом, почти целый комплекс сведений об языковой личности (идиостиле) по данным описания творчества конкретного автора и т.д.

Во-вторых, интерпретатор-исследователь должен руководствоваться аксиоматическим суждением: "Стиль — это сам человек". В нашем представлении это означает, что стиль конкретного произведения представляет собой зафиксированный на текстовой плоскости "полезный результат" текстопорождающей (т.е. биосоциальной) деятельности, протекающей в данный "момент" при конкретной доминирующей мотивации автора-индивида. На данном произведении, так сказать, с математической точностью лежит отпечаток тех вовлеченных компонентов, взаимодействие и взаимоотношение которых приобретают характер взаимодействия компонентов для получения фокусированного полезного результата в реальном мире автора-индивида.

В-третьих, любые отношения между факторами "адресант" — "адресат" (непосредственные и/или опосредованные текстом, жестами и прочими символами и средствами), любые

биосоциальные отношения в обществе — все они протекают по одному и тому же универсальному (господствующему!) принципу "живой жизни". Принцип этот нельзя свести к некоему "воздействию", "диалогу" и/или "взаимодействию", так как везде и во всем (т.е. в любой функциональной системе, обладающей свойством саморегуляции, самоорганизации) царит не "идея диалогизации"¹⁹, а постоянно акцентируемый нами анохинский принцип **"взаимоСОдействие"**. Подразумевается, что взаимодействием гетерогенных компонентов управляет решающий компонент системы — "полезный результат". Конкретным механизмом взаимодействия компонентов является освобождение их от избыточных степеней свободы, не нужных для получения данного конкретного результата, и, наоборот, сохранение всех тех степеней свободы, которые способствуют получению результата. Потому мы согласны с утверждением П.К.Анохина о том, что "именно результат функционирования системы является движущим фактором прогресса всего живого на нашей планете" (1973: 31).

Теперь нам ясно (об этом уже сообщалось: Stojanović 1999), что исследователи попадают в заколдованный круг традиционных понятий, где постоянно цитируются "целостность", "интегративность", "упорядоченное множество", "взаимодействия", "воздействия", "сложная взаимосвязь", "регулятивность", "регулятивные макроструктуры", "диалогичность", "диалоговые отношения", "диалогизация", "взаимосвязь разноуровневых единиц" и другие подобные термины, которые становятся даже центральными понятиями системы. В самом деле, все эти термины по самой своей сути являются лишь вариациями одного и того же понятия целостности (ср.: Анохин 1973: 54).

Таким образом, общим методологическим инструментом познания сложных явлений в сфере биосоциальных объектов (именно сюда мы включаем язык/речь, текст как феномен человека и культуры, частные вопросы типа "диффузия функциональных стилей" национального языка и пр.) является анохинская теория функциональных систем. Ценность данной теории как методологического инструмента не в том, что она может, так сказать, сиюминутно решить проблемы методологии "нашего дела", а в том, что она помогает поставить новые вопросы исследования, повести мысль по новому пути. Это ей удастся потому, что в ней были найдены, в самом деле, универсальные черты функционирования, изоморфные для огромного количества объектов, относящихся к различным классам явлений.

Итак, дадим в нескольких предложениях рабочее определение изучаемого явления. В общем виде диффузия, или смешение, стилей в одном письменном произведении представляет собой не что иное, как сохранение на текстовой плоскости того или иного комплекса "избыточных" (с точки зрения интерпретатора) степеней свободы употребляемых единиц. Несмотря на свою "избыточность" (избыточность степеней свободы оценивается, разумеется, достаточно осведомленным интерпретатором, а не адресантом, так как отправитель для своих целей это уже сделал), единицы эти в своих взаимодействиях с другими единицами того же авторского произведения (и не только) способствуют получению запрограммированного полезного результата текстопорождающей деятельности именно автора-индивида. Автору (творцу произведения) не удалось бы извлечь конкретную "пользу" из собственной деятельности без **взаимоСОдействия** с определенными институциональными факторами. В случаях так называемого "механического"²⁰ смешения" функциональных стилей интересы адресанта и адресата далеко не совпадают.

2.4. Интерпретация частных случаев "диффузии" (на материале научных и художественных произведений сербского языка). Переходя к практическому анализу отдельных случаев своеобразного "смешения" стилей, сочетания признаков разных функциональных стилей в одном речевом произведении, необходимо внести ряд предварительных замечаний о характере предпринимаемого описания и анализируемых источниках.

2.4.1. Отметим: цель данного описания не в том, чтобы доказывать наличие в речи "диффузии" как "очевидного" феномена, присущего в той или иной степени, в тот или иной период жизни, любой языковой личности. Наша задача — проиллюстрировать на материале произведений сербской беллетристической и научной речи некоторые частные случаи коммуникативно "адекватного" и "менее адекватного" ("механического") смешения стилей, а затем попытаться подойти к возможным причинам и общим закономерностям функционирования человека в речевой деятельности. Говорить об адекватности/неадекватности возможно потому, что смешение стилей представляет собой не "хаос всеобщего взаимодействия компонентов гетерогенной системы", а упорядоченное взаимодействие множества компонентов системы на основе **степени их содействия** в получении целой системой строго определенного полезного результата.

Следует подчеркнуть, что усилия ученых в области стилистики речи давно направлены именно на раскрытие закономерностей функционирования языка. Так, например, в начале 70-х гг. по поводу раскрытия причин диффузии стилей М.Н.Кожина отмечала: "...при функционировании языка в реальной действительности могут иметь место явления своеобразного "смешения" стилей, сочетания признаков разных функциональных стилей в одном речевом произведении. Это происходит однако — что важно! — при сочетании двух задач общения (обычно реализуемых по отдельности каждым из "сочетающихся" стилей), что, в свою очередь, вызвано преобразованием соответствующей стилиобразующей экстралингвистической основы. Характер речи изменяется не сам по себе по воле какого-либо автора, но вслед за изменениями внелингвистической стилиобразующей основы, с которой он находится в тесном единстве. Диалектика и неразрывность этой связи, пожалуй, особенно явно проявляется как раз при подобных изменениях, когда вслед за преобразованиями внелингвистической основы, сдвигами в функции и целях общения последовательно и закономерно изменяется и характер речи" (Кожина 1972: 82-83). Мнение ученого гармонирует с настоятельным призывом В.В.Виноградова изучать "способы употребления языка", ибо "языковая система не только "порождает" речь, не только сдерживает ее поток в известных берегах и пределах, но и питается ею, применяется под ее сильным воздействием (...) Специфику *parole* составляют главным образом те языковые явления, которые именно в речи, т.е. в практическом применении языка, и существуют (...) Однако и здесь на первый план исследования выступают способы употребления языка и его стилей в разных видах монологической и диалогической речи и в разных композиционных системах, вызванных или кодифицированных общественной практикой — социально-групповой, производственно-профессиональной и т.д. Только такой подход и создает возможность построить стилистику речи на основе анализа форм общественной языковой практики" (Виноградов 1981: 31-32). Потому неудивительно, что при изучении диффузии стилей "способы употребления языка" нередко отождествляются с учением о стилистических приемах (типично для трудов Е.С.Троянской и др.). В других же случаях исследователи руководствуются учением о "типовых способах описания" (Кукушкина 1998). Именно опора на " типовые способы описания" в качестве одного из отправных пунктов при анализе диффузии стилей и других форм общественной языковой практики представляется оправданной.

2.4.2. Характер анализируемого сербского материала (научные статьи, научно-учебная литература, произведения массовой беллетристической литературы) требует краткого пояснения. Специфику некоторых сербских литературных произведений можно раскрыть сопоставлением с той характеристикой, которую получает соответствующая современная российская "художественная" литература. Ср.:

Литератор — это не бизнесмен и не спортсмен: ему все-таки что-то писать надо. Вот они и пишут в соответствии с полученными задачами то, что отрицает литературу как таковую: лирический герой теперь подонок, безумец, преступник, Бога и прочую метафизику надо поносить и всячески осквернять. То, что раньше табуировалось в приличном обществе, ибо считалось уделом пьяных кучеров — от лексики до содержательного ряда — теперь выплескивается на страницы книг — вся эта фекальность, расчлененка; попытки описать физиологию спаривания, рождения и умирания вплоть до откровенной некрофилии; распад языка и снижение лексики; монструозное смешение различных функциональных стилей русского письменного языка; резкие диссонансы в переходах от высокой лексики к матерности плюс к этому наплевательское отношение к аспектам формы, которая особенно важна для поэзии и сюжетосложения в прозе, не говоря уже об умении повествовать, — вот вы и получили очертания актуального современного литературного произведения" (Березовчук, Марковский 2003; выделено нами. — А.С.).

Учитывая сделанные пояснения, перейдем к отдельным иллюстрациям и их интерпретации.

2.4.3. Первую группу иллюстраций можно озаглавить виноградовским примером **"Интеграл ведет себя вполне прилично"** (Виноградов 1981: 22).

Данный тип диффузии характерен, скорее всего, для детской речи (примеры в сербском мы не будем приводить). Такие отклонения от типовых способов описания обычно свидетельствуют о трудностях при овладении системой "неписаных правил", указывают на недостаточную степень формирования (стереотипизации в социокультурной среде) навыков текстоформления (притом не исключается возможность использовать такую речь для целей художественного повествования, см. об этом ниже). Устранение такого рода отклонений (обычно в письменных сочинениях школьников) производится под руководством преподавателей. При оценке стандартного текста с точки зрения норм, принятых в данном языковом коллективе, отклонения эти воспринимаются уже как неудачи и могут свидетельствовать о нестандартном или неточном осознании, плохом

усвоении типового способа осмысления и описания какого-либо объекта действительности (Кукушкина 1998).

2.4.4. В отличие от стандартного текста (так называемые строгие языковые сферы, иначе — зоны институционального дискурса), в нестрогих языковых сферах (язык художественной литературы и прочие формы бытового и бытийного общения — Карасик 2000) могут использоваться "элементы" любых функциональных стилей — как в отдельности, так и в намеренном смешении. Известно, что смешение стилей в литературном произведении, помимо выполнения местных, контекстуальных задач, иногда является одним из основных средств реализации авторского замысла. С подобным явлением в русской литературе мы встречаемся, например, в повести "Роковые яйца" М.Булгакова, где разнообразное смешение функциональных стилей является значимым приемом²¹ организации текста (примеры в сербском языке см. ниже).

Как бы обязательной (предсказуемой!) составляющей приема "намеренное смешение стилей" является запуск так называемого *иронического модуса* повествования. Ирония как прием может сблизить самые различные способы мирооценки: сентиментальное вступает в борьбу с рациональным, элегическое — с саркастическим, сатирическое — с юмористическим, героическое — с авантюрно-плутовским и т.д. Однако интерпретатор должен считаться с тем, что каждый настоящий "художник-ироник является в мир с неповторимым даром. Не с темой и манерой, а с тем особым зрением, которое не дается подражателям и последователям-буквалистам. Эпигоны способны имитировать элементы формы, а ирония требует концептуального видения, языкового чутья и остроумия" (Третьякова 2001). Иначе говоря, ироническое в литературе нельзя свести к случаям простого "говорения наизнанку" ("Ваш рысак еле ноги передвигает"), так как феномен иронического связан с так называемой языковой картиной мира. Не вдаваясь далее в подробности рассмотрения иронии как эстетической категории (оставим это специалистам в соответствующей отрасли), заканчиваем свой экскурс констатацией: "Ирония... изображает жизнь такой, какова она есть. Иронический писатель делает акцент не на объекте, а на субъекте... наивный ироник афиширует свою ироничность, а рафинированная ирония оставляет читателю возможность как бы самому привнести ее в повествование" (Н.Фрай, Анатомия критики — цит. по: Третьякова 2001).

Находясь в роли читателя-интерпретатора, в рамках афишированного иронического модуса сербских литературных произведений XX-XXI вв., различаем, весьма условно, два типа диффузии стилей. Именно: (1) тип *эффективного* (коммуникативно адекватного, узуально приемлемого) смешения стилей и (2) тип *эффектного* (коммуникативно эгоцентрического, художественно немотивированного, социокультурно ущербного, узуально неприемлемого) взаимопроникновения стилей.

Примечательно, и это чрезвычайно важно отметить, что и в том и другом случае адресанту удастся (!) достигнуть *полезного результата* текстопорождающей деятельности. Значимая разница (т.е. последствия) прослеживается лишь в ответной реакции адресата: в первом случае — возможное чувство наслаждения, во втором — так называемый "незапланированный" коммуникативный эффект, или избыточная информация о характере личности автора, снижающая степень авторитетности его утверждений и вызывающая сомнение в его компетентности, в достоверности сообщаемых им сведений (об этом уже попутно сообщалось в: Стоянович 1996: 14).

2.4.4.1. Приведем пример эффективного (узуально приемлемого) смешения стилей, почерпнутый из повестей Иво Андрича (в нижеприводимом отрывке художественного текста имеет место "осмотрительное" смешение разговорного стиля с элементами научного). Ирония как прием в данном примере сводит сатирическое с юмористическим (передается образ ученого, читающего свой доклад наподобие турлыкающего индюка). Иронический модус способен сообщить читателю чувство интеллектуального превосходства над объектом изображения. Ср:

Мршави научник на говорници низао је металним ћурликавим гласом своје брзе речи и кратке реченице. (...) ... он је непрестано понављао реч код које је застао, и при том истезао и дуљно врат, лепршао дугим рукавима као крилима, укратко: шепурио се и ћурликао. Загледан тако у говорника који се очигледно трудио да личи на ћурана, стенограф није одмах ни приметио шта се догађа у дворани; а кад је прешао погледом преко ње, видео је да се постепено али брзо претвара у менаџерију. (...) Издуживши врат и закренивши главу према председнику изнад себе, говорник се учтиво извињавао ћурличући: — Молим, молим, молим!

(Маш, 66).

Бросается в глаза, что зоологический и животноводческий термин-понятие "ћуран" (рус. индюк) в контексте художественного текста (благодаря "художественно-образной речевой

конкретизации" — Кожина 2003б) "переводится" в слово-образ. В научном тексте этот же термин выполняет иную функцию. Ср:

Polni dimorfizam. Odrasli ćurani svih rasa imaju na grudima kićanku od dlakastog perja crne boje. Kao i kod kokošaka tako i kod ćuraka mužjaci su krupniji i teži od ženki (Krs, 77).

Естественно возникает вопрос: каким механизмом регулируется "статус" одного и того же, внешне тождественного, компонента ("ћуран"), вовлекаемого то в одну (произведение художественной литературы), то в другую (научное произведение) гетерогенную систему? Ответ на поставленный вопрос для нас может быть вполне определенным: механизм этот называется "взаимосодействие компонентов" (освобождение компонентов от избыточных степеней свободы, не нужных для получения данного конкретного результата, и, наоборот, сохранение всех тех степеней свободы, которые способствуют получению результата — Анохин 1973: 28).

Среди названных (коммуникативно адекватных) речевых реализаций встречаются переходные случаи, получившие у нас название "относительно приемлемые случаи смешения стилей". Имеются в виду, в первую очередь, довольно обширные по своим размерам иностилевые текстовые фрагменты-вкрапления. Вкрапления эти достаточно диссонантны по своей тональности на общем фоне повествовательного текста. Будучи явно "инородными телами" (обычно воспринимаются как "часть ткани чужого организма"), фрагменты-вкрапления продолжают в принимающем тексте жить не полноценной жизнью, а попросту "прозябать в организме нового хозяина без сохранения их способности к росту и размножению". В таком виде они обычно не способны явиться помехой на уровне линейного развертывания предложения принимающего текста. Тем не менее при попытке сочетания "двух задач общения, обычно реализуемых по отдельности каждым из "сочетающихся" стилей" (Кожина 1972), вкрапления эти вступают в противоречие с традициями конкретного жанра, ломая стереотипы (Стоянович 2002, 2003). Ср. вкрапление (как бы в "дидактических" целях) стихотворения для детей и "крылатых слов Шекспира" в интродуктивную часть научно-учебного произведения, предназначенного для студентов экономического профиля (Pet: 250, 446; ср.: Гла, 29, 64, 125) :

Jedan mali dečko nije ništ' uživ'o

Sve je shvat'o tužno, sve je shvat'o krivo

Mučila ga često i ta mis'o crna:

"Zašt' nijedna ruža da nije bez trna? ... (Jovan Jovanović Zmaj).

Glupi su oni koji misle da su mudri,

a mudri su oni koji misle da ne znaju ništa (Šekspir).

Подобного рода вкрапление "поэзии" и "беллетристики" в научно-учебную литературу по специальности нарушают не общеязыковую правильность речи, а вступают в противоречие с устоявшимися традициями, нарушая в конкретном случае ход развития данного письменного жанра научной литературы на протяжении многих столетий истории сербского языка. Примечательно, что интеллектуальное содержание этих же вкраплений совершенно не противоречит узусу *устной речи* (в вузовских условиях, во время перерыва между занятиями или на лекциях они могут использоваться преподавателями как средство интеллектуальной или культурно-развлекательной разминки и т.п.). Наличие анализируемых вкраплений в современной сербской научно-учебной литературе может сигнализировать или о недостаточной степени осведомленности адресанта, "механической" межкультурной интерференции в процессе текстопорождения (некритический перенос данного приема из чужой культуры в родную), или же, скорее всего, о проявлении коммуникативной эгоцентричности (самовлюбленности) отправителя (о подобного рода вкраплениях сообщалось: Стоянович 1999: 150-153; 2002: 154-155).

К группе "относительно приемлемых случаев смешения стилей" можно отнести те "сдвиги в функции и целях общения" (Кожина 1972: 82-83), которые коммуникативно обусловлены характером описываемого объекта, а потому изменения в характере речи, так сказать, вынуждены ("нельзя сказать по-другому"). Ср. усиление элементов разговорности, образности (на письме множество кавычек) в отрывке научно-учебного текста, в котором сообщается о "Социальном поведении лошадей" (через сравнение и аналогии с речевым поведением человека):

U svakom slučaju može se reći da je njištanje signal protesta, koji znači: "Prestani, bilo je dosta"! Kad se njištanje emituje punom jačinom čuje se do sto metara daleko (...) Nosi sličnu poruku kao frktanje, ali po sadržaju nešto blaži i otprilike glasi: "Život je lep!" Osim navedenih osnovnih zvukova konji ponekad "gunđaju" (kad su umorni ili kad im je dosadno), uzdišu ili bučno hrču (Mit, 30-31).

Отметим, что в рассматриваемом случае отклонение от тональности научного слога не воспринимается как авторский произвол, так как читатель ясно осознает, что здесь интересы адресанта и адресата почти совпадают. Иначе говоря, автор произведения пользуется не

эффектами, ухищрениями и коммуникативными манипуляциями (как это нередко бывает — об этом см. ниже), а проявляет доброжелательность, корректность к адресату (и социуму). Потому "авторское алиби" в проиллюстрированном речевом поведении одобряется читателем (и интерпретатором расценивается как случай эффективного смещения функциональных стилей).

2.4.4.2. Тип эффектного (коммуникативно эгоцентрического) смещения стилей характеризуется тем, что говорящий стремится оформить речь (ее стиль) наилучшим образом не с точки зрения общества (интересы социума здесь отодвинуты на задний план), а именно с точки зрения адресанта, причем как бы в соответствии с "собственным пониманием" правил общения в данной социальной сфере. Данный тип смещения стилей актуализирует принцип общения: максимум личной (т.е. авторской) пользы при минимуме социальной ответственности. А если это так, то применительно к таким случаям правомерно задается вопрос: "ошибается" ли в чем-нибудь творец такого рода произведений? В чем заключается авторская польза от такого речевого поведения? Прежде чем попытаться дать ответы на поставленные вопросы, обратимся к иллюстрациям, почерпнутым из высокотиражируемого современного романа "Убийство на Дедине" Радомира Смилянича (см.: Smi). Небезынтересно остановиться сначала на внешнем оформлении книги.

В верхней части передней обложки романа яркими красками выставлена пометка "Суперроман", а внизу крупным планом разрисована обнаженная девица, держащая в руке алый цветочек (она стоит в деревянной бочке, рядом полотенце как "алиби на обнаженность"). На задней обложке — фотография автора, а внизу — перечень его романов и трилогий, ставших, как сообщается, уже "классическими" (профессия автора — "вольный художник"). Далее читаем, что единственным рецензентом и редактором анализируемого романа является Драгош Калайич (живописец по образованию, скандальная личность СМИ, друг или хороший знакомый вольного художника Р.Смилянича). Этим описанием уже подготовлено читательское восприятие к предстоящему "выплескиванию на страницы романа лексики пьяных кучеров и прочей фекальности" (Березовчук, Марковский 2003).

С явно афишированной иронией писатель выступает перед читателем в роли рассказчика-наблюдателя, повествующего о "коммунистах в контексте научного сексуального эксперимента" (Smi, 79-95). Здесь авторская индивидуальность достаточно объективирована, а "стиль не может быть случайным" (Бахтин 1986: 186), причем в такой позиции автор-рассказчик в монологическом высказывании теряет алиби на собственные орфографические, логико-грамматические и стилистические ошибки, на "монструозное смещение функциональных стилей". Налицо речевая некомпетентность не автора-рассказчика, а собственно творца произведения. Здесь автору-человеку ("стоящему за текстом") не удалось укрыться соответствующей "институциональной маской". Точнее, авторское отношение к родному слову таково, что допущенные им речевые ошибки событийно и художественно ничем не мотивированы. Следовательно, явные речевые ошибки не воспринимаются читателем-интерпретатором как какой бы то ни было художественно-стилистический прием автора.

Не владея в достаточной степени (хотя бы пассивно) научным слогом, писателю монологического повествования почему-то показалось, что вполне достаточно упомянуть слова "ученый" (научник), "профессор" (професор), "доктор наук" (докторица наука) и пару иностранных слов (характерных скорее для газетной речи), чтобы создать ассоциацию "обстановки научного эксперимента и стиля речи ученых"; остальные немногочисленные элементы научного слога попросту подменены административно-канцелярским просторечием. Вольному художнику почему-то показалось, что ученые именно так и говорят, а в действительности так могут говорить лишь пьяные кучера. В гибридной смеси соседствуют, кроме упомянутых элементов, ненормативная лексика (самая грубая матерная брань, совершенно недопустимая с точки зрения общественной морали), непривычные иноязычные (неадаптированные) вкрапления, слова и выражения с экспрессивной окраской публицистического характера, жаргонизмы, вульгаризмы²² "пьяных кучеров", газетная лексика политического дискурса и т.д. Словом, у автора монологического литературного повествования все смешалось: элементы всех стилей смешаны с авторскими орфографическими и грамматико-стилистическими ошибками. У читателя создается впечатление, что творцу литературного произведения в момент творческого акта "некогда было" заниматься исправлением ошибок в рукописи ("некогда было" и рецензенту-редактору). Тем не менее автору (при взаимоСОдействии с рецензентом-редактором!) удалось извлечь пользу из собственной текстопорождающей деятельности. **Это — полезный результат текстопорождающей деятельности автора в реальном мире.** При таком полезном

результате текстопорождающей деятельности ошеломленному читателю остается (наподобие усилий Кукушкиной 1998) заниматься исправлением логико-грамматических и прочих ошибок (в нижеприведенных цитатах, почерпнутых из *монологической* речи автора-рассказчика, нами особо выделены элементарные языковые ошибки, допущенные именно "человеком, стоящим за текстом"). Ср.:

– художественно не мотивированное проникновение страдательных оборотов *канцелярской речи* (с причастиями процессуального значения, обычными при таком употреблении в сербской деловой речи) в спокойное, казалось бы, *лирическое* авторское повествование *о пятилетней девочке*:

Mala Slađana, omađijana mirišljavom tablom primamljivog slatkiša, potrča u pokazanom pravcu da uzme još tog blaga, usput je već otvarala primljenu prvu tablu, zagrizala u nju sva se izbrljavši po nosu i obrazima. Zaboravila je za trenutak na igru, trčala je do označenog joj ugla i tamo joj pokazane tete, koja joj je mahala drugom čokoladom u šaci (Smi, 127);

– афишированная ирония (с интенсификациями типа "zelenooka Finkinja, naučnik svetskog glasa", "atraktivna Finkinja, doktor nauka", "privlačna finska naučnica, madam prof. dr Frin Gudrund") авторского монолога пронизана логико-грамматическими и орфографическими ошибками "творца, стоящего за текстом":

Zelenooka Finkinja, naučnik svetskog glasa, bila je konačno pripremljena da celim svojim bićem i telom prihvati ovaj neobični uzorak za svoje istraživanje, dakle predstavnike japanske populacije. Sva drhtava, užarena, opružila se i raskrečila na prašnjavom podu prljavog tavana, premreženog paučinom i lastavičjim i golubijim gnezdima, s oporim mirisima u vazduhu na golubje i ostale ptičje izlučevine (Smi, 87);

Ср. монологическое описание технологического процесса (с оттенком иронии) в рамках фикционального произведения "Эрогенная зона", пронизанного элементарными (художественно не мотивированными!) орфографическими ошибками (в выделенных однокорневых словах вместо ошибочного ОТ- следует писать ОД-): "Кокош се, најпре, ударом струје, електрошоком, онесвести, онда на бескрајној траци виси, долази до двојице касапа који им **отсецају** главе. Крв. Много крви. Касапи раде 7 сати дневно исту радну операцију — **отсецање** кокошке главе. Хиљаде отсечених глава. Крв. Кокоши **отсечених** глава иду према шурионици" (Маш: 190);

– в нейтральное монологическое повествование о наивной детской игре проникают как "незапланированные диссонантные вкрапления" два соседствующих грамматических отклонения (две грубые ошибки в падежных окончаниях):

I petogodišnja devojuica, treće dete porodice mehaničara Zovka, otrua pet-љest korauaji [правильная форма гласит "korauaja" — А.С.] ka spoljnjem [правильная форма гласит "spoljnom" — А.С.] delu kapije. — Jen', dva, tli ... (Smi, 126).

Кажется, нет особой надобности продолжать цитаты многочисленных иллюстраций "наплевательского отношения" некоторых "вольных литераторов" к нормам функциональных стилей и родному (сербскому) слову. К сожалению, монструозному смешению стилей (в сочетании с элементарными языковыми ошибками) следуют, и это важно подчеркнуть, самовлюбленные сербские лингвисты, даже некоторые академики-сербисты (об этом неоднократно сообщалось: Стоянович 1996; 1998; 2000). С некоторой долей упрощения можно сказать, что халатное отношение к сербскому языку становится, так сказать, нормой социального поведения, как бы этнолингвистической константой сербской языковой личности. Этот факт вплотную подводит нас к возможной расшифровке некоторых закономерностей "механического смешения стилей".

Итак, мы можем сейчас задать основной вопрос: в чем именно заключается авторская польза (в анохинской терминологии — "конечный полезный результат") от эффективного и эффектного (монструозного) смешения стилей? Ошибается ли в чем-нибудь автор-индивид, порождая письменные произведения с "монструозным смешением стилей"?

Для нас ответ на первый вопрос является вполне определенным: язык/речь в целом (текст, жанр, любые разновидности письменных и устных реализаций, причем любой сложности, любой их комплекс и любое множество), конкретное письменное произведение как биосоциальный объект (фазный приспособительный результат в истинном континууме результатов организма), каждый поведенческий акт животного и человека, приносящий какой-то результат, большой или малый, неизбежно формируются по принципу функциональной системы. Результат является в самом деле центральным фактором системы. Более того, **не может быть понятия системы без ее полезного результата** (об этом уже неоднократно говорилось).

Несколько непривычным для вкуса специалистов в области стилистики и культуры речи может показаться доказываемый нами факт, что и "монструозное смешение стилей" может давать (и

непременно дает) полезный результат в реальном мире индивида-творца произведения. Само описание речевых отклонений (ср. Кукушкина 1998), "наплевательского" отношения к стилю, жанровым конвенциям, родной речи и обществу не является самоцелью. Оно призвано доказать не обыденный факт, а общую закономерность: как при эффективном (адекватном), так и при эффективном смещении стилей порождающая их система работает по одному и тому же универсальному принципу, где центральное место отводится понятиям "результат" и "взаимоСОдействие". Этот же принцип функционирования соблюдается за пределами текстопорождающей системы, в обществе, в соответствующих (ответных) реакциях адресата. Это означает, что и порождающая система адресанта, и "организм" общества, и "принимающая система" ("организм адресата") функционируют по одному и тому же принципу. В этом и заключается поразительная гармония существования живого на нашей планете.

Только теперь нам действительно ясно, почему уместно в лингвистической работе поставить вопрос: ошибается ли в чем-нибудь автор-индивид, порождая письменные произведения с "монструозным смещением стилей"? Здесь мы можем дать вполне определенный ответ: с точки зрения биологических закономерностей собственного функционирования автор-индивид поступает безошибочно.

Будучи базовой биологической сущностью, перед тем как принять решение о публикации рукописи произведения (при доминирующей в данный момент мотивации), автор должен, — наподобие примера²³ с пешеходом, собирающимся перейти через улицу, — тщательно оценить довольно большое количество компонентов этого афферентного синтеза (*собственное материальное*²⁴ *положение*, потребности членов семьи, предстоящие планы, состояние и сроки возвращения долгов, условия и жесткость сроков для написания следующей книги по заключенному договору, свои силы, *достаточность/недостаточность отшлифовки рукописи данного произведения*, наличие интеллектуальной конкуренции, *наличие/отсутствие знакомых в издательствах и других учреждениях культуры*, прогрессивные веяния моды на книжном рынке, языковые и типографические традиции общества, актуальную в данный период ситуацию в обществе, психологию массовой читательской публики и т.д.). Иначе говоря, автор решает вопрос о выборе действия с наилучшим результатом. Если же в таких условиях автор оценил, что в данном обществе и в данный момент он может (правда, это зависит от черт авторского характера) на основе издательского nepотизма реально опубликовать даже недостаточно отшлифованную рукопись собственного произведения, извлекая биологическую пользу для себя и редактора-рецензента под лозунгом "во имя искусства и взаимовыгоды", то не следует обвинять участников этого истинного взаимодействия в биологически адекватном их поведении. Это — максимум личной пользы при минимуме социальной ответственности. Следовательно, речь идет о болезни данного социального организма, ослаблении его иммунитета и/или нарушении какого-то из узловых механизмов общества.

С точки зрения социально-биологических потребностей адресата, живущего в данном обществе, встреча с "монструозным смещением стилей" воспринимается по-разному. Кажется, большинство сербских читателей уже адаптировались к "условиям болезни общества", так сказать, не обращают внимания на "болезненные места", точнее — принимают это как условность или "форс-мажорные обстоятельства", как бы перестают замечать "диффузию стилей", увлеченные поиском полезной для себя информации (средний сербский читатель "привык" к речевым отклонениям не только в беллетристике, но и в научных текстах, в средствах массовой информации, в быту). Остальная часть читательской публики (осведомленный адресат) в той же ситуации обычно испытывает "культурный шок" или так называемый "незапланированный коммуникативный эффект".

3. Выводы. Теоретическое описание феномена диффузии функциональных стилей национального языка с главной опорой на общую теорию функциональных систем и особым учетом прагматики (мотивационно-потребностной сферы общающихся), а также конкретный анализ частных случаев описываемого явления, проделанный на материале письменных произведений научного и художественного стилей современного сербского языка, позволяют сформулировать общую закономерность "диффузии стилей" и функционирования человеческого фактора в языке.

Общая закономерность найдена нами в том, что текст как биосоциальный объект (включая феномен диффузии функциональных стилей) функционирует по универсальному принципу живого организма. Потому принцип этот (известный с 30-х гг. XX века под названием "взаимоСОдействие") можно предложить в качестве общего методологического ориентира при исследовании текста и человеческого фактора в языке.

1 Термин "диффузия" (функциональных стилей) заимствуется нами из: Троянская 1986: 23-24.

2 Трудности изучения диффузии стилей усугубляются и тем, что количественно-качественные лингвистические характеристики ядра, периферии и пограничных областей, их соотношение друг с другом не полностью совпадают в разных языках и культурах. Этот факт важно учитывать при сопоставительных исследованиях.

3 Данная статья не претендует на исчерпывающее описание материала. Анализируемые источники представляют собой случайную выборку произведений (ядерных и пограничных зон стиля), достаточную для подкрепления наших теоретических доводов. Потому анализ диффузии функциональных стилей сербского языка на материале всевозможных разновидностей фэнтезийной (научно-художественной, научно-фантастической), научно-популярной и пр. литературы в задачи настоящего описания не входит. О традиционном подходе к описанию языка поэзии, языка и стиля сербских писателей см., напр., Jović 1975.

4 Функциональная стилистика начинает получать от общей теории функциональных систем новое направление и в объяснении, и в разработке. Правда, это лишь первые шаги (Стоянович 1998: 76-77; Stojanović 1999; 2003: 206-207).

5 Общая теория функциональных систем зародилась как концепция "примерно в 1932-1933 гг. и была сформулирована в достаточно развитой форме уже в 1935 г. в сборнике "Проблема центра и периферии в нервной деятельности" (Анохин 1973: 53).

6 Обратная афферентация — это сигнализация о полезности действия. Это абсолютно необходимое условие существования *всякой* функциональной системы: и живого организма (включая текстопорождение), и человеческого общества, и автоматически регулируемой машины.

7 Выражение "реорганизовать систему" (Анохин 1973: 29) внушает нам идею рассматривать на текстовой плоскости диффузию функциональных стилей как определенный вид реорганизации системы под императивным действием полезного результата деятельности индивида (адресанта).

8 Теоретиками полезности давно определено значение пользы: "Суд последней инстанции — это не блестящий свовесный аргумент, не солидно звучащий абстрактный принцип и даже не ясная логика или математика, — это результат в реальном мире" (Bross J.D., Design for decision, N.Y., 1953; цит. по: Анохин 1973: 33-34). В нашем понимании, "полезность" подразумевает предельно широкую трактовку, включающую, помимо прочего, психосоциальный аспект полезности (напр., полезность в реальной жизни индивида от принадлежности к определенной социальной группе; индивид так или иначе воспринимает группу как средство, способствующее достижению тех или иных индивидуальных целей). Иными словами, "полезность" (включая полезность текстопорождающей деятельности) увязана с мотивами и удовлетворяемыми потребностями. Последние могут проявляться на действенном и/или вербальном уровне; они могут быть эгоцентрическими или социоцентрическими (Головин 1997: 425).

9 Дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений. С позиций прагматингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания (Карасик 2000: 5).

10 Говоря о "раскодировании" (понимании), не следует преувеличивать значения печатного и устного слова (особенно при передаче субъективных переживаний от одного Я к другому). По этому поводу мы следуем предупреждению: "Оно [слово — *прим. А.С.*] не только не могущественно, но и не может быть могущественным *при настоящих условиях*, во-первых, в силу естественных законов, управляющих психофизическим организмом самого "культурного" из всех зверей, а во-вторых, в силу того, что мы, не зная этих законов, до сих пор слепо верим в силу книжного содержания, а не силу читательской мнемы (...) Одно дело слово, и совсем другое дело — реальность. Первоначальные энграммы, поставляемые жизнью, — непобедимая преграда для распространения и господства лжи. Слово, не соответствующее реальности, в конечном счете не действует" (Рубакин 1977: 233).

11 В данном случае "конечный результат" приравнивается к "фазному результату", так как он относится к конкретному поведенческому (речетворческому) акту. Это потому, что, говоря о "конечном результате", мы помним из общей теории функциональных систем, что организм (языковая личность) живет в среде непрерывного получения результата, в подлинном континууме результатов, после достижения определенного фазного результата начинается "беспокойство" по поводу последующего результата" (Анохин 1973: 31).

12 Минимум социальных ожиданий реципиента относится по крайней мере к тому, что можно назвать "типовой способ описания". Это — способ, которым принято пользоваться в данном языковом коллективе при передаче данной информации в данных условиях общения и при данных целях этого общения. Когда отклонения от типовых способов описания функционально оправданны, они рассматриваются как стилистический прием (Кукушкина 1998).

13 Известно, что мотивы образуют иерархическую структуру (сфера мотивационная). "По своей роли не все мотивы, побуждающие к некоей деятельности, равнозначны: один из них, главный, называется мотивом ведущим, второстепенные — мотивами-стимулами" (Головин 1997: 310).

14 Словесное произведение "подлинного искусства" — условное выражение, которое связано с распознаванием эстетической объективности. Подразумевается, что "объективных общезначимых критериев для распознавания эстетической объективности не может быть, этому присуща только интуитивная убедительность" (Бахтин 1986: 184).

15 В докладе "О произведении" (Библер 2002: 269-284) попутно затрагивается вопрос об идеальном авторе произведения. Там же записано: "Автор, реально создающий произведение, вместе с тем как бы из произведения проецирует себя как *идеального автора*, которого вычитывает соавтор, читатель, слушатель, и некоторого *идеального соавтора* — читателя этого произведения. Из недр произведения, уже как бы самой силой произведения, проецируется не просто частное лицо автора, но некоторый идеальный образ автора, находящийся *вне* произведения, создающий это произведение и вместе с тем читаемый соавтором как некоторый вне произведения находящийся идеализованный образ. Также и наоборот: каждый автор не только создает произведение, он проецирует из произведения некоего идеального соавтора". Добавим: это не случай "диалогизации" (как думают многие современные исследователи), а яркий пример и доказательство проявления анохинского принципа "взаимоСОдействия".

16 Ср.: "Термин "автор", как известно, может обозначать: 1) реальную личность писателя; 2) повествователя, субъекта персонажа; 3) художественную личность создателя ("автор" как присущий данному произведению создающий субъект, который обозначается ... самим произведением, так что только из самого произведения мы о нем и узнаем, иначе, "автор" как "художественная личность писателя". "В сфере эстетической коммуникации образ автора соотносится с реальной лично стью творца литературного произведения, который выражает в словесно-художественной форме свое мировоззрение, эстетическое кредо, свой лексикон, тезаурус, ассоциации. Вместе с тем образ автора и писатель — не тождественные понятия..." (Болотнова 2003б: 254). О понимании фактора "субъект речи" применительно к произведениям научной литературы см.: Лапп 1993: 148-149.

17 В настоящей работе анализу подлежат в основном произведения "массовой художественной литературы" сербского языка (см. Список исследуемых цитированных источников).

18 "Субъективные свойства автора" — понятие, которое частично совпадает или пересекается с понятием-термином "языковая личность" ("языковая картина мира"). Точнее, оно значительно уже по содержанию, и совпадает лишь с пунктами "а" и "б", представленными в описании данного понятия М.П.Котюровой (2003а: 660).

19 Ср.: "Идея диалогизации стала ведущей в современном гуманитарном знании, включая стилистику..." (Болотнова 2003б: 254-255).

20 "Механическое смешение стилей" — это, как правило, отрицательное явление в речевой культуре данного общества. Будучи таковым, его не следует отождествлять с попытками "стилевой игры", несколько искусственными учебно-тренировочными текстами (стилистическими упражнениями) типа Keno R., Stilske vežbe (prevod: Danilo Kiš), Beograd, 1999. Кроме того, механическим смешением стилей мы не будем считать разработку особых ("тренировочных") жанров научно-художественной речи для подростков (см. Осетинский, Курганов 2001).

21 О стилистическом приеме "намеренное смешение функциональных стилей" на материале повести "Роковые яйца" М.Булгакова см. работу Михаила Новикова (Научный руководитель: О.А.Титов, преподаватель ЯГПУ).

22 Вульгаризмы в данном произведении нельзя отождествлять с подобным явлением в сербской народной поэзии. В последней многое оправдывается якобы опорой на фольклор. Ср.: "Tera čika bika preko Lozovika// Skini mala, malo ambalažu// da uteram kola u garažu" (пример заимствуется из: Jović 1975: 149).

23 Ср.: "Перед тем как принять решение о переходе, человек должен тщательно оценить довольно большое количество компонентов этого афферентного синтеза (число машин, скорость движения, ширину улицы, свои силы и др.)" (Анохин 1973: 47).

24 Материальная нужда как "вынужденный мотив" к творчеству имеет место даже у великого А.С.Пушкина. Об этом мы узнаем из опубликованных писем поэта. Ср.: "В продолжение двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду. Мне самому совестно тратить время на суетные занятия, но что делать? Они одни доставляют мне независимость и способ прожить с моим семейством в Петербурге, где труды мои, благодаря государю, имеют цель более важную и полезную. Кроме жалования, определенного мне щедростью его величества, нет у меня постоянного дохода; между тем жизнь в столице дорога и с умножением моего семейства умножаются и расходы" (Садчикова 1999). Подобное явление типично для вольных художников. Ср. хрестоматийный пример из жизни известного музыканта Лиамы Галлахера, "жутко старающегося" закончить свое произведение: "Причем Лиам жутко старается ее закончить. Итак, во имя искусства и потому, что у меня есть свободное время, я закончу песню для него: "Эта песня дерьмо/потому что я не умею писать/и если она не понравится нашему Нозлу/То я десятый год буду жить на пособии" (<http://oasis.galactic.ru/news6.htm>).

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИССЛЕДОВАННЫХ ТЕКСТОВ

- Гла — Гламочлија Ђ., 1997, Ратарство. Београд.
Krs — Krstić M., 1977, Praktično živinarstvo. Beograd.
Маш — Машић Б., Ганчић М., 2002, Живинарство у књижевности. Београд
Mit — Mitrović S., Grubić G., 2003, Odgajivanje i ishrana konja. Beograd.
Pet — Petković M., Janićijević N., Bogićević B., 2002, Organizacija (Teorije, Dizajn, Ponašanje, Promene). Beograd.
Smi — Smiljanić R., 1986, Ubistvo na Dedinju. Beograd.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Азнаурова Э.С., 1987, *Прагматика текстов различных функциональных стилей*, Общественно-политический и научный текст как предмет обучения иностранным языкам. Отв. ред. М.Я.Цвиллинг. Москва.
- Анохин П.К., 1973, *Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем*, Принципы системной организации функций. Москва.
- Бахтин М.М., 1986, Эстетика словесного творчества. Москва.
- Березовчук Л., Марковский Б., 2003, *На краю Ойкумены*, Крещатик. Журнал современной литературы. Контексты. № 18.
- Библер В.С., 2002, Замыслы (докл. "О произведении", с. 269-284). Москва.
- Болотнова Н.С., 2003, *Язык художественной литературы*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н.Кожиной. Москва.
- Болотнова Н.С., 2003а, *Коммуникативная стилистика художественного текста*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н.Кожиной. Москва.
- Болотнова Н.С., 2003б, *Образ автора*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н.Кожиной. Москва.
- Бушев А.Б., 2004, *Наука о языке и вульгаризация речи в СМИ*, Информационный сайт российского Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра (<http://www.adenauer.ru/report.php?id=153&lang=2>).
- Виноградов В.В., 1981, Проблемы русской стилистики. Москва.
- Головин С.Ю. (Сост.), 1997, Словарь практического психолога. Минск.
- Карасик В.И., 2000, *О типах дискурса*, Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград.
- Кожина М.Н., 1972, О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь.
- Кожина М.Н., 1993, Стилистика русского языка. Москва.
- Кожина М.Н., 2003, *Классификация и внутренняя дифференциация функциональных стилей*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н.Кожиной. Москва.
- Кожина М.Н., 2003а, *Полевая структура функционального стиля*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н.Кожиной. Москва.
- Кожина М.Н., 2003б, *Художественно-образная речевая конкретизация*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н.Кожиной. Москва.
- Котурова М.П., 2003, *Идиостиль*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н.Кожиной. Москва.
- Котурова М.П., 2003а, *Языковая личность*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н.Кожиной. Москва.
- Кукушкина О.В., 1998, *Речевые неудачи как продукт речемыслительной деятельности*, АДД. Москва.
- Лапп Л.М., 1993, Интерпретация научного текста в аспекте фактора "субъект речи". Иркутск.
- Озерова Н.Г., 1999, *Межстилевое взаимодействие в русском и украинском языках*, Диалог украинской и русской культур в Украине (Материалы 4-й Международной научно-практической конференции, 9-10 декабря 1999 года).
- Осетинский В. З., Курганов С.Ю., 2001, *Подростки и "Илиада"*, Школьные технологии. № 4-6.
- Поповић Н., 1994, Комуникативне интеракције у плурализму. Београд.
- Разинкина Н.М., 1976, *Некоторые общие проблемы изучения функционально-речевого стиля*, Особенности стиля научного изложения. Москва.
- Рубакин Н.А., 1977, Психология читателя и книги. Москва.
- Садчикова Л., 1999, *Привыкнув к независимости, совершенно не умею писать ради денег...*, Челябинский рабочий (3 февраля 1999 г.).
- Стоянович А., 2001, *Язык как изменяющаяся система*, Изменяющийся языковой мир, Тезисы докладов международной научной конференции (Пермь, Пермский университет, 12-17 ноября 2001 г.). Пермь.
- Темнякова О., 2003, Типы языка рекламы (<http://www.adresearch.com.ru>).
- Третьякова Е., 2001, *Ирония в структуре художественного текста*, Ростовская электронная газета. № 19.

Троянская Е.С., 1976, *К общей концепции понимания функциональных стилей*, Особенности стиля научного изложения. Москва.

Троянская Е.С., 1986, *Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей*, Общие и частные проблемы функциональных стилей. Отв. ред. М.Я.Цвиллинг. Москва.

Jović D., 1975, *Lingvostilističke analize*. Beograd.

Stojanović A., 1999, *Istraživanje teksta: o interakcijama*, Stylistika. T. VIII. Opole.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Стојановић А., 1989, *Инклузивни императив у научном стилу руског и српскохрватског језика*, Јужнословенски филолог. № XVI.

Стојановић А., 1996, *Функционални стил и стручни језик (Уз питање о међусобном односу појмова)*, Страни језик струке (уредник Н.Винавер). Београд.

Стојановић А., 1996, *Об элементах эмоциональности в научной литературе (на материале сербского языка)*, Slavica Tarnopolensia. № 3. Тернопіль.

Стојановић А., 1997, *Проблемы сопоставительной стилистики Югослави*, Stylistyka. T. VI. Opole.

Стојановић А., 1998, *Авторская самооценка в аспекте стереотипизации (на материале сербской филологической статьи)*, Текст: стереотип и творчество. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Стојановић А., 1998, *Архитектоника научного текста*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Стојановић А., 1999, *Стереотипные компоненты архитектуры научного текста*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Стојановић А., 2002, *Научный текст в контексте культуры*, Stylistyka. T. XI. Opole.

ТРАДИЦИОННОСТЬ КАК БАЗОВАЯ СТИЛЕВАЯ ЧЕРТА ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

В формировании функционально-стилевой специфики фольклорного текста основная роль отводится *базовым стилевым чертам*, обусловленным ведущими экстралингвистическими факторами фольклорной разновидности художественной речи, к которым следует отнести прежде всего фольклорное художественное сознание, коллективный характер творчества, устную форму бытования фольклорного произведения, специфику фольклорного коммуникативного акта в условиях естественной (контактной) коммуникации, особенности фольклорной идейно-эстетической макросферы, характеризующейся специфическим способом эстетического освоения действительности, основным критерием которого является *соответствие традиционной культурной норме, идеалу*. Весь этот комплекс взаимосвязанных факторов обусловил *специфические стилевые черты*, отличающие фольклорный текст (по своей стилистической системности — художественный) от художественного авторского текста, такие как *традиционность, обобщенность и художественно-образная речевая конкретизация*, имеющая особый характер.

В этом перечне базовых стилевых признаков фольклорного текста определяющее место отводится *традиционности*. Понятие *традиционность* применительно к фольклору можно считать основополагающим, так как оно лежит в основе определения типа народной художественной культуры, а также дефиниций всех ключевых понятий фольклора: традиционной среды, традиционного быта, традиционной культурной нормы, коллективной языковой личности и, наконец, понятия фольклорной *традиции*. Любой фольклорный процесс неизбежно приобретает характер движения внутри традиции, эволюции и трансформации традиции.

© М.А.Венгранович, 2004

Культурная традиция как "универсальный механизм селекции, аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии жизненного опыта, позволяющий достигать необходимых для существования социальных организмов стабильности и устойчивости" (Маркарян 1981: 81), является основным условием существования общества любой формации. Однако имеются различия в проявлении культурной традиции в различные эпохи, чем мотивируется дифференциация типов культур. При этом в качестве базового критерия при дифференциации культур выдвигается "мера актуализации наследия" (Б.М.Бернштейн), ориентация на сохранение и передачу во времени основных (канонических) текстов (это характерно для всех архаических культур, культурной эпохи средневековья, классицизма и, в частности, для фольклора) или на создание новых текстов (новые культуры) (Л.Леви-Стросс). Соответственно, в фольклоре ("искусстве эстетики тождества") как особой художественной системе, ориентированной на сохранение культурного наследия, эстетические ценности возникают в результате *выполнения предустановленных правил*.

Эти правила, являющиеся порождением коллективного сознания и охватывающие весь сохраняемый опыт фольклорного социума, формируют семантический объем понятия *фольклорная традиция*, в смысловое поле которого попадают "понятия социальной, этнической и конфессиональной группы носителей традиции", "понятия жизненного уклада, или образа жизни, системы ценностей (народная аксиология), воспитания и обучения, лингвистические понятия стиля, структуры и функции текста", "понятия разных типов текстов" (Никитина 1993: 7).

В сознании представителей фольклорного социума, объединенного традиционным образом жизни, строгой регламентацией всех ее сфер, ритмическим переживанием жизни в обрядах и ритуалах, существовала постоянная потребность все время заново моделировать уже установленную традицией картину мира, постоянно возвращаться к "изначальным образцам", которые наполнены глубоким жизненно важным традиционным содержанием. В этих условиях, как ни парадоксально, происходило не обезличивание индивида, а "коллективное самоопределение личности" (Веселовский 1940: 271), т.к. признание традиционной формы имело не вынужденный, а органический характер, вполне отвечало индивидуальным устремлениям личности. Более того, следование ограниченному числу первообразов традиции, данных объективно и авторизованных коллективом, по мнению Г.И.Мальцева, "обеспечивало как

индивидуальное самоопределение личности, так и культурное движение всего коллектива" (Мальцев 1981: 19). В соответствии с этим фольклорная традиция хотя и предполагает заимствование, следование готовому образцу, не исключает, однако, элементов новизны, обусловленных исторически значимыми изменениями фольклорного текста, включая и элементы исполнительского новаторства, являющихся следствием как процесса коллективной "шлифовки" текста, так и "непроизвольной вибрации текста" (Чистов 1983).

Именно сочетание *динамики и статики* в традиции обеспечивает традиции, творческую природу, а фольклорному тексту — полноценное художественное "существование" в виде *вариантов*. *Варьирование* признается исследователями формой существования фольклорного (по своей природе — устного) текста, однако это "вариативность под контролем традиции" (Чистов 1983: 144), которая является общей как для исполнителя, так и для слушателей. *Механизм фольклорной традиции* обусловлен непрерывным характером творческого акта, состоящего из органически связанных друг с другом коммуникативных звеньев — актов исполнения, восприятия, запоминания, исполнения и т.д., в условиях которого происходит либо гибель того или иного произносимого *варианта* (если он значительно отклоняется от предписаний традиции и это отклонение не санкционировано коллективным сознанием его слушателей), либо его совершенствование и в конечном итоге — фольклоризация, т.е. превращение индивидуального творческого акта в коллективный творческий акт. В результате коллективного творчества в фольклорной традиции закрепляется то, что рождается в процессе функционирования (в акте воспроизведения фольклорного текста), и, наоборот, вариационная природа функционирования связана с возможностями, накопленными традицией.

Таким образом, *варьирование* — это не только естественный способ существования фольклорного текста (который, в отличие от письменного художественного текста, не может быть зафиксирован и существует только в момент исполнения, а между исполнениями — в памяти носителей фольклора), но и способ существования самой традиции, имеющей *подвижный характер* и одновременно обладающей *аккумулятивностью* — способностью накапливать и гармонически уравнивать элементы **различных временных пластов**.

Так, например, в фольклорной традиции сохраняются различные композиционные формы с символическим параллелизмом: **архаические** формы с невыраженным "человеческим" планом и более **поздние** формы с выраженностью всех необходимых символических компонентов (с так называемой вербальной расшифровкой символов):

- 1) —*Соколы, вы соколы!*
Куда вы летали?
— Мы летали, летали
На синие на моря.
— Вы что тама видели?
— Мы серую утицу.
— Вы что ее не взяли?
— Мы взяли ее не взяли,
Мы ей крылушки подшибли. (Киреевский 1986: 268).
- 2) На море да и утушка купалася,
На море да серая полоскалася...
В тереме да Лукерьюшка убиралася,
В высоком Сергеевна умывалася... (Киреевский 1986: 264).

В первом примере с архаической формой параллелизма символы (*соколы и утица*) даются без расшифровки. Реальным комментарием к символам в этом случае служит сама традиция (остатки древних анимистических и тотемистических представлений, которые позволяли воспринимать представителей растительного и животного мира как самостоятельные персонификации, как фольклорные действующие лица, равные человеку, способные принимать человеческий облик). Второй пример демонстрирует полный (поясняющий) символический параллелизм (здесь представлены как символ — *утушка*, так и символизируемое — *Лукерьюшка*), возникший на стадии начинающегося забвения традиции, когда сопоставление человека с природой было уже не проявлением анимистического мирозерцания, а условным поэтическим приемом. Надо сказать, что обе стадияльно разграниченные, но генетически сближенные вариантные формы отложились в фольклорной поэтике в виде резерва традиционных элементов, владение которыми облегчало исполнителю воспроизведение текста.

Итак, все сказанное выше позволяет рассматривать *фольклорную традицию* как многоуровневую категорию, *внешний уровень* которой образуют последовательный ряд текстов

(совокупность вариантов), реализующих одну и ту же базовую модель (инвариант), ограниченный набор эстетически обработанных готовых образцов, устойчивых приемов, правил и условий создания текстов. *Внутренний* (содержательный) *уровень* традиции — это определенное смысловое пространство, формируемое сложным комплексом народных представлений, которые, как

отмечает Г.И.Мальцев, "существуют латентно и не всегда выступают на уровне сознания, являясь достоянием подсознательного и бессознательного" (Мальцев 1981: 29). Именно этот глубинный уровень традиции обеспечивает целостное в своей традиционности *содержание фольклорного текста*, для которого воссоздаваемая реальность — это традиционный универсум социокультурных ценностей, своеобразное проявление метапоэтического сознания исполнителя.

Таким образом, *фольклорная традиция*, одновременно выступающая в двух ипостасях — и как способ хранения и передачи от поколения к поколению набора готовых, эстетически обработанных форм, и как смысловое поле, некие "идеальные центры", формирующие "абсолютную эстетическую действительность" (А.Ф.Лосев) фольклорного текста, — обуславливает формирование традиционного устойчивого канона — особой *системы эстетически маркированных языковых средств*, обеспечивающей фольклорную сферу "готовой формой поэтического воплощения жизненных впечатлений" (Аникин 1975: 33).

Существование *собственной языковой* (в основе своей — художественной) *системы* мотивирует принципиальное *отличие* языка фольклора от функционально-стилистического аналога — языка художественной литературы, который для создания художественных форм использует языковые резервы общенационального языка.

Устный художественный канон в известной степени дифференцирован по жанрам, однако отдельные его элементы имеют общеславянский характер, что, наряду с тождественностью семантических основ, обеспечивает "текучесть" фольклорных форм, условность границ между текстами внутри жанра и между жанрами, принципиальную объемность фольклорных текстов, неконечность (фрагментарность) и вариативность, наличие межтекстовых и межжанровых связей. Это согласуется с коллективным характером фольклорного творчества и определением фольклорного текста через категорию *гипертекстовой структуры*, а субъекта фольклорной деятельности — через категорию *гиперсубъекта*. Под гиперсубъектом мы понимаем специфическую для фольклорной коммуникации категорию, объединяющую в едином понятии субъекта и адресата — сотворцов единого фольклорного гипертекста.

В свою очередь готовая, эстетически специализированная языковая форма, имеющая характер традиционного художественного канона, является основой проявления в фольклорном тексте специфической стилиевой черты — *традиционности*.

В исторической поэтике и теории фольклористики традиционность связывается прежде всего с *повторяемостью*, восходящей к *эстетике тождества* (Ю.М.Лотман), характеризующей фольклорную художественную систему как тип искусства. Стихия повторяемости (традиционности) пронизывает фольклорный текст (как поэтический, так и повествовательный) на всех его уровнях — от семантического до композиционного.

Основным цементирующим элементом фольклорного текста, его *семантической доминантой* является *традиционный фольклорный смысл* — единица семантики фольклора, которая наделяет традиционным содержанием фольклорные формулы вне текста. Сложность грамматического определения традиционного смысла состоит в том, что между словом и смыслом в фольклоре нет прямых соответствий. Смысл в фольклорном тексте предстает не как значение слов, усложненное, неопределенное и многоплановое, а как отраженный в слове волевой импульс (В.Тэрнер), акция (Н.И.Толстой), элемент модели мира (В.Н.Топоров). Часто смысл не передается словом, но существует в традиции. Он может обнаруживать себя синтаксически: в контекстах фольклорных произведений, в структуре обряда и семантике обрядовых действий, в остатках мифологических представлений, сохраняющихся в загадках, приметах, поговорках, сказках. Соответственно, традиционно-фольклорные смыслы "представляют собой различные по характеру структурные объединения функций, оппозиций и предикатов и воплощаются, в зависимости от условий, в различных формах, как вербальных, так и невербальных" (Червинский 1989: 11). Так, вероятными формами передачи традиционного фольклорного смысла "средство гадания на судьбу, милого" являются *дубовая ветка, березовая ветка, венок, цветок, ромашка, кольцо, свеча, колодец, башмак, зерно, вода, пепел*.

Однако, как отмечает П.П.Червинский, "традиционный смысл — член не одной парадигмы и носитель не одного грамматического значения" (Червинский 1989: 16). В зависимости от стечения парадигматических и синтагматических условий один и тот же смысл способен передаваться значениями различных лексем. Например, традиционный смысл "чужая сторона, рубеж к ней, таинственное утрюмое место связи с потусторонним, неведомым" вербализуется в лексемах *лес (роща), море, поле*. С другой стороны, слово, обладая исходным общетематическим значением, в зависимости от условий морфологического и синтаксического оформления в тексте, передает неодинаковые традиционные смыслы. Так, лексема *лес (роща)* может выражать следующие смыслы: "чужая сторона...", "место гуляния девушек, сбора ягод", "место встречи с незнакомцем". Соответственно, слово в фольклорном тексте — знак не только смысла, но и контекста. Вне употребления смысл как элемент семантики традиции, заключенный в слове, представляет нерасчлененный комплекс непроявленных и равных значений: *поле* — "чужая унылая сторона; место ухода милого и его смерти; сухое, тоскливое, пустое место, пограничное на пути к дому; обрядовое место сбора и гуляния девушек, завивания березки, прихода парней и игрищ; простор, раздолье, цветение; место жатвы и сенокоса". При употреблении в контексте происходит конкретизация того или иного *традиционного значения*. В этом существенное отличие конкретизации в фольклорном тексте от речевой конкретизации в литературном художественном тексте, при функционировании в котором у слова происходит приращение *новых (индивидуально-авторских) смыслов*, обусловленных идейно-эстетической сущностью художественного произведения.

Таким образом, *традиционный фольклорный смысл*, являясь единицей семантики фольклорной традиции и содержательной константой фольклорного текста, может иметь различные формы воплощения, оставаясь при этом *единым*, обеспечивающим связь как текста с традицией, так и межтекстовые связи.

К традиционным элементам *лексического* уровня фольклорного текста относятся прежде всего *символические образы и ключевые фольклорные слова*, художественно сконцентрировавшие традиционный социокультурный опыт и выступающие в составе текста в качестве самостоятельного микротекста, восходящего к макротексту фольклорной традиции в целом. Являясь важным механизмом памяти культуры, символы и ключевые слова легко вычлениваются из текстового окружения и входят в новый текст. С этим связана существенная черта символа, отмеченная Ю.М.Лотманом: "символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее" (Лотман 1999: 148).

Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов берут на себя функцию механизмов единства культуры: они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора традиционных символов и ключевых слов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур. В этом смысле "символические структуры пресуппозиционны, потенциально существуют в эстетическом сознании исполнителя и выступают как аллюзия" (Подюков 2001: 146). Поэтому символические структуры как знаки коллективной традиции обеспечивают межтекстовую связь: один и тот же символический образ может встретиться и в разных текстах, и в разных частях текста. Так, в лирическом и обрядовом текстах, объединенных любовной тематикой, могут использоваться одни и те же *символы*, связанные с циклом весенних обрядов (Зеленых Святков): это *завивание венков, гадание у реки на милого*. Однако функции этих символов разные. В общеизвестной лирической песне "Калинушка", полной тихой, глубокой девичьей грусти по прошлой жизни в кругу подруг, данные символы, оторвавшись от породившего их обряда, подчеркивают психологическое состояние героини, тогда как в обрядовом тексте они, выступая в ритуальном двуединстве "слово-дело", выражают обычные обрядовые реалии. Использование общих традиционных символов способствует подключению содержания различных песен к общефольклорной традиции и подтверждает ранее высказанную мысль о фрагментарности, "текучести" фольклорных текстов и наличии глубинных межтекстовых связей.

Традиционные символы и ключевые слова относятся к *фольклорным формулам* ("типическим местам", "общим местам", *loci communes*), повторяющимся художественным стереотипам, выражающимся в единицах различного объема (формульным может быть и одно слово, и целая группа стихов. Фольклорные формулы, являясь своего рода устойчивыми культурно-языковыми штампами, воплощают специфическое "фольклорное тождество формы-смысла", обусловленное не языковыми причинами (как в языковых фразеологизмах), "а комплексом традиционных

значений" (Мальцев 1981: 20-21). Поэтому основная функция фольклорных формул — *проективная*, функция подключения текста к традиции, в сложный универсум народных представлений и идеалов, что, собственно, и формирует содержание традиционного фольклорного текста (особую фольклорную действительность, имеющую собственные эстетические параметры, в основе которых — соответствие норме, идеалу).

Однако обращенностью к традиции не исчерпывается своеобразие фольклорной формулы. Исследователи отмечают *двойственную природу формулы*: с одной стороны, она есть базовый элемент традиции, не связанный непосредственно ни с одним конкретным текстом (отсюда ее повторяемость, композиционная подвижность и интертекстуальность), с другой стороны, формула, входя в словесную ткань текста, становится его интегральной частью, его композиционным компонентом, элементом поэтики текста (именно в тексте происходит конкретизация заложенных в формуле традиционных смыслов). В соответствии с этим формула одновременно отсылает к традиционной реальности, обеспечивая межтекстовые связи, и к контекстуальному смыслу, тем самым формируя *жанровый контекст* и *жанровое ожидание*, связанное с восприятием текста слушателями (ожидание и готовность воспринять текст, организованный в соответствии с традициями жанра) (Чистов 1978).

Это особенно наглядно прослеживается на примере так называемых *свободных зачинов*, использующихся не только в разных песнях, но и разных жанрах:

- 1) *Ой, по морю, морю синему,
По синему, по волнистому,
Плыла лебедь, лебедь белая.* (Киреевский 1986: 371).
- 2) *В нас по морю,
В нас по морю, по синю морю
Плыло стадо,
Плыло стадо лебединое.* (Киреевский 1986: 277).
- 3) *По морю-морю, по морю синему,
Морю Хвалынскому
Плавала лебедь белая,
Лебедь залетная.* (Русская обрядовая поэзия 1998: 141).

Подвижный зачин с небольшими вариациями, использующий традиционный символ девушки (*лебедушка*), имеющий относительную свободу прикрепления к разным "сюжетам", интерпретируется по-разному: как "настраивание чувства" (А.Н.Веселовский), как стремление певца к изобразительности, к эмоциональной выразительности, как текстовая константа, создающая традиционный контекст для дальнейшего содержания песни и включающая данный текст в комплекс виртуальных традиционных значений (Г.И.Мальцев).

Другой вид зачина — это традиционный зачин, маркирующий *жанровый характер* последующего текста и, соответственно, *жанровое ожидание*. Данный вид анафорического знака можно проследить на примере сказочных зачинов: *Жили-были старик и старуха.., Жил-был царь, и было у него три сына...*

Общесловесными символами, ключевыми словами, традиционными зачинами не исчерпывается перечень средств, реализующих *традиционность* в фольклорном тексте. К явлениям фольклорной художественной стереотипии, кроме общепризнанных формульных элементов (традиционного эпитета, типических мест в былинке, ассоциативных пар типа *калина-малина*, *хлеб-соль*, традиционных сравнений и др.), можно отнести *текстовые константы* (речевые сегменты различного объема), основанные на "стихии повторяемости", ритмическом начале и — шире — явлении эквивалентности (структуралистская поэтика), восходящие, так же, как и формулы, к архаической системе восприятия мира в форме равенств и повторений. Среди них можно выделить *повторение предлогов*; *парные сочетания синонимов*; различные виды *этимологического повтора* слов; *ассоциативные ряды* и *композиционные блоки* (А.Т.Хроленко); *песенные рефрены*; *синтаксический параллелизм* и его модификации, основанные на различных видах лексического повтора, *композиционные фрагменты* (Е.Б.Артеменко); *отрицательное сравнение* и *отрицательный параллелизм*; традиционные *синтаксические схемы и сценарии*;

традиционные композиционные приемы — *прием "ступенчатого сужения образа"* (Ю.М.Соколов) и др.

На специфику функционирования всех средств художественной стереотипии в фольклорном тексте влияет то, что в нем "ритм семантический идет рука об руку с композиционным и стилистическим" (Неклюдов 1972: 207), которые в свою очередь между собой твердо не разграничены, что приводит к условности границ между стереотипными формами, "перетеканию"

их друг в друга, возникновению переходных звеньев как следствия непрерывности взаимного перехода одних форм в другие. Отсюда и произвольные "вибрации" и вариативность текста, композиционная подвижность формул, их изофункциональность, взаимозаменяемость при тождественности семантических основ, неопределенность лингвистического и функционального статуса морфемы, слова, сложного слова (например, отмеченного А.Т.Хроленко так называемого композита в былинах: *стольне-князь, стольне-Киев, свято-Русь*), различных симметричных и асимметричных сочетаний. Поясним на примере фрагмента лирической песни "Горы":

*Уж вы, горы мои,
Горы крутые!
Ничего вы горы
Горы не породили,
Породили вы горы
Один бел-горюч камень.
Из-под камушка течет,
Течет речка быстрая,
Речка быстрая,
Еще бережистая,
Как на той ли речке
Стоит част ракитов куст,
Как на том ли на кусту
Сидит млад сизой орел,
Во когтях он держит,
Держит сизова ворона...* (Киреевский 1986: 373).

Этот текст представляет собой упорядоченную структуру, использующую в своей организации традиционный композиционный прием — *ступенчатое сужение образов*, в которой "образы ступенчато следуют друг за другом в нисходящем порядке" с художественной функцией — "выявление конечного образа, стоящего на самой узкой нижней ступени ряда, с целью фиксации на нем наибольшего внимания" (Соколов 1926: 39). Необходимо отметить, что в основе сцепления образов (*горы – камень – речка – куст – орел – ворон*) лежат устойчивые ассоциативные связи, характерные для тематически сближенных пространственной семантикой слов, часто функционирующих в текстах традиционных лирических песен (данный пример можно отнести к *пространственным ассоциативным рядам*, выделенным А.Т.Хроленко).

Однако стереотипность подобных синтаксических образований создается не постоянством лексического наполнения (лексемы могут варьироваться), а стабильностью и воспроизводимостью их функционального каркаса. Внутри этой суперструктуры могут варьироваться не только лексемы (вместо *ворона* в некоторых вариантах песни встречается *сокол* или *ворон* и *голубь* одновременно), но и количество компонентов в ассоциативном ряду (например, вместо шести компонентов — четыре компонента: *горы – куст – орел – сокол*; *горы – камень – орел – ворон*). Отмеченная вариативность не устраняет ощущения *устойчивости описания* как из-за узкой тематической амплитуды выбора компонентов (в народной мифологии *ворон*, *голубь* и *сокол* — вещие птицы, антропоморфизированные существа из параллельного человеку мира, предсказывающие что-то или приносящие весть; в силу семантической и функциональной общности должны рассматриваться как явления парадигматики), так и из-за сохранения композиционной идентичности (пространственного сужения образов).

Традиционность отмеченного композиционного приема в анализируемом текстовом фрагменте усиливается вкраплениями разнообразных формульных элементов и явлений грамматической стереотипии: 1) постоянных эпитетов — *горы крутые, бел-горюч камень, речка быстрая, част ракитов куст, сизой орел, сизов ворон*; 2) традиционных символических образов: *горы, камень, орел, ворон*; 3) традиционного обращения к объектам внешнего мира (*море, гора, лес, солнце, река*) — "носителям независимой и произвольной силы, наделенным способностью влиять на мир людей" (Червинский 1989: 93); 4) цепного повтора (Е.Б.Артеменко): *из-под камушка течет, течет речка быстрая, речка быстрая...* — специфического для стихотворного фольклора способа-модели, обусловленного нелинейным соотношением языковых континуумов стихов внутри более крупных синтаксических построений — синтаксических единств (Артеменко 1977: 55). В данной упорядоченной традиционными средствами структуре между сегментами различного объема возникает особая *сеть дополнительных связей*, обусловленных удлинением (за счет повторов) словоряда, сопоставлением, уравниванием слов и целых сегментов текста, мобилизацией ритмических, звуковых, ассоциативных возможностей языкового материала, что

обеспечивает тексту возможность передачи не только логической информации, заложенной в "поверхностной" структуре, но и эстетической информации, приращенной за счет "глубинного" уровня текста.

Соответственно функции, которые выполняют *языковые константы* различного объема как средства реализации традиционности в фольклорном тексте, двойственны: они являются своеобразными *стабилизаторами текста*, формирующими его *функциональную решетку* и *традиционный фольклорный* (жанровый — в том числе) *контекст*, обуславливая тем самым связь между вариантами внутри единого гипертекста и межтекстовую связь внутри единой фольклорной традиции, а также *средствами создания традиционного художественного канона* — специализированной языковой системы эстетически маркированных средств, обслуживающих фольклорную макросферу.

Таким образом, можно констатировать, что внутритекстовое сцепление традиционных элементов (микроформул) внутри фольклорного текста создает речевую системность особого рода — традиционную по своей функционально-стилистической характеристике и одновременно открытую, способную к вариативности, обращенную в обширную межтекстовую область — к макротексту единой фольклорной традиции. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аникин В.П., 1975, *Творческая природа традиций и вопрос о своеобразии художественного метода в фольклоре*, Проблемы фольклора. Москва.

Веселовский А.Н., 1940, Историческая поэтика. Москва.

Лопатин Н.М., Прокунин В.П., 1956, Русские народные лирические песни. Москва.

Лотман Ю.М., 1999, *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. Москва.

Мальцев Г.И., 1981, *Традиционные формулы русской необрядовой лирики. (К изучению эстетики устнопоэтического канона)*, Русский фольклор. Т. XXI. Поэтика русского фольклора. Ленинград.

Маркарян Э.С., 1981, *Узловые проблемы теории культурной традиции*, Советская этнография. № 2.

Неклюдов С.Ю., 1972, *Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве*, Ранние формы искусства. Сборник статей. Москва.

Никитина С.Е., 1993, Устная народная культура и языковое сознание. Москва.

Подюков И.А., 2001, *Традиционный символ в структуре фольклорного текста*, Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста. Соликамск.

Русская обрядовая поэзия, 1998, Составители Г.Г.Шаповалова и Л.С.Лаврентьева. С.-Петербург.

Собрание народных песен П.В.Киреевского, 1986. Тула.

Соколов Б.М., 1926, *Экспюры в область поэтики русского фольклора*, Художественный фольклор. Вып. 1. Ленинград.

Хроленко А.Т., 1981, *Ассоциативные ряды в народной лирике*, Русский фольклор. Т. XXI. Поэтика русского фольклора. Ленинград.

Червинский П.П., 1989, Семантический язык фольклорной традиции. Москва.

Чистов К.В., 1983, *Вариативность и поэтика фольклорного текста*, История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Т. IX. Москва.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СУБСТАНТИВНОГО ПЛАСТА УСТОЙЧИВЫХ КОМПОЗИТИВНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Существование промежуточных номинативных единиц, находящихся на грани словосочетания и слова, неоднократно было отмечено лингвистами. Впервые факт устойчивости лексикализованных субстантивных словосочетаний в функции наименования был засвидетельствован еще в 1834 г. Н.Гречем в "Практической русской грамматике": "Качество (или принадлежность) бывает иногда столь неразрывно совокупно с существом, что наименование сего последнего без обозначения первого не имеет надлежащего смысла, например, *Летний сад*, *Зимний дворец*, *Васильевский остров*. В сем случае опущение прилагательного невозможно" (Цит. по кн.: Архангельский 1964: 15).

Первые предположения об особой природе композитивных устойчивых единиц номинации были высказаны выдающимися отечественными и зарубежными лингвистами еще в начале XX в., но не получили дальнейшего развития в цельную теорию.

В основу лексикологического подхода к проблеме связанных словосочетаний легли работы Ш.Балли. В центре его внимания оказались такие свойства этих единиц, как их семантическая неразложимость и воспроизводимость в постоянном значении. Ш.Балли пришел к выводу о том, что "слово в большинстве своем является единицей иллюзорной, обманчивой, отнюдь не всегда соответствующей единицам мысли" и что лексическая единица языка должна соответствовать "единице мысли — конкретному представлению или абстрактному понятию" (Балли 1961: 19). Ш.Балли одним из первых обратил внимание на специфику сочетаний слов, которые традиционно включались в состав

© Т.В.Вяничева, 2004

фразеологических единиц (далее: ФЕ), однако отличались некоторыми особенностями: сохранением лексического значения одним из компонентов при устойчивости словосочетания в целом, а также отсутствием или ослаблением образности и эмоционально-оценочной окрашенности. Это позволило ему выделить сочетания аналитического типа, переходные от стереотипных словосочетаний к свободным.

В отечественной лингвистике впервые поставил вопрос об устойчивых сочетаниях слов, специфике их значения и особенностях словоизменения их компонентов в связи с созданным им учением о форме слова и о словосочетании Ф.Ф.Фортунатов. Такие единицы, как *железная дорога*, *великий пост* и другие, он называет, в отличие от "слитных слов", с которыми они сходны по значению, но отличаются по формообразованию, "слитными предложениями" (Фортунатов 1956: 173 — 174). Исходя из понятия "отдельного слова" как неразложимой части словосочетания, выражающей отдельный объект мысли, и формы слова в словосочетании, Ф.Ф.Фортунатов приравнивает устойчивые словосочетания по значению к слову, а по форме — к словосочетанию.

Вслед за Ф.Ф.Фортунатовым явление сдвоенных наименований отмечает А.А.Шахматов. Выделяя лексически, по значению, неразложимые словосочетания, но разложимые грамматически, отражающие современные синтаксические отношения, он предлагает считать тесные сочетания согласованного прилагательного с определяемым существительным типа *железная дорога*, *почтовая бумага*, *игральная карта* и т.п. "слитными предложениями" (Шахматов 1941: 308 — 309).

Рассматривая дальнейшую историю изучения единиц, называемых нами синлексами, в отечественной и зарубежной лингвистике, можно выделить несколько различных подходов: одни исследователи не выделяют их из состава фразеологии, другие сближают их с обычными, свободными словосочетаниями, третьи считают их явлениями языка, эквивалентными собственно слову.

Традиционно большинство исследователей включают единицы типа синлексов в состав фразеологии, хотя и отмечают их специфику: отсутствие или малую степень идиоматичности и их чисто номинативную функцию — функцию первичного именования определенного фрагмента действительности. Это позволяет ряду авторов видеть в синлексах особого рода безобразные или неидиоматические фразеологизмы (К.А.Левковская), межстилевые или стилистически

нейтральные фразеологизмы (М.И.Фомина), номинативные фразеологизмы (Л.И.Ройзензон), фразеологизмы терминологического характера (Н.М.Шанский) и т.п.

Такая трактовка данного материала восходит к выработанной В.В.Виноградовым и дополненной Н.М.Шанским типологии ФЕ. В.В.Виноградов считал необходимым рассматривать составные термины и названия отдельно от других ФЕ на том основании, что они характеризуются разной степенью семантической слитности. Сближая все составные термины и названия с выделяемой им в составе ФЕ группой "фразеологических единств" в силу наличия у тех и у других "единства реального значения", он отмечает, что в структурно-семантическом отношении они могут быть и совершенно немотивированными, т.е. "фразеологическими сращениями" (Виноградов 1977). В.В.Виноградов выделяет так называемые "целостные словесные группы", которые являются терминами в роли названия. Он отмечает такие их особенности, как "неразрывность фразовой структуры"; "семантическую неделимость" — вопреки их "потенциальной лексической делимости"; "синтаксическую несвободность" этих единиц — вопреки их "синтаксической разложимости" и тому факту, что "грамматические отношения между компонентами (этих единиц) легко различимы ... и могут быть сведены к современным синтаксическим связям"; их собственно номинативную функцию и отсутствие образности, что делает их "эквивалентами слова" (Виноградов 1977: 155-156).

Вслед за В.В.Виноградовым относили единицы типа синлексов к различным разрядам ФЕ Н.М.Шанский (1963; 1972), В.Л.Архангельский (1964), З.В.Донскова (1957), К.А.Левковская (1962), Л.Ф.Киреева (1960), Л.И.Ройзензон (1973), И.А.Федосов (1977), М.И.Фомина (1990) и др. Общим недостатком большинства работ, так или иначе затрагивающих проблему устойчивых композитивных номинативных единиц, с нашей точки зрения, является то, что собственно синлексический материал рассматривается в них в одном ряду либо со свободным словосочетанием, либо с ФЕ.

Рассматривая семантический механизм "фразеологизации" свободных словосочетаний, С.И.Ожегов подчеркивает разнородность словесных сочетаний и отмечает, что "их объединяет одно общее — это их устойчивость. Оттого они так легко объединяются общим именем фразеологии" (Ожегов 1957: 38). С.И.Ожегов включает во фразеологический фонд такие единицы, как *вести борьбу, дать ответ, сделать предложение, молочная кухня, скорая помощь* и т.п. и даже предпринимает попытки подвести их под один из семантических типов ФЕ, выделяемых В.В.Виноградовым.

К составным терминам и названиям С.И.Ожегов применил иной подход, чем к другим устойчивым сочетаниям. Считая самым характерным признаком ФЕ цельность значения, он не видит фразеологичности в терминах, за исключением тех, которые вошли в общий язык, став "номенклатурными обозначениями предметов и явлений", которые, будучи заменены другими, вышли из терминологической системы и имеют переносное значение слова в своем составе. Поэтому он квалифицирует как ФЕ такие номинемы, как *железная дорога, позвоночный столб, короткое замыкание, благородные металлы, северное сияние* и т.п. Основная же масса составных терминов, по мнению С.И.Ожегова, представляет собой свободные словосочетания (Ожегов 1957: 52). Сюда он относит термины типа: *площадь нагрева, температура плавления, усеченный конус, перемежающаяся лихорадка*.

Устойчивые именные словосочетания, являющиеся "закрепленными практикой языка как обязательные для обозначения тех или иных явлений действительности", С.И.Ожегов рассматривает иначе, чем составные термины. Указав, что такие словосочетания, как, например, *сжатые сроки, капиталистическое окружение, буржуазные предрассудки, новатор производства, генеральная линия, сторонники мира*, очень похожи на свободные словосочетания, он отмечает, что "в этих словосочетаниях не происходит никаких смысловых сдвигов в словах, их составляющих, нет никаких заметных признаков структурных изменений... Но они объединены общим языковым признаком: устойчивостью и принудительностью употребления при сохранении значений входящих в них слов" (Ожегов 1957: 45-46). Далее он замечает: "Критерием для признания тех или иных обычных словосочетаний ФЕ и, тем самым, основанием для помещения их во фразеологические словари, может быть их устойчивость в речи при общественно-исторической значимости обозначаемого" (Ожегов 1957: 46).

О.С.Ахманова также не обособляет составные наименования в особый класс номинативных единиц по их функциональному признаку (основанию). Она предлагает в качестве основного признака собственно ФЕ "цельность номинации", которая довлеет над структурной разделенностью (Ахманова 1957: 169). Согласно такому подходу, все составные термины и

названия органически вливаются в класс ФЕ (например, *ателье мод*, *знаки Зодиака*, *аттестат зрелости* и т.п.). Так как автор не отграничивает синлексический материал от свободных композитивных номинем и от ФЕ с аналогичной грамматической структурой, многие примеры случайно попали в рубрики, которые считаются однородными по грамматической структуре. Так, в рубрику атрибутивных словосочетаний типа *аттестат зрелости* помещены самые разнообразные по семантике словосочетания — такие, как *звание героя* и *зерно истины*, *самка кабана* и *точка зрения*.

Отнесение синлексического материала частично к ФЕ, частично — к свободным словосочетаниям характерно для работ Ю.Р.Гепнера (1957), А.П.Мордвилко (1964), Е.А.Иванниковой (1966) и др.

Ряд исследователей видят в единицах типа синлексов реализации особой разновидности связанных значений одного из компонентов сочетания в условиях обязательного контекста. Например, И.И.Мещанинов считал, что единицы типа *белое вино*, *морская вода*, *дикая коза*, не обладая идиоматичностью, представляют собой реализации особой разновидности связанных значений прилагательных (Мещанинов 1978). Н.З.Котелова указывает на лексический характер сочетаемости отдельных компонентов сочетаний такого рода (Котелова 1975).

Особый контекстологический подход к "фиксированным языковым единицам номинации" (в том числе и типа синлексов) был заявлен и реализован на материале английского языка в монографии Н.Н.Амосовой (Амосова 1963). Рассматриваемые единицы языка представлены со стороны их контекстуальной природы, как контекст, то есть сочетание данного "семантически реализуемого (неоднозначного) слова (то есть слова, относительно реализации значения которого контекст выявляется) с указательным минимумом (то есть элементом речевой цепи, несущим требуемые семантические указания)" (Амосова 1963: 28). Автор видит "не только количественное различие" между переменным и постоянным ("единственно возможным") указательным минимумом относительно ключевого слова: в постоянном контексте "кроме семантики ключевого слова ... вступает в действие его традиционная избирательность", и "между обоими элементами ... постоянного контекста ... возникает качественно особая, максимально тесная связь" (Амосова 1963: 59).

Наряду с фразеологизмами (единицами постоянного контекста) Н.Н.Амосова выделяет и единицы устойчивого контекста, не входящие в состав фразеологии: необычные штампы; устойчивые сочетания с фиксированной номинацией (многочисленные описательные наименования, а также перифрастические обороты и субстантивированные сочетания с терминологическим значением); словесные сцепления, в составе которых имеется компонент с единичной сочетаемостью.

Композитивные устойчивые единицы номинации типа синлексов нашли частичное отражение в системе работ отечественных лингвистов последнего времени, так или иначе исследующих проблему несвободной сочетаемости (или связанности) лексического значения — прежде всего В.Г.Гака, Н.Д.Арутюновой, В.Н.Телия и др. Обзор этих концепций приведен в работе В.Н.Телия (1980). Но этот внутренний, глубоко проникающий семантический подход к разного рода устойчивым словосочетаниям, который осуществлен в работах В.Н.Телия, неизбежно нивелирует функциональное различие между единицами типа *производить ремонт*, *пользоваться доверием*, с одной стороны, и типа *сын степей* и *перст судьбы* — с другой (Телия 1980: 253).

Под названием "традиционные словосочетания" составные устойчивые единицы номинации типа синлексов фигурируют в работах А.И.Смирницкого по лексикологии и фразеологии английского языка. Здесь они и терминологически, и композиционно, отделены и от ФЕ, и от собственно слов — в силу их грамматической раздельнооформленности. А.И.Смирницкий указывал, что "от ФЕ следует отличать обычные, или традиционные, словосочетания, которые, повторяясь в речи бесчисленное число раз, не представляют собой эквивалентов слов и ФЕ" (Смирницкий 1956: 223). Подобные сочетания, по его мнению, не обладают семантической цельностью, чем существенно отличаются от ФЕ. А.И.Смирницкий не выделяет переменных и устойчивых сочетаний, но важно его положение, что обороты, в которых не наблюдается никакого семантического обособления, не входят в число ФЕ. Он писал, что данные единицы "представляют собой особые образования в системе языка, обладающие особыми, присущими только им свойствами" (Смирницкий 1956: 224).

Самобытность составных наименований типа синлексов подчеркивал Б.А.Ларин. Он отмечает неоднородность словосочетаний. Анализируя классификации Ш.Балли и В.В.Виноградова, он

обращает внимание на сочетания типа *красный уголок*, *заочное обучение*, отмечая, что они обладают прибавочным значением, восполняющим значимость каждого из составляющих слов. Он не включает такие сочетания в состав ФЕ, видя в них минимальную степень идиоматичности, отсутствие образности (Ларин 1956: 210, 223). По его мнению, только узкий круг древних составных терминов античного и средневекового происхождения можно считать ФЕ, так как новым сложным терминам свойственны точность и сообразность, которые сближают их со свободным сочетанием слов.

Ряд исследователей рассматривают единицы типа синлексов под названием "составные термины", не включая их в состав ФЕ, т.к. им присуще только номинативное значение без наличия какой-либо экспрессивно-образной окрашенности. Такой точки зрения придерживаются М.Н.Захарова (1956), А.Н.Кожин (1965, 1967, 1969), Е.Н.Толикина (1964). Некоторые авторы отграничивают от "составных терминов" "составные бытовые названия", являющиеся наименованиями предметов бытового обихода — В.Н.Виноградова (1966), Л.Ф.Коваленко (1969), номенклатурные обозначения — Т.Л.Павленко (1968), средства предметной номинации — Л.Л.Ким (1976а, 1976б).

В последние годы единицы типа синлексов стали объектом внимания исследователей, занимающихся машинной обработкой фразеологии русского языка. Устойчивым словосочетаниям посвящен раздел коллективной монографии "Фразеогрфия в Машинном фонде русского языка" (1990). Особенности устойчивых словосочетаний, не позволяющих относить их к "типичным" фразеологизмам, являются: сохранение лексического значения одним из компонентов при устойчивости словосочетания в целом, а также отсутствие или ослабление образности и эмоционально-оценочной нагрузки.

Единицы типа синлексов часто попадали в поле зрения специалистов по германистике и англистике — И.И.Чернышевой (1964), А.В.Кунина (1970), Е.Б.Черкасской (1974), Г.Н.Воронцовой (1960). Эти авторы выделяют различные типы устойчивых образований, отнесение которых к фразеологии считают неправомерным.

В работах О.С.Ахмановой (1948) (где впервые прозвучал термин "аналитическое слово"), З.Н.Левита (1968) (на данной монографии ниже мы остановимся подробнее), В.М.Павлова (1985) рассматриваются вопросы аналитизма в лексике на материале иностранных языков (соответственно английского, французского, немецкого).

Одна из специфических отраслей лексикографии — страноведческая лексикография, исходящая из необходимости освоения учащимися основного фонда номинативного материала изучаемого иностранного языка в полном объеме, — вынужденно обращает внимание на существование единиц типа синлексов и подвергает их лексикографической обработке. Однако теоретическое осмысление синлексического материала в страноведении, понимающем его как неопределенной природы устойчивое словосочетание и смешивающем его с другими аналитическими лексическими конструкциями, сильно отстает от лексикографического описания, что проявляется и в отсутствии какого-либо терминологического единообразия (Регинина, Тюрина, Широкова 1976; Муратов 1961; Пономаренко 1978; Дерибас 1983).

Строго функциональный подход к составным номинативным единицам русского языка заставляет рассматривать синлекс как только структурную (аналитическую) разновидность собственно слова. Впервые предложил считать составные наименования особым типом сложных слов Л.В.Щерба (1958: 70). Он рассматривал устойчивые словосочетания, имеющие целостное значение, в качестве специфических сложных слов, образованных путем синтаксического словосложения, и включал их в словарный состав языка. Он отмечал, что "словообразование принимает форму так называемого словосложения во всех тех случаях, когда оба элемента отождествляются со словами, обозначающими самостоятельные предметы мысли, и не вполне утратили еще свое индивидуальное значение" (Щерба 1974: 53).

Вплотную подошел к рассмотрению единиц типа синлексов О.Есперсен (1958). Он отмечает, что в довольно большом числе случаев "сочетания двух отдельных слов превратились в одно целое ... и живое чувство языка ... и чисто лингвистические критерии трактуют их как одно целое" (Есперсен 1958: 103-104). Далее он пишет: "Группы слов, между которыми могут быть самые различные взаимоотношения, во многих случаях могут трактоваться как одно слово. Иногда даже трудно бывает сказать, с одним или с двумя словами мы имеем дело" (Есперсен 1958: 114).

Аналогичной точки зрения (сближения единиц типа синлексов со сложными (составными) словами особого типа) придерживаются Ю.Ю.Авалиани (1959), В.П.Сухотин (1950), А.В.Исаченко (1958), А.Г.Руднев (1960), Н.Н.Прокопович (1969), Г.Н.Воронцова (1960), И.Калишан (1986), Л.Ф.Коваленко (1979; 1989), В.В.Морковкин (Лексические минимумы русского языка 1985), И.Б.Сидоряченко (1990); об эквивалентности композитивных номинативных единиц собственно слову писали О.С.Ахманова (на материале английского языка — (Ахманова 1948)), Д.Н.Шмелев (1973), Р.П.Рогожникова (1985). Однако содержащиеся в данных работах справедливые предположения о чисто номинативной, "лексической" (в широком смысле слова как антитезы "синтаксической") природе синлекса, отличной как от свободного словосочетания, так и от ФЕ, выражены фрагментарно и не получили оформления в единую цельную теорию.

Определенную ценность с точки зрения синлексикологической теории представляют наблюдения и выводы В.М.Никитевича о "несвободных словосочетаниях" (Никитевич 1985). Автор подходит к анализируемому материалу с номинативной точки зрения. Он исследует, в частности, взаимоотношения между отдельными словами, компонентами, составляющими неоднословные единицы номинации, и называет последние аналогами слова. В.М.Никитевич приходит к выводу, что номинативный состав языка составляют различные устойчивые, воспроизводимые номинемы — вне зависимости от фактора их грамматической цельно- / раздельно- оформленности, т.е. отдельные слова, устойчивые и даже некоторые свободные словосочетания.

Факторами, способствующими вхождению свободных словосочетаний в ядро номинативного состава языка, являются:

1) Дефектность парадигмы многих аффиксальных словообразований. Например: *синий*→*синева*, *белый*→*белизна*, *красный*→*краснота*. Но: *серый*→?, *зеленый*→? (Слово *серость* обрело переносный смысл);

2) Невозможность подобрать ко многим словосочетаниям адекватный и при этом стилистически нейтральный однословный эквивалент: умный человек ≠ умник, храбрый человек ≠ храбрец, веселый человек ≠ весельчак, богатый человек ≠ богач, деловой человек ≠ делец.

Совершенно особое место в ряду исследований, так или иначе затрагивающих проблему устойчивых единиц номинации, занимают работы З.Н.Левита и Г.И.Климовской. В статье З.Н.Левита "О понятии аналитической лексической единицы" (Левит 1967) был остро, новаторски поставлен и в первом приближении решен целый ряд принципиальных вопросов о собственно языковом и собственно лексическом статусе аналитических лексических единиц, об их сходстве и различии с аналитическими формами слова, фразеологизмами, сложными словами и свободными словосочетаниями.

В частности, автор отмечает: "На уровне лексем, наряду с традиционными лексическими единицами — цельнооформленными (синтетическими) словами, выделяются раздельнооформленные (аналитические) эквиваленты слов (или аналитические слова)..." (Левит 1967: 5).

В монографии З.Н.Левита (1968) проведена детальная и убедительно аргументированная онтологическая проработка феномена "аналитического слова" применительно к французскому языковому материалу. З.Н.Левит выработал эффективную схему подобной онтологической проработки, а именно сопоставление "аналитического слова" со всеми пограничными (сходными) или противоположными сущностями языка: собственно словом (в том числе сложным), ФЕ, аналитической грамматической формой и свободным синтаксическим словосочетанием. В итоге этого сопоставления был получен список различительных и конститутивных признаков аналитического слова и сформулировано его определение как "раздельнооформленной лингвистической единицы, образованной по определенной структурно-семантической модели, включающей сочетания функционально-дифференцированных элементов (служебных и знаменательных) и эквивалентной в функционально-семантическом отношении цельнооформленному слову" (Левит 1968: 7).

Далее З.Н.Левит вывел целую систему категориально-морфологических, синтаксических и собственно функциональных характеристик аналитического слова, а также дал очень интересные, на наш взгляд, ответы на вопрос о причинах появления в лексической системе французского языка аналитических слов —
ответы, представляющие и общий теоретический интерес.

Таким образом, выход монографии З.Н.Левита знаменовал собой создание основы лингвистического учения об аналитической лексике. Сожаление вызывают лишь два момента: во-

первых, отсутствие операциональной методики разграничения аналитических слов и каких-либо иных сущностей и выявления полного корпуса аналитической лексики и, во-вторых, прочная привязанность всего теоретического базиса рассматриваемого учения к специфике только лишь французского языка, вполне, впрочем, естественная.

На протяжении всей книги З.Н.Левит в разных аспектах констатирует и подчеркивает следующие моменты:

- Корпус аналитических слов языка — неотъемлемая часть его лексической системы, ибо собственно слово и аналитическое слово в принципе и в большинстве случаев находятся в отношении дополнительной дистрибуции.
- Одним из важнейших признаков аналитической лексемы является ее принадлежность к тому или иному лексико-грамматическому разряду — части речи.
- Аналитическая лексика является удобной формой пополнения лексического состава языка высокопродуктивными (моделированными) единицами.

Значительный вклад в исследование устойчивых композитивных номинем представляют собой работы Г.И.Климовской. Ее монография (1978) содержит первый опыт системного описания и теоретического осмысления нового объекта языкознания — аналитических единиц номинации, впервые выполненный на материале русского языка. В данной работе проблемы аналитизма ставятся и решаются на материале синлексики одного, субстантив- атрибутивного разряда, синтаксической основой которого является согласовательная синтагма. Автору удалось убедительно обосновать подлинно лексическую природу исследуемых единиц, называемых **синлексами**.

Функциональный подход к исследованию и большое количество фактического материала (словник субстантив-атрибутивной синлексики насчитывает в картотеке автора около 6 тыс. единиц) позволили поставить и решить целый ряд теоретических и методологических вопросов, касающихся набора конститутивных дифференциальных признаков синлекса, его структурно-семантического своеобразия, методики практического вычленения синлексики из массы сходного с ней пограничного материала — ФЕ и свободных словосочетаний. Таким образом, только в работах З.Н.Левита и Г.И.Климовской аналитические номинативные единицы типа синлексов ставятся в центр внимания исследователей в качестве основного и единственного объекта изучения.

В 2000 г. автором данной статьи была защищена кандидатская диссертация, посвященная первичному теоретическому представлению и многоаспектному системному описанию другого частеречного разряда синлексического материала, а именно субстантив-субстантивной синлексики современного русского литературного языка (Вяничева 2000).

Основные достижения синлексикологии на современном этапе ее развития могут быть сведены к следующему:

- 1) Осуществлена презентация синлексики как структурно особого раздела ядерной части номинативного состава языка, обоснован вывод об изофункциональности синлекса (аналитического слова) с собственно словом (синтетическим словом);
- 2) Выявлен целый ряд различительных признаков синлекса, отличающих его от других единиц номинации (прежде всего слова, фразеологизма, так называемого свободного словосочетания);
- 3) Описаны структурные и семантические разновидности вербальной аналитической лексики французского языка и субстантивной синлексики современного русского языка в двух ее структурных разновидностях: субстантив атрибутивной и субстантив субстантивной;
- 4) Обозначены внеязыковые и внутриязыковые причины повышения роли синлексообразования как способа номинации в русском языке новейшего периода;
- 5) выявлен целый ряд внутренних семантических явлений, сопровождающих процесс синлексикализации изначально свободного словосочетания, на основе чего созданы методические основы лексикографического описания синлексического материала.

В 2003 г. была защищена кандидатская диссертация И.В.Никиенко, посвященная системному дериватологическому описанию адъективного пласта синлексики современного русского языка (Никиенко 2003). В настоящее время под руководством Г.И.Климовской аспиранты Томского государственного университета продолжают разработку проблемы формирования синлексики современного русского языка.

В течение последних лет исследовательской группой при кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ТГУ под руководством профессора Г.И.Климовской ведется работа по составлению первого "Толкового словаря синлексов русского языка" (в форме

минисловаря для школьников) и написанию коллективной монографии, посвященной современной русской синлексике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авалиани Ю.Ю., 1959, *К вопросу о сложных лексикализованных словосочетаниях в русском языке*, Краткие сообщения каф. рус. языкознания Узбекского ун-та. Самарканд.
- Амосова Н.Н., 1963, Основы английской фразеологии. Ленинград.
- Архангельский В.Л., 1964, Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону.
- Ахманова О.С., 1957, Очерки по общей и русской лексикологии. Москва.
- Ахманова О.С., 1948, "Эквиваленты слов" и их классификация в современном английском языке, Доклады и сообщения, Моск. гос. ун-т, Филол. фак-т. Вып. 6. Москва.
- Балли Ш., 1961, Французская стилистика. Москва.
- Виноградов В.В., 1977, *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке*, Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва.
- Виноградова В.Н., 1966, *Составные наименования в современном русском языке*, Русский язык в школе. № 3.
- Воронцова Г.Н., 1960, Очерки по грамматике английского языка. Москва.
- Вяничева Т.В., 2000, Субстантив-субстантивная синлексика современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Томск.
- Гепнер Ю.Р., 1957, *Фразеология в системе русского литературного языка*, Науч. зап., Харьков. пед. ин-т. Т. 20. Харьков.
- Дерибас В.М., 1983, Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка: Словарь-справочник. Москва.
- Донскова З.В., 1957, *К вопросу о выражении подлежащего фразеологическими единицами*, Учен. зап., Ростов-на-Дону гос. ун-т., Т. LXIV., Труды историко-филол. фак-та. Сер. филол. Вып. 5. Ростов на Дону.
- Есперсен О., 1958, Философия грамматики. Москва.
- Захарова М.Н., 1956, *Из наблюдений над процессом образования новых составных наименований в современном русском языке*, Учен. зап., Кишинев. гос. ун-т. Т. 22. Кишинев.
- Иванникова Е.А., 1966, *Устойчивые именные словосочетания как предмет фразеологии и лексикографии*, Современная русская лексикология. Москва.
- Исаченко А.В., 1958, *К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков*, Slavica. Roč. XXVI, Seš. 3. Praha.
- Калишан И., 1986, Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке. Розп.п.
- Ким Л.Л., 1976а, *Особенности функционирования прилагательных в современном русском языке (качественные прилагательные в словосочетаниях с конкретными существительными)*, Сб. науч. тр. Ташкент. гос. ун-та. Вопросы русского и общего языкознания. № 501, Ч. I. Ташкент.
- Ким Л.Л., 1976б, *Прилагательные в составе номинативных единиц современного русского языка*, Сб. науч. тр. Ташкент. гос. ун-та. Вопросы русского и общего языкознания. № 501, Ч. I. Ташкент.
- Киреева Л.Ф., 1960, *Устойчивые словосочетания прилагательного с определяемым существительным в терминологической функции*, Науч. зап. Днепропетр. гос. ун-та, Сб. работ филол. фак-та. Т. 70, Вып. 17. Днепропетровск.
- Климовская Г.И., 1978, Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка: Система. Границы. Функционирование. Томск.
- Коваленко Л.Ф., 1969, *К вопросу о составных бытовых названиях*, Вопросы лексикологии. Днепропетровск.
- Коваленко Л.Ф., 1989, *Категориально-грамматический статус аналитического номена в современном русском языке*, Семантика и стилистика грамматических категорий русского языка. Сб. науч. тр. Днепропетровск.
- Коваленко Л.Ф., 1979, Лексикализованные адъективно-субстантивные словосочетания в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск.
- Кожин А.Н., 1966, *О характере отношений в терминологических устойчивых выражениях*, Учен. зап. МОПИ им. Крупской. Т. 160, Русский язык. Вып. 11. Москва.
- Кожин А.Н., 1967, Лексико-семантические средства составных наименований (на материале военной лексики русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва.
- Кожин А.Н., 1969, *Составные наименования в русском языке (на материале военно-деловой лексики)*, Мысли о современном русском языке. Москва.
- Котелова Н.З., 1975, Значение слова и его сочетаемость. Ленинград.

- Кунин А.В., 1970, Английская фразеология (теоретический курс). Москва.
- Ларин Б.А., 1956, *Очерки по фразеологии*, Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, Учен. зап. ЛГУ, № 198, Филол. фак-т, Сер. филол. наук. Вып. 24. Ленинград.
- Левит З.Н., 1967, *О понятии аналитической лексической единицы*, Проблемы аналитизма в лексике. Вып. 1. Минск.
- Левит З.Н., 1968, К проблеме аналитического слова в современном французском языке. Минск.
- Левковская К.А., 1962, Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. Москва.
- Лексические минимумы современного русского языка, 1985. Под ред. В.В.Морковкина. Москва.
- Мещанинов И.И., 1978, Члены предложения и части речи. Ленинград.
- Мордвилко А.П., 1964, Очерки по русской фразеологии. Москва.
- Муратов С.Н., 1961, Устойчивые словосочетания в тюркских языках. Москва.
- Никиенко И.В., 2003, Адъективные конверсивы в современном русском языке (на материале отыменных образований): Дис. ... канд. филол. наук. Томск.
- Никитевич В.М., 1985, Основы номинативной деривации. Минск.
- Ожегов С.И., 1957, *О структуре фразеологии*, Лексикографический сборник. Вып. II. Москва.
- Павленко Т.Л., 1968, *К вопросу о специфике составных наименований*, Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. Тула.
- Павлов В.М., 1985, Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Ленинград.
- Пономаренко Л.А., 1978, Устойчивые лексемосцепления контактирующих языков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси.
- Прокопович Н.Н., 1969, *Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи*, Мысли о современном русском языке. Москва.
- Регина К.В., Тюрина Г.П., Широкова Л.И., 1976, Устойчивые словосочетания русского языка. Москва.
- Рогожникова Р.П., 1985, *Устойчивые сочетания, соотносящиеся со словом, и отражение их в исторических и современных словарях*, Известия АН СССР, Сер. лит-ры и языка. Т. 44, № 3.
- Ройзензон Л.И., 1973, Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд.
- Руднев А.Г., 1960, Проблемы фразеологии. Ленинград.
- Сидоряченко И.Б., 1990, *Деривационные сочетания как разновидность расчлененных единиц номинации в современном русском языке*, Русское языкознание. Вып. 20. Киев.
- Смирницкий А.И., 1956, Лексикология английского языка. Москва.
- Сухотин В.П., 1950, *Проблема словосочетания в современном русском языке*, Вопросы синтаксиса современного русского языка. Москва.
- Телия В.Н., 1980, *Семантика связанных значений слов и их сочетаемости*, Аспекты семантических исследований. Москва.
- Толикина Е.Н., 1964, *О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы*, Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Москва—Ленинград.
- Федосов И.А., 1977, Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. Ростов-на-Дону.
- Фомина М.И., 1990, Современный русский язык. Лексикология. Москва.
- Фортунатов Ф.Ф., 1956, *Сравнительное языковедение. Общий курс*, Избранные труды. Т. 1. Москва.
- Фразеография в Машинном фонде русского языка, 1990. Москва.
- Черкасская Е.Б., 1974, *Некоторые способы образования устойчивых словосочетаний в современном английском языке*, Исследования по лексической сочетаемости и фразеологии. Москва.
- Чернышева И.И., 1964, Фразеология современного немецкого языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва.
- Шанский Н.М., 1972, Лексикология современного русского языка. Москва.
- Шанский Н.М., 1963, Фразеология современного русского языка. Москва.
- Шахматов А.А., 1941, Синтаксис русского языка. Ленинград.
- Шмелев Д.Н., 1973, Проблемы семантического анализа лексики. Москва.
- Щерба Л.В., 1958, *Опыт общей теории лексикографии*, Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Ленинград.
- Щерба Л.В., 1974, *Очередные проблемы языковедения*, Языковая система и речевая деятельность. Ленинград.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В любом высказывании или тексте адресату "открывается" некая цель автора. Один из уровней понимания речи связан именно с проникновением слушающего в замысел говорящего. Содержание неразрывно связано с формой, и замысел раскрывается в способе представления информации.

В последние десятилетия усилилось внимание лингвистов к исследованию речевого воздействия. Из сферы лингвопрагматики выделяется специфическая область исследования языка как возможности влияния на собеседника, средства манипулирования чужим сознанием и способности гармонизации общения. Эту сферу лингвистических интересов можно назвать *лингвистикой речевого воздействия*.

Можно выделить два основных типа речевого воздействия: убеждение и внушение. Используя убеждение, говорящий действует с помощью логики. Собеседник может признать или не признать правоту говорящего, подчиниться или не подчиниться желанию убеждающего. Используя внушение, говорящий предполагает, что информация текста окажет лишь отвлекающее действие, в то время как подтекстовый уровень окажется решающим для не критического восприятия адресатом желания адресанта.

Значимым критерием оценки воздействия в речи является результативность воздействия. С этой точки зрения влияние, присутствующее в тексте, делится на эффективное и неэффективное.

Если оценивать воздействие по цели и задачам, а также ожидаемым результатам коммуникации, воздействие делится на гармонизирующее и манипулятивное.

Важным критерием оценки воздействия является осознание говорящим влияния на адресата. Критерий осознанности при использовании воздействия в речевой коммуникации связан с постановкой цели, осознанием намерений, выбором средств и делит тексты на содержащие сознательное и несознательное воздействие.

Неосознанное воздействие часто приводит к коммуникативным неудачам. Учитель "давит" на учеников и получает давление в ответ. Авторитарное преподавание вводит в стресс, в котором ученик не способен к обучению.

Пример неинтенционального речевого воздействия представлен в анекдоте.

Директор авиакомпании делает выговор пилоту:

– *Выбирайте выражения, когда обращаетесь к пассажирам!*

– *??*

– *В прошлый раз Вы сказали: "Прежде чем мы приземлимся, я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы попрощаться со всеми".*

Комизм ситуации заключается в том, что говорящий (пилот) не осознает соотносительность содержания высказывания с ситуацией произнесения фразы. Многозначность глагола *попрощаться*, координируясь с экстралингвистическими факторами, в частности с переживаниями особо впечатлительных пассажиров во время посадки самолета, создает двусмысленность высказывания пилота.

Теория речевых актов внесла в лингвистику понятие интенции и интенциональности, разработанное в феноменологической философии (прежде всего Э.Гуссерль и его последователи) как осознание объекта вследствие его переживания. Широкое распространение получила интенциональность, в том числе и как термин, в теории речевой деятельности, которая явилась истоком психолингвистики. Интенциональность предполагает наличие связи между сознанием субъекта и предметом как частью мира. Актуальным оказывается и направленность сознания на предмет/объект. Неотъемлемым свойством интенциональности является осознанность переживания объекта как деятельности. Несомненно, что рассматриваемое понятие включено в замысел деятельности, в нашем случае речевой. В понимание интенциональности включается пресуппозиция как данная ситуация.

С позиции теории речевых актов в качестве центральной единицы коммуникации рассматривается высказывание, речевой акт. Основным признаком речевого акта считается признак целенаправленности — цель, намерение говорящего произвести определенное воздействие на адресата. Это имманентное свойство речевых актов впервые было описано Г.Грайсом. Специфику значения речевого акта он связал с говорящим субъектом и его намерением. Механизм интенциональности Г.Грайс описал так: "А стремится, чтобы высказывание *x* произвело некоторый эффект в слушателях посредством распознавания его намерения; мы можем добавить, что спрашивать о значении *A* — значит спрашивать определения намеряемого эффекта" (Грайс 1985: 245). Таким образом, согласно Грайсу, "субъективное значение" высказывания есть намерение говорящего получить определенный результат благодаря осознанию слушающим этого намерения.

В процессе общения говорящий не просто строит предложения, а использует высказывания для достижения своих целей. В современных лингвистических работах проблема речевых действий рассматривается как основа коммуникативных интенций и база интенциональных полей (Имплицитность 1999).

Концептуальные основания теории речевого воздействия базируются на том положении, что речевая деятельность всегда интенциональна. С этих позиций высказывание есть акт осуществления интенций говорящего посредством речи, так как всякое высказывание включает в себе представление не только о том, о чем в нем говорится, но и зачем оно говорится. Всякое высказывание предполагает целевой аспект и в полной мере или частично, явно или скрыто служит осуществлению интенций говорящего.

Чаще всего под интенциональностью понимается качество, внутренне присущее порождению текста. Характер коммуникативной цели обусловлен мотивом, некоторым психологическим состоянием говорящего. В последнее время понятие интенциональности часто используется в лингвистических работах для характеристики самых разных явлений. Например, С.Ю.Данилов использует словосочетание *интенциональное состояние* для создания дефиниции речевого жанра: "Речевой жанр в работе понимается как речевая единица, которая воплощает **интенциональное состояние** (выделено — *А.Д.*), связывающее адресанта и адресата, и строится по тематическим, стилистическим и композиционным канонам, закрепленным в культуре. Интенциональное состояние — психическая направленность на объекты окружающего мира" (Данилов 2001: 6).

Впервые намерение говорящего с выбором грамматической формы, несущей определенную семантико-прагматическую функцию, связал А.В.Бондарко (Бондарко 1994). Согласно теории А.В.Бондарко, интенциональность включает два аспекта: 1) аспект актуальной связи данного значения с намерениями говорящего в акте речи; 2) аспект смысловой информативности. Намерение говорящего лежит в основе выражаемого в процессе речи и "готового" содержания, обладающего информативной значимостью. С другой стороны, смысловая информативность данного значения является необходимым условием использования в речи для реализации намерений говорящего (Бондарко 1996: 59-74; 2002: 141-156).

Интенциональность грамматических значений, реализуемых в высказывании и текстах, является одним из факторов, которые, с одной стороны, позволяют выявлять речевое воздействие, а с другой — сами по себе могут быть предметом анализа в текстах воздействия.

Речевые действия интенциональны, в них содержится потребность, вынужденность, необходимость, желание или обязанность говорящего изменить прагматическую ситуацию. Речевой акт считается интенциональным, если воздействие на адресата планируется говорящим.

Речевое воздействие может оцениваться как по типам, так и по способам проявления интенциональности грамматических значений. "Примером проявления интенциональности в сфере грамматических значений, — указывает А.В.Бондарко, — может служить смысловая актуализация семантики времени в высказываниях, включающих соотношения временных форм: *Я здесь жил, живу и буду жить*. Показательны речевые поправки, связанные с заменой одной формы времени другой:

С особенной силой чувствую сейчас — или, скорее, чувствовал сейчас на гулянье эту великую радость — любви ко всем (Л.Толстой. Дневники) (Бондарко 2002: 141).

Интенциональность выступает своего рода звеном, связывающим данные нам в единстве восприятия и разделяемые только с целью анализа план выражения и план содержания с авторским замыслом.

Сопряженность интенций, нашедших свое выражение в лексемах, грамматических формах и синтаксических конструкциях, образует интенциональное содержание высказывания.

Интенциональное содержание понимается как тот аспект смысла высказывания, который включает в языковые средства, отражающие замысел, а также те компоненты высказывания, в которых отражена связь замысла с элементами речевой ситуации (Дунев 2001).

Средства проявления интенциональности в сфере грамматики суггестивных текстов могут быть самыми различными. Показателями интенциональности грамматического значения в русском языке выступают контраст однородных грамматических значений, уточнение или пояснения сказанного, элементы метатекста, оговорки, ответные реплики, переносные и нетрадиционные употребления грамматической формы, повторное выражение той же самой грамматической семантики другими средствами.

Мы рассматриваем интенциональное употребление форм, включающих компонент (аспект) языковой интерпретации. Интенциональное содержание грамматических форм, как правило, связано с интерпретационным потенциалом самой формы. Анализируя интерпретационный потенциал, мы обнаруживаем способ, характер, средства и механизмы речевого воздействия.

С точки зрения синтеза различных аспектов речевого воздействия: интенциональности грамматического значения, эффекта и результативности речевого воздействия и способа гармонизации общения — нас привлекла вопросительная грамматическая конструкция *не могли бы вы*, оформляющая просьбу.

Нередко приходилось сталкиваться с мнением, что вопрос, содержащий отрицание, провоцирует адресата (отвечающего) на отрицание в ответе. Это и так и не так. Вопросительная конструкция, содержащая компонент *Не могли бы вы...* — самая вежливая фраза в русском языке. Мне случалось встречать и ярых противников подобного способа формулирования просьбы, хотя в их речи тоже встречалось это выражение. В чем-то они, пожалуй, были правы, выступая против именно такой формулировки.

В этой фразе *Не могли бы вы...* кроется некая опасность — это искренность, своего рода "открытое забрало" перед собеседником. Как "поленом по лицу" может прозвучать реплика-ответ — "Нет, не могли!". Грубый ответ может последовать, даже если самая просьба еще и не прозвучала. *Не могли бы...* — *Нет, не могли!* Резкий ответ показывает не только на неспособность адресата выполнить просьбу, но и на нежелание ее выполнить, а иногда и выслушать.

Между тем этот способ словесного оформления просьбы намного сложнее и интереснее, чем может показаться на первый взгляд. В грамматике этой фразы заложен глубокий смысл (не случайно эта фраза является этикетной, то есть устойчивой и ритуальной). Форма условного наклонения глагола *могли бы* предпосылкой самой просьбы дает условие — возможность, способность и желание адресата выполнить то или иное действие. Модальные значения: возможности/невозможности, способности/неспособности, желательности/нежелательности — выражаются модальным глаголом *мочь* и грамматической семантикой условного наклонения. Отрицанием говорящий предоставляет собеседнику право отказаться. В русском языке вполне возможно выразить просьбу с помощью модального глагола в условном наклонении без отрицания (*Могли бы вы уступить мне место?*). В этом случае сохраняется условие, описанное выше, но отсутствует декларация говорящим права собеседника на отказ. Таким образом, этикетная речевая формула содержит подтекст, заключенный в грамматических средствах языка (и потому скрытый, неявный), *'я прошу выполнить желаемое мной действие, при условии, что вы имеете возможность и желание это действие выполнить'*.

Модальная семантика обусловленности, сопряженная с желаемым говорящим действием, заключенным в просьбе, может выражаться при помощи междометных слов и выражений речевого этикета *пожалуйста, будьте добры* и т.п. Модальные слова речевого этикета добавляются в высказывания с глаголами в повелительном наклонении.

Теперь сравните одинаковые по смыслу просьбы, выраженные разными способами, с помощью разных языковых средств.

Уступите место!

Уступите, пожалуйста, место!

Могли бы вы уступить мне место?

Не могли бы вы уступить мне место?

Все эти высказывания представляют речевой жанр просьбы. Такие высказывания называются синонимичными, но при общности смысла (наличии общего смыслового инварианта, смысловой основы), они различаются интерпретационным компонентом. В первом случае эксплицировано только желаемое действие и его объект, во втором — действие дополняется семантикой вежливости (респективности). Два последние способа вербального оформления просьбы называют

косвенными речевыми актами. Здесь проявляется не прямой, подтекстовый характер высказывания и конвенциональность такого способа выражения закрепленного в культуре смысла. Для последнего способа формулирования просьбы важной является предоставляемая говорящим адресату возможность отказа выполнить просьбу.

Проявляется ли в речевой формуле *Не могли бы вы...* беспомощность говорящего (просящего)? Да, пожалуй. Но в некоторых случаях и слабость превращается в силу. В традициях русской культуры (и многих других культур) оказывать помощь тому, кто в ней нуждается. Подчеркнем, что этикетная речевая формула сочетания модального глагола в условном наклонении при отрицании подходит не ко всем ситуациям формулирования просьбы. Она достигнет своей цели, окажет воздействие только на доброжелательно настроенного к вам и добросердечного человека, привыкшего приходить людям на помощь. Другими словами, если не доверяешь своему речевому партнеру, не стоит облекать просьбу в эту форму. Эта фраза не окажет воздействия на грубого, невоспитанного человека, привыкшего к резкости в общении, ожидающего от других только неприятностей.

Интенциональность грамматических форм является основой для выявления и анализа речевого воздействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бондарко А.В., 1994, *К проблеме интенциональности в грамматике*, Вопросы языкознания. № 2.
Бондарко А.В., 1996, Проблемы грамматической семантики русской аспектологии. С-Петербург.
Бондарко А.В., 2002, Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). Москва.
Грайс Г., 1985, *Логика и речевое общение*, Новое в зарубежной лингвистике. Москва.
Данилов С.Ю., 2001, Речевой жанр *проработки* в тоталитарной культуре. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
Дунев А.И., *Интерпретационный компонент в структуре интенционального содержания высказывания*, Проблемы интерпретационной лингвистики: автор–текст–адресат. Новосибирск
Имплицитность, 1999, Имплицитность в языке и речи. Москва.

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Креативный характер познания, как известно, наиболее ярко проявляется в научной деятельности. Это можно видеть при анализе научного текста в плане динамики формирования его содержания, в частности, в онтологическом (концептуальном) отношении. Ранее мы отмечали, что адекватным инструментом динамического анализа целого текста, а именно специфики формирования в нем нового научного знания (ННЗ), может служить познавательная оценка, выступающая "энергетическим толчком" чередования компонентов известного (старого) и неизвестного (нового) знания. В рамках этого чередования и происходит постепенное продвижение познания от не-знания к непротиворечивому научному знанию и, соответственно, формирование самой концепции как содержательно-смысловой целостности (Данилевская 2003а, 2003б, 2004).

Под познавательной оценкой мы понимаем выражение ценностного отношения к предмету мысли (или определенному мыслительному действию), фиксируемое автором и реализующееся в тексте специальными языковыми и речевыми средствами. При этом важно, что рассмотренная сквозь призму познавательной оценки (далее — ПО) эпистемическая ситуация, воплощенная в научном тексте, предстает именно как аксиологическая деятельность, связанная с выбором на каждом конкретном шаге познания того или иного оценочного действия.

Анализ взаимодействия компонентов знания, формирующих содержательный план текста, свидетельствует о том, что ПО гетерогенна и включает в себя различные познавательные действия.

© Н.В.Данилевская, 2004

Познавательную оценку можно разделить на две группы в зависимости от функциональной нагрузки в общем процессе текстообразования: *когнитивную оценку*, принимающую участие в формировании смысла текста (его онтологического плана), и *эмотивную (психическую) оценку*, "ориентированную" на формирование коммуникативного (диалогического) плана научного произведения. Каждая из этих групп объединяет в своем составе по две подгруппы более частных функциональных вариантов ПО (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1 .

Познавательная оценка

Когнитивная оценка		Эмотивная оценка	
Онтологическая оценка	Методологическая оценка	Рефлексивная оценка	Коммуникативно-прагматическая оценка

Как видим, группу когнитивных оценок образуют *онтологическая* и *методологическая* оценки: первая "отвечает" за процесс формирования и выражения содержания текста, т.е. авторской идеи, концепции, или, точнее, самого "тела" нового знания; вторая — за методологическое оформление этой концепции, благодаря чему последняя из личностного знания превращается в надличностное, приобретая структуру и форму именно научного знания.

Группу эмотивных оценок образуют *рефлексивная* и *коммуникативно-прагматическая* оценки: с помощью первой выражается "образ автора", точнее, личная позиция исследователя по отношению к тому или иному познавательному действию, совершаемому в процессе развертывания текста; с помощью второй выражаются познавательные действия, апеллирующие к сознанию реципиента, т.е. "переводящие" процесс авторского мышления, воплощаемого в тексте, в процесс со-мышления с предполагаемым читателем. Вообще, благодаря эмотивной оценке научный текст из авторского монолога превращается в диалог заинтересованных друг в друге коммуникантов.

Центральное место в смысловом и структурном строительстве текста занимает, безусловно, когнитивная оценка, поскольку именно она связана с развитием и оформлением содержательного

(онтологического) плана научного произведения: за счет когнитивных познавательных-оценочных действий в тексте происходит постепенное формирование концепции в ее деталях и особенностях. Следовательно, можно говорить, что когнитивной оценке принадлежит смыслостроительная функция в письменном научном творчестве. Эмотивная же оценка сконцентрирована на формировании коммуникативного и прагматического планов текста, способствует смысловой организации изложения в плане его выразительности и, в конечном счете, доступности для читателя.

Важно отметить, что каждая из оценочных подгрупп в конкретном случае реализуется посредством набора своих, еще более частных разновидностей познавательной оценки — оценочных действий.

Задачей статьи является анализ некоторых познавательных действий онтологической оценки, а именно таких действий, которые составляют ее *аргументативный*, или *процессуально-логический* план. К аргументативным познавательным действиям мы относим действия, непосредственно оформляющие в тексте процесс обоснования компонентов знания (как старого, так и нового), т.е. участвующие в движении научного доказательства от гипотетического к доказанному. В целом все познавательные действия, направленные на обоснование знания, составляют аргументативную оценку в рамках группы онтологических оценок.

Аргументативная оценка представляет собой познавательные-оценочные действия, осуществляемые ученым с целью выражения конкретных этапов обоснования содержания научного знания и реализующиеся в текстовой ткани посредством частных познавательных-оценочных приемов аргументативного характера. Аргументативно-оценочные приемы научного изложения фиксируют в текстовой ткани ментальные действия автора, направленные на доказательство какого-либо компонента знания.

Логическая операция доказательства тесно связана с операцией разъяснения (ср.: *Разъяснить* — объяснить, сделать ясным, понятным. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой. С. 655), поэтому к аргументативной оценке мы относим такие познавательные действия, как *уточнение, пояснение, конкретизация, обобщение, вывод, объяснение, анализ, сравнение, установление целевых и причинно-следственных отношений* между высказываниями. Иначе говоря, аргументативную оценку составляют такие мыслительные операции, которые реализуются в тексте как высказывания, выражающие уточнение, пояснение, конкретизацию, обобщение, вывод, объяснение, анализ, сравнение, цель или следствие по отношению к предшествующему высказыванию.

Перечисленные аргументативно-оценочные действия вербализуют в текстовой ткани научного произведения континуальный аспект эвристического мышления, т.е. сам процесс обоснования знания, его поэтапное представление в содержательном и структурном планах текста. В связи с этим аргументативная оценка пронизывает всю ткань научного произведения, составляя его структурно-семантический каркас. Что касается роли аргументативных оценочных действий в формировании смысла текста, т.е. собственно нового научного знания, то она, безусловно, также велика, поскольку с помощью этих действий автор формирует основную (ведущую) линию доказательства (а следовательно, и самого содержания) ННЗ.

Названные десять вариантов частных аргументативно-оценочных действий логично объединить в две группы в зависимости от степени их близости к двум основным ментальным операциям обоснования, в результате чего получаем: 1) оценку с общим значением *объяснения* и 2) оценку с общим значением *анализа* (см. толкование понятия 'объяснение': Кондаков 1971). При этом к *объясняющим оценочным действиям* относим такие действия, как собственно объяснение, уточнение, пояснение, конкретизация и обобщение; к *аналитическим оценочным действиям* — анализ, вывод, сравнение, установление целевых и причинно-следственных отношений между высказываниями (см. табл. 2).

Таблица 2.

**Разновидности
познавательных действий аргументативной оценки**

<i>Объясняющие оценочные действия</i>	<i>Аналитические оценочные действия</i>
1) собственно объяснение	1) анализ
2) уточнение	2) вывод
3) пояснение	3) сравнение
4) конкретизация	4) установление целевых отношений
5) обобщение	5) установление причинно- следственных отношений

Необходимо подчеркнуть, что разделение познавательных действий аргументативной оценки на логико-смысловые подгруппы носит условный характер и предпринимается только в целях анализа; в реальном же речевом развертывании многие из познавательных действий, как будет показано, могут совмещаться, образуя синкретичные оценочные высказывания.

Объем статьи не позволяет описать обе названные подгруппы оценочных действий, поэтому мы сосредоточим внимание на анализе только одной из них — подгруппе "объясняющих" оценок.

Онтологическая оценка аргументативного типа со значением объяснения включает в себя такие высказывания, которые принимают участие в конструировании объяснения на этапах, "нацеленных" на раскрытие сущности изучаемого объекта (Энциклопедический... 1999: 362). В соответствии с гносеологическими типами объяснения (см. указ. соч.) в его составе и выделяются названные выше оценочные действия — *собственно объяснение, уточнение, пояснение, конкретизация и обобщение*. Каждое из этих действий (кроме обобщения) реализует в тексте определенный аспект содержания предмета и фиксируется языковыми единицами на стыке двух высказываний (либо самостоятельных предложений, либо частей одного предложения), оформляя смысловые связи между ними. Направленность объясняющих оценочных действий на формирование смысла ближайшего контекста позволяет отнести их к узкоконтекстуальной ПО. Обобщение, в отличие от других объясняющих оценок, может осуществляться как по отношению к ближайшему высказыванию, так и к нескольким сразу, иногда целому параграфу, главе и даже ко всему тексту (в жанрах монографии и статьи), выражая содержание предшествующих рассуждений с точки зрения их обобщенной, главной ценности по отношению к представляемой в целом тексте концепции. В связи с этим обобщающие оценочные действия мы относим к ширококонтекстуальной ПО. Хотя, разумеется, каждое из познавательно-оценочных действий аргументации в динамике развертывания текста выступает как *обще*значимый компонент смыслостроительства.

Проанализируем структурно-семантическое своеобразие объясняющих оценок в той очередности, в которой они были названы выше.

Собственно объясняющая оценка (ОбъясОц) — это частное познавательное действие, направленное на смысловое развертывание объясняющего аргумента в пользу высказанного положения. Объясняющая оценка осуществляется как раскрытие содержания (сущностного смысла) предшествующего высказывания, как стремление автора растолковать читателю, представить ее одновременно и более полно, и более конкретно.

ОбъясОц пронизывает всю ткань научного текста, т.е. представлена континуально, поэтому в научном стиле для ее материализации сформировались как эксплицитные, так и неэксплицитные способы введения в изложение. Приведем примеры неэксплицитных высказываний, обозначая начало оценки значком '←':

...используемые в нем [тексте] лингвистические конструкции обретают значение вторичное по отношению к присутствующим в нем структурам интеллектуально-мыслительной деятельности. ← Порождение текста — это решение прежде всего эмоциональной и мыслительной задачи, а уж потом — лингвистической... (Дрид., с. 198); Выделение функционально-стилистических уровней... — задача большой сложности, и было бы наивным полагать, что ее можно разрешить "одним росчерком пера". ← Трудности связаны, во-первых, с интерференцией аспектного членения... (Ник., с. 41); Материальные системы, в которых материальные элементы значимы для системы не столько в силу их..., называются вторичными материальными системами. ← Они возникают только благодаря деятельности людей... (Солнц., с. 19); Остальные семантические элементы составляют "фон". ← Они могут быть необходимым

условием реализации доминирующей КС, но в иерархии... их роль относительно второстепенна, вторична (Бонд., с. 105) и др.

В качестве языковых сигналов объясняющих оценок в современном научном стиле служат союзы *что, так как, поскольку, ибо*; местоименные сочетания *тем самым, тем не менее, вместе с тем, между тем*; вводные слова, словосочетания или предложения *действительно, в самом деле, больше того, в свою очередь; Как видно; Как понятно* и др.; предикативные сочетания, обычно стоящие в начале простого или сложного предложения *Это объясняется; Это связано с; Это происходит из* и др.; а также различные варианты сложноподчиненных конструкций с общей семантикой объяснения: *Дело в том, что; Сказанное (не) означает, что; Ясно, что; Понятно, что; Оказывается, что; Это свидетельствует о том, что; Вследствие того что; По причине того что* и др.

Приведем примеры:

В самом деле, можно сколько угодно повторять, что... (Сув., с. 19); Отождествление этих понятий, часто встречающееся в литературе, нельзя считать обоснованным, **ибо** они объективно имеют разное содержание (там же, с. 22); **Дело в том, что** концепцию речевого жанра М.М.Бахтина нельзя понимать как... (Сед., с. 54); Приведенные цифры много меньше действительных, **так как** до сих пор даже у важнейших культурных растений... (Вав., с. 11); Именно **поэтому** в процессе эволюции ассоциативные области стали доминирующими... (Дуб., с. 16); **Это связано с** эффектом огромного захвата электронов в режим осевого каналирования (Ком., с. 42); ...**оказывается, что** один из компонентов обязательно акцентно усиленно выделен, **что...** облегчает восприятие и в то же время фокусирует внимание слушателей на... (Ник., с. 84); **Ясно, что** такое построение нельзя свернуть в один эпизод (Дол., с. 123); **Вместе с тем** существует параллельный термин "функционально-семантическая категория", подчеркивающий семантико-категориальный аспект того же предмета исследования (Бонд., с. 22) и др.

Довольно часто в научной речи объяснение высказанного положения осуществляется с помощью опоры на "чужие слова" (т.е. посредством цитирования) или "чужие мысли" (т.е. посредством ссылок на их источник), ср.:

Определение природы абзаца как единицы деления текста, данное Т.И. Сильман, создает впечатление отождествления абзаца со сверхфразовым единством: ← Абзац в его классической нормальной форме есть некое синтактико-интонационное единство... ← Из этой, казалось бы, очень четкой формулировки **не ясно, как следует определять** разницу между абзацем и сверхфразовым единством... (Реф., с. 49); ... диффузные коэффициенты D_{ij} выражаются через среднеквадратичный угол многократного рассеяния, учитывающий вклад... (см. подробно [5]); **Дело в том, что** с самого начала концепция актуального членения не имела смысловой интерпретации, это было лишь фиксированием некоторого явления. Осуществляющегося в плоскости высказывания — "**формальный способ включения в контекст**" (Матезиус, 1967) (Ник., с. 34) и др.

Отметим, что объясняющая оценка может быть оформлена в тексте и с помощью других лингвистических приемов, например, вопросо-ответного хода, разделительно-противительных отношений (союзы *однако, но, и все-таки, тем не менее*), а также индивидуальных (единичных) средств и приемов. Кроме того, в контексте изложения объясняющие оценки часто совмещаются с другими оценочными действиями (как онтологического, так и эмоционального плана) и выступают в единстве с ними как усложненное ментально-психическое действие.

Уточняющая оценка (УточОц) — это частное познавательное действие, направленное на создание в конкретном фрагменте смыслового развертывания уточняющего аргумента в пользу высказанного положения.

Известно, что семантическая функция уточняющих компонентов в составе синтагмы заключается в сужении, ограничении объема обозначаемого: "второй член ряда более точно (узко) определяет то, что названо первым членом" (Русская... 1980: 175). При этом за счет сужения смысла в первоначальное высказывание вводится небольшой компонент нового знания, поэтому уточнение "всегда несет дополнительную информацию" (там же). Следовательно, можно говорить о том, что УточОц функционально динамична, поскольку осуществляет — пусть небольшое — движение знания, его поступательное развертывание.

Уточняющая оценка вводится в текст посредством пояснительных союзов *а именно, именно, или, то есть*, имеющих в контексте оценки семантику уточнения; вводного слова *точнее* и вводных сочетаний *в частности, точнее говоря, вернее сказать, скорее всего, кроме, кроме того, кроме прочих*; союзов *а также; так же, как и; при этом; притом; причем; вместе с тем; к тому же; тем более, что*; односоставных и двусоставных конструкций (*Здесь*) *имеется в виду, Более точно это следует выразить так, Речь идет о, Мы имеем в виду следующее*; а также сложноподчиненных конструкций *Если иметь в виду, что; При этом мы настаиваем, что*;

Причем ясно, что; К тому же следует иметь в виду, что и др. Кроме того, УточОц часто оформляется в тексте посредством обособленных и вставных конструкций, что свидетельствует о своеобразии их функционально-стилистического назначения — быть дополнительными средствами аргументации в научном изложении. Например:

...эти функции вполне могут быть рассмотрены как частный случай информативности сообщения, если под последней **имеется в виду** мера достижения коммуникатором цели, которую... (Дрид., с. 201); Порождение текста, **так же, как и его интерпретация**, — это решение прежде всего... (там же, с. 198); Сказанное не означает, что... **Речь идет лишь о том, что** членение... (Бонд., с. 26); **Короче**, категория идеального охватывает все мыслимые формы проявления... (Дубр., с. 17); **При этом речь** должна идти о возбуждениях не в системе электронов проводимости (Ком., с. 45) и др.

Средствами оформления УточОц служат также такие синтаксические знаки, как двоеточие, тире и скобки, часто объединяющиеся с вербальными средствами:

...для решения главного вопроса — надежного выяснения природы высокотемпературной сверхпроводимости МОК — еще крайне недостаточно исходных экспериментальных данных (Гинз., с. 580); ...значение функции распределения в максимуме быстро падает и на глубинах в несколько микрон (при $E \approx 1$ ГэВ) максимум исчезает (Ком., с. 44); ...это значение служит основой появления в семантической структуре..., которая актуализируется в многочисленных контекстах: можно выделить более 20 примеров (Серг., с. 55) и др.

Из примеров видно, что УточОц, несмотря на связанное ней, как отмечалось, сужение смыслового объема предшествующего высказывания, все же (хоть и чуть-чуть) развивает его, вносит элемент нового знания (далее НЗ), чем способствует — как и другие разновидности ментальных оценок — постепенному продвижению смыслостроительного процесса, формированию научной концепции в научную целостность как норму. Не случайно среди уточняющих возможны высказывания, начинающиеся словами *Кроме того; Кстати; Если стремиться к точности, то следует добавить/расширить/оговорить/развить; Более того, необходимо уточнить, что* и т.п.

Важно, что для научного изложения УточОц имеет особо важное значение, так как с ее помощью осуществляется, кроме прочих средств, "адекватизация" научной картины автора научной картине читателя, их гармонизация, поэтапное сближение (хотя бы по основным параметрам) двух потенциально разных интерпретаций одного содержания. Очевидно, поэтому языковых единиц, выражающих уточняющую оценку, не просто много в научном изложении, но довольно частотны случаи их совмещения в одном высказывании, т.е. случаи ступенчатого, или усложненного, уточнения. Ср. (уточнения внутри уточнений выделим разрядкой):

При этом речь должна идти о возбуждениях не в системе электронов проводимости (соответствующие возбуждения — плазмоны — хотя и ведут к притяжению, но оно исчерпывается экранировкой кулоновского взаимодействия и сказывается лишь на величине m ; см. (2) (Гинз., с. 570); или: ... тогда "идеальное" не может означать ничего иного, кроме субъективной реальности, то есть реальности сознания нашего внутреннего (духовного) мира... — всякой духовной деятельности вообще (Дубр., с. 17).

Как уточняющие оформляются обычно и различные ссылки на работы других авторов и ассоциативные упоминания о ком-то или о чем-то, которые также приводятся в скобках, тире или через двоеточие.

Поясняющая оценка (ПояснОц) — это частное познавательное действие, направленное на развертывание поясняющего аргумента в пользу высказанного положения.

Логическая операция пояснения понимается как "прием, с помощью которого предмет определяется не вполне, а лишь в одном каком-либо отношении и с определенной целью (которая может состоять и в том, чтобы подготовить полное логическое определение)" (Кондаков 1971: 158-159).

"Русская

грамматика"

1980 г. дает следующую трактовку поясняющих отношений:

При собственно пояснении... два разных обозначения отнесены к одному и тому же предмету... При этом первый и второй члены или дают разные названия одному и тому же..., или первый член ряда уточняется, конкретизируется вторым..., или второй член ряда служит раскрывающим перечнем... Пояснение... разъясняет (толкует), конкретизирует или оценивает (Русская... 1980: 174).

Для нас важное значение в данных утверждениях имеет мысль о том, что пояснение, функционируя по принципу "о том же самом, но другими словами", толкует предшествующий "член ряда", а также может выполнять по отношению к нему оценивающую функцию. Представляется, что пояснение — это и есть ментальная оценка предмета речи с точки зрения его иного понимания и выражения (вербального представления). Пояснить — значит растолковать другими словами, тем самым дав реципиенту возможность подойти к пониманию содержания

предмета с другой стороны, попытаться посмотреть на него иначе. Что же касается утверждения о *неполноте* определения предмета речи в рамках операции пояснения (см. определение, данное в логическом словаре), то здесь прежде всего имеется в виду не частичное пояснение какой-либо мысли, а именно пояснение какой-либо ее части, когда поясняющая оценка относится не ко всему утверждению, а лишь к определенной его части (к слову, словосочетанию, части сложного предложения).

Поясняющие высказывания вводятся в текст пояснительными союзами *то есть, а именно, именно, или*; вводными словами и словосочетаниями *иначе, значит, иными словами, иначе говоря, другими словами, лучше сказать, короче говоря, иначе выражаясь, в смысле*; односоставными и двусоставными конструкциями *Под... понимается, Под... мы понимаем* и т.п., а также частями сложноподчиненного предложения *Мы имеем в виду, что; В том смысле, что* и т.п. Например:

...нет и теории самого невозмущенного начального состояния, в том смысле, что нет теоретического вывода... (Зельд., с. 8); ...механизм языкового порождения нацелен... на порождение целых высказываний, а не на алгоритм простого сложения слов. Другими словами, коммуникативная направленность высказывания... (Колш., с. 53); Рассмотрение языка с той или иной, но одной стороны может раскрывать только одну, или поверхностную сторону языка, а именно его возможные особенности... (там же, 58); Под авторским словом понимается повествование... (Дол., с. 224) и др.

Так же, как и уточняющие, поясняющие высказывания могут вводиться в текстовую ткань скобками, двоеточием или тире, ср.:

В нашей работе рассматриваются отвлеченные (ментальные) концепты (Серг., с. 26); ...изобразительность стиля самим своим наличием, своей интенсивностью, способами своей реализации (проще говоря, тем, в чем и как она проявляется) в конечном счете также характеризует повествователя... (Дол., с. 258); Выше этот вопрос — как выражается идеологическая позиция автора в тексте, где авторский голос не звучит вовсе — был поставлен в связи с повествованием... (там же, 212); ...литовский суперэтнос развивался параллельно с русским: находился в стадии пассионарного подъема... (Чер., с. 163) и др.

В текстах точных наук поясняющая оценка часто осуществляется языком формул:

Согласно нашей гипотезе на начальный момент $t_0 = 10^{-43}$ сек порядок величин $Sh_0^ S$ для всех мод всех трех типов должен быть одинаков. Иными словами $c_2 h_0 \gg c_6 n \gg c_2 r_0 = f(n)$ (Зельд., с. 10); Формула (4) позволяет оценить область в пространстве поперечных энергий, в которой находится большинство квазиканализованных электронов на глубине z : $0 < E \wedge E^{\max} = z d [1 + (1 + 2U_m / z d)^{1/2}]$. (Ком., с. 44) и др.*

Поясняющая оценка в процессе вербализации ментальной познавательной деятельности ученого может сливаться с уточняющей оценкой, в результате чего одно и то же высказывание оказывается бифункциональным и выступает как уточняющее пояснение. Ср.:

Определение сознания в качестве идеального выражает специфическое содержание категории сознания, а именно: тот аспект содержания этой категории, благодаря которому она логически противопоставляется категории материи (Дубр., с. 16); Это достигается путем введения в язык новых правил, регулирующих или надсинтаксическую структуру временных членений (как в поэтическом языке), или форму языковой изобразительности, то есть способ построения описываемых ситуаций (как в художественной прозе) (Жин., с. 21); ...для них характерно наличие “жестких” (отвечающих большим значениям частоты ω_0) оптических мод (Гинзб., с. 577) и др.

Выражаемая в первой части таких структур мысль оказывается не совсем понятной и ясной читателю, поэтому во второй части высказывания она подвергается автором одновременно и содержательному сужению (уточняющей оценке), и содержательному расширению (поясняющей оценке), благодаря чему адресат получает возможность сопоставить содержание обеих частей и понять каждую из них лучше.

Интересны также случаи, когда поясняющее уточнение развивает и углубляет предшествующую мысль, в результате чего уточняемое обогащается содержательно, т.е. происходит прирост НЗ. Речь идет о моментах перехода поясняющих уточнений в собственно объяснение. Приведем пример, в котором подчеркнутая часть предложения — главная содержательная новизна, ради которой автор и развертывает осложненное уточняющими и поясняющими отношения объяснение; однако в процессе объяснения это НЗ расширяет свои границы:

Даже если усложнить язык, ← [уточнение (+ НЗ)] кроме имен ввести другие разряды слов и добавить какие-либо правила, но оставить фиксированность языка, ← [пояснение] т.е. прекратить генерацию языковых средств, сохранится полное соответствие языка и мышления. ← [пояснение = объяснение (+ НЗ)] (Это распространяется на всякий мертвый язык: ← [1-е уточняюще-поясняющее объяснение (+ НЗ)] вследствие конкретной единичности конкретных значений мертвый язык всегда будет содержать конечное число высказываний. Живой человеческий язык не фиксирован. Посредством

ограниченного числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний). ← [2-е уточняюще-поясняющее объяснение (+НЗ)]

Это достигается благодаря особому механизму — механизму мета-языка... (Жинк., с. 13).

Еще пример:

Всякий повествователь не только субъект, но и объект изображения, а повествователь "остраненный" — вдвойне или втройне: ← [1-е уточняющее пояснение = объяснение (+НЗ)] *читатель смотрит не только сквозь него на изображаемые события, но и на него и, лишь сопоставляя одно с другим и внося соответствующие поправки в толкование событий, предлагаемое рассказчиком, постигает собственно авторскую позицию.* ← [2-е уточняющее пояснение = объяснение (+НЗ)] *Об этом очень хорошо писал М.М.Бахтин: "Автор осуществляет себя и свою точку зрения не только на рассказчика, на его речь и его язык... но и на предмет рассказа..."* (Дол., с. 216).

В целом именно таков путь формирования нового знания в научном тексте: всякий фрагмент авторской концепции "прогоняется" через множество различных оценочных действий, в результате чего это новое, во-первых, формируется как целостность, во-вторых, становится максимально (насколько это возможно) понятным, ясным, конкретным и — что немаловажно в процессе восприятия объемных научных текстов — узнаваемым для читателя именно как авторское НЗ.

Переходя к рассмотрению следующей оценки, напомним, что в общей динамике представления знания познавательные оценки редко реализуются в чистом виде: чаще всего изложение в конкретном фрагменте предстает как семантически синкретичное познавательно-оценочное действие по отношению к предмету мысли.

Конкретизирующая оценка (КонкрОц) — это частное познавательное действие, направленное на развертывание конкретизирующего аргумента в пользу высказанного положения.

Конкретизация [лат. *concretus* густой, сгущенный, уплотненный] как логическая операция связана с рассмотрением предмета во всем многообразии свойств и отношений, в зависимости от определенных условий места и времени его существования; дать конкретизирующую оценку — значит определить способ, вид, свойство, закономерность и т.д. реального проявления предмета, значит дать уточненную характеристику (в отличие от абстрактной, отвлеченной) его непосредственного существования (Кондаков 1971: 51).

С помощью КонкрОц анализируемый предмет предстает в более конкретной, наглядной форме и, следовательно, становится более понятным, ясным для читателя. В силу этого конкретизирующие высказывания, несомненно, выступают в качестве одной из разновидностей объяснения и научной аргументации в целом, в том числе одним из важных условий конструктивности познания (Швырев 1978: 137-138; Ивин 2000: 7-15).

Как видно, к сфере КонкрОц можно отнести довольно широкий спектр логических действий — собственно объяснение, пояснение, уточнение, констатацию и др. Однако мы, опираясь на словарные определения конкретизации и ее функционально-стилистическую роль в развертывании научного текста, включаем в ее состав только случаи представления предшествующего компонента знания в наглядной форме, отражающей определенную сторону его (знания) реального существования. Речь идет о таких фрагментах научного изложения, как разнообразные примеры, иллюстрации, схемы или "демонстрационные блоки", которые служат аргументирующим материалом, подтверждающей основой для выражаемых в тексте идей, мнений, суждений и др. ментальных действий. Посредством конкретизирующих оценок, активно включаемых автором в процесс обоснования НЗ, компоненты последнего превращаются из утверждаемых в реально существующие, обретают материальные контуры своего проявления, выделяются из массы других (в нашем случае — языковых) фактов.

Интересно в связи с этим мнение зарубежного исследователя М.Биллинга, рассматривающего конкретизацию в качестве способа "риторической аргументации", противоположного категоризации (=обобщению) как способу "логической аргументации". По мнению автора, "Сведение мышления лишь к акту категоризации ведет к созданию односторонней теории, так как противоположный процесс — обособление, или конкретизация, — столь же важен. Если категоризация, — пишет ученый, — является процессом, присущим всем живым организмам, и служит для сжатия воспринимаемой информации, то способность к обособлению лежит в основе специфики человеческой деятельности... Риторические приемы и средства обеспечивают возможность индивидуализации и обособления объектов в речи" (цит. по: Черных 1999: 123. Разрядка наша. — Н.Д.).

Специфика функционально-смысловой нагрузки КонкрОц в научной речи обуславливает обязательность и частотность познавательного действия этого типа: конкретизирующие

высказывания буквально пронизывают всю ткань текста, особенно массированно "атакуя" ее обосновывающую часть, т.е. те композиционно-структурные фрагменты, где непосредственно происходит формирование нового научного знания.

Конкретизирующая оценка может быть неявной, т.е. неэксплицированной. Ср.:

Ориентация на "коллективный гуманизм" в СССР дала определенные позитивные результаты в виде создания систем массового образования и здравоохранения и др. Объединение усилий государства, медицинских работников и общественности позволило в 20–50-е гг. осуществить так называемую "эпидемиологическую революцию", имеющую глобальное значение... (Чер., с. 104); Речь идет о другом: о единстве общих принципов. Если наука открывает в значительной и весьма сложной области материального движения... общий принцип преобладания асимметричных тенденций над симметричными, то логично предположить, что этот принцип должен иметь свое проявление и в других областях материального движения (Сув., с. 25) и др.

Однако чаще всего высказывания, выражающие КонкрОц, бывают эксплицитными, а средствами их текстуализации служат в современном научном стиле слово *типа*, вводные слова *так, например* или их сочетание *"так, например"* (наиболее типичные средства), *действительно, сравните/сравним, в частности*, вводное сочетание *в самом деле*, а также определенно-личные конструкции *Судите сами, Сравните сами, Приведем (еще один) пример* и др. В качестве синтаксических средств экспликации конкретизирующей оценки выступают двоеточие, скобки, тире, а также красная строка как способ отделения (и выделения) конкретизирующей информации от основного высказывания в общей динамике научного размышления. Например (сигналы КонкрОц выделим разрядкой):

*Понятие сочетаемости значений не может покрывать собою способность некоторого слова соединяться с другим словом, образуя осмысленное сочетание (типа **высокий дом, длинная дорога, ударить мяч и т.д.**) (Колш., с. 54); На назначение речи указывают по преимуществу слова с книжной окраской. Например, слово "характерно" в синтаксической позиции "характерно что" и "что характерно" указывает на свою закрепленность за рассуждениями, размышлениями... (Петр., с. 30); Отождествление этих понятий нельзя считать обоснованным, ибо они объективно имеют разное содержание. В самом деле, когда мы говорим о тождестве тех или иных противоположностей, то имеем в виду их равноправность, симметричность. Когда же речь идет о единстве противоположностей, то имеется в виду совершенно другое... (Сув., с. 22); В интересной книге С. Шмерлинг... приводятся, в частности, такие примеры... (Ник., с. 3) и др.*

Конкретизирующие высказывания часто разворачиваются в два этапа: сначала реальное проявление высказанного положения дается описательно (теоретически), потом (тут же, контактно) приводятся случаи его практического (материального) проявления. Ср.:

Основным для выделения доминирующей КС... является анализ содержательной и формальной структуры высказывания. ← [1-й, теоретический, этап конкретизации] Так, в следующем высказывании налицо целый ряд языковых средств, выражающих и подчеркивающих доминирующую роль темпоральной ситуации: ← [2-й, практический, этап конкретизации] Когда-то все эти вещи принадлежали Кириллу. Когда-то он писал в этих тетрадах... (Бонд., с. 105); В разных жанрах роль автора и роль адресата неодинаковы. ← [1-й, теоретический, этап конкретизации] Действительно, в жанре ссоры, например, влияние языковых особенностей адресата минимально, однако причиной ссоры нередко выступает коммуникативное недоразумение... ← [2-й, практический, этап конкретизации: иллюстрация реальной коммуникативной ситуации] Муж (что-то раздраженно ищет) — Черт возьми!// Куда в этом доме все девается!?!// Жена — Не смей/ со мной разговаривать в таком хамском тоне!//... (Сед., с. 78) и др.

Не менее частотны случаи и более развернутой, трехэтапной конкретизации, когда к первым двум этапам "подключается" объяснение, выступающее как конкретизирующий анализ приведенного примера.

Средствами оформления КонкрОц в научном тексте, кроме того, служат двоеточие, приемы графического выделения (курсив, полужирный шрифт, подчеркивание), а также различные ссылки на конкретные источники научной информации. Роль конкретизирующей оценки часто выполняют (особенно в текстах точных наук) и различные рисунки, графики, таблицы, схемы, диаграммы, представляющие собой практический этап двухуровневой конкретизации вербализуемого в речевой ткани знания.

Как и в случаях с познавательными действиями поясняющей оценки, конкретизация может "сильно развивать" предшествующую мысль, в результате чего конкретизируемая мысль обогащается новым знанием. В этом случае конкретизация обычно срастается с уточнением, и вместе они переходят в собственно объяснение. В целом же следует подчеркнуть, что в динамике

изложения конкретизирующая оценка всегда выступает как вариант объяснения и поэтому обычно выражается на фоне других оценочных действий и в переплетении с ними.

Обобщающая оценка (ОбобщОц) — это частное познавательное действие, направленное на развертывание обобщающего аргумента в пользу высказанного положения.

Логическая операция обобщения — это переход от единичного к общему, от менее общего — к более общему. В связи с этим обобщающая оценка всегда построена на более глубоком проникновении в сущность рассматриваемого предмета, точнее, в сущность высказанного ранее положения или взаимосвязанных положений, а также на более широком охвате их смысла (Кондаков 1971: 102).

Специфика обобщающей оценки заключается в ее принципиальной смысловой и структурной вторичности по отношению к тем фрагментам текста, к которым она непосредственно относится: дать обобщающую оценку — значит воспроизвести другими словами на более высоком, уровне абстракции то, что было сказано ранее. Понятно, что такая оценка может быть как контактной — следовать сразу за обобщаемым положением, так и дистантной — находиться в контекстуальной отдаленности от обобщаемого. При этом контактная ОбобщОц, будучи непосредственно связанной с предшествующим фрагментом речи, представляет собой, как было отмечено, узкоконтекстуальный тип оценочного действия, тогда как дистантная ОбобщОц — это чаще всего ширококонтекстуальный тип ментальной оценки, способный вмещать в себя смыслы больших контекстов — целых параграфов, глав или всего текста.

Обобщающая оценка весьма типична для научной речи и потому частотна в ней. Ни один научный текст, построенный по традиционным (академическим) нормам научного изложения, не может обойтись без обобщений, причем многочисленных. Не случайно известный психолог А.Н.Соколов, исследуя роль внутренней речи в понимании и запоминании текста, считал процесс обобщения одним из главных принципов ментально-психической деятельности, направленной на понимание сложного (абстрактного) текста (Соколов 1968: 53). При этом весь процесс обобщения ученый разделял на несколько этапов (или "шагов", в терминологии исследователя): 1) сближение отдельных представлений и понятий; 2) анализ материала путем выделения в нем наиболее существенных частей и 3) их обобщение в дальнейшем, создание логической схемы материала. "Речь, расчлененная мысль, — писал исследователь, — помогает нам отделять существенное от несущественного, обнаруживать противоречие в мысли и тем самым развивать ее. "Слово обобщает" — это бесспорно, и оно обобщает потому, что выражает собой единство речевого анализа и синтеза... Понять новое — значит выразить его в форме нового представления или понятия, а этому должна предшествовать внутренняя переработка материала, анализ его" (там же, с. 80. Разрядка наша. — Н.Д.).

Сказанное свидетельствует о том, что ОбобщОц не просто типична для научного текста, но конструктивно важна для него, ибо, обобщенно оценивая предшествующие мысли, она одновременно осуществляет их анализ и синтез, что способствует постепенному выстраиванию в сознании адресата логической (смысловой) схемы содержания текста в его частностях и целостности, а главное — в большой степени способствует минимизации энтропии содержания. Можно сказать, что во многом с помощью обобщающих высказываний содержание текста постепенно (в процессе его восприятия) становится более (а иногда и полностью) понятным для читателя. Очевидно, учет автором этого свойства данной логической операции и является одной из причин ее широкого использования в процессе формирования и вербализации НЗ в тексте.

Вместе с тем, выражая предшествующее знание в более сжатом, концентрированном виде, ОбобщОц развивает его, поскольку всегда содержит элемент новизны, т.е. принимает непосредственное участие в динамике эвристической мысли. Кроме того, функциональная нагрузка таких высказываний заключается в осуществлении композиционного сцепления разных смыслов в рамках целого: обобщая предшествующее знание, эта оценка служит началом нового, "перекидным мостиком" между микро- и макротемами произведения. Все это позволяет говорить об обобщающей оценке как о своеобразном двигателе текстообразования в научной сфере деятельности.

Таким образом, обобщающая оценка — это одна из наиболее значимых стилистико-речевых единиц научного текста, реализующих частное оценочное действие общетекстового масштаба и, в связи с этим, саму динамику организации произведения.

Высказывания, содержащие обобщающую оценку, чаще всего бывают "отмеченными" и вводятся в текст с помощью таких языковых средств, как: вводные слова *итак, словом*; вводные словосочетания *таким образом, одним словом*; осложненные сложноподчиненные конструкции

Обобщая, можно сделать вывод, что; В заключение скажем, что; Подводя итог, скажем, что; Подводя итог сказанному, хотелось бы еще раз отметить, что и т.п. Например:

*Функциональные области речи не твердо фиксированы. В том случае, если в раннем возрасте какой-либо из речевых центров повреждается, функциональный центр формируется в другой части коры. Если повреждение данного центра наступает позднее, он уже не восстанавливается в коре. Словом, системогенез речи, детерминированный структурно, функционально очень пластичен (Дуб., с. 16); Итак, функциональная грамматика не представляет собой единой универсальной схемы описания, накладываемой на все языки... [обобщение относится к целому параграфу монографии] (Бонд., с. 8); **Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что** из общей совокупности уравнений определяются все стационарные концентрации [обобщение относится к целому параграфу монографии] (Кад., с. 27) и др.*

В аспекте динамики компонентов знания обобщающее познавательное действие полифункционально, так как обобщает и интер-, и интратекстуальные компоненты. ОбобщОц интратекстуального знания — это обобщение в тексте таких компонентов, которые, относясь к известным в науке концепциям (старому знанию), по отношению к формируемой в тексте системе знания выступают либо его содержательной основой, фундаментом построения нового, либо, напротив, основой для критики, тем "отрицательным багажом науки", от которого ученый отстраняется. Ср.:

Обобщая разнообразные концепции значения, выделяем в означаемом языкового знака два компонента — ядро и периферию (Солг., с. 44); Однако, несмотря на многократное рассеяние, число частиц в канале увеличивается, тогда как, согласно выводам работ [12,13], при таких толщинах кристалла каналированных частиц быть не должно. Таким образом, утверждение авторов работ [12, 13] о том, что... противоречит экспериментальным результатам... (Ком., с. 42) и др.

Обобщающая оценка интратекстуального знания, принимая участие в общей динамике представления знания, все же относится, на наш взгляд, к периферии этого процесса, поскольку не входит в смысловое ядро собственно нового, не составляет "тела" авторской концепции. В онтологическом поле ННЗ это тот нулевой "знаниевый уровень", с которого, собственно, только начинается смыслостроительство нового научного знания. Хотя, с другой стороны, нельзя недооценивать роли такого рода обобщений как оценок, благодаря которым НЗ получает в интеллектуальной деятельности ученого необходимый импульс для своего развития.

Обобщающая оценка интратекстуального знания — это обобщение в тексте тех или иных размышлений, фиксирующих моменты развития именно нового, концептуального знания (см. примеры выше). Такие обобщения принимают самое непосредственное участие в смыслостроительстве ННЗ, т.е. относятся к полю онтологического ядра текста; они, как уже отмечалось, представляя НЗ в обобщенном, концентрированном виде, способствуют процессу его формирования, развития и в то же время адекватизации (облегчения) восприятия адресатом сложного научного содержания. Концептуально-строительная функция обобщающих оценок интратекстуального знания свидетельствует об их структурной и смысловой важности для процесса текстообразования. Это подтверждается, кстати, и их высокой степенью полифункциональности: в рамках конкретного контекста на основную функцию обобщения таких высказываний часто накладываются периферийные значения, например, объяснение, уточнение, пояснение, конкретизация и др. (в отличие от обобщающих оценок интратекстуального знания, которые почти всегда монофункциональны). При этом чем больше периферийных значений совмещается в ОбобщОц-высказывании, тем выше степень его новизны, а значит, сильнее его связь с концептуальным знанием целого текста.

Так, например, следующее обобщение относится ко всему тексту, т.е. сжато, в обобщенном виде выражает основной тезис авторской концепции:

Итак, повторяя основную мысль монографии, подчеркнем, что акцентное выделение возникает там, где необходимо выйти за пределы одной описываемой ситуации, базирующейся на нормативной оценке ее составляющих компонентов (Ник., с. 61).

Однако наряду с обобщающим значением здесь можно выделить: а) ретроспективное значение — напоминание читателю ранее сказанного (см. деепричастный оборот *повторяя основную мысль монографии*); б) акцентирующее значение (см. глагол *подчеркнем*); в) нормативно-констатирующее значение, с помощью которого данная мысль выражается как новая научная норма. Возможны и другие сочетания дополнительных значений с основным. В таких оценочных объединениях смысловые оттенки довольно часто сливаются друг с другом, в результате чего оказывается затруднительным точное определение в их (объединениях) составе функционально-семантического ядра и периферии.

Завершая анализ объясняющих оценочных действий аргументативной оценки, можно отметить разную степень их участия в процессе текстуализации. Так, собственно объясняющие,

поясняющие и уточняющие оценочные действия относятся к континуальным средствам вербализации мысли, поскольку заполняют практически все пространство научного текста. Континуальный характер этих оценочных действий связан с самой природой научной аргументации, представляющей собой "речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-то мнения" (Ивин 2000: 8). Ядерными в этой системе как раз и являются объяснение, пояснение и уточнение как наиболее простые познавательные шаги и потому наиболее типичные для процесса доказательства (там же, с. 8-44). Конкретизирующие и обобщающие оценочные действия составляют план дискретных средств вербализации, так как "разбросаны" в тексте пунктирно и непосредственно возникают только в моментах, требующих для доказательства какого-либо положения более сложных познавательных шагов — представления сказанного в наглядной форме или его обобщения.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, во-первых, смыслоорганизующую роль объясняющих оценочных действий аргументативной оценки в формировании авторской концепции, во-вторых, их текст-строительную функцию в процессе выражения нового знания, в-третьих, конструктивное значение таких оценочных действий в процессе поиска и развертывания аргументации нового научного знания, а также, в-четвертых, их непосредственное участие в динамике чередования компонентов знания в качестве ментальных "кирпичиков" построения целостного здания научной теории.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИССЛЕДОВАННЫХ ТЕКСТОВ

- Бонд. — Бондарко А.В., 1984, Функциональная грамматика. Ленинград.
- Гинзб. — Гинзбург В.Л., Киржниц Д.А., 1987, *Высокотемпературная сверхпроводимость (обзор теоретических представлений)*, Успехи физических наук. Т. 152, Вып. 4. Москва.
- Дрид. — Дридзе Т.М., 1980, Язык и социальная психология. Москва.
- Дуб. — Дубинин Н.П., 1987, *Эволюционные предпосылки сознания и уникальность мозга человека*, Системогенез и проблемы генетики мозга. Москва.
- Дубр. — Дубровский Д.И., 1988, *Категория идеального и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания*, Вопросы философии. № 1. Москва.
- Жинк. — Жинкин Н.И., 1997, *О кодовых переходах во внутренней речи*, Риторика. Специализированный проблемный журнал. Москва.
- Зельд. — Зельдович Я.Б., Новиков И.Д., 1969, Гипотеза о начальном спектре возмущения метрики в модели Фридмана. Москва.
- Кад. — Кадомцев В.В., 1999, Динамика и информация. 2-е изд. Москва.
- Колш. — Колшанский Г.В., 1979, *Проблемы коммуникативной лингвистики*, Вопросы языкознания. № 6. Москва.
- Ком. — Комаров Ф.Ф., Комаров А.Ф., Хоконов М.Х., 1987, *Динамика движения и излучения электронов при аксиальном квазиканализировании*, Журнал экспериментальной и теоретической физики. Т. 93, Вып. I (7). Москва.
- Ник. — Николаева Т.М., 1982, Семантика акцентного выделения. Москва.
- Петр. — Петрищева Е.Ф., 1983, *Стилеобразующие факторы и стилистически окрашенная лексика*, Структура лингвостилистики и ее основные категории. Пермь.
- Реф. — Реферовская Е.А., 1989, Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Ленинград.
- Сед. — Седов К.Ф., 1997, *Исследование речевого мышления в отечественной науке: Л.С.Выготский и Н.И.Жинкин*, Риторика. Специализированный проблемный журнал. Москва.
- Серг. — Сергеева Е.В., 2002, Религиозно-философский дискурс В.С.Соловьева: лексический аспект. С.-Петербург.
- Солг. — Солганик Г.Я., 1982, *К проблеме классификации функциональных стилей на интралингвистической основе*, Основные понятия и категории лингвостилистики. Пермь.
- Солнц. — Солнцев В.М., 1977, Язык как системно-структурное образование. Москва.
- Сув. — Суворов О.А., 1973, *О месте и роли категорий симметрии и асимметрии в структуре диалектики*, Некоторые вопросы диалектического и исторического материализма, Вып. 73. Омск.
- Чер. — Черных В.Ю., 1999, Аксиология истории России. Пермь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Данилевская Н.В., 2003а, *Познавательная оценка как гносеологическая основа "рождения" и выражения нового знания в научном дискурсе*, Текст — Дискурс — Стил. Коммуникации в экономике. С.-Петербург.

Данилевская Н.В., 2003б, *Познавательная оценка в научном дискурсе (применительно к понятию эпистемической ситуации)*, Стереотипность и творчество в тексте. Пермь.

Данилевская Н.В., 2004, *Познавательная оценка и динамика познания (к вопросу о механизме развертывания научного текста)*, Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности, Материалы международной конференции "Язык. Система, Личность" 14-16 апреля 2004 г. Екатеринбург.

Ивин А.А., 2000, Теория аргументации. Москва.

Кондаков Н.И., 1971, Логический словарь. Москва.

Русская грамматика, 1980. Т. II, Синтаксис. Москва.

Соколов А.Н., 1968, Внутренняя речь и мышление. Москва.

Черных В.Ю., 1999, Аксиология истории России. Пермь.

Швырев В.С., 1978, Теоретическое и эмпирическое в научном познании. Москва.

Энциклопедический философский словарь, 1999. Ред.-сост. Е.Ф.Губский, Г.В.Кораблева, В.А.Лутченко. Москва.

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ — "ВЛАСТЬ ДИСКУРСА"
(Лингвистическое осмысление преждевременных научных открытий)

Процитированное в заглавии определение французского семиотика и историка науки Мишеля Фуко позволяет сформулировать проблему, выносимую здесь на обсуждение: в какой степени дискурс как совокупность всех текстов, выступающих языковым коррелятом по отношению к наличному научному знанию, а равно и эпистемических условий и принципов текстопорождения в данный исторический период, способен управлять "подключением" к этой текстовой системе других высказываний/текстов. В этой очень широкой проблеме, находящей свое осмысление с гносеологических, культурно-социологических, идеологических позиций, мы выделяем лингвистический аспект, обращаясь к закономерностям текстообразовательной деятельности в языке науки.

В сегодняшнем мире научная деятельность находится под влиянием двух различных факторов: с одной стороны, имманентных (внутринаучных) законов познавательно-творческого процесса, с необходимостью отражаемых при текстообразовании, с другой — внешних, социально обусловленных факторов. Наука как социальное явление предстает в виде особой институционально организованной научной деятельности с иерархией отдельных ученых (исследовательских коллективов), существующей в условиях конкуренции. Это означает, что результаты научно-исследовательской деятельности подвергаются общественной оценке, где критериями являются общественное признание, социальный статус ученого. Эти социальные факторы, внешние по отношению к законам научного познания, способны в достаточно большой степени влиять на современные научные процессы и судьбу научных открытий.

© В.Е.Чернявская, 2004

Мы исходим из того, что суть научного познания — в его открытом, диалогичном, **толерантном** характере. В научном тексте, отражающем в своей содержательно-смысловой и формальной организации коммуникативно-познавательный процесс, абсолютное текстообразующее влияние имеет **интертекстуальность** как выражение текстовой разгерметизированности и открытости в широкое дискурсивное пространство. Интертекстуальность выступает как универсальный принцип построения научного текста на уровне содержания. Она отражает его имманентную диалогическую сущность как основанного на коллективном сознании и развивающегося по законам научной преемственности, поступательности и эволюционности. Говоря о научном тексте как абсолютно открытой системе, мы имеем в виду следующие уровни текстовой открытости: *содержательно-смысловая незамкнутость* текста по отношению к иным текстовым системам; его *открытость читателю*, система знаний которого также не замкнута; *внутритекстовую проницаемость* содержательных и формальных структур (текстовых единиц) по отношению друг к другу; *идейно-тематическую и логическую прогрессию* в масштабе авторской системы творчества, или его архетекста; *типологическую* ("прототипическую") *открытость* текстов одного типа и — шире — функционально-коммуникативную соотнесенность текстов одного класса в общей таксономии. Ядро интертекстуальной открытости составляет единство ее межтекстовой и межсубъектной проекции, ибо именно их актуализация в тексте обеспечивает осуществление интертекстуальностью своей основной функции — выступать как средство тексто- и смыслопорождения в науке (подробнее см. Чернявская 1999). Эти уровни текстовой открытости представляют инвариантную модель научного текста, вербализующего новое научное знание (фрагмент знания) в соответствии с законами научного творчества.

Универсальная диалогичность научного текста определяет и предполагает основополагающую роль научного сообщества при порождении, верификации, оценке нового знания. В научном коллективе преодолевается замкнутость отдельного ученого, который всегда соотносит полученный лично — новый — исследовательский результат с существующей системой знаний. Очевидно, что его индивидуальность не играет в науке такой абсолютной роли, как в искусстве, где каждое творение уникально. Подтверждением тому служат нередкие факты одновременных одинаковых открытий, сделанных независимо работавшими учеными.

Итак, каждый субъект науки ведет свой творческий поиск в рамках **системы** научного знания, сложившейся к моменту создания конкретного текста и определяющей методологические границы научного поиска его автора. Иными словами, каждый новый создаваемый текст выступает элементом, структурным составляющим единого научного дискурса. При этом дискурсивная формация выступает как система, определяющая научный стиль мышления и, следовательно, способная осуществлять влияние. Это подводит наши рассуждения к следующему существенному заключению:

Дискурс как особая формация, выражающая надиндивидуальные (немецкий исследователь У.Маас называет их "серийными") коммуникативно-когнитивные стратегии восприятия, интерпретации и переработки знаний способен спровоцировать, породить характерную интолерантность — нетерпимость или невосприимчивость этой системы по отношению к "чужеродным" идеям. То, что дискурс может быть инструментом осуществления власти, а власть успешно осуществляется именно в дискурсе, заявлял в своей теории дискурса М.Фуко, а затем и творчески воспринявшие его идеи немецкие ученые У.Маас, З.Егер. (Более развернуто этот вопрос рассматривался нами в работах (Чернявская 2001; 2003)). "Власть дискурса", по Фуко, возможна потому, что дискурсивная формация охватывает правила, условия и возможности — всю сеть когнитивных отношений, так или иначе релевантных для возникновения определенного знания, она позволяет определить историческое место каждого высказывания, теории, текста, каждой новой идеи — т.е. каждого дискурсивного события; показать и объяснить, почему имеет место определенное высказывание и никакое другое на его месте. Следуя принципам дискурсивного анализа, возможно было бы выяснить, почему участвующие в свое время в дискурсивной практике индивиды, будучи ограничены рамками своего знания, не могли думать, говорить иначе, чем они это делали; благодаря каким предпосылкам стало возможным появление новых идей, тем и какие условия воспрепятствовали развитию иных взглядов. Существенно, что дискурсивная формация детерминирует конституирование самих тем, выбор, точнее, отбор релевантных понятий и речевых высказываний и выбор коммуникативных стратегий их связи между собой. "Власть дискурса" проявляет себя в том, что он охватывает все возможности для появления определенных высказываний или действий и, следовательно, обладает возможностью управления и направления высказываний.

Эти идеи дают нам основание высказать следующее суждение: в научном сообществе, точнее, в границах одной дискурсивной формации в тот или иной период исторического развития могут появляться черты частичной закрытости — невнимание к конкурирующим, альтернативным и вообще другим идеям. В этом случае "властные механизмы" дискурса проявляют себя как механизмы исключения ("это не релевантно"), установления границ научной значимости, целесообразности, важности и даже запретов. Примером последнего служат тоталитарные дискурсы в разных научных областях в советскую эпоху или в период правления национал-социалистов в Германии. (См. соответствующие исследования U.Maas, R.Wodak и др.) В подобных случаях начинают включаться и действовать механизмы суггестивного влияния, порождающие некритическое восприятие фактов, результатов исследований, восприятие "на веру". Но гораздо более показательна в этой связи судьба "несвоевременных" открытий или открытий, оставшихся малоизвестными современникам, в области естественных, точных наук, где идеологические мотивы неприятия объективно сводятся к минимуму.

Мы обратимся к тем примерам, когда вытеснение за рамки существующей — данной — системы знаний, а значит, исключение из научного оборота, происходило из-за несоблюдения конвенциональных, сложившихся в научном сообществе правил, коммуникативно-когнитивных стратегий представления нового результата в текстотворчестве.

В развитии науки известно несколько знаменитых примеров так называемых преждевременных открытий. В биологии это связано с открытием в 1865 г. гена Грегором Менделем, не замечавшегося наукой в течение последующих 35 лет. В физике это пример теории адсорбции газов М.Полани, опубликованной в 1914-1916 гг. и отвергнутой в то время научным сообществом, несмотря на экспериментальные доказательства автора теории. Два наиболее примечательных события, иллюстрирующих самое существо проблемы, дает история генетики, а именно, публикация О.Эвери (1944 г.) о ведущей роли ДНК в трансформации организмов, не оказавшее немедленного воздействия на развитие генетической науки и не вошедшее тогда в научный оборот, и описанная Д.Уотсоном и Ф.Криком в 1953 г. двухспиральная структура ДНК как носителя наследственной информации — открытие, принесшее ученым Нобелевскую премию.

История первоначального открытия ДНК О.Эвери, опубликованного в соавторстве (O.Avery, C.M.McLeod, M.McCarty), проанализирована в 1972 г. английским исследователем Г.В.Вайяттом в журнале "Nature" в статье "Когда информация становится знанием?" (H.V.Whyatt. When Does Information Become Knowledge?) и переведенной на русский язык (см.: Вайяйт 1976). Выводы этого ученого учитывались в глубоком и всестороннем анализе принципов формирования научного знания (Котюрова 1996: 144).

Суммируем кратко основные заключения аналитического исследования Г.Вайятта о причинах непризнания в свое время открытия О.Эвери. Так, в заголовке статьи О.Эвери в русском переводе "Исследование химической природы вещества, вызывающего трансформацию пневмококков. Провоцирование трансформации фракцией дезоксирибонуклеиновой кислоты" не содержалось ключевых слов, которые способствовали бы установлению связей ее содержания с идеями генетики о наследственности. Термин "трансформация" не был в научном обороте у специалистов-генетиков того времени, оперировавших терминами "гены" и "мутации". О.Эвери ограничился лишь констатацией фактов, без какой-либо их оценки и интерпретации, потому его работа воспринималась как адресованная специалистам по пневмококкам — микробиологам, но не генетикам. В реферативных журналах того времени статья Эвери была также оценена с узкомикробиологической точки зрения. Наконец, в заключении статьи не содержалось никаких терминов или понятий, позволяющих связать описываемое открытие с генеральной линией генетики. Публикация воспринималась в том историческом контексте, когда большинство влиятельных ученых не рассматривали ДНК как возможного носителя генетической информации, и эта идея вообще не оценивается как плодотворная (Вайяйт 1976: 374-389).

В контексте наших рассуждений можно сказать, что текст О. Эвери не содержал сигналов интердискурсивности, обеспечивающих его "подключение" к вокругтекстовому пространству; код текста не идентифицировался с кодом дискурса. В связи с этим примечательно, что подобная логика взаимодействия текста и окружающего его широкого экстралингвистического фона определяет во многом процессы восприятия текста читателем в эстетической коммуникации. Ср.: "Рамка" внетекстовых структур, налагаемых на текст, может быть в большей или меньшей степени жесткой: читатель, адаптируя текст к собственным конвенциям, может "срезать", оставить без внимания те или иные находящиеся в свернутом, латентном виде потенции текста... . Иногда те или иные потенции текста выпадают за "рамку", и тогда критики начинают говорить о "внехудожественном", антиэстетическом начале, представленном в произведении". Так В.А.Миловидов характеризует литературно-критический дискурс (2000: 56) — цитата, применяемая, безусловно, благодаря точности определения и к научному познанию, с тем лишь уточнением, что в роли читателя выступает научное сообщество в целом. Новый фрагмент знания отсекается рамками существующей дискурсивной формации, пока не окажется возможным связать его с каноническими познаниями в данной области на данном этапе развития науки.

Прямо противоположный пример блестящей научной судьбы текста как носителя знания демонстрирует работа Д.Уотсона и Ф.Крика. Опубликовано в 1953 г. в журнале "Nature" в разделе "Short communication", их сообщение об открытии дезоксирибонуклеиновой кислоты незамедлительно выдвинулось в центр внимания специалистов. В противоположность предшествующей, эта научная публикация может считаться эталонной в смысле соблюдения формальных правил научной коммуникации. Имея объем одной (!) журнальной страницы, текст Уотсона — Крика четко структурирован с выделением в поверхностной структуре основных этапов формирования нового знания в единстве с преемственностью и научным прогнозированием, — того, что в современных разработках композиционно-смысловой организации научного текста определяется как инвариантные, прототипические текстовые единицы: композиционные блоки, по Е.М.Крижановской (1996), или композиционно-прагматические сегменты — в нашей терминологии, составляющие в своей совокупности идеальную модель научного текста как носителя знания. Покажем это на отдельных фрагментах данной публикации.

Так, в инициальном абзаце текста формулируется цель исследования и актуализируется его новизна и значимость:

*We wish to suggest a structure for the salt of deoxyribose nucleic acid (DNA). This structure has **novel features** which are **of considerable biological interest**.*

Далее выделяется сегмент "характеристика предмета исследования" с выраженной оценкой его актуальности и степени новизны в контексте преемственности. Именно актуализация научной

преемственности стала решающим отличием сообщения Уотсона-Крика от публикации Эвери. Ср.:

A structure for nucleic acid has already been proposed by Pauling and Corey [ссылка — В.Ч.]... Their model consists of three inter-twined chains (...). In our opinion, this structure is unsatisfactory for two reasons: (...). Another three-chain structure has also been suggested by Fraser (in the press). In his model the phosphates are on the outside and (...). This structure as described is rather ill-defined, and for this reason we shall not comment on it.

В этом сегменте отчетливо указаны исходные позиции исследования, его предтексты (то, что мы называли "экспозиционной интертекстуальностью" см.: (Чернявская 1999), поставленные в связь с собственно новым знанием. В речевом оформлении это усиливается соположением субъектно определенных конструкций *their model — in our opinion; in his model — we...* в начале предложений, прочерчивающих границу "старое — новое знание". Это упорядочивающее начало оказывается чрезвычайно важным, так как не позволяет обсуждаемой проблеме раствориться в потоке недифференцированных взглядов и предположений. Авторская оценка *unsatisfactory, ill-natured* акцентирует проблему, позволяет актуализировать ее в тексте через осознание наличного знания недостаточным для достижения новой познавательной цели. Следующий затем сегмент представляет авторское новое знание — гипотезу, оформленную в процессе текстотворчества вместе с ее эмпирическим обоснованием — доказательством:

We wish to put forward a radically different structure for the salt of deoxyribose nucleic acid. This structure has two helical chains each coiled round the same axis. We have made the usual chemical assumptions, namely (...). Each chain loosely resembles Farberg's [сноска — В.Ч.] model, that is... It has been found experimentally [2 сноски — В.Ч.], that...

Примечательно, что при обосновании своей гипотезы авторы опираются на уже известное знание, актуализируют в текстовой ткани и на этом этапе научную преемственность. Специфика итогового сегмента, формулирующего выводы, — заключения, в том, что, с одной стороны, констатируется результативность проведенного исследования, с другой, — убежденность авторов в истинности решения научной проблемы:

It has not escaped our notice that the specific pairing we have postulated immediately suggests a possible copying mechanism for the genetic material.

С лингвистической точки зрения обращает на себя внимание семантика завершенности, окончательности суждений, передаваемая глаголом *postulate* и, разумеется, прямое указание на значение сделанного открытия конкретно для генетики (а не биологии вообще). Кроме того, и это принципиально важно, реализована идея "открытого конца" научного произведения через некатегоричность и перспективную обращенность к будущим разработкам:

It is probably impossible to build this structure with a ribose sugar in place of the deoxyribose ... The previously published X-ray data [2 ссылки — В.Ч.] on deoxyribose nucleic acid are insufficient for a rigorous test of our structure. So far as we can tell, it is roughly compatible with the experimental data, but it must be regarded as unproved until it has been checked against more exact results.

Выделенные модально-оценочные компоненты высказывания показывают, что субъективная модальность итоговых суждений Уотсона-Крика связана преимущественно со значением допустимости, возможности, но не категоричного долженствования. Будучи неразрывно связанным с прогнозированием, заключение акцентирует необходимость продолжения научного поиска, оно непосредственно ориентировано на еще — пока — не открытое, но предполагаемое в будущих текстах знание. Сделанное открытие предстает, таким образом, в прагматически сфокусированном единстве старого предшествующего, своего нового и потенциально возможного знания, что обеспечило естественное органичное включение нового открытия в коммуникативно-познавательную цепь соответствующего научного дискурса.

Рассмотренный пример дает основания для того утверждения, что научное познание есть такой коммуникативный процесс, в котором существенное значение, определяющее судьбу научного открытия, имеет план языкового формулирования, план выражения научного сообщения, т.е. его форма, каноничная до известных пределов и детерминированная сущностными закономерностями научного познания — поступательного, преемственного, выстраивающего каждый новый фрагмент знания на основе предшествующего с его оценкой, обобщением и углублением. Отвечая на вопрос, можно ли указать критерий для оценки преждевременности открытия, не повлиявшего на развитие науки, известный специалист в области молекулярной биологии Г.Сент, с уверенностью замечает: "Открытие преждевременно, если оно не увязывается с существующими уже общепринятыми представлениями" (1989: 166). Со всей очевидностью этот критерий применим и к упоминавшимся выше открытиям Г.Менделя и М.Полани. Открытие Менделя не

было воспринято в свое время потому, что его теория наследственности не согласовывалась с существующим в середине XIX в. дискурсом физиологии и анатомии, и используемый им статистический метод оценки экспериментов с горошком тогда был чужд ученым. Только с открытием хромосом и процессов их деления, а также возможностью наблюдать их в микроскоп произошло "переоткрытие" результатов Менделя. Аналогична судьба концепции Полани. Развитие новой теории квантомеханического резонанса в 30-е гг., сменившей теорию электростатического притяжения, привело к переосмыслению идей этого ученого (см. Стент 1989).

Основным вопросом, которым мы задавались, обращаясь к анализу непризнанных научных результатов, был вопрос о характере властных механизмов дискурса — когнитивно или социально обусловленных. Нельзя не учитывать, что социальные факторы, такие как "имя в науке", занимаемая ступень в профессиональной иерархии, могут определить судьбу научного результата и в действительности влияют на то, что качественные и значимые достижения малоизвестных исследователей в течение длительного времени могут оставаться не замеченными в научных кругах. И тогда социальная надстройка вступает в противоречие с открытым толерантным характером научного познания. Но очевидно и то, что устойчивость границ — ментальных, методологических, содержательных, понятийных — дискурсивной формации как системы наличного знания обусловлена внутринаучными закономерностями познавательных процессов. Через притяжение в "рамочное" пространство дискурса однородных теорий, идей, принципов, когнитивных стратегий преодолевается рассеивание смыслов. Здесь уместно повторить суждение М. Полани, размышлявшего о судьбе собственной не оцененной вовремя теории: "... В каждый данный момент должна существовать общепринятая научная точка зрения на природу вещей, в свете которой члены научного сообщества ведут свои исследования. Должна существовать сильная презумпция того, что всякие противоречащие этой точке зрения данные неверны". (Цит. по: Стент 1989: 171). Это признание ученого следует рассматривать как глубокое осознание и признание той истины, что поступательное движение в науке возможно только в континууме преемственности, через интенционально маркированное структурное и содержательно-смысловое "выдвижение" тех фрагментов текста, которые актуализируют связь нового и наличного знания. С лингвистической точки зрения это предполагает реализацию определенных конвенциональных — стереотипных, т.е. возникающих в результате системного отбора типичных смыслов и распознаваемых реципиентом "автоматически" операций в "модусе формулирования текста" (термин Гончаровой, 1999: 148 и след.). Отражение инвариантных характеристик научного текста и в плане содержания, и — что особенно важно в контексте обозначенной здесь проблемы — в плане выражения приобретает статус абсолютного текстообразующего фактора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гончарова Е.А., 1999, *Стиль как антропоцентрическая категория*, Слово и текст как интерпретирующие системы. *Studia Linguistica*. № 8. С.-Петербург.
- Вайянт Г.В., 1976, *Когда информация становится знанием?*, Коммуникация в современной науке. Логика и методология науки. Пер. с англ. М.К.Петрова и Б.Г.Юдина. Москва.
- Котюрова М.П., 1996, *Актуализация преемственности знания в научном тексте*, Стилистика научного текста (общие параметры). Т. 2, Ч. 1. Пермь.
- Крижановская Е.М., 1996, *Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста*, Стилистика научного текста (общие параметры). Т. 2, Ч. 1. Пермь.
- Миловидов В.А., 2000, *От семиотики текста к семиотике дискурса*. Тверь.
- Стент Г., 1989, *Об открытиях — преждевременных и неповторимых*, Краткий миг торжества. О том, как делаются научные открытия. Москва.
- Чернявская В.Е., 1999, *Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации*. С.-Петербург.
- Чернявская В.Е., 2001, *Дискурс как объект лингвистических исследований*, Текст и дискурс. С.-Петербург.
- Чернявская В.Е., 2003, *От анализа текста к анализу дискурса*, Филологические науки. Вып 3. Москва.
- Foucault M., 1996, *Die Ordnung des Diskurses*. Frankfurt/M. (оригинал L'ordre du discours, 1972, Paris.)
- Maas U., 1984, *Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus*. Opladen.
- Wodak R., de Cilla R., 1999, *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburg.
- Watson J.D., Crick F.H., 1953, *Molecular Structure of Nucleic Acid*, Nature. V. 171, № 4356.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Чернявская В.Е., 2001, *Дискурс как объект лингвистических исследований*, Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. С.-Петербург.

Чернявская В.Е., 2002, *Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Чернявская В.Е., 2003, *Интертекстуальность и интердискурсивность*, Текст — Дискурс — Стил, С.-Петербург.

Чернявская В.Е., 2003, *Псевдонаучный текст в персуазивной коммуникации на примере анализа современных англоязычных гороскопов*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

О ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ СВОЙСТВАХ ТЕКСТА

Интерес к тексту характерен для всех гуманитарных наук: "Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки..." (Бахтин 1986: 478). Проявляется он и в психологии, гуманитарный статус которой долгое время оставался неопределенным, сомнительным, "скелетом в шкафу" из-за ее стремления соответствовать идеалам научности, предопределенным успехами естественных наук. Однако осознание в конце XX века необходимости пересмотра классических норм научности имело следствием все большую "дозволенность" гуманитарных тенденций в психологии, "открытие" в ней обширных пластов знания, характеристики которого соответствуют присущим знанию гуманитарному, что должно было повлечь за собой большее внимание к тексту.

Однако основа основ психологической науки — общая психология — остается девственной в отношении такого посредника в познании психической реальности, как текст: она его просто не замечает. Обнаружение этого посредника и постановка проблемы восприятия психологического знания (Левченко 1995) заставляют обращаться к результатам, достигнутым науками, традиционно изучающими текст. При взгляде на текст с точки зрения общей психологии заметнее как продуктивные приемы анализа текста, так и стереотипы, привычные подходы, выступающие в роли "ограничителей" его познания.

Изучение текста лингвистами не избежало влияния высокого статуса естественных наук, их длительной диктатуры в вопросе об определении критериев научности: и в эту область проникли впоследствии пересмотренные идеалы классической науки и объектный стиль мышления, при котором устранение субъекта выступает как необходимое условие получения научной истины и

© Е.В.Левченко, 2004

доминирует стремление познать реальность саму по себе, безотносительно к условиям ее изучения субъектом (Ильин, Калинин 1985).

И по сей день в теории текста сохранились рудименты объектного подхода, которые можно обнаружить не столько в развернутых высказываниях, сколько в кратких определениях, цель которых — передать наиболее существенные свойства исследуемой реальности. В частности, с чертами, характерными для объектного подхода, можно столкнуться при попытке разобраться в вопросе о свойствах текста. Поскольку имеются свойства двух уровней — достигающие и не достигающие уровня текстовых категорий, будем иметь в виду первую группу, и тогда свойство текста — это "один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами" (Матвеева 2003: 533). В этом определении указание на субъекта текста отсутствует, имеется лишь намек на акт сотворения текста и наделения его смыслом, после чего текст перестает нуждаться в каком-либо субъекте, а свойства текста выступают как универсалии, вечные и неизменно ему присущие.

Объектный взгляд на свойства текста отчетливо проявляется как в дискуссиях, связанных с обнаружением его новых существенных признаков, так и в определениях отдельных свойств. Всякий намек на "мерцание" вновь выделяемого свойства текста, изменение степени его выраженности, зависимости от опыта воспринимающего текст субъекта вызывает роковое, с точки зрения оппонентов, указание на субъективность свойства, а, следовательно, невозможность его включения в число текстовых категорий.

Имеющиеся в литературе определения свойств текста (связности, целостности, завершенности, информативности, членимости, развернутости) исследователи стремятся формулировать как бессубъектные, то есть в первую очередь отсылающие к внутритекстовому пространству смыслов или (реже) к описанной в тексте реальности, но не к отношениям текста с одним из его субъектов. Так, например, в словарной статье о целостности (со ссылкой на психолингвистику и на А.А.Леонтьева) приведена дефиниция его как свойства текста, соотносимого с целесообразным содержательно-функциональным единством, не определяемого лингвистически, а далее — как механизма, приводящего в действие речевые сигналы единства текста (согласно Л.В.Сахарному) (Котурова 2003), (причем механизм этот обезличенный, с неопределенной локализацией, и напоминает гомункулюса). Субъект в этих определениях не дан явно, он едва угадывается на

заднем плане; это — тот, кто *соотносит*, (не) *определяет*, кто является, по-видимому, носителем того самого механизма, который запускает сигналы единства текста. Таким образом, в изучении свойств текста обнаруживается тенденция к представлению исследуемой реальности так, как если бы умерли и Автор, и Читатель, а исследователь имел дело с вечным, сакральным Текстом, обладающим раз и навсегда заданными объективными свойствами.

Вместе с тем очевидно, что удержать объектный стиль мышления в решении вопроса о свойствах текста, представить и в этом случае текст как безгласную вещь (М.М.Бахтин), как вещь бессубъектную вряд ли возможно. Так, в словарную статью ограниченного объема о тексте как объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц включен абзац с упоминанием о восприятии текста, то есть с указанием на присутствие субъекта текста. Но и в этом случае объектный стиль мышления стремится к доминированию — речь идет о *правильности* восприятия (Языкознание 1998: 507). В вышеупомянутой статье о целостности текста вторым (со ссылкой на герменевтику) приводится определение, выводящее субъекта из тени: в нем рассматривается проблема целостности уже не текста, а его восприятия (Котюрова 2003).

В этой обязательности, предопределенности перехода от обсуждения свойств "текста в себе" к рассмотрению восприятия текста, то есть к анализу "текста для нас" проявляется присущее современной культуре отношение к тексту. Если Автор (субъект порождения текста) и умер (Р.Барт), то Читатель (субъект восприятия текста) здравствует и обретает все большую власть над текстом (Левченко 2000).

Подобное направление движения мысли — от объекта познания к его данности субъекту — можно обнаружить не только в настоящем, но и в прошлом. Так, в истории естествознания субъект, долгое время остававшийся "за кадром", ныне присутствует в картине знания не только как измерительный инструмент или биоробот, совершающий исследовательские действия, но и как носитель целей и ценностей. Знание об объекте постоянно соотносится с характеристиками познающего субъекта.

В истории философии уже начиная с античности также можно проследить переход от изучения вещей, как они существуют сами по себе, к исследованию того, как они даны в восприятии субъекта, то есть к соотносению знания о вещи с присутствием субъекта, без участия которого это знание не может быть получено и не может существовать как знание. Так, Демокрит различал свойства явлений, представляющие вещи в себе (величина, образ, масса, движение, твердость) и имеющие определенные основания в строении атомов, и субъективные свойства, которые вытекают из взаимодействия с органами чувств человека (цвет, яркость, звук, вкус, запах и т.п.) (Словарь античности 1989: 176).

Позже Кампанелла, Галилей, Декарт и Гоббс обсуждали проблему субъективности восприятий, а Локк провел ее анализ в терминах первичных и вторичных качеств. Первичными качествами он назвал истинные свойства вещей, с устранением которых устраняются и сами вещи, вторичными — возникающие в результате воздействия тел на наше чувственное познание, принадлежащие вещам только случайно и в известных отношениях. Вслед за Декартом к истинным свойствам он отнес математические и пространственно-временные определения величины, фигуры, числа, положения и движения, вторичными провозгласил чувственные качества цвета, звука, запаха, вкуса, температуры и т.п. По вопросу о непроницаемости (*solidity*) мнения философов разошлись: если для Декарта это — вторичное качество осязания, то Локк включил его в число первичных. Обсуждение проблемы первичных и вторичных качеств привело к тому, что общепризнанным стало положение о несводимости субъективных образов вещей, возникающих у человека, к простым копиям предметов внешнего мира (Виндельбанд 2000).

Таким образом, было констатировано различие между познаваемым объектом и его образом и сделан вывод о том, что различные свойства объекта с разной степенью точности отображаются в образе. Первичные качества не могут не отображаться, поскольку с их устранением перестает существовать сам объект. Вторичные привносит во взаимодействие с объектом сам субъект, они устраняются вместе с субъектом.

Текст, конечно же, не вещь, и взаимодействие с ним субъекта не ограничивается чувственным восприятием. Вместе с тем интересно, что при описании истории изучения текстовых категорий, а также деятельности исследователя текста используют глаголы, относящиеся к зрительному восприятию. Так, Т.В.Матвеева указывает, какие категории в лингвистике текста были *замечены* первыми (Матвеева 2003: 533). Содержание работы с текстом при выделении новых категорий описывают как *наблюдение*.

Исторические параллели побуждают к отчетливой постановке вопроса о необходимости различения свойств текста и свойств восприятия текста, или, если заимствовать терминологию, использованную Локком, первичных и вторичных свойств текста. Какие свойства текста изучали теория текста и психолингвистика — одни и те же или разные? Различается ли та реальность, которая обозначена, например, терминами *целостность текста* и *целостность восприятия текста*?

До сих пор в теории текста изучали, искали его первичные свойства — неустранимые, присущие тексту вообще вне зависимости от влияния Автора и Читателя. Тенденция движения от объектного стиля мышления к учету присутствия субъекта в картине знания и требование экологической валидности (соответствия исследовательской ситуации реальным жизненным условиям) побуждает приступить к поиску вторичных свойств текста, реанимировать и реабилитировать Читателя, проанализировать, что реально он вносит во взаимодействие с текстом, какие его свойства порождает из своей головы, как Зевс Афины Палладу. Вторичные свойства текста — субъектно-объектные. Они возникают при взаимодействии субъекта с текстом и исчезают при размыкании этого контакта, выступая как субъектно-объектные отношения.

Продemonстрируем особенности такого рода свойств текста на примере текстов-парадоксов — высказываний и логических задач. При изучении их восприятия было разработано представление об особом классе психических явлений, которые можно понять лишь как субъектно-объектные отношения. Прежде всего возник вопрос о том, является ли парадоксальность свойством объекта восприятия или же это — свойство субъекта. Обращение к определениям парадокса, рассматриваемым в данном случае в качестве руководств для распознавания объекта восприятия, позволило получить ответ на этот вопрос. "Предположение о том, что парадокс — это объект с особыми свойствами, не оправдывает себя, поскольку в одних определениях парадокс описан как впечатление от объекта восприятия (неважно, каков объект на самом деле, — важно, что он кажется странным, необычным), в других — как сам объект с определенной структурой (рассуждение, умозаключение) без упоминания о том впечатлении, которое он производит на субъекта. Инвариантными составляющими определений парадокса являются не признаки воспринимаемого объекта, а набор из трех компонентов: объекта, критерия, имеющегося у познающего субъекта, и отношения несоответствия между объектом и критерием. Наименее вариативным компонентом является отношение. Поэтому парадокс может быть определен как субъектно-объектное противоречие. Психологическое содержание парадокса состоит в противоречии между опытом субъекта и воспринимаемым объектом. При восприятии парадоксальных описаний возникновение противоречия обусловлено объединением в объекте восприятия взаимоисключающей по отношению к опыту субъекта информации, то есть информации о двух взаимоисключающих состояниях объекта (ситуации)-прообраза" (Левченко 1991: 47). Таким образом, парадокс — это не сам объект восприятия, а отношение к объекту. Вклад объекта в возникновение отношения парадоксальности необходим, но не достаточен. Для возникновения парадоксальности недостаточно ни объекта, ни субъекта, взятых отдельно друг от друга; необходима связь между ними, отношение, взаимодействие, замыкание контакта, возникновение первого впечатления (при более глубоком и пристальном рассмотрении особая аффективная окраска этого впечатления, а также само впечатление может либо исчезнуть, либо существенно измениться). Другим примером субъектно-объектного свойства может служить комическое. Как в отсутствие субъекта мир не имеет ни цвета, ни запаха, так и некоторые классы текстов с особыми характеристиками без субъекта с его опытом не будут ни парадоксальными, ни комичными.

Если поставить задачу изучения не восприятия *текста*, а *восприятия текста*, то отмеченное для отдельных классов текстов можно распространить на Текст вообще и попытаться увидеть, обнаружить, уловить его вторичные, или субъектно-объектные, свойства — привносимые Субъектом, оживающие вновь и вновь, но лишь в присутствии текста. Для этого необходимо создать особые условия взаимодействия этих двух сторон, способствующие усилению и проявлению его субъектной составляющей. Они должны отличаться от тех, которые традиционно ожидаются от субъекта при работе с этим объектом познания, когда предполагается сосредоточение на тексте, его длительное созерцание и наблюдение, погружение в текст и его постижение (правильное восприятие и понимание). В экспериментах по изучению *восприятия текста* следует предлагать испытуемым большой объем работы (значительное разнообразие предлагаемого текстового материала), что приведет к ограничению времени взаимодействия с отдельным текстом, а также необычные, отличающиеся от традиционных, задания по обработке

текста (например, свободную классификацию текстов, подбор определений к текстам в целом), подчеркнув невозможность деления полученных ответов на правильные и неправильные.

В выполненном под нашим руководством диссертационном исследовании Л.В.Ширинкиной (Ширинкина 2004) испытуемым (студентам-философам ПермГУ) было предложено подобрать определения к 20 текстам, различающимся по стилю, предмету описания и относящимся к разным предметным областям. В результате был получен словарь из 32 прилагательных. При их интерпретации возникли трудности, связанные с омонимией (в дальнейшем при указании количественных показателей вторая цифра — это количество омонимов).

Наиболее многочисленная группа определений (9; 2) свидетельствует об **отношении к тексту как к другому человеку** (личности), то есть о его **персонификации**. Она включает в себя указание на его эмоциональные (*спокойный, серьезный, эмоциональный, печальный*) и коммуникативные (*близкий, искренний, открытый*) качества, оценку интеллекта (*умный*) и половой принадлежности (*женственный*). Вторая по численности группа определений (8; 2) указывает на **отношение к тексту как к физическому объекту**, в котором воспринимаются энергетические характеристики (*сильный, активный, динамичный, напряженный, спокойный*), а также цвет (*серый*), возникающие тактильные ощущения (*мягкий*), дается оценка удаленности (*близкий*).

Было выделено также 4 группы определений по 4 слова в каждой. В первом из них текст представлен как **отношение воспринимающего** — эстетическое и познавательное (*приятный, прекрасный, интересный, познавательный*). Во второй группе определений (4; 1) содержится **оценка его рабочих качеств** — удобства в работе, доступности, податливости познанию (*четкий, ясный, конкретный, открытый*). В третьей группе представлена оценка **жанра и предметной области** (*научный, психологический, художественный, поэтический*). В четвертой группе реконструированы **отношения с текстом** Автора (*осмысленный, интимный*), других текстов (*уникальный*), а также отношение, содержащееся внутри текста (*пессимистический*). Интересно, что, помимо оценки содержания, возможна также **оценка формы текста** в результате операции, подобной его сканированию (2), — порядка в нем (*упорядоченный*) и однородности состава (*разнообразный*).

На следующем этапе исследования производилась оценка тех же текстов по 15 шкалам, сконструированным на основе полученного словаря, методом семантического дифференциала. Корреляционный анализ результатов показал, что наиболее устойчивые и напряженные связи, наблюдающиеся во всех группах текстов, имеются для тандема шкал "активный" и "динамичный". Еще одну устойчивую корреляционную плеяду образовали шкалы "близкий", "серый", "приятный", "интересный". Кластерный анализ показал, что на объединение текстов в кластеры влияет как жанр и предметная область, так и оценка по шкалам "напряженный", "конкретный", "эмоциональный" и "психологический". Эти данные свидетельствуют о том, что при работе с текстами в наибольшей степени нагружены категории восприятия, относящиеся к оценке текста как физического объекта, и прежде всего его энергетики, цветности, удаленности от наблюдателя. Кроме того, работают категории, выражающие отношение субъекта к тексту — как эмоциональное, так и когнитивное. Имеет место персонификация текста и оценка его эмоциональности и близости субъекту восприятия. Производится оценка одного из рабочих качеств текста — его конкретности-абстрактности.

Исследования восприятия текста на иностранном языке, проведенные С.В.Поляковой под нашим руководством и с использованием той же методики, показали, что в этом случае значительная часть испытуемых (студентов философско-социологического, механико-математического и химического факультетов ПермГУ), вопреки инструкции, предпочла использовать вместо прилагательных существительные (*мягкость* вместо *мягкий*) или наречия (*интересно, трудно, непонятно*). Еще одна тенденция соотносится с указаниями на жанр и предметную область. Однако основные категории восприятия текста, выявленные при работе с текстом на родном языке, обнаружены и в этом исследовании. Так, можно отметить попытки категоризовать текст как объект с физическими свойствами: тактильные ощущения (*твердый, мягкость*), цветовые ощущения (*красочный*); отношение к тексту как к другому человеку (*спокойствие, умиротворенность, восторг, уверенный, беспокойный, безэмоциональный, добрый, уверенность*); эмоциональное и когнитивное отношение к тексту (*неинтересно, грустно, нудно, загадочно*); оценку рабочих качеств текста (*польза, необъятный, трудно, обучающий*); отношение к другим текстам (*спорный*).

Таким образом, эмпирические данные показывают, что при взаимодействии с текстом у субъекта актуализируются категории восприятия, в соответствии с которыми происходит приписывание тексту некоторых устойчиво воспроизводящихся характеристик. Последние и могут быть обозначены как вторичные, или субъектно-объектные, свойства текста. От первичных свойств они отличаются тем, что отражают не существенные свойства текста, а существенные свойства *приписывания* субъектом свойств тексту. При этом не существенна правильность или неправильность приписывания — важна лишь его устойчивость, повторяемость, воспроизводимость. Текст здесь выступает лишь как повод для приведения в действие какого-то неизвестного нам механизма, который всегда срабатывает, если субъект взаимодействует с текстом. При первичном взаимодействии человек скользит взглядом по поверхности текста: производится его общая оценка, категоризация по обобщенным признакам как формы, так и содержания, а также принятие решения о том, будет ли осуществляться погружение в текст. Именно такой тип взаимодействия с текстом становится доминирующим в современном обществе с его изматывающим темпом жизни и ежедневно и ежечасно обрушивающимся на человека огромным количеством информации.

Каков полный набор вторичных свойств текста? Какие из них запрашиваются субъектом при взаимодействии с текстом чаще, какие — реже? Насколько устойчивыми они являются? Чувствительны ли они к жанру текста и предметной области, представленной в нем, и в какой степени? Найти ответы на эти вопросы и поставить новые позволят результаты дальнейших эмпирических исследований восприятия текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин М.М., 1986, Литературно-критические статьи. Москва.
- Виндельбанд В., 2000, История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. Т.1: От Возрождения до Просвещения. Пер. с нем. под ред. А.Введенского. Москва.
- Ильин В.В., Калинин А.Т., 1985, Природа науки. Москва.
- Котурова М.П., 2003, *Целостность текста*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н.Кожин. Москва.
- Левченко Е.В., 1991, *Восприятие и понимание парадоксальных высказываний*, Проблемы деривации: семантика и поэтика. Пермь.
- Левченко Е.В., 1995, *Психология познания в области психологии*, Актуальные проблемы психологической теории и практики. Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 14. С.-Петербург.
- Левченко Е.В., 2000, *О явлении мифологизации текста в учебном процессе*, Университетское образование: Университеты в формировании специалиста XXI века. Вестник Пермского университета. Вып. 4. Пермь.
- Матвеева Т.В., 2003, *Текстовая категория*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н.Кожин. Москва.
- Словарь античности, 1989, Перевод с нем. Редколлегия: В.И.Кузнецов и др. Москва.
- Ширинкина Л.В., 2004, Восприятие текста как психологический феномен: Дисс. ... канд. психол. наук. Пермь.
- Языкознание, 1998, Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.И.Ярцева. Второе (репринтное) издание "Лингвистического энциклопедического словаря" 1990 г. Москва.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

- Левченко Е.В., 1991, *Восприятие и понимание парадоксальных высказываний*, Проблемы деривации: семантика и поэтика. Пермь.
- Левченко Е.В., 1994, *О субъекте психологического знания*, Человек: феномен субъективности, система сущностных сил. Ч. 2. Омск.
- Левченко Е.В., 1998, *Возможна ли когнитивная история психологии?*, Вестник Пермского университета. Вып. 3, Психология. Пермь.
- Левченко Е.В., 1999, *Уровни развития научной идеи и их отображение в тексте*, Стереотипность и творчество в тексте. Пермь.
- Левченко Е.В., *О явлении мифологизации текста в учебном процессе*, Университетское образование: Университеты в формировании специалиста XXI в. Вестник Пермского университета. Вып. 4. Пермь.

ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПУТЕЙ ИЗУЧЕНИЯ ПЛОТНОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Для научной сферы коммуникации характерны две тенденции — стремление к избыточной информации (развертыванию научного знания), обеспечивающей надежность восприятия научного сообщения, и стремление к "сжатию", уплотнению информации (свертыванию научного знания), обеспечивающей "пропуск" информационных каналов для создания конденсированного научного знания. Процессам порождения и восприятия научного знания свойственны одновременно как его свертывание, так и его развертывание. Только коррелирующая связь между этими механизмами организации научного знания (развертыванием и свертыванием) должна определяться необходимым и достаточным набором лексических средств и синтаксических конструкций, чтобы обеспечить оптимальные условия коммуникации между отправителем и адресатом.

Таким образом, изыскание способов лексико-синтаксического уплотнения научного знания с учетом особенностей и условий восприятия информации определенными группами потребителей гарантирует понимание и усвоение научного знания.

Как известно, уплотнение знания изучалось многими учеными в разных сферах науки. Авторы теории информации (Косолапов 1968; Сухотин 1969; Михайлов 1980; Уемов 1983 и др.) рассматривают уплотнение содержания научного текста как "ограничение", "концентрацию", "уменьшение определенных элементов", но без учета семантической стороны научного текста.

В концепции лингвистов (Мурзин 1974; Алексеева 1982; Митрофанова 1983 и др.) проблема организации плотности научного текста трактуется обычно как "увеличение количества информации на единицу плана выражения", не принимая во внимание, как и представители теории информации, содержательный аспект, являющийся неотъемлемым компонентом уплотнения научного текста. Поэтому при всем многообразии подходов к организации научного знания в тексте проблема освоения содержания с учетом уровня его информативности и преемственности познавательного процесса сохраняет свою значимость и актуальность в сфере коммуникации. Мы приходим к выводу, что в развитии знания существующая тенденция не только к увеличению его количества, но и к относительному уменьшению этого количества происходит, вероятно, за счет повышения информативной емкости научных сведений. Это явление в развитии знания соотносимо с нашим представлением об уплотнении научного знания. Здесь мы и обращаемся к рассмотрению основных принципов организации плотности содержания научного текста.

В.П.Кобков различает три способа лексического свертывания (Кобков 1974: 31-48, 49-73, 1975: 234-244). Первый способ — *опущение*, предназначенное для определенных повторяющихся или неповторяющихся в тексте языковых единиц, место которых остается пустым, но может быть заполнено этими единицами благодаря опоре на сохраняющиеся в предложении элементы: *ведущая форма обучения — форма обучения* (Дубр., с. 10-11); *порог ощущений — порог* (Леон., с. 22-24).

Второй способ лексического свертывания, который выделяет автор, — *совмещение*, при котором два или несколько предложений с тождественными, элементами образуют сокращенные конструкции, где тождественный компонент употреблен только однажды, но сохраняет самостоятельные связи с нетождественными частями совмещенных предложений:

Предлагаемое утверждение здесь основывается на объективном факте существования трех видов научной деятельности, называемых прикладной (технической), механикой, теоретической (рациональной) механикой и механикообразной математикой" (Харл., с. 53).

В последнем случае автор раскрывает это терминологическое сочетание как *формирование математической модели в прикладной механике* (Харл., с. 55).

Третий способ лексического свертывания, на котором останавливается автор, — *замещение*, при котором повторяющийся или неповторяющийся отрезок текста замещается другим, более кратким, с сохранением в последнем смысла первого. Например:

Использование нефорсированных или спокойных вдохов для больных Б.А. описано неоднократно. Предложено, в частности, применение механического сопротивления на вдохе с целью тренировки мышц вдоха (Кок., с. 10).

Далее автор объясняет предполагаемый выбор результатами исследований, опуская при этом некоторые лексемы:

Положительный эффект такого дыхания (то есть механического сопротивления) подтверждается результатами изучения функции внешнего дыхания... По-видимому, эффект дыхания с сопротивлением обусловлен ... улучшением распределения воздуха в легких в результате уменьшения скорости вдоха. В результате тренировок (опускается "мышцы вдоха") такой стереотип дыхания усваивается больными и надолго закрепляется (Кок., с. 10).

В приведенном медицинском тексте исходное терминологическое сочетание легко восстанавливается благодаря сохранению определенных "опорных лексем". Такой способ позволяет раскрыть содержательный аспект научного знания в рамках упрощенной, сжатой терминологической номинации. К перечисленным видам лексического уплотнения можно добавить также *обобщение*, которое позволяет вкратце свернуть информацию в нужном аспекте сообщения. Например:

Лица с ДСТ часто предъявляют жалобы на кардиалгии, ощущение сердцебиения, перебои в работе сердца... У лиц с ДСТ имеется склонность к обморокам, чаще встречаются липтоимии (симптомокомплекс ощущений, предшествующих потере сознания)... Кроме того, по нашим данным, лицам с ДСТ свойственна повышенная утомляемость, эмоциональная подавленность, неуверенность в себе, депрессивные тенденции... (Хов., с. 35).

Далее автор монографии этот момент текста обобщает одним предложением, в котором сконденсировано все предшествующее научное знание:

Необходимо обратить внимание на то, что психологические, вегетативные и физические проявления ДСТ имеют общность происхождения и развития (Хов., с. 35).

Особое и существенное значение, на наш взгляд, имеет *метафорический* способ уплотнения. Механизм создания метафоры в антропометрической теории В.Н.Телия в какой-то степени соотносится с механизмом уплотнения содержания научного текста. При формировании метафоры, как и при уплотнении научного знания в тексте (Гиренко 2003: 151-175), можно проследить плотность образования нового концепта: "метафорическая операция начинается замыслом, постановкой цели, намерением человека, создающего вспомогательные понятия на основе ассоциативных комплексов — энциклопедического, рационально-культурного, личностного знания; затем возникает допущение относительно подобия; контекст осуществляет фокусировку; результатом является соединение новых признаков со старым значением и формирование нового концепта (понятия)" (Телия 1988: 131). Таким образом, переработка старого и нового знания в процессе метафоризации соответствует результату уплотнения научного знания.

Понятие метафоры распространяется и на механизм, и на процесс, и на отдельную фазу, и на ее результат, зафиксированный в научном тексте, обеспечивая унификацию компонентов содержания и формирование концептуального научного знания. Можно проследить в тексте, как метафора наикратчайшим образом передает сущность научного явления:

*Кроме того, при осмотре оценивают форму и расположение глазных щелей: учитывают их асимметрию, очень близкое или очень широкое расположение, узкие или короткие глазные щели, иными словами, выявляется **полулунная кожная складка** (Земц., с. 96).*

В дальнейшем в тексте употребляется термин **полулунная кожная складка**:

Позвонок из "слоновой кости" - рентгенологический признак, который появляется тогда, когда преобладает процесс костного уплотнения — болезнь Педхота (Шуц., с. 627).

Благодаря функции сравнения (по форме, цвету, звуку) метафора способна наиболее точно и емко выразить существенные признаки того или иного явления.

Даже для такого, казалось бы, самого "конвенционального" вопроса, как орфография термина, видимо, нельзя не считаться с терминологической (понятийной) вариантностью. В результате, говоря о вариативности лексики в научном тексте, нужно заметить, что "расслоение" понятийных значений в одном тексте должно соответствовать однозначности его содержания не в смысле моносемии, а как наличие у терминов "тесного" смысла. При этом значение каждого термина должно быть включено в категориальную связь с другими терминами, проверено практикой понимания, что делает научное знание помехоустойчивым в тексте.

Чтобы показать всю сложность семантических образований в научном тексте, мы выделяем *семантические блоки*, основанные на смежности значений лексических единиц, влияющих на формирование научного знания в процессе его уплотнения. В составе таких групп научное знание выступает в единстве *основных, исходных и уточняющих* понятий (Котюрова 1996). Чтобы увидеть данную закономерность, нам необходимо обратиться к *матрице смежности значений*, которая демонстрирует "связующие нити" лексических значений терминов, слов широкой семантики и др., определяющих развитие мысли и уплотнение содержания.

Матрица представляет собой квадрат, где по горизонтали приведены все лексические компоненты (термины, понятия), составляющие предмет изучения. Толкование их основано на лексических характеристиках, приведенных в толковом, терминологическом и других словарях. Случаи взаимного истолкования условно обозначены X, а каждая непосредственная и опосредованная связь значения терминов отмечена номером их совпадения. Так, на примере психологического текста, посвященного рассмотрению содержания понятия *Активность*. (Смир., с. 26-27), можно выделить в глубинной структуре научного содержания этого понятия общие лексические признаки, входящие в семантические структуры других терминов (см. табл. 1), что является важным критерием в объединении семантических групп (смысловых блоков), влияющих на содержательную плотность текста.

Т а б л и ц а 1 .
Матрица смежности значений лексических единиц,
составляющих понятие "Активность"

№	Наименование терминов и понятий	Семантические признаки терминов (понятий)	Случаи взаимного истолкования
1	Активность	<i>Деятельное</i> участие в чем-либо (Кузнецов 2001: 16)	
2	Самодвижение	Движение при помощи <i>собственного механизма</i> (Кузнецов 2001: 717)	X ₃ X ₇ X ₈ X ₉
3	Самовыражение	Внешнее проявление, направленное <i>от самого себя</i> (Ефремова 2000: Т. 2, 113)	X ₂ X ₇ X ₈ X ₉ X ₁₀ X ₁₁ X ₁₄ X ₁₆ X ₁₈ X ₂₂
4	Свойство	<i>Качество, признак</i> , являющийся отличительной особенностью чего-либо. (Кузнецов 2001: 727)	X ₅ X ₆ X ₂₁ X ₂₂
5	Атрибут	Необходимый, постоянный <i>признак</i> , принадлежность чего-либо (Кузнецов 2001: 27)	X ₅ X ₆ X ₂₁ X ₂₂
6	Материя	Философ.: Объективная <i>реальность</i> , существующая вне и независимо от человеческого сознания; 2) <i>вещество</i> , из которого состоят физические тела природы (Кузнецов 2001: 337)	X ₅ X ₆ X ₂₁ X ₂₂
7	Самоизменение	<i>Поправка</i> , исправление, <i>направленное на самого себя</i> (Ефремова 2000: Т. 1, 379)	X ₂ X ₃ X ₈ X ₉ X ₁₁ X ₁₆ X ₁₈
8	Спонтанность	Возникновение вследствие внутренних причин; <i>самопроизвольность</i> (Кузнецов 2001: 785)	X ₂ X ₃ X ₇ X ₉ X ₁₀ X ₁₁ X ₁₄ X ₁₆ X ₁₈ X ₂₂
9	Само-произвольность	Возникать <i>произвольно, само собой</i> , без видимых внешних воздействий (Кузнецов 2001: 717)	X ₂ X ₃ X ₇ X ₈ X ₁₀ X ₁₇ X ₁₉
10	Инициативность	1) <i>Побуждение</i> к началу какого-либо делу; 2) Предприимчивость, способность к <i>самостоятельным</i> активным действиям (Кузнецов 2001: 245)	X ₂ X ₃ X ₇ X ₉ X ₁₁ X ₁₅ X ₁₇ X ₁₉
11	Самость	Устар.: Сознание <i>своей</i> значимости, преувеличение <i>мнения о себе</i> (Ефремова 2000: Т. 2, 544)	X ₂ X ₃ X ₇ X ₉ X ₁₀ X ₁₅ X ₁₇ X ₁₉

12	Система	1) <i>Целое</i> , составленное из частей <i>соединение</i> ; 2) Форма организации, <i>устройство</i> чего-либо (Кузнецов 2001: 142)	X ₆ X ₁₉ X ₂₂
13	Отражение	Философ.: <i>Всеобщее свойство материи</i> , заключающееся в способности материальных тел через внутреннее изменение воспроизводить в иной форме особенности взаимодействующих с ними материальных тел (Кузнецов 2001: 480); 2) То, что является <i>отображением</i> , <i>воспроизведением</i> чего-либо (Ефремова 2000: Т. 2, 1186)	X ₆ X ₁₇ X ₁₉
14	Внутренняя (природа объекта)	Находящийся, расположенный <i>внутри</i> чего-либо (Кузнецов 2001: 83)	X ₂ X ₈ X ₉
15	Природа	1) Сущность, основные <i>качества</i> чего-либо; 2) <i>Происхождение</i> , порода (о человеке) (Ефремова 2000: Т. 2, 319)	X ₄ X ₅ X ₁₉
16	Само-обусловленность	<i>Собственная зависимость</i> от каких-либо условий, причин, обстоятельств (Кузнецов 2001: 437)	X ₃ X ₇ X ₈ X ₉ X ₁₀ X ₁₁ X ₁₄ X ₁₅ X ₁₈
17	Перенос	<i>Направить</i> на что-либо, <i>переключить</i> с одного на другое (Кузнецов 2001: 515)	X ₁₃ X ₁₉
18	Само-определение	Формулировка, раскрывающая содержание, сущность, основные черты <i>самого себя</i> (Кузнецов 2001: 456)	X ₂ X ₃ X ₆ X ₇ X ₈ X ₉ X ₁₀ X ₁₁ X ₁₂ X ₁₄ X ₁₅ X ₂₂
19	Механизм	1) <i>Внутреннее устройство</i> , <i>система</i> чего-либо; 2) <i>Совокупность</i> состояний и процессов, из которых складывается какое-либо физическое, химическое, физиологическое, <i>психологическое</i> и т.п. явление (Кузнецов 2001: 346)	X ₂ X ₆ X ₂₂
20	Детерминирующие	От Детерминизм — учение о <i>причинной</i> обусловленности и закономерности всех <i>явлений природы</i> и <i>общества</i> (Кузнецов 2001: 158)	X ₆ X ₁₂ X ₁₅ X ₂₁

5	Шаровидные	Имеющий вид <i>шара</i> , похожий на шар (Кузнецов 2001: 932)	X ₆
6	Эллипсоидные	Замкнутая <i>овальная кривая</i> (Кузнецов 2001: 950)	X ₅
7	Вид	Классификационная единица в <i>систематике</i> , объединяющая разряд предметов, явлений и т.д. с одинаковыми признаками (Кузнецов 2001: 77)	X ₁ X ₃
8	Слизистая оболочка	<i>Оболочка</i> , выстилающая... внутреннюю поверхность... состоит из одного или нескольких слоев эпителия, собственно соединительнотканного слоя, прослойки гладких мышц... (БЭС 1989: 586)	
9	Клетка	Простейшая <i>единица строения</i> живого организма, состоящая из протоплазмы, ядра и оболочки (Кузнецов 2001: 272)	
10	Бесполое размножение	Происходит путем отделения от материнского организм его части и превращения ее в <i>дочерний</i> организм (БЭС 1989: 59)	X ₁₁
11	Гетерогамия	Тип <i>полового процесса</i> , при котором мужские и женские гаметы, сливающиеся при оплодотворении, различны по форме и размеру (БЭС 1989: 129)	X ₁₀

Из представленной матрицы смежности значений видно, что основное знание "*пандорина*" составляет 11 компонентов, 9 из которых имеют случаи взаимного истолкования (то есть семантическую схожесть), что позволяет читателю воспринимать и удерживать информацию в памяти. Вместе с тем создается впечатление о тексте как сложном, фрагментарном. Следует подчеркнуть, что это впечатление сохраняется, потому что текст необоснованно насыщен терминами, и только при глубоком прочтении можно установить связь между ними. В качестве уточняющего и исходного знания можно выделить следующие понятийные блоки (см. табл. 4):

Т а б л и ц а 2 .
Схема смысловых блоков, составляющих
научное содержание понятия "Активность"

АКТИВНОСТЬ (вершина основного знания)		
Действие, направленное на себя:	Конструктивные компоненты, составляющие активность	Внешние и внутренние процессы, отражающие "активность"
Исходные понятия	Исходные понятия	Исходные понятия
<i>Самодвижение</i> <i>самовыражение</i>	<i>Свойство, атрибут, материя</i>	<i>Отражение</i>
Уточняющие понятия	Уточняющие понятия	Уточняющие понятия
<i>Самоизменение</i> <i>Самопроизвольность</i> <i>Инициативность</i> <i>Самостоятельность</i> <i>Самообусловленность</i> <i>Самость</i> <i>Внутренняя детерминация</i> <i>Самоопределение</i>	<i>Всеобщая материя</i> <i>Отражение</i>	<i>Первичный механизм самодвижения</i> <i>Перенос</i>
ПСИХИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ (основное содержание)		

точкой притяжения знания является *Активность* в понимании А.Н.Леонтьева, за которым последуют многие авторы. Так, определение понятия *Активности* Леонтьевым как "внутренней

предпосылки" *самодвижения* деятельности и ее *самовыражения* (Смир., с. 26) выступает **исходным** для группы терминов-синонимов (с общей семой "действие, направленное на себя"), которые предстают в качестве уточняющих понятий (см. табл. 2).

В качестве следующего **исходного** знания является философское понимание активности как *всеобщее свойство, атрибут материи* (Смир., с. 26). **Уточняющим** его знанием является указание ряда работ последних лет, посвященных также проблеме активности как *всеобщего свойства материи*; замечание

А.Н.Булатова, который видит недочет в разработке принципа **Активности** в современной философии, поскольку:

...он (принцип активности), во-первых, не формулируется как таковой, во-вторых, существует очень развитая теория отражения, но не существует теории активности. (Смир., с. 26).

Следующим **исходным** знанием в понимании **Активности** является теория Л.Н.Ляховой, которая во внутренней работе организма основным механизмом видит **отражение** (о чем упоминалось в высказывании А.Н.Булатова), и уточняет, что *отражение есть механизм, посредством которого организм превращает внешние детерминирующие факторы в моменты своего самоопределения*. В концепции М.Н.Руткевича **отражение** конкретизируется как *проявление самодвижения материи* (Смир., с. 27).

В качестве **основного** знания в тексте выражается точка зрения самого автора статьи, рассматривающего содержание понятия **Активность** концентрирующего, уплотняющего в своей концепции все представленные выше уровни знания: *центральная проблема нашего исследования — проблемы активности психического отражения* (Смир., с. 27). Таким образом, конечный вывод, к которому приходит автор на данном отрезке текста, — **"проблема активности психического отражения"** является **основным** знанием, опирающимся на исходное и включающим уточняющее (см. табл. 2).

Можно сказать, что матрица смежных значений лексических единиц позволяет выявить закономерности расположения слов в поверхностной структуре текста. Определить "узлы" лексических связей в глубинных ярусах, ведущих к образованию "пучков", или семантических блоков, дифференцирующих знание на основное, исходное и уточняющее. Кроме этого, матрица демонстрирует формирование и помехоустойчивость знания в результате уплотнения содержания научного текста. Все семантические компоненты матрицы, составляющие научное знание **Активность**, тесно связаны по значению в результате замещения, опущения, обобщения (см. выше способы уплотнения содержания), что приводит в некоторых фрагментах текста (монографии) к семантической повторяемости и смысловой нагруженности. Так, тезис А.Н.Леонтьева, указывающий на явление активности как *предпосылку самодвижения деятельности и ее самовыражения* (Смир., с. 26), "дублирует" подтверждение:

В последние годы появился ряд работ, посвященных проблеме активности... на уровне... всеобщего свойства материи, выражающегося: 1) в способности к самодвижению; 2) в способности изменять другие объекты и 3) в способности развивать определенные внутренние состояния, активизирующие природу объекта, под влиянием внешних воздействий (Смир., с. 26).

При этом интерпретация **Активности** на уровне *"всеобщего свойства материи"* берет свое начало еще в философской теории: *"В качестве философской категории активность понимается большинством философов как всеобщее свойство, атрибут материи"*. Кроме приведенных трактовок, автор текста замечает: *...отношение явлений активности обычно ведется в терминах автономности, инициативности и т.п., то есть с подчеркиванием некой самости* "объекта" (Смир., с. 27).

Таким образом, смысловой повтор, возникающий в результате замещения, опущения и обобщения в тексте ("самодвижение деятельности" — "самодвижение" — "самопроизвольность" — "инициативность", "само-выражение" — "способность выражать внутренние состояния" — "самость"; "всеобщее свойство", атрибут материи — "всеобщее свойство"), формируют научное знание. Наиболее обобщенно приведенные концепции изложены в выводе автора:

В связи с этим выделяются две традиции использования термина "активность" и соответственно два значения этого термина:

1) *Сторона, составляющая любого процесса взаимодействия или действия, детерминируемая внутренне природой объекта;* 2) *Процесс, характер которого в целом определяется прежде всего внутренней детерминацией объекта, его самообусловленностью, в этом случае внутренняя детерминация как бы доминирует над внешней* (Смир., с. 27).

В этом фрагменте текста автор, определяя два значения термина **Активность**, идентифицирует их: *"сторона, детерминируемая внутренней природой объекта"* и *"процесс...*

определяется *внутренней детерминацией объекта*". Нами рассмотрена лишь часть семантических повторов, присущих данному отрезку текста. Таким образом, высокая степень смежности значений терминов, и вследствие этого — смысловая повторяемость обусловлена научным жанром (монографии), требующим для получения статуса знания его прохождения в тексте через этап вариативности познавательной ситуации, что обеспечивает ему помехоустойчивость и становление в качестве основного знания.

На наш взгляд, в данном фрагменте текста имеет смысл рассмотреть расположение лексических единиц, выступающих в качестве сегментов-фиксаторов, "скрепляющих" значения всех компонентов научного знания в семантические "узлы". Основная функция фиксаторов, или опорных пунктов, заключается не только и не столько в сообщении, сколько в управлении мыслью автора. Благодаря взаимосвязи фиксаторов научное знание расширяется и развивается от того, какой "спектр" информативности задает фиксатор. Выделенные сегменты-фиксаторы предваряют изложение научного знания как в отношении объема, так и в отношении содержания. Так, в данном тексте наблюдается следующий ряд фиксаторов:

а) "А.Н.Леонтьев указывает на явления *активности*" (данный фиксатор рассматривает понимание "активности" в трактовке А.Н.Леонтьева как *самодвижение и самовыражение*");

б) "...в качестве *философской категории активность* понимается..." (этот фиксатор помогает в философском учении интерпретировать категорию "активность");

б) "В последние годы появился ряд работ на уровне ... *всеобщего свойства материи*..." (в данном случае фиксатор продолжает развивать философскую идею понимания "активности");

в) " ... можно согласиться с замечанием Н.А.Булатова о недостаточной разработке принципа активности в современной философии, поскольку существует теория *отражения* ... " (фиксатор указывает новую сферу изучения активности — в теории отражения").

б) "... выделяются *две традиции* использования термина "активность" и ... *два значения* этого термина (данный фиксатор позволяет классифицировать знание в результате его изучения на внешнюю ("сторону") и внутреннюю ("процесс") активность.

в) "Способом разрушения противоречия между ними выступает *отражение*" (данный фиксатор требует раскрытия механизма отражения, влияющего на противоречие между внешней и внутренней системой).

г) "Уже ... завязываются первые узелки центральной проблемы нашего исследования — *проблемы активности психического отражения*" (данный фиксатор обобщает и интегрирует все предыдущее знание в емком и всеобъемлющем термине "активность психического отражения").

В результате получаем следующую схему фиксаторов:

Схема 1.

а — б — б Неупорядоченная схема
в — б — в следования сегментов-фиксаторов.
г

Неупорядоченное, повторяющееся следование сегментов-фиксаторов обусловлено формированием научного знания и его углублением.

В целом, исследованный материал показывает, что в текстах крупных научных жанров наблюдается высокий уровень смежности значений лексических единиц, в то время как в текстах малых жанров — низкий уровень смежности значений, что объясняется фрагментарным, порой бессвязным, необусловленным следованием фиксаторов и терминов (понятий), представляющих концентрическое (плотное) знание как результат его уплотнения.

Например, в статье БСЭ (БСЭ, с. 417), посвященной определению рода зеленых водорослей "Пандорина" был выявлен следующий ряд фиксаторов (схема 2):

а) "Род подвижных колониальных зеленых водорослей из класса *вольвокосовых*" (данный фиксатор требует характеристики класса вольвокосовых);

б) "Известно *два вида*, обитающих в пресных водах" (фиксатор указывает на необходимость определить два вида и дать их описание);

в) "При *бесполом* размножении каждая клетка делится... *Половой процесс* — *гетерогамия*" (данный фиксатор указывает на два вида размножения.

Схема следования сегментов-фиксаторов:

Схема 2.

а — б — в Неупорядоченное следование сегментов.

Разрозненный ряд фиксаторов еще раз подтверждает мысль о том, что смысловые части текста, несмотря на емкость содержания, представлены отдельно друг от друга, вне связи с целым текстом. Такое явление закономерно, поскольку текст не предполагает развития знания, а значит, смысловой повторяемости знания, разного рода "излишеств" и помех, которые определяют расширение и углубление (то есть развитие) научного знания в тексте. Тот же минимализм связи мы наблюдаем в смежности значений лексических компонентов данного текста (табл. 3):

Т а б л и ц а 3 .

**Матрица смежности значений
лексических единиц (БЭС)**

№	Наименование терминов и понятий	Семантические признаки терминов (понятий)	Случаи взаимного истолкования
1	Род	В систематике <i>группа</i> , объединяющая близкие виды (Кузнецов 2001: 704)	X ₃ X ₇
2	Водоросли	Сборная <i>группа</i> низших, обычно водных, растений. <i>Одноклеточные, колониальные, и многоклеточные</i> , иногда тканевого строения... (БЭС 1989, 102)	X ₃
3	Класс вольвоксовых	<i>Группа</i> , класс земных <i>водорослей</i> . <i>Одноклеточные или колониальные</i> организмы... (БЭС 1989: 105-106)	X ₁ X ₂ X ₆
4	Колонии	Организмы, у которых особи дочерних поколений при бесполом размножении остаются соединенными с материнским организмом, образуя более или менее сложное объединение — <i>колонии</i> (БЭС 1989: 273)	X ₃
5	Шаровидные	Имеющий вид <i>шара</i> , похожий на шар (Кузнецов 2001: 932)	X ₆
6	Эллипсоидные	Замкнутая <i>овальная кривая</i> (Кузнецов 2001: 950)	X ₅
7	Вид	Классификационная единица в <i>систематике</i> , объединяющая разряд предметов, явлений и т.д. с одинаковыми признаками (Кузнецов 2001: 77)	X ₁ X ₃
8	Слизистая оболочка	<i>Оболочка</i> , выстилающая... внутреннюю поверхность... состоит из одного или нескольких слоев эпителия, собственно соединительнотканного слоя, прослойки гладких мышц... (БЭС 1989: 586)	
9	Клетка	Простейшая <i>единица строения</i> живого организма, состоящая из протоплазмы, ядра и оболочки (Кузнецов 2001: 272)	
10	Бесполое размножение	Происходит путем отделения от материнского организм его части и превращения ее в <i>дочерний</i> организм (БЭС 1989: 59)	X ₁₁
11	Гетерогамия	Тип <i>полового процесса</i> , при котором мужские и женские гаметы, сливающиеся при оплодотворении, различны по форме и размеру (БЭС 1989: 129)	X ₁₀

Из представленной матрицы смежности значений видно, что основное знание "*пандорина*" составляет 11 компонентов, 9 из которых имеют случаи взаимного истолкования (то есть семантическую схожесть), что позволяет читателю воспринимать и удерживать информацию в памяти. Вместе с тем создается впечатление о тексте как сложном, фрагментарном. Следует подчеркнуть, что это впечатление сохраняется, потому что текст необоснованно насыщен терминами, и только при глубоком прочтении можно установить связь между ними.

В качестве уточняющего и исходного знания можно выделить следующие понятийные блоки (см. табл. 4):

Т а б л и ц а 4 .
Схема смысловых блоков, составляющих
научное содержание понятия "Активность"

"Пандорина" Вершина основного значения	
Исходные понятия	Уточняющие понятия
<i>Класс вольвоксовых, известно два вида</i> <i>При бесполом размножении каждая клетка делится, образуя новую колонию.</i> <i>Половой процесс — гетерогамия</i>	<i>Род зеленых водорослей</i> <i>Колонии шаровидные или эллипсоидные, покрытые слизистой оболочкой, состоящие из 16 клеток, несущих по 2 жгутика</i>

Именно уточняющие понятия терминированные в небольшом фрагменте текста позволяют развивать и углублять научное знание об объекте исследования. Уточняющие понятия упрощают восприятие и создают условия для осмысления излагаемого содержания. Таким образом, благодаря взаимосвязи исходных и уточняющих компонентов, составляющих основное знание, можно судить о малейшем уплотнении научного знания. Контекстуально-смысловой подход при изучении уплотнения научного текста позволяет увидеть процесс развития научного знания (с учетом его развертывания или свертывания) на основе способов уплотнения содержания и смежности значений лексических единиц в тексте. На этом этапе анализа плотности текста важно зафиксировать стереотипные связи как в системе лексических единиц, выступающих в качестве сегментов-фиксаторов, так и в системе смежных семантических отношений научных понятий, выступающих в качестве смысловых блоков основного, исходного и уточняющего знания. Данный подход к изучению плотности текста представляется целесообразным и правомерным, так как предполагает функционально-семантический аспект исследования (анализ лексемы в минимальном контексте и сохранение ее семантических связей с целым произведением).

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ ЦИТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

- БСЭ — Большая советская энциклопедия, 1975. Т. 19 (3-е изд.). Москва.
- Дубр. — Дубровина И.В. и др., 1999, Возрастная и педагогическая психология: Хрестоматия. Москва.
- Зах. — Захаров, 1983, Технология токарной обработки. Москва.
- Земц. — Земцовский Э.В., 1998, Соединительные дисплазии сердца. С.-Петербург.
- Кок. — Кокосов А.Н., Черемнов В.С., 1995, Астматический бронхит и бронхиальная астма. Минск.
- Леон. — Леонтьев А.Н., 2000, Лекции по общей психологии. Москва.
- Русск. яз. — Русский язык для школьников и поступающих в вузы, 1999. 2-е изд. Москва.
- Смир. — Смирнов С.Д., 1985, Психология образа: проблема активности психического отражения. Москва.
- Харл. — Харламов П.В., 1990, *Три механики*, Сборник трудов V Всесоюзной конференции по аналитической механике, теории устойчивости и управления движения. Москва.
- Хов. — Ховаева Я.Б., Усольцева Л.В. и др., 2002, Клинические аспекты дисплазии соединительной ткани и состояние сердечно-сосудистой системы. Пермь.
- Шуц. — Шуцану Ш., 1983, Клиника и лечение ревматических заболеваний. Бухарест.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Л.М., 1982, Терминопорождение и творчество в науке. Москва.
- Биологический энциклопедический словарь, 1989. Москва.
- Гиренко Л.С., 2002, *Механизм уплотнения содержания научного текста*, Филологические заметки. Ч. 1. Пермь—Любляна.
- Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю., 1987, Лингвистические основы учения о терминах. Москва.
- Кобков В.П., 1974, В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск.
- Кобков В.П., 1975, Язык научной литературы. Москва.
- Косолапов В.В., 1968, Информационно-логический анализ научного знания. Киев.
- Котурова М.П., 1996, *Экстралингвистические основания стилистики научного текста и принципа его функционально-стилистической интерпретации*, Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVII-XX вв. Т. II, Ч. 1. Стилистика научного текста. Пермь.
- Кузнецов С.А., 2001, Современный толковый словарь русского языка. С.-Петербург.

- Митрофанова О.Д., 1983, Язык научного технического текста. Москва.
- Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С., 1980, Научные коммуникации и информатика. Москва.
- Мурзин Л.Н., 1974, Синтаксическая дидеация. Пермь.
- Павлова В.П., 1978, Обучение конспектированию. Русский язык. Москва.
- Поликарпов А.А., 1998, Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. Москва.
- Телия В.Н., 1988, *Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция*, Метафора в языке и тексте. С.-Петербург.
- Уемов А.И., 1983, Информационные процессы в научном исследовании и проблема их упрощения. Москва.

АНТРОПОЛОГИЗМ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ПЕРЕВОДА

Развитие когнитивной лингвистики повлияло на пересмотр предмета исследования во многих лингвистических науках, в частности в переводоведении. В когнитивном аспекте стало возможным представить предмет переводоведения посредством новых моделей. В центр внимания исследователей перевода попадает переводящая личность, которая становится антропологическим фактором процесса перевода. По мнению М.Л.Макарова, введение человеческого фактора в лингвистику влечет за собой изменение в объекте и предмете исследования. В этом случае лингвист "имеет дело не с абстрактным овеществленным конструктом, не с инструментом, обслуживающим какую-либо постороннюю деятельность, а непосредственно с коммуникативной деятельностью человека" (Макаров 2003: 24). В связи с этим становится очевидным, что переводчик — это не просто участник коммуникации, но личность, которая определяет весь ход межкультурной коммуникации. Таким образом, переводчик формирует особый вид языковой личности — переводящую личность.

Известно, что языковую личность можно охарактеризовать с учетом пяти факторов: 1) языковой способности, 2) коммуникативной потребности, 3) коммуникативной компетентности, 4) языкового сознания, 5) речевого поведения (Карасик 2003: 24). Особенность переводческой личности зависит в большей степени от трех факторов: языковой способности как возможности вести общение на иностранном языке, коммуникативной компетентности как умения осуществлять общение в определенной сфере и языкового сознания как особой формы соотношения своего и чужого знания.

Роль человека в науке по-разному оценивалась исследователями. По мнению М.Фуко, ни одна из наук XVII-XVIII вв. ни разу не столкнулась с таким предметом, как человек (Фуко 1994). М.А.Дмитровская также считает, что на всем протяжении развития философской и логической мысли человек, познающий окружающий мир, оставался обезличенным (Дмитровская 2003: 48). Приведенные высказывания заставляют задуматься, почему именно лингвистика "бросает вызов" антиантропологизму. Никто не сомневается, что главным фактором в языке является человек. Однако это утверждение стало настолько самоочевидным, что до последнего времени оставалось на уровне декларации. Думается, что трактовка антропологизма как основного фактора предмета лингвистических исследований способствует решению проблем, прямо или косвенно связанных с человеческой деятельностью.

Следует отметить, что вопрос о значимости антропологии для лингвистики решал Э.Сепир. Ему удалось показать, что современному лингвисту трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом и "он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией" (Сепир 2003: 130).

Антропоцентризм отнесен Е.С.Кубряковой к основным принципам развития лингвистики конца XX века. По ее мнению, "антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования" (Кубрякова 1995: 212).

Известно, что в лингвистике принцип антропоцентризма проявляется в стремлении изучать язык в триаде человек — текст — культура. В этом смысле можно утверждать, что наука как часть культуры существует в форме текстов — знаковых произведений духовной деятельности человека (Мурзин 1994).

Цель данного исследования заключается в том, чтобы показать, что антропологизм является не просто признаком современной науки, но и определяет предметы отдельных наук, в частности научного перевода. Соединение понятий антропологизма и

перевода вполне оправданно, поскольку "субъект не может иметь мысли, если он не переводит речь другого" (Дэвидсон 2003: 224). Известно, что по своей природе наука интернациональна, т.е. не имеет национальной принадлежности. Семиотической базой науки является множество конкретных текстов, находящихся в состоянии постоянной взаимоинтерпретационности и взаимопереводимости. В антропологическом смысле наука отражает интеллектуальную деятельность человека, лежащую в основе принципа перевода научных текстов.

Основной теоретической посылкой в работе является следующее. Переводческая деятельность в области научного перевода представляется нам сложным и противоречивым процессом. Несмотря на то что текст перевода можно рассматривать как новый лингвистический феномен, в ходе перевода переводящая личность приспосабливается и "вживается" в систему нового для него знания.

Антропологизм как феномен был изучен и описан в трудах академика В.И.Вернадского, который полагал, что под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в ноосферу (Вернадский 2003: 252). Антропологизм, по В.И.Вернадскому, проявляется в том, что научное знание есть создание и выражение человеческого духа. Вполне естественно, что научное знание формируется в борьбе отдельных творческих личностей, т.е. проявляется через противостояние индивидуальных оценок, взглядов и идей. Таким образом, антропологизм как фактор разнообразной научной деятельности человека является свойством ноосферы.

К понятию антропологизма обращался Г.П.Щедровицкий, который внес вклад в развитие идеи о включении человека в предмет научных исследований. Он считал, что отдельные изолированные представления о человеке (как о *биоиде*, *индивиде*, *личности*) не описывают реальных свойств человека. По его мнению, существует необходимость в создании целостного и полного теоретического представления о человеке (Щедровицкий 1995: 369). Современные модели человека должны фиксировать факт и не обходимость двух переходов: 1) перехода от изменений, произведенных человеком в окружающих его объектах, к самим *действиям*, *деятельности*, *поведению* или *взаимоотношениям человека*; 2) перехода от действий, деятельности, поведения, взаимоотношений человека к его *внутреннему устройству и потенциям*, которые получили название *способностей и отношений* (там же: 374). Г.П.Щедровицкий имел в виду то, что модели должны изображать человека в его поведении, деятельности, взятых с точки зрения изменений, производимых человеком в окружающем мире благодаря этой деятельности. Под деятельностью он понимал прежде всего мышление человека, которое не является самостоятельным, а обнаруживается в языке. Таким образом, предметом исследования, по Г.П.Щедровицкому, должно быть языковое мышление.

В настоящее время термину *антропологизм* можно приписать три основных смысла: 1) *антропологизм* как течение (входит в предмет философии); 2) *антропологизм* как феномен (связан с предметом психологии, психолингвистики и др.); 3) *антропологизм* как принцип развития (формирует предмет наук, изучающих человеческую деятельность: лингвистики, переводоведения, терминоведения, дидактики и др.). Все эти смыслы оказываются чрезвычайно важными при выявлении характера современной науки, однако для нашего исследования наиболее существенным оказывается последний из смыслов.

Антропологизм в значении принципа развития понимается как антропоцентрические тенденции, характерные для науки в целом. Мы разделяем мнение В.В.Красных, которая считает, что "антропостремительные тенденции в научных исследованиях (причем не только в гуманитарных), и антропоцентризм научных подходов, и развитие дисциплин, так или иначе связанных с изучением человека (психолингвистика, когнитивная лингвистика, этнопсихология, этнопсихолингвистика и др.), далеко не случайны" (Красных 2003: 8). Современные тенденции развития науки свидетельствуют о том, что в центре внимания ученых стоит Человек, причем уже не просто *homo sapiens* как некий индивид, но *homo sapiens* — личность, носитель сознания, обладающий сложным внутренним миром, принадлежащий той или иной культуре.

Плодотворным оказалось сотрудничество антропологии, науки о человеке, и теории перевода, науки о языковой деятельности человека. Антропологизм как методологический принцип известен давно и достаточно широк в применении: он лежит в основе любого типа перевода, поскольку любой перевод — проявление человеческого духа. Классические теории перевода предполагали только объект изучения, субъект перевода при этом игнорировался. Антропологизм в традиционном понимании не затрагивал глубинной природы данного вида деятельности, скользил

лишь по поверхности и способствовал созданию формализованных методов переводческой техники.

В настоящее время в переводоведении возникла потребность в воскрешении принципа антропологизма, достаточно гибкого принципа, позволяющего по-новому осмыслить предмет переводоведения. На основе принципа антропологизма перевод можно представить как процесс, характеризующийся высокой степенью свободы переводящей личности.

Из множества аспектов рассмотрения антропологизма в переводе мы выбрали стереотипизацию и индивидуализацию, имеющие место в любых формах человеческого общения и характеризующие интеллектуальные способности личности. В рамках классического (стереотипизирующего) переводоведения перевод трактовался в основном как результат деятельности, как результат одностороннего воздействия текста оригинала на переводчика. Традиционно предмет науки о переводе характеризовался тремя признаками: 1) рассмотрением текста в самом себе, 2) извлечением информации из текста, 3) эквивалентным детерминизмом перевода. В центре внимания исследователей был поиск инвариантных (стереотипных) языковых соответствий текста перевода и текста оригинала. При этом переводчик рассматривался как пассивный объект, подвергающийся воздействию текста оригинала.

Современное состояние теории переводоведения характеризуется новым осмыслением имеющихся проблем, к числу которых относится разработка критериев и принципов перевода. В настоящее время принцип антропологизма становится основным методологическим принципом в переводоведении. В современном переводоведении появились теории, в которых "переводчику отводится роль не "вербального перекодировщика", но интерпретатора смыслового кода, заложенного в исходном тексте" (Фесенко 2002: 66). Т.А.Фесенко совершенно справедливо полагает, что "переработка информации при переводе носит когнитивный характер, поскольку трансформирующей инстанцией является когнитивная система человека", а качество перевода зависит от когнитивных ресурсов переводчика (там же: 68). Ю.А.Сорокин, вслед за Р.Якобсоном, высказывает мнение о том, что перевод — и как процесс, и как результат — есть лишь реализация когнитивно/культурно возможного (Сорокин 2003: 70). По его мнению, "в деятельностной переводческой парадигме основным понятием является понятие *психотипического подобия*, ...позволяющего двум *отдельностям*, автору и переводчику, истолковывать друг друга, опираясь на инвариантные свойства речевых и неречевых программ" (там же: 33). И.Э.Клюканов определяет эгоструктуру личности как точку отсчета в переводоведении (Клюканов 1998: 17).

Введение антропологизма в общую систему методических принципов не отрицает специфики его применения в отдельных видах перевода, где складывается другая ситуация. На наш взгляд, именно в научном переводе данный принцип является не просто актуализацией того, что переводной текст — творение человека. Антропологизм научного перевода обусловлен тем, что данный вид деятельности требует от переводящей личности особых интеллектуальных усилий, ввиду специального характера знания, заключенного в исходном тексте.

Антропологизм в научном переводе проявляется в поиске ответов на вопросы: каким образом проявляет себя переводчик как субъект переводческого процесса? Как он относится к тому, что переводит? Отвечая на первый вопрос, можно сказать, что переводчик в ходе понимания исходного смысла неизбежно преобразует его в некий особый, только ему свойственный смысл, отражающий его субъективное знание. В научном переводе, в отличие от художественного, где автор исходного текста и переводящая личность являются конкурирующими личностями, автор и переводчик изначально настроены на диалог и согласие. Переводчик художественного текста автономен и самодостаточен. В то время как переводчик научного текста полностью подчинен авторской мысли (идея пересотворения авторского открытия). В самом общем смысле понятие антропологичности в научном переводе можно толковать как личное внимание переводчика к "чужому" тексту.

На начальном этапе осмысления цели своей деятельности переводчик встречается с противоречием между намерением создать адекватный перевод и осознанием недостижимости своего намерения. В этом смысле данное противоречие можно трактовать следующим образом: что *хочет* достичь переводчик и что он *может* достичь. В научном переводе создается ситуация, в которой переводчику трудно идентифицировать себя с членами той социальной группы (учеными), для которой он делает перевод. Будучи неспециалистом, переводчик каждый раз осознает тот факт, что его перевод специального текста будет в определенной мере ущербным.

П.Ньюмарк рассматривал научный перевод как вид энциклопедической деятельности ("non-literary translation is encyclopaedic"), приписывая ему специальный характер (Newmark 2003: 18).

Ответ на второй вопрос предполагает модификацию понятия коммуникации в условиях научного перевода. Суть модификации заключается в том, что, в отличие от монологической научной коммуникации, в рамках которой адресант является активным членом коммуникации, в межкультурной научной коммуникации автор оригинала и переводчик меняются своими ролями: переводчик становится активным членом научной коммуникации. Переводчик стремится создать "образ самого себя как исследователя". Это значит, что созданный переводчиком текст, воплощающий личностные признаки, перерастает из субъективного вида в объективный, поскольку в конечном счете он выполняет социальную функцию, т.е. объективируется. Возникнув в сфере переводческого замысла, перевод научного текста становится явлением социальной действительности. В этом плане от переводчика зависит, будет ли его перевод востребован в научном сообществе. Отсюда вытекает проблема качества научного перевода, поскольку научный перевод всегда должен быть осмысленной интерпретацией.

Мы пытаемся определить понятие антропологизма научного перевода, которое во многом предопределяет предмет научного перевода и стратегию перевода. Обоснование принципа антропологизма в научном переводе рождается в полемике с теми исследователями, которые утверждают, что главной трудностью в научно-техническом переводе являются термины, т.е. лексическая трудность. Большим недостатком такого взгляда на научный перевод является то, что он предполагает использование методов, которые идут вразрез с общенаучными методами познания и трансляции знания. Вслед за Т.А.Фесенко мы утверждаем, что переводу подвергаются не вербальные знаки, а стоящие за ними концепты (Фесенко 2002: 67). Данное утверждение соотносится с критическим высказыванием М.Полани, который усматривал в идее сравнения терминов с именами объектов традиции номинализма (Полани 1962: 165).

В самом общем смысле антропологизм представляет собой такую переводческую концепцию, которая рассматривает человека (переводящую личность) как основную категорию переводческого процесса. При этом исходный научный текст можно считать лишь частью единого научного процесса, в котором автор и переводчик взаимодействуют друг с другом. Очевидно, что понятие антропологизма непосредственно примыкает к понятию дискурса, понимаемого в трудах А.Е.Кибрика как коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст (Кибрик 1987). Дискурсивные явления имеют место в "человеческом пространстве" ("people space", по Harte, Gillet), создаваемом общающимися индивидами, играющими соответствующие коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические и др. роли (см.: Макаров 2003: 17).

Антропологизм в научном переводе означает, что создание текста перевода полностью зависит от способности переводчика понять исходный текст. Действительно, любое научное произведение ставит вопрос. Поэтому, если переводчик понял вопрос, поставленный исследователем, он воспринял его логику. Все это является "заготовкой" будущего текста перевода.

Антропологический аспект в научном переводе может быть рассмотрен в виде трех составляющих:

- 1) антропологической предопределенности текста оригинала;
- 2) антропологичности как переводческой потенции;
- 3) антропологичности как ментального начала в переводе.

Данные составляющие могут показаться очевидными. Но если мы рассмотрим их в свете современной методики перевода, то получим ответ на вопрос о специфике научного перевода в сравнении с другими его видами.

Антропологичность научного текста предопределена природой самой науки. По выражению академика В.И.Вернадского, наука — отражение человеческой личности, проявление человеческой мысли (Вернадский 2003: 193). Научный текст отражает потребность человека в знании. В аспекте перевода научные тексты можно назвать валидными (термин П.Ньюмарка), поскольку они изначально предполагают переводимость, характеризуются логичностью и другими параметрами научного изложения. Переводчик не может не учитывать типологические свойства научного текста, даже если в отдельном случае у него есть что противопоставить данной логике. Этот факт предполагает большую ответственность переводчика в трансляции именно данного параметра научного текста.

Антропологизм в научном переводе выражается в степени возможного (потенциального) выражения исходного смысла. Тем не менее специфика научного перевода заключается в

наиболее точной передаче исходного смысла, в противном случае перевод никогда не будет востребован в сфере социального. Речь идет о соотносительности двух пространств: индивидуального когнитивного пространства, определяемого как совокупность знаний и представлений, которыми обладает языковая личность, и коллективного когнитивного пространства, характеризующегося знаниями и представлениями, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум (Красных 2003: 61).

Антропологичность в качестве ментального начала научного перевода определяется как поиск **общей логики изложения** в исходном тексте, а также стремление переводчика "мыслить" вместе с автором оригинала. В этом отношении мы можем утверждать, что принцип антропологизма лежит в основе модели коммуникативных действий переводчика, поскольку его деятельность имеет своим результатом не только создание некоторого текста, но и входит в структуру самой научной коммуникации, по-своему придавая ей некоторую динамику и развитие. В данном случае мы имеем в виду создание единого переводческого дискурса, характеризующегося внутренним теоретическим единством входящих в него ментальных моделей.

Сказанное означает, что переводчик действует в рамках определенной идеи, или в пространстве идеи, поскольку имеет дело с текстом, содержащим *готовое* решение. Это, казалось бы, не открывает возможности порождения индивидуального смысла, а ограничивает переводчика воспроизведением готовых схем (стереотипизацией). Однако перед переводчиком стоит задача выявить и передать отношения между отдельными концептами. Это требует от него углубленной деятельности, связанной с освоением новых для него ("чужих") понятий специального знания и характеризующейся теми же параметрами, что и деятельность автора исходного научного текста. Поэтому неверным было бы полагать, что научный перевод осуществляется только в соответствии со стереотипными принципами. Данный тип деятельности воплощает как стереотипные (алгоритмические) принципы действия, так и свободные, творческие.

В условиях научного перевода переводчик, в отличие от автора текста оригинала, обладающего исследовательским опытом и мышлением, полагается лишь на мышление. Поэтому субъективные трудности научного перевода преодолеваются в основном за счет мышления. При помощи анализа исходного материала и соответствующих умозаключений переводчик воссоздает сделанное автором исходного текста научное открытие. Уверенность в адекватности своего текста оригиналу достигается путем постоянного сопоставления воссоздаваемого и исходного.

Задачей переводчика научного текста является выявление основы уже сооруженной ментальной конструкции, т.е. ее геометрии, основанной на логике. В этом смысле логика является аналоговым кодом для создания текста перевода. Известно, что большой трудностью в научном переводе является создание адекватного текста перевода. Эта трудность имеет прежде всего объективные предпосылки как следствие увеличения и усложнения человеческих знаний об окружающем мире. В связи с этим возрастает возможность неверного истолкования нового знания переводчиком, который не всегда может ориентироваться в ценностях, целях и оценках результатов научных исследований, излагаемых в научных текстах.

Выдвигая логичность в качестве основного критерия научного перевода, мы имеем в виду следующее. Какой бы способ презентации авторского знания ни избирал переводчик, главным для него является передача в тексте перевода исходных логических связей между понятиями. Данное утверждение может показаться противоречивым. Действительно, если логика предоставляет переводчику аналоговую систему мышления, призванную "выдавать" уже готовые решения, которые в известной степени ожидаемы переводчиком, то в чем заключается собственно творческое и неожиданное?

Безусловно, понятие научного перевода не сводится к процессу простого воспроизводства исходной логики. В ходе научного перевода происходит неизбежное столкновение аналогового и субъективного. Переводчик не может довольствоваться простой передачей логики, он пытается включить переводимые концепты в свою собственную систему знания. Поэтому в процессе научного перевода обнаруживается двоякая тенденция: 1) трансляция логического, объективного, 2) "онаучивание" субъективного компонента коммуникации. На наш взгляд, оппозиция между аналоговым и субъективным в научном переводе решается в пользу аналогового, поскольку этот фактор в конечном счете и определяет качество научного перевода, поскольку создает предпосылки вхождения текста перевода в научную сферу.

Полагаем, что в качестве основного фактора, помогающего переводчику создавать адекватные научные тексты, выступает логичность. Будучи типологическим параметром научной речи, она определяет общие принципы построения научного текста. Известно, что предложения языка

располагаются в логическом пространстве таким образом, что "структура отношений между предложениями во многом подобна структуре отношений между мыслями" (Дэвидсон 2003: 225). Логичность изложения далеко не "безразлична" к определению понятий, аргументации, причинно-следственной связи. Следовательно, именно данный параметр препятствует образованию несоизмеримых понятий в научном тексте, он же является критерием адекватности научного перевода.

На основании изложенного становится очевидным, что наибольшую трудность для переводчика представляет выявление концептуальной структуры исходного текста, основанной на логических отношениях, и ее адекватная передача в тексте перевода. Действительно, в научном переводе переводчик каждый раз сталкивается с абсолютно новым и беспрецедентным для него научным знанием. Поэтому он должен полагаться на свою способность приспосабливаться к новому знанию. На основании этого мы делаем вывод о том, что переводческая деятельность в сфере научного перевода является **адаптивной**. Адаптация, основанная на личном вмешательстве переводчика в новые концептуальные схемы, является творческим, эвристическим актом. Переводчик вынужден постоянно обогащать и оживлять свою концептуальную систему, усваивать новый научный опыт. Все это признаки интеллектуальной личности. С другой стороны, переводчику научного текста нужны навыки распознавания и идентификации исследуемого автором объекта или явления. Ошибки в этом плане полностью зависят от "человеческого фактора", т.е. от мыслительных способностей переводчика.

Приведем примеры. Известно, что основными типами логических связей являются отношения части и целого, а также родо-видовые отношения. Неудачи в переводе являются следствием неразличения концептуальных схем, или типов логической связи. Приведем пример переводческой ошибки, основанной на затруднении переводчика в понимании авторской логики:

*I believe in the fundamental value of a common language, as an amazing **world resource** which presents us with unprecedented possibilities for mutual understanding, and thus enables us to find fresh opportunities for international cooperation* (Crystal 1997: xiii).

*Я верю в основополагающую ценность всеобщего языка — этого удивительного **средства общения**, предоставляющего нам уникальные возможности для взаимопонимания и тем самым позволяющего открыть новые пути для международного сотрудничества* (Кристал 2001: 11).

В данном случае переводчиком допущена логическая ошибка, связанная с передачей типа связи. В исходном тексте актуализирован родовой компонент *world resource*, в то время как в тексте перевода использован видовой компонент *средство общения* родо-видового типа связи. Подобный вид ошибки наблюдается в следующем примере:

*A large part of my academic life, as a researcher of general linguistics, has been devoted to persuading people to take **language and languages** seriously, so that as much as possible of our linguistic heritage can be preserved* (Crystal 1997: xiii).

*Значительная часть моей научно-преподавательской работы как исследователя в области общей лингвистики посвящена стремлению убедить людей серьезно относиться **как к своему родному, так и к другим языкам** для максимального сохранения нашего общего языкового наследия* (Кристал 2001: 11).

В тексте оригинала слово *language* употреблено как обобщенное понятие, а слово *languages* имеет в данном контексте более конкретный смысл, т.е. отдельные национальные языки. В тексте перевода произошло нарушение передачи типа связи (общее — специальное). Как видно из данного примера, общий компонент связи переместился в позицию специального, что повлекло за собой изменение исходного смысла, связанного с проблемой глобализации английского языка.

Методика научного перевода должна строиться, на наш взгляд, с учетом **венатического** принципа (термин М.Морриса). В этом смысле логичность венативна по своей природе, поскольку она помогает переводчику, во-первых, распознавать новые объекты или явления, во-вторых, она способна "подбирать ключи" к новым теориям, идеям и ситуациям.

Подводя итоги, выразим следующее. Диалектика стереотипного и творческого в научном переводе заключается в том, что переводчик старается передать исходную информацию такой, какой она задумана автором. Одновременно он старается должным образом прояснить читателю незнакомое для него содержание исходной информации, вложив в нее свое понимание. Поэтому, с одной стороны, переводчик "видит" вещи через их стереотипизированное изображение (эффект глобального изоморфизма), навязанное автору предшествующим знанием, с другой — он способен воспринимать новизну знания. Антропологизм дает возможность осознать особенности мышления переводящей личности, почувствовать специфику отношений между автором оригинала и переводчиком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Л.М., 2002, Специфика научного перевода. Пермь.
- Дмитровская М.А., 2003, *Знание и мнение: образ мира, образ человека*, Логический анализ языка. Москва.
- Дэвидсон Д., 2003, Истина и интерпретация. Москва.
- Карасик В.И., 2003, *Речевое поведение и типы языковых личностей*, Массовая культура на рубеже XX-XXI вв.: Человек и его дискурс. Москва.
- Караулов Ю.Н., 2003, Русский язык и языковая личность. Москва.
- Клюканов И.Э., 1998, Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. Тверь.
- Красных В.В., 2003, "Свой" среди "чужих": миф или реальность? Москва.
- Кристал Д., 2001, Английский язык как глобальный. Москва.
- Кубрякова Е.С., 1995, *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)*, Язык науки конца XX в. Москва.
- Макаров М.Л., 2003, Основы теории дискурса. Москва.
- Мурзин Л.Н., 1985, *Текст как интерпретация текста*, Отбор и организация текстового материала в системе профессионально-ориентированного обучения: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь.
- Мурзин Л.Н., 1994, *Язык, текст и культура*, Человек – Текст – Культура: Сб. науч. ст. Екатеринбург.
- Сепир Э., 2003, *Статус лингвистики как науки*, Языки как образ мира. Москва.
- Сорокин Ю.А., 2003, Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. Москва.
- Фесенко Т.А., 2002, *Перевод в зеркале когнитивной науки*, С любовью к языку: Сб. науч. тр. Москва.
- Фуко М., 1994, Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. С.-Петербург.
- Щедровицкий Г.П., 1995. *"Человек" как предмет исследования*, Избранные труды. Москва.
- Crystal D., 1997, English as a Global Language. Cambridge.
- Newmark P., 2003, *No Global Communication Without Translation*, Translation Today. Clevedon—Buffalo—Toronto—Sydney.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

- Алексеева Л.М., 1998, Термин и метафора. Пермь.
- Алексеева Л.М., 1998, Проблемы термина и терминообразования: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь.
- Алексеева Л.М., 2003, *Терминоведение и философия*, Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 6. Пермь.
- Алексеева Л.М., 2002, *Метафоры, которые мы выбираем (опыт описания индивидуальной концептосферы)*, С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е.С.Кубряковой. Москва—Воронеж.
- Алексеева Л.М., 2003, *Cognitive Approach to Scientific Translation*, Terminology and Technology Transfer in the Multilingual Information Society. Proceedings of the 2nd International Conference in Terminology. Vienna—Riga.

КУЛЬТУРА ПИСЬМЕННОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ: СТЕРЕОТИПНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО

Письменная научная речь имеет своей целью создание текста как оформленного содержания. Содержанием научного текста является научное знание — всегда фрагментарное, представленное (имеющее форму) в виде объемного, многомерного, но в то же время композиционно целостного конструкта. Целостность научного знания (именно как содержания научного текста) предполагает проявление в текстопорождении композиционного мышления ученого (Свешников 2001). Представляется методологически ценной мысль автора (художника) о том, что к теме "композиционное мышление" необходимо подойти с нетрадиционной точки зрения, определяя термин "композиция" не только как главную форму [картины], но и как главную форму художественного диалога между творцом и зрителем. При этом основной задачей композиционного мышления А.В.Свешников считает организацию формы такого диалога.

Диалог творца и зрителя, творца и читателя (в сфере художественного творчества), автора-ученого и компетентного читателя (в сфере творческого научного познания) является эффективным, если обеспечивает понимание в соответствии с целью коммуникации. В свою очередь, характер понимания определяется целостностью содержания, соответствующей той модели, которая лежит в основе развертывания содержания автором и восприятия его читателем. Модель целостности содержания текста может относиться к одному из таких трех типов, как голографическая, континуальная и дискретно-логическая.

Голографическая модель целостности отражает такое соотношение единиц текста и целого текста, при котором структуры смысловой единицы и целого текста идентичны. Понимая модель

© М.П.Котюрова, 2004

смысловой текстовой единицы как целостность, легко проецировать эту модель на весь текст научного произведения. Соответственно: модель целостности текста предопределяет ту же модель целостности смысловой текстовой единицы.

Голографическая модель целостности содержания научного текста понимается нами следующим образом. Опираясь на исследования науковедов, мы учитываем, что целостное содержание текста всего произведения представляет собой фрагмент *знания*, поскольку по природе своей характеризуется в онтологическом, методологическом и аксиологическом отношениях. Кроме того, знание, эксплицированное в тексте (а мы только в такой форме его и рассматриваем), получает дополнительную квалификацию (сравнительно с той, которую дают науковеды) — коммуникативно-текстовую.

Все эти характеристики закономерно присущи именно научному знанию, полученному эмпирически либо теоретически, посредством наблюдения, опыта либо логически, выводным путем, зафиксированному в понятиях, суждениях, умозаключениях, в виде композиции, теории и закона, достоверному либо недостоверному (но обычно изложенному автором с меньшей степенью уверенности в его значимости) и т.д. При этом важно подчеркнуть, что онтологичность, методологичность, аксиологичность и коммуникативность присущи научному знанию любого объема, любой его составной части, любому компоненту. Отсюда мы и заключаем, что не только текст целого произведения, произведения в полном его объеме, но и структурно-текстовые единицы (в частности, уже известные в стилистике так называемые периферийные тексты — заглавие, оглавление, предисловие, выводы, заключение и др.), а также структурно-смысловые единицы, получившие название эпистемических ситуаций (ЭС), обладают *одними и теми же* параметрами. Значит, обращаясь к анализу любого отрезка научного текста — вплоть до целого текста — мы получим представление о его содержании, которое можно квалифицировать как научное знание с присущими ему атрибутами. Структура содержания в наиболее общих, существенных его чертах *едина* как для целого, так и для его частей. В этом и заключается принцип голографической модели целостности содержания научного текста.

Учитывая то обстоятельство, что в функциональной стилистике применительно к научному тексту определена смысловая единица, названная "эпистемической ситуацией" — ЭС (Котюрова 1988; 1996; Баженова 2001), здесь мы ограничимся уже данным определением трехаспектной

модели ЭС. Эпистемическая ситуация понимается в *единстве* онтологической, методологической и аксиологической сторон научного знания, формирующих качественно определенную целостность знания, эксплицированного такими текстовыми единицами разной степени сложности, как высказывание, сложное синтаксическое целое, концепция, теория.

В плане культуры письменной научной речи важно иметь в виду, что каждый аспект эпистемической ситуации может быть зафиксирован в тексте различными языковыми единицами [Комплексы этих языковых единиц подвергнуты анализу и интерпретации в качестве субтекстов в монографии Е.А.Баженовой (2001)]. Так, онтологический аспект ЭС представлен терминированными понятиями, которым присущи, но, к сожалению, не всегда точно установлены формально-логические или ассоциативные отношения. См., например: "Категориальный *анализ и синтез* субстанции текста — одна из важнейших проблем при разработке динамико-системного подхода..." — здесь нет отношений тождества, поскольку анализ и синтез *не* являются проблемой, а представляют собой процессы либо методы исследования объекта.

Методологический аспект ЭС соотносится с методами, способами, приемами получения нового знания и реализуется в тексте соответствующими лексическими единицами. В частности, **номинации** философских категорий, общенаучных и частнонаучных понятий используются при характеристике свойств исследуемого объекта. Свойства объекта (*свойство, качество, признак, характер, черта*) конкретизируются со стороны содержания (*сущность, природа*), формы, состава (*структура, строение, элемент, компонент*), генезиса (*генезис, происхождение, истоки*), отношений с другими объектами (*статус, положение, место; соотношение, связь, взаимодействие; единство, диада, триада; отличия, различия, специфика, особенность*), изменения (*становление, развитие, движение, изменение*), функции (*функция, роль*). Номинации этих аспектов описания объекта выражают познавательную стратегию автора, его категориальный профиль, эксплицированный в тексте произведения.

Вместе с тем понятно, что "пользоваться" этими и многими другими номинациями подобного типа следует вдумчиво, соотнося их между собой, "проверяя на точность" выражения мысли именно с научно-познавательной, эпистемической точки зрения. В противном случае точность восприятия с неизбежностью пострадает или не будет достигнута. На наш взгляд, приведенные ниже отрезки научной речи могут явиться иллюстрацией такого научно-стилевого отклонения от нормы: "Следует иметь в виду, что для конкретных внешних условий *наблюдаемый характер распределения* может быть термодинамически равновесным или, напротив, метастабильным" — обратим внимание на то, что не *характер* может быть *термодинамически равновесным* или *метастабильным*, а *распределение*; это предложение в исправленном виде может принять вид: "Следует иметь в виду, что в зависимости от конкретных внешних условий распределение [из контекста выше ясно, что речь идет о распределении атомов внедрения и структурных вакансий в кристаллической решетке нестехиометрических соединений. — М.К.] может быть термодинамически равновесным или метастабильным"; "Важной *чертой* динамической системности мы считаем протекающие в тексте "самодвижущие" *процессы*, определяемые нами как..."; "Стратификационная *модель* как текстовая категория"; "Высшая *степень пространственного порядка* наблюдается в кристаллах...".

Отметим, что *черта* в переносном значении, используемом в научной речи, — это 'особенность, отличительное свойство', *процессы* же не квалифицируются как *особенность* (в отличие от *процессуальный*→*процессуальность*). В других примерах: *модель* не может квалифицироваться в качестве категории, в то время как вполне можно моделировать категорию; не *степень* наблюдается, а *пространственный порядок* высшей степени наблюдается в кристаллах (как видим, смысловые "перевертыши" требуют редактирования).

Аксиологический аспект эпистемической ситуации связан с оценкой степени достоверности, аргументированности, актуальности, новизны и т.п., одним словом, значимости эксплицируемого знания для развития концепции. В этом отношении наиболее яркими, "сильными" лексическими единицами являются такие номинации этапов познавательной деятельности автора либо исследователя-предшественника, как *проблема, гипотеза, решение, доказательство, аргумент, явление, факт, необходимое, случайное, тип, концепция, теория, закон* и др. Важно, что лексемы имеют не только собственно научное значение, но и значение более распространенное, привычное — общеупотребительное, иногда даже разговорное (ср.: Для него английский *не проблема*). Мы говорим лишь о значении, используемом в научной речи, т.е. значении, ориентированном на научно-познавательный процесс.

В приведенных ниже контекстах представляется неудачным (неточным) употребление следующих номинаций:

– *концепция* вместо *гипотеза*: "Рассмотрение единиц поэтического текста основывалось на авторской *концепции* [в том же предложении ниже формулируется именно гипотеза. — М.К.], что любая единица ПТ любой природы участвует в процессах комплексного выражения поэтических смыслов";

– *явление* вместо *свойство*: "*Эстетичность* поэтического текста — *явление* комплексное"; "**Наличие** особого, поэтического *типа* мышления как одной из основных *разновидностей* языкового мышления [*тип* не может квалифицироваться как одна из *разновидностей*. — М.К.], собственно лингвопоэтическая **деятельность**, эстетическая **реализация** единиц вербального, паравербального и невербальных макрокомпонентов системы поэтического текста [сочинительный ряд сформирован из несоединимых понятий *наличие*, *деятельность* и *реализация*] обуславливают существование процессов [процессы не существуют, а происходят, осуществляются] поэтической **номинации**, **которая осуществляется на основе различных типов языковой номинации**".

Учитывая избыточность средств выражения мысли и неточное употребление некоторых номинаций, структурирующих научно-познавательную деятельность, последний фрагмент текста считаем возможным отредактировать следующим образом: "Поэтическое **мышление** как одна из основных разновидностей языкового мышления, собственно **лингвопоэтическая деятельность**, связанная с эстетической реализацией единиц вербального, паравербального и невербального макрокомпонентов системы поэтического текста, **обуславливает** процессы поэтической номинации, осуществляемой в соответствии с типами языковой номинации и включающей параязыковую и неязыковую номинации".

Еще пример: "При этом могут осуществляться *два основных типа укладки* анионов кислорода..." — вместо: "...*укладка двух типов*"; [Естественно, что в работе имеется немало подобных, т.е. правильно оформленных, конструкций; см., например: "Между соприкасающимися анионами расположены *пустоты двух типов*: тетраэдрические и октаэдрические"].

Итак, голографическая модель целостности смысла текста соотносится с эпистемическим (научно-познавательным) подходом к содержанию текста. В соответствии с этим подходом содержание текста соотносится с особой "качественной определенностью" — эпистемической. Эта качественная определенность понимается как научное знание, зафиксированное такой текстовой единицей (единицами), названной эпистемической ситуацией, которая выражена посредством молекулярного словосочетания, сложного синтаксического целого, целого текста. Она может быть выражена также посредством таких периферийных текстов, как заголовок, оглавление, аннотация и др. (Котюрова 1996). В контексте данной статьи существенно то, что каждый аспект эпистемической ситуации — онтологический, методологический, аксиологический — требует точного выражения с учетом целостности как отдельной ЭС, так и ЭС, представленной текстом в совокупности всех частных эпистемических ситуаций (Котюрова 1996).

Континуальная модель целостности содержания текста строится на основе "всеобщей" (хотя бы в рамках частнонаучного знания) связи компонентов знания. Отсюда "притяжение" различных компонентов знания, не всегда формально-логически относящихся друг к другу (см. о ситуации в русской науке и, соответственно, в формировании плотности научного текста в XVIII в.: Гиренко 2003). Можно сказать, что лишь "посвященный" увидит и различит в целостности этого типа функциональную, а именно эпистемическую, значимость компонентов содержания в силу их полифункциональности. Так, подробное описание географических наблюдений, химических и физических опытов важно и как частное знание, и как основание для выводов, обобщений, и в качестве обоснования выдвинутых гипотетических утверждений.

Кроме того, континуальная модель целостности содержания текста строится на основе "текучести" знания, притяжения подобного к подобному, нерасчлененности, слитности эпистемических характеристик, по существу невыраженности их связи, эллиптичности. Этой модели целостности текста соответствуют такие особенности текста, как — от противного:

1) отсутствие или неуместное употребление средств, выражающих и подчеркивающих логичность речи; см., например: "Многообразные *проявления полиморфизма* вызывают различные *подходы к классификации* полиморфных превращений" — с абстрактной, методологически насыщенной и в этом отношении точной номинацией *подходы* целесообразнее употребить глагол *обуславливают*, точно эксплицирующий логико-семантические отношения между абстрактными номинациями: *проявления полиморфизма обуславливают* подходы к

классификации; "Определяя *отличие духовного мира от структуры* сознания, хотелось бы подчеркнуть, что..." — номинация "структура" избыточна и порождает алогизм: с другой стороны, неполнота выражения мысли, также приводящая к алогизму: "*Структура* СиО *отлична* от многих *МО*" (пропуск лексемы "структура"); см. правильно построенное предложение: "Структура минерала ильменита близка к структуре корунда";

2) нечеткая дифференциация терминированных понятий на исходные, основные и уточняющие, т.е. "размытость" терминосистемы текста; см., например: "Таким образом, *особенности* координационного полиэдра как фрагмента структуры твердого тела *определяют специфику* энергетических соотношений и зонных *особенностей* **при анализе** таких **вопросов**, как превращения и термодинамические свойства оксидов" — получилось, что *особенности определяют специфику особенностей*, причем это "происходит" *при анализе вопросов*; предложение может быть исправлено так: *Таким образом, **при анализе превращений и термодинамических свойств оксидов установлено, что особенности** координационного полиэдра как фрагмента структуры твердого тела определяют специфику энергетических соотношений и зонные особенности кристалла оксида.* В этом варианте предложения связь терминированных понятий выражена более ясно (а не "размыто"): основное (определяемое, рассматриваемое) понятие — *координационный полиэдр*; исходные, не определяемые в тексте, — *оксиды, кристалл, твердое тело*; понятия, уточняющие основное, — *энергия, энергетические соотношения, зонная структура*;

3) излишняя номинативность, в силу синтаксической нерасчлененности формирующая "молекулярные" словосочетания (с управлением) и затрудняющая установление читателем исходной связи. Например: "*К выводу о возможности объяснения теплоемкости ионно-атомно-ковалентных веществ с позиций предположения о существовании определенных группировок в структуре оксидов металлов пришел Р.А.Мюллер*" — из 19 словоупотреблений в этом предложении 12 имен существительных, 2 прилагательных, 5 предлогов и 1 глагол, значит, налицо подчеркнутая номинативность высказывания. На наш взгляд, в некоторых случаях здесь номинативность избыточна, поэтому считаем возможным придать высказыванию более динамичную форму, заменив отглагольные существительные глагольными формами. В таком случае предложение может принять вид: *К выводу о возможности объяснить теплоемкость ионно-атомно-ковалентных веществ, предполагая наличие определенных группировок в структуре оксидов металлов, пришел Р.А.Мюллер.*

См. также: "Частичное замораживание колебательного движения в кристаллах можно представить *в виде* наличия между атомами жестких координационных связей" — **лучше**: *...можно представить в виде жестких координационных связей между атомами/атомов.* И далее: "Этот вывод вполне согласуется с *возможностью объяснения тепловых свойств с точки зрения особенностей координационного кислородного полиэдра*" — **вместо**: *...зависимостью тепловых свойств от особенностей координационного кислородного полиэдра.*

Приведенный ниже фрагмент текста предоставляет возможность проиллюстрировать реализацию континуальной модели целостности содержания текста. Причем эти особенности переходят в отклонения от культурно-речевой нормы: "*Методика динамико-системного интерпретационного анализа и синтеза разрабатывается в рамках динамико-системного подхода. Ее отличие от других методик определяется органическим сочетанием динамико-структурного (деривационного) анализа текста с опорой на категорию симметрии-асимметрии с изучением интегративных процессов в системе и функционально-коммуникативной интерпретацией динамических процессов, включая целесообразное поведение системы, с учетом действия закона борьбы противоположностей*".

Здесь первое предложение тавтологично, малоинформативно, второе же слабо структурировано, поскольку однородные дополнения разных уровней связи распространены согласованными и несогласованными определениями, при которых трудно найти однородные члены и установить связь между ними. "Монолитно" построенное предложение, грамматически правильное, функционально нецелесообразно, поскольку противоречит закону экономии не только речевых усилий, но и восприятия речи. При "тоталитарной" номинативности использование одних и тех же падежных форм имен неизбежно, поэтому вполне возможен (и объясним) сдвиг связей этих форм, что приводит к искажению смысла. Осознание неправильности связей вызывает "челночное" чтение, которое, в свою очередь, отнюдь не способствует "легкому" контакту читателя с автором.

На примере приведенного предложения рассмотрим более подробно номинативность, с которой соотносится континуальная модель содержания. Насыщение предложения именными

словосочетаниями легко приводит к "злоупотреблению" ими: ...отличие...определяется...сочетанием...анализа текста с опорой на категорию... с изучением...и...интерпретацией..., включая...поведение системы, с учетом действия закона борьбы противоположностей. Подчеркнуто именной характер предложения затрудняет вычленение атомных и молекулярных словосочетаний и их связь в смысловую целостность. Здесь молекулярные словосочетания можно выделить, но невозможно четко дифференцировать:

анализ текста

анализ с опорой на категорию...

сочетанием анализа с изучением

[лексико-семантически некорректно, поскольку анализ —

видовое понятие по отношению к родовому изучение]

изучением интегративных процессов

изучением в системе (? — вполне возможно)

1) [или]

интегративных процессов в системе

(? — вполне возможно)

сочетанием... с изучением

сочетанием... с интерпретацией (? — вполне возможно)

2) [значит,]

сочетанием... с изучением.. и интерпретацией

[или]

определяется сочетанием... и интерпретацией

(? — вполне возможно)

Анализ связей словосочетаний не приводит к однозначному ответу о роли союза **и** (какие члены предложения он соединяет). Не ясна также функция обстоятельственного детерминанта *с учетом действия закона борьбы противоположностей*: относится ли он ко всему предложению, поскольку находится в конце его, или только к определяемому слову *интерпретацией* (какой?) *с учетом действия закона борьбы противоположностей*.

См.: сочетанием и интерпретацией

с учетом действия закона

борьбы противоположностей

3. [или]

сочетанием и интерпретацией

с учетом действия закона

борьбы противоположностей

На этом основании можно считать, что данное предложение нуждается прежде всего в авторском редактировании, так как любой вариант правки, сделанной редактором, может оказаться не соответствующим замыслу автора. Можно сказать, что континуальная модель содержания целостности текста имеет определенные достоинства, такие как лаконичность формы, экономия средств выражения и т.п. Вместе с тем "заполнение" этой модели языковыми единицами требует от автора внимания не только к "строительному материалу" речи, в частности, словосочетаниям, но и к точному выражению связей между словосочетаниями. Предложенный вниманию читателя пример свидетельствует о том, что "перегрузка" именными словосочетаниями "молекулярной" смысловой структуры со стороны автора неизбежно влечет за собой неясность выражения мысли, а со стороны читателя — непонимание смысла текста.

Естественно, что сама по себе континуальная модель целостности текста не хороша и не плоха. В культурно-речевом плане важно то обстоятельство, что эта модель, как и рассмотренная выше голографическая модель целостности текста, имеет свойства, которые необходимо учитывать при изложении содержания, соответствующего именно континуальной модели целостного содержания текста.

Дискретно-логическая модель целостности содержания текста реализуется в разных жанрах научного стиля речи в зависимости от структурированности предмета мысли, а также и самого процесса мысли. Особое влияние оказывают: 1) эмпирический либо теоретический *уровень* познавательной деятельности автора, получающий отражение в тексте; 2) *вид* дисциплинарного научного знания (область науки); 3) *этап* получения научного знания: наука "переднего края", ядро научного знания, история научного знания; естественно, что научное знание "переднего края"

науки не может быть четко структурировано, в то время как знание, относимое науковедами к "ядру", напротив, представляет собой именно структурно организованное целое. См., например: классификация видов Дарвина, гипотеза Сэпира—Уорфа, теорема Пифагора, эффекты Шоттки, теория морфологических категорий А.В.Бондарко и т.п.; 4) замысел автора, его индивидуальная оценка актуальности, значимости, достоверности старого, полученного предшественниками, знания, необходимого для развиваемого автором нового; в этом плане характерно обоснование неизбежно направленного отбора материала, который *"отвечает"* научным и педагогическим интересам автора" (Резницкий Л.А., 1991: 3); кроме того, стиль мышления ученого — континуально-психологический либо дискретно-логический.

Дискретно-логическую модель целостности содержания текста, на наш взгляд, можно представить в виде упаковки структурно определенных компонентов текста: вновь вводимые термины имеют определения, связаны с известными (фоновыми) терминами-понятиями, причем связи непосредственно эксплицированы, уточняющие терминированные понятия ясны из контекста — одним словом, термины, составляющие онтологический аспект содержания текста, представляют собой упорядоченную терминосистему; изложение содержания подчинено формально-логическим закономерностям, причем логичность изложения является доминирующей стилиевой чертой; композиция каждого компонента текста (от высказывания, сложного синтаксического единства, до текста целого произведения) имеет преимущественно легко обозримую дифференциацию по уровням членения, поддерживаемую такими периферийными текстами, как оглавление, предисловие, заключение, выводы и др.

Приведем один из ярких примеров. В оглавлении дано:

Глава 9. Типы базисных конструкций предложения

9.1. Эргативная конструкция

9.2. Аккузативная конструкция

9.3. Активная конструкция

Текст главы 9 начинается со следующего установочного высказывания: "В настоящей главе будут рассмотрены свойства *основных типов синтаксических конструкций*, лежащих в основе базисных предложений естественных языков — *эргативной, аккузативной и активной*" (Кибрик А.Е., 2003).

Именно формально-логическая организация текста предпочтительна в текстах экспериментальных статей, в которых требуется логическое обобщение данных, полученных в ходе эксперимента, т.е. изложение выводного знания, а также в текстах произведений, например, учебных пособий, ориентированных на экспликацию по существу вторичного знания.

По нашим наблюдениям, овладение культурой письменной научной речи начинается именно с осмысления дискретно-логической модели целостного содержания текста. При этом отклонения от нормы носят общеречевой, а не научно-стилевой характер, поэтому легко объяснимы и устранимы, хотя иногда остаются незамеченными. См., например, очевидный "логический круг": *"Методика динамико-системного интерпретационного анализа и синтеза разрабатывается в рамках динамико-системного подхода"*.

"Динамическая системность — это фундаментальная текстовая категория, потому что она выражает то свойство, благодаря которому мы относим объект к динамическим системам" — [союз со значением причины] *потому что* *вводит объяснение определения "фундаментальная"*, *однако объяснение оказывается вовлеченным в "логический сдвиг"* [фундаментальная категория, поскольку связана с динамическими системами (?)]. *Представляется формально-логически неверным относить к текстовым категориям динамическую системность на том основании, что "она [динамическая системность] выражает (?) — (какими средствами?) то свойство, благодаря которому мы относим объект к динамическим системам"* — при чем тут текстовая категория? Как видим, логический сдвиг прошел незамеченным и оказался в опубликованной книге.

Требовало пристального внимания автора или редактора и приведенное ниже предложение, в котором употреблены логически не обоснованные определения, неточно выражены логико-семантические отношения между понятиями. *"Описать динамическую системность — это значит [только по мнению автора] описать движение системы в доминантных [не обосновано, почему в доминантных] линиях развития [развития чего?] в их соотносительности с недоминантными системами и хаотическими линиями движения [движения чего?]. Такой подход [подход к чему?] позволит вскрыть не только причины [= условия] целостности объекта, выражению [= объяснению] динамико-целевой [не обосновано, почему целевой] целостности"*

текста, но и выявить [вместо: не только вскрыть причины, но и выявить...] динамическую открытость и закрытость системы, моделируя симметрию-асимметрию его сторон".

Замечаниями в квадратных скобках мы обращаем внимание на недочеты при выражении мысли автора, которые достаточно легко устранимы.

В заключение особо подчеркнем исходную мысль о трех типах моделей целостности содержания текста: голографической, ориентированной на специфическое, а именно эпистемически *членимое* содержание научного текста — континуальной, акцентирующей именно эпистемическую нерасчлененность содержания текста — научного знания; — дискретно-логической, объединяющей различные компоненты содержания текста как на формально-логической основе, так и на эпистемической (научно-познавательной).

Таким образом, активное владение научным стилем речи (научно-стилевой культурой письменной речи) накладывает на автора определенные ограничения, связанные с выражением мысли: стремитесь к точности, учитывая значения терминов и специфические, эпистемически направленные, значения слов широкой семантики; достигайте полноты изложения, но не допускайте избыточности; стремитесь к лаконизму речи, но не за счет неясности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баженова Е.А., 2001, Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь.
Гиренко Л.С., 2003, *Лексические средства выражения плотности содержания (в русских научных текстах XVIII века)*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. проф. М.П.Котюровой. Вып. 6. Пермь.
Котюрова М.П., 1988, Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). Красноярск.
Котюрова М.П., 1996, *Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения*, Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Под ред. проф. М.Н.Кожиной. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 1. Пермь.
Резницкий Л.А., 1991, Химическая связь и превращения оксидов. Москва.
Свешников А.В., 2001, Композиционное мышление. Москва.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

- Котюрова М.П., 1998, *Многоаспектность явлений стереотипности в научных текстах*, Текст: стереотип и творчество. Пермь.
Котюрова М.П., 2000, *Некоторые принципы формирования индивидуального стиля речи ученого*, Стереотипность и творчество в тексте. Пермь.
Котюрова М.П., 2001, *Творческая индивидуальность и цитирование*, Стереотипность и творчество в тексте. Пермь.
Котюрова М.П., 2002, *Научная коммуникация и толерантность*, Стил: Международный журнал. № 1, Гл. ред. М.Ж.Чаркич. Белград – Баялука.
Котюрова М.П., *Научный текст в культурно-речевом аспекте (Стереотипность и ее творческое преодоление)*. В печати.

ОЦЕНКА МНЕНИЙ О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Чужое мнение является одним из предметов оценки журналиста. Действительно, на страницах газет не может не отражаться реально существующее столкновение различных взглядов, идей, мнений. В обществе неизбежно появляется потребность не просто в демонстрации противоположных воззрений, но в оценке зачастую идейно несхожих позиций, в интерпретации чужих мнений с тех или иных позиций. Своеобразие таких текстов состоит в том, что они выстраиваются в диалоге не только с концепцией адресата, но и с позицией "третьего" лица, что выражается в форме диалогичности "Я–ОН–ВЫ". Носители чужого мнения ("ОН") в газетных текстах могут быть представлены по-разному: определенными субъектами и неопределенно, обобщенно, некой суммой лиц, дающих факту действительности одинаковую оценку. Как известно, в газетных текстах получают оценку публичные выступления, публикации прессы, документы, статьи, книги и т.д. Соответственно, различным образом представлено и само чужое мнение и его оценка: если мнение оформлено в виде законченного высказывания, журналист оценивает аргументацию, приведенную в этом высказывании; если оно оформлено как фрагмент общественного мнения, журналист выделяет в нем какую-либо особенность и характеризует ее.

Специфика журналистского исследования состоит в том, что оно ведется в условиях различия мнений в обществе по обсуждаемым в прессе вопросам, задача журналиста в этих условиях — высказать и обосновать мнение той или иной стороны и привлечь на свою сторону, по возможности, как можно больше единомышленников, убедить их в правильности своей позиции. Однако различие подходов к оценке действительности предопределяет формирование проблемной ситуации, которая возникает в тот момент, когда журналистская оценка предмета речи вступает в противоречие с уже имеющимися. Так, журналист оказывается в проблемной ситуации, когда возникает необходимость проанализировать точку зрения оппонента. Все это выступает основой формирования речевого жанра "Оценка высказываний и мнений о действительности", цель которого — проанализировать чужое мнение и дать ему оценку.

Данная жанровая модель реализуется в современной газете в двух формах. Во-первых, чужая позиция может оцениваться "третьими" лицами, экспертами. В таком случае диалогичность принимает форму "ОН¹–ОН²(эксперт)–Я–ВЫ". Право оценивать чужую позицию предоставляется компетентному лицу. Журналист выступает лишь транслятором оценки, сделанной экспертом, тем самым создается впечатление объективности изложения. Понятно, что редакция разделяет это мнение: материал обычно публикуется на первой полосе, занимает большую площадь, к его восприятию читатель подготовлен предыдущими публикациями, но внешне экспликация мнения выглядит беспристрастной. Такой характер оценки свойствен, например, газете "Коммерсант", в последний год — "Независимой газете". Однако более распространен второй вариант оценки, когда оценивающий субъект — журналист (диалогичность в этом случае предстает в форме "ОН–Я–ВЫ"). Конечно, при оценке чужого мнения журналист преследует цель утверждения своего мнения. Адресант демонстрирует слабые стороны оцениваемой точки зрения таким образом, чтобы в конечном счете адресат стал единомышленником автора, разделил его точку зрения и принял его позицию.

Конечная цель журналиста — выработка общей с читателем оценки предмета речи. Композицию речевого жанра можно представить как типовую текстовую структуру, в которой реализуется совокупность коммуникативно-речевых действий, позволяющих достичь общей жанровой цели. Под речевым действием мы понимаем звено социокультурной деятельности, которая осуществляется в публицистической сфере общения для достижения той или иной коммуникативной цели, т.е. отдельное действие, реализующее конкретную подцель. Жанровая модель строится с помощью субжанровых циклов, которые, в свою очередь, реализуются через интенционально связанные элементарные диалогические циклы. Жанр реализует свою информационно-воздействующую целеустановку через демонстрацию с помощью регулятивов соотношения различных смысловых позиций. Элементарные циклы используются для разъяснения, уточнения адресату отдельных сторон смысловой позиции. Порядок следования

субжанровых и элементарных циклов воспроизводит образ действий, порядок отношений, способ достижения жанровой интенции.

Для решения поставленной задачи — оценки чужого мнения — в журналистике выработана жанровая схема, включающая следующие диалогические циклы: 1) "сообщение — его коррекция", т.е. сообщение о событии, давшем повод для оценки; 2) "сообщение — оценка", т.е. прояснение наиболее спорной стороны (сторон) в чужом мнении и оценка способа его сообщения; 3) "авторская оценка — ее объяснение", т.е. определение степени истинности и полезности чужой позиции и объяснение читателю этой оценки.

В качестве иллюстрации приведем ряд публикаций: а) "Выручка ЮКОСа не считается" (Коммерс. 16.01.04), в которой излагается содержание возражений юристов НК ЮКОС по акту проверки компании Министерством по налогам и сборам; б) "Подоплека "зеленых" страстей" (Век. № 4. 2002), в которой автор оценивает публикации в СМИ, посвященные визиту в Москву министра экономики Болгарии. В этих материалах диалог развивается по форме "ОН¹–ОН²(эксперт)–Я–ВЫ", где роль журналиста сводится к воспроизведению для читателя диалога ""ОН¹–ОН²

(эксперта)". Здесь речевая тактика ведения диалога отличается от других реализаций модели, о которых пойдет речь далее. В следующих публикациях диалог развивается по форме "ОН–Я–ВЫ": в) "История, которая убивает" (Независ. газ. 11.06.99), где автор оспаривает идеи, высказанные в статье доктора исторических наук Е.Н.Гуськовой. В текстах оценочных жанров, в которых модель имеет статус субжанра, чужое мнение представлено обобщенно, бессубъектно, поскольку в них ведется спор с распространенным мнением.

Первый субжанровый цикл — "сообщение — его коррекция" — содержит сообщение об информационном поводе для оценки. В первом тексте первый цикл выражен в виде:

"Б" стало известно содержание возражений НК ЮКОС по акту проверки компании Министерством по налогам и сборам. Напомним, по итогам этой проверки МНС обвинило ЮКОС в неуплате налогов на сумму 98 млрд.руб. Юристы компании считают, что претензии предъявлены не по адресу, не в должном порядке, а в акте проверки допущено огромное количество ошибок, в том числе арифметических.

В данном цикле сообщается информация о факте взаимодействия смысловых позиций "ОН¹–ОН²", что выражено в двух конструкциях "первый субъект речи + глагол речи", "второй субъект речи + глагол мысли". Регулятивами, выражающими отношение этих позиций друг к другу, выступают глагол речи *обвинило*, а также частноотрицательные конструкции, направленные на оценку способа действий второй стороны.

Во фрагменте статьи "История, которая убивает", представляющем первый цикл жанра, чужая речь вводится цитатой, несогласие с содержанием которой стало информационным поводом для журналистского выступления:

В статье ... доктор исторических наук Гуськова впервые четко формулирует вопрос, который в расплывчатой форме просматривался во многих репортажах и статьях, посвященных войне в Югославии: "Могут ли американцы вмешиваться в дела народов бывшей Югославии, не имея никакого представления об истории Балкан?" Ответ Гуськовой однозначно отрицателен, и в качестве довода она излагает краткий курс сербской истории. Как сам ответ, так и довод вызывают определенные возражения.

В этом примере автор сразу указывает направление своей оценки. Для передачи позиции оппонента используется пересказ, причем чужая позиция расчленяется на *ответ на вопрос*, *довод*, *курс истории*.

© Л.Р.Дускаева, 2004

Как видно из фрагментов, в данной модели первый цикл представляет собой основную идею высказывания, оформленного в первом и втором текстах в виде документа, в третьем — в виде устного выступления, в четвертом — в виде статьи. Ответную позицию представляет оценка способа сообщения и выражение отношения к высказыванию: в первых двух текстах — со стороны эксперта, в последних двух — со стороны самого журналиста.

Цель второго субжанрового цикла жанровой модели — "сообщение–оценка" — воспроизвести чужую речь (факты и аргументы) и оценить способ ее сообщения, выразить отношение к ней. Обычно этот цикл выражается через несколько элементарных интеракций.

В первой интеракции первого текста чужая речь представлена в цитате и оценивается с позиции "третьего" лица — эксперта:

По мнению юристов ЮКОСА, по итогам такой проверки МНС не имело права доначислять, а могло лишь... ЮКОС не согласился с выводами... Претензии ЮКОСА к проверяющим из МНС, как следует из направленного в министерство документа, можно разделить на четыре части.

Как видим, здесь вновь используется композиционный прием "расчленение на части", содержащий мнение=аргумент, поскольку далее следуют четыре группы возражений. Текст соответственно распадается на четыре части:

В первую очередь ЮКОС возражает против того, что при расчете дополнительно начисленных налогов ему приписали выручку 14 компаний, не являвшихся в 2000 году зависимыми от него. Вторая часть возражений — арифметические ошибки, найденные ЮКОСом в тексте акта проверки... Третья часть — возражения против вывода МНС о... Наконец, четвертая часть возражений — претензии к порядку проверки.

Для обоснования претензии анализируются документы, что требует ввода цитат, косвенной речи. Несогласие с выводами МНС выражается главным образом отрицательными предложениями, которые характеризуют эти выводы как неадекватные, противоречащие норме.

В третьем тексте также несколько интеракций, две из них:

Начнем с самого простого — исторического аргумента. Доктор наук Гуськова приводит "героическую" версию сербской истории: не искажая исторических фактов, она игнорирует те из них, которые не укладываются в миф о народе-титане... Следующий спорный тезис: битва на Косовом поле открыла Османскому царству дорогу в Европу. Битва на Косовом поле была одним из важных, но не решающих для судьбы региона событий. Например, за 18 лет до Косовского сражения... турки разгромили сербов в битве..., последствия которой со стратегической точки зрения имели гораздо большее значение...

Несогласие с оцениваемой позицией иронично выражено словом в кавычках, указывающим на наиболее спорный момент в чужой идее, подчеркивается противительным союзом *но* и частицей *не*, формой сравнительной степени прилагательного. Сама позиция охарактеризована оценочной лексемой *миф*, которая свидетельствует о сомнении автора в истинности высказанных проponentом утверждений.

Как мы уже сказали, в других оценочных жанрах данная модель используется как субжанровый цикл. Рассмотрим один из таких примеров. В публикации "Успехи без головокружения" (Литер. газ. 10–16.12.03) соответствующий цикл реализован следующим образом:

Не согласен с мнением, что на самом деле результаты выборов ни о чем не говорят, что беспрецедентное административное давление Кремля дает искаженную картину о подлинных настроениях в обществе. Это неправда. Сам по себе административный ресурс не смог повлиять на настроения.

Стимулирующая реплика представлена в косвенной речи, ответная — предложениями с отрицательным смыслом. Чужая позиция обозначена лексемой *мнение*. Позиция "третьего" лица оценивается как неистинная, что подчеркивается соответствующей лексикой, а также предложениями с отрицаниями.

В другом материале "Спецприемник для белорусской демократии", построенном по модели "Оценка явления", субжанровый цикл состоит из нескольких интеракций. Первая интеракция эксплицирует диалогичность "Я¹–Я²–ВЫ":

Казалось бы, почему белорусский режим так жесток к мирным демонстрантам? Ну походили бы по улицам, покричали бы лозунги, замерзли бы да и разошлись с миром. Так нет же! ОМОН, внутренние войска, суды... Зачем? Да затем, что режим боится.

Взаимодействие позиций представлено в вопросно-ответном комплексе. В следующей интеракции стимулирующая реплика введена пересказом и отмечена частицей *мол*, носитель позиции представлен обобщенно:

Анекдоты насчет белорусского менталитета помнят все еще с перестроечных времен. Про кнопки, подложенные на кресла депутатов Верховного Совета СССР: все в знак протеста покинули парламент, а белорус поерзал-поерзал — да и остался. Или вот такое психологическое наблюдение: белорусы, мол, способны выйти на улицу, только если в стране начнется голод, а голода не будет никогда, поскольку запасы картошки в Белоруссии безграничны. Это все чушь собачья. Белорусы — протестный народ. В XIX веке восстания в Белоруссии вспыхивали каждые 30 лет — как только выросло новое поколение мужчин. И партизанское подполье во время Отечественной войны самым сильным было в Белоруссии. Так что пусть подвинутся на краешек те, кто считает, что к нам можно прикасаться лишь носком сапога или ментовской дубинкой. Дубинка — дура. И те, кто считает белорусский народ мямлями, — тоже дураки.

Полемика с чужой позицией ведется предельно заостренно, с использованием сниженной лексики и фразеологии, а также посредством противопоставлений.

Таким образом, второй цикл модели представлен двумя репликами — стимулирующей и реагирующей. Стимулирующая выражается разными способами передачи чужой речи, ответная — разными тактиками ее отрицательной оценки. Несогласие с чужими позициями и ментальными действиями выражается отрицательно-оценочной лексикой и отрицательными предложениями, которые служат здесь регулятивами.

Третий цикл модели — "оценка — ее объяснение" — направлен на то, чтобы представить смысловую позицию автора или эксперта. В стимулирующей реплике этого цикла содержатся аргументы возражающей стороны, в реагирующей — их обоснование. Для того чтобы предупредить возражения оппонента, осуществляется ответное обоснование в полемическом диалоге с оппонентом, диалог связан дополнительными интеракциями, ответная сторона которых — оценочная.

В первом тексте, как мы уже отметили, субжанровый цикл представлен несколькими элементарными интеракциями. В качестве иллюстрации приведем одну:

*Вторая часть возражений — арифметические **ошибки**, найденные ЮКОСом в тексте акта проверки. Простое сложение сумм доначислений в таблице, приложенной ЮКОСом к возражениям, дает основную сумму недоимки в 47,077 млрд.руб., а в акте указана сумма в 47,217 млрд. руб., то есть ЮКОСу насчитали по крайней мере на 140 млн.руб. (\$4,8 млн) больше. ЮКОС нашел также ошибки в ставках пеней по неуплате по налогам на прибыль, ошибочное доначисление...и неверные расчеты по налогооблагаемой прибыли...*

Позиция эксперта обосновывается арифметическим подсчетом; на противопоставленность позиций указывают следующие регулятивы: противительный союз *а*, форма сравнительной степени наречия (*больше*), акцентные средства *по крайней мере*, оценочная лексика *ошибки*, *возражения*, *ошибочное*, *неверные*, пояснительная (с союзом *то есть*...), вставная конструкции.

Во втором тексте обоснование оценочной позиции автора ведется в споре с оппонентом и выражается чередованием двух "голосов":

*Первый элемент этого мифа: историческое право сербов на Косово... даже **если принять за рабочий вариант последнюю версию** (предложенную оппонентом. — Л.Д.), предки сегодняшних албанцев были близкими родственниками иллирийцев, чего **никак нельзя сказать о сербах**. Иными словами, **исторические претензии косовских албанцев на Косово могут оказаться не менее обоснованными, чем сербов**.*

Но иногда автор открыто демонстрирует свою позицию:

*От себя добавлю, что **не вижу никакого смысла в историческом оправдании претензий на ту или иную землю — ее судьбу должны решать живущие на ней люди**.*

Акцентуация наиболее важного для журналиста момента в позиции оппонента здесь выражается эмоционально, для чего используется форма превосходной степени прилагательного:

*Рассмотрим **самый щекотливый** элемент в повествовании... — героика Косовской битвы...И, наконец, **доктор обходит молчанием** причины, приведшие к тому, что сербы стали меньшинством в Косово...*

Полемичность выражена в насыщении речи отрицаниями, противопоставлениями:

***Я привел эти достаточно хорошо известные любому историку факты лишь для того, чтобы повторить банальную истину — нет героических народов, равно как нет подлых народов. Сербы — не мифические титаны, они такие же люди, как и все остальные. Их история полна как героизма, так и предательства**, что, наверное, можно сказать о любом народе...Любой государственный деятель прекрасно понимает, что на Балканах разговоры об "истории, каких-то войнах, геноциде" приводят к гибели людей, которые живут сегодня.*

Аргумент вводится конструкцией "модальное слово + инфинитив":

*В заключение **я хотел бы вернуться** к вопросу, вынесенному в заголовок статьи. В 1991 году русские отдали Нарву, Брест, Полтаву, Севастополь и Киев. **Утрата мест, где русские в прошлом понесли жестокие поражения или одержали славные победы, где находится колыбель русской государственности...**, не была безболезненной, однако при этом не была пролита ни одна капля крови ни русских, ни украинцев, ни белорусов, ни эстонцев. И это дает основания оптимистически смотреть на будущее русского народа, сумевшего накопить достаточно мудрости, чтобы преодолеть болезнь, именуемую "история".*

Как видим, основная идея автора о том, что "судьбу своей земли должны решать живущие на ней сегодня люди", обосновывается в полемике с теми, кто пытается идеологически и исторически обосновать необходимость кровопролития. Авторская позиция подчеркивается активным использованием оценочных интенсификаторов.

Обратимся к статье "Успехи без головокружения", в которой третий субжанровый цикл выражен еще более полемически заостренно, чем в предыдущем тексте. Позиция "третьих лиц" представлена номинацией их политического статуса — *правые*, именами собственными (*Борис Немцов, Анатолий Чубайс*), местоимениями третьего лица, но сразу с авторской оценкой:

На выборах победили, прошли в Думу те, кто имеет имидж патриота, защитника национальных интересов России. Либералы проиграли потому, что чурались патриотических лозунгов, не могли переступить через свои идейные пристрастия.

В следующей цепочке вопросительных предложений выражена полемика с теми лозунгами СПС, под которыми эта партия шла на выборы. Семантическая структура этих предложений такова: в теме предложения — тезисы предвыборной программы лидеров этой партии, в реме же развенчания этих тезисов, что создает особый и яркий стимулирующий эффект, делает высказывание экспрессивным:

Разве можно напугать нищего и убогого человека полицейщиной? Он нуждается в настоящих полицейских, которые могли бы сохранить жизнь ему и его детям. Ведь у него нет охранников, как у Бориса Немцова и Анатолия Чубайса, которые дено и ноцно стерегут их покой. Разве можно напугать мнимой угрозой национал-социализма те 20 миллионов, которые вычеркнуты из общественной жизни и живут, как в XV веке, натуральным хозяйством?! Зачем было Кремлю "искусственно разжигать классовую ненависть", о чем накануне выборов говорил Борис Немцов? Разве дикий, чудовищный разрыв между миллиардными доходами спонсора СПС и "Яблока" Михаила Ходорковского и доходами миллионов пенсионеров и бюджетников сам по себе не является термоядерной бомбой, заложенной под нашей хрупкой стабильностью?

Вопросительные предложения выстроены анафорически, отсюда — настойчивое, убежденное звучание выносимой лидерам СПС оценки. В другом высказывании слова оппонента заключены в оценочную рамку:

Есть какое-то глубинное презрение к простому человеку в заявлении Бориса Немцова, что произошедшая в 2003 году индексация пенсий сняла все основания для социального недовольства неимущих. Получается как у тех, кто любил девиз "Каждому свое". Пенсионер должен быть счастлив тем, что его доходы выросли аж на 5 долларов в год, и ему согласно убеждению нашего либерала не должно быть никакого дела до того, что Абрамович за сотни миллионов долларов скупает особняки в Лондоне, что наша элита жирует напоказ.

Разговорные средства придают отрывку эффект интимизации изложения.

Остро, порою запальчиво отстаивает свою позицию журналистка И.Халип в публикации "Спецприемник для белорусской демократии". В ее рассуждении слышны "голоса" многих оппонентов — обывателя, селян, даже матери, но самый громкий голос — автора, не смирившегося с тем, что попирают его элементарные права:

Конечно, спорный вопрос, стоит ли вообще выходить на улицы. Зачем подставляться под омонские башмаки, кантоваться в карцере? Кому от этого легче? Разве село, души не чающее в этой власти, прозреет? Помню мамин крик в телефонной трубке: "Мне осточертело узнавать о том, что тебя задержали, по радио! Вот хватит меня кондрашка — и задумаешься, стоила ли того твоя демократия!". Но каждый, кто выходит на улицу, уже успел сильно задуматься. И вот что получается. В других странах средства массовой информации представляют разные точки зрения. В парламентах представлены разные фракции. В Белоруссии, кроме пары газет с небольшими тиражами, вся независимая пресса закрыта судебными решениями, а в парламент — к слову, не признанный в мире, — тщательно отобраны верные лукашенкоцы. И выразить несогласие со свинячьей жизнью можно только во время уличных акций. Потому так популярна в Белоруссии уличная демократия, хотя, возможно, москвичам она и кажется наивной спустя 12 лет после августовского путча. Но даже теперь — вряд ли бессмысленной.

Полемическая заостренность — черта многих журналистских выступлений, однако возможность выйти на разговор с оппонентами вот так, лицом к лицу, предоставляется именно в данной жанровой модели — оценочной, и ею активно пользуются журналисты, стремясь убедить читателя в правильности своей позиции.

Чтобы развенчать чужую позицию и, что особенно важно, убедить читателя в своей правоте, в журналистике используется еще одна тактика, когда автор направляет свою оценку на выяснение причин формирования позиции оппонента. Именно такая тактика применена в публикации "Подоплека "зеленых" страстей":

После сказанного резонный вопрос: откуда такой шум?

Первая смысловая позиция представлена предположением, акцентируемым с помощью специального вводного слова; затем предположение обосновывается:

Казалось бы, налицо обычная практика, принятая во всех, без исключения, странах — переработчиках облученного ядерного топлива. Франция на таких условиях перерабатывает ОЯТ своих контрагентов, Великобритания — своих. Не исключение и Россия. Тот же рейс из Болгарии совершен в соответствии с международными обязательствами, подписанными нашей страной (тогда СССР)... Помимо Болгарии такое топливо мы ввозим из Украины и Армении, Чехии и Словакии, Финляндии, других стран. Зарабатываем на этом многомиллионные средства в "живой" валюте. Выполнение этих контрактов полностью соответствует российскому законодательству, в том числе

природоохранному, убеждена авторитетная отечественная экспертиза... А международная экспертиза убеждена еще и в том, что, ввозя ОЯТ своих стран-контрагентов, Россия вносит существенный вклад в выполнение обязательств по нераспространению ядерного оружия.

Как видим, для того чтобы убедить читателя в правоте своей позиции, автор пытается показать, что действия России не противоречат интересам государства, а, наоборот, совершаются ему во благо. Для реализации такой оценки используется соответствующая лексика: *обычная практика, принятая во всех странах, без исключения, в соответствии с, зарабатываем многомиллионные средства, полностью соответствует законодательству*. Все эти средства являются рационально-оценочными и эксплицируют соответствие действий норме. Для убеждения читателя в неправомерности "ядерных страстей" автор высказывает мысль о причинно-следственной связи между возникновением "ядерных страстей" и конкурентной борьбой за коммерчески выгодные заказы. Свою рациональную оценку автор акцентирует столь открыто, что отрывок приобретает эмоциональную оценочность:

Иное дело — "получение заказов на ввоз, хранение и переработку ОЯТ сопровождается острой конкурентной борьбой"... Вот эта "острая конкурентная борьба" — самая весомая "объективная предпосылка всех и всяческих "ядерных страстей". Именно о ней в первую очередь говорят более или менее внимательно отслеживающие события аналитики. Подмечено: любая сделка российских атомщиков по ОЯТ весьма раздражает их конкурентов. Так и в ситуации с ОЯТ болгарской АЭС "Козлодуй". Известно, что это топливо было предметом живого интереса крупнейшей французской компании, претендовавшей на то, чтобы оно было переработано на ее мощностях.

В материале "Успехи без головокружения" автор устанавливает причинно-следственную связь между взглядами оппонентов и их отношением к народу, но осуществляет это, наполняя текст экспрессивной оценочностью:

Либеральные партии проиграли задолго до нынешних выборов. К примеру, беда лидеров СПС и тех, кто их поддерживает, в том, что они абсолютно лишены чувства реальности, и в мыслях, и в жизни отделены китайской стеной от простого человека. У них нет даже понимания того, что их либеральный язык, их либеральные страхи просто непонятны подавляющему большинству населения.

В оценочных жанрах важно не просто выявить причинно-следственную связь, но и оценить ее. В данном случае для оценки используются многочисленные интензивы с оценочной семантикой.

Итак, третий цикл рассматриваемой жанровой модели организуется следующим образом: контрдоводы оппонента становятся "толчком" к познавательной-речевой активности автора, в ответ он высказывает свою позицию, выстраивая обоснование с ориентацией на полемику с оппонентом. В результате обоснование предупреждает прогнозируемые возражения оппонента. Регулятивами в этом случае выступают оценочные средства, направленные на оценку ментальных действий оппонента. Данная жанровая модель активно используется в собственно диалогических текстах: дискуссиях, публикациях "круглых" столов и др.

Таким образом, в журналистике сформирована жанровая модель, целеустановка которой — утвердить свою позицию в полемике с оппонентом через экспликацию оценки. Благодаря использованию такой модели журналист достигает важной коммуникативной цели — выработать в споре с оппонентом через оценку мнения другого лица общее с читателем мнение о предмете речи. Стилистической приметой этой жанровой модели является открытое выражение семантики диалогических отношений между коммуникантами, межтекстовых связей, а также оценки чужой позиции.

РЕЧЕВОЙ КОЛЛЕКТИВ КАК ЕДИНИЦА ЧЛЕНЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ ОБЩЕСТВА

В данной работе мы ставим перед собой следующую цель: осмыслить, каким образом происходит членение и классификация речевой продукции, а также предложить еще один путь описания речевой практики общества.

Когда заходит речь об упорядочении речевого материала, то мы видим, что исследователи смотрят на речевой материал по-разному, выявляя возможные и необходимые аспекты его описания. Поэтому в поле зрения исследователей оказываются разные категории. В последнее время активизировались исследования на основе категории языковой (речевой) личности (Богин 1975; Караулов 1987). Активно исследуется расслоение языка на социально обусловленные разновидности (Современный русский язык 2003). По-прежнему многочисленны исследования, которые прямо или косвенно связаны с понятием "стиль". Однако, несмотря на то что стилевые исследования имеют давние традиции, некоторые важные положения до сих пор оказываются непроясненными.

Наиболее распространено членение речевого материала на основе категории функционального стиля. Но при этом далеко не всегда оговаривается, что именно имеется в виду: распределение по стилям речевой продукции или членение, которое осуществляется как отвлеченная мыслительная операция, состоящая в том, что в языковой системе выделяется некая подсистема, которая и понимается как стиль, то есть разновидность литературного языка. Если учесть тот факт, что в описании стилей существенное место занимает поуровневое описание (лексические, морфологические, синтаксические особенности стиля), то становится очевидным, что в основе такого описания лежит подход к стилю как к стилю языка. Стиль предстает как некий мыслительный конструкт, отвлеченный объект, нечто вторичное по отношению к речевой практике.

Подобное истолкование функционального стиля дает ясное и четкое представление о его основных особенностях, позволяет четко и последовательно противопоставить один стиль другому. Вместе с тем такой подход, обобщая огромное количество разнообразного в своем единичном проявлении речевого материала, нивелирует его. Все разнообразие речевых стилей внутри той сферы деятельности человека, которая обслуживается тем или иным функциональным стилем, не получает адекватного описания. Так, понятие публицистический стиль не покрывает то разнообразие речевого материала, который порождается в сфере СМИ. Стили научной речи теряют свою ярко выраженную специфику, когда подвешиваются под понятие научного стиля. Введение понятия подстиля лишь частично решает проблему. Все это говорит о том, что категория функционального стиля, при всех ее достоинствах, не обладает стопроцентной описательной силой. Для описания именно речевой практики общества, находящей воплощение в его речевой продукции, нужны и другие, дополняющие теорию функциональных стилей приемы описания стилевых явлений.

Нам представляется, что истоки описания первичных, наиболее простых и в то же время сущностных, явлений речевой практики общества подсказывает нам теория диалогичности М.М.Бахтина. Согласно этой теории, диалогические отношения — это отношения, которые неизбежно возникают между субъектами при их речевом взаимодействии и определяют как зарождение и формирование языка, так и его функционирование. Соответственно, и речь порождается только в условиях диалогических отношений. Диалогичность проявляется на всех уровнях языковой системы, во всех аспектах речевой деятельности: "Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной, художественной и др.), пронизана диалогическими отношениями" (Бахтин 1972: 212).

Из этого глобального принципа, на основе которого порождается речь, следует, что, изучая речевую практику общества, мы должны в первую очередь выявить конкретных производителей

речи — те основные коммуникативные общественные образования, которые функционируют на основе принципа диалогичности и являются поставщиками речевой продукции.

Казалось бы, что здесь и так все ясно: единственным производителем речи является говорящий или пишущий человек. Именно человек как речевая личность порождает речевую продукцию. Однако суть концепции М.Бахтина состоит как раз в том, что любое произнесенное, написанное или осмысленное нами слово является реакцией на чужое слово, реальное или предположенное. Таким образом, человек становится производителем речевой продукции только в том случае, если он войдет хотя бы в простейшую коммуникативную систему, получив собеседника. Тогда и возникает эта простейшая коммуникативная система, в которой, кроме производителя речи, имеется собеседник, потребитель речи. Такие простейшие коммуникативные системы в огромном количестве образуются в бытовой повседневности: разговор с кондуктором в автобусе, с продавцом в магазине, с соседом в лифте и т.д.

Подобного рода речевой материал, относимый к разговорной речи, или к разговорному стилю, в своем порождении носит спонтанный характер. Здесь нет осознанного следования какой-то стилевой идее, как это имеет место, например, при написании текста публицистом для какого-нибудь издания или при создании писателем художественного произведения. Концепция речевого поведения здесь складывается стихийно, при этом она аккумулирует опыт поколений, и накопленная речевая культура передается от поколения к поколению путем непосредственного приобщения, подражания. Для того чтобы возник речевой стиль как нечто осознанное, нужны другие коммуникативные условия.

Под речевым стилем мы понимаем здесь свойство речевой деятельности, которое состоит в том, что речь при своем порождении строится на основе отбора, сочетания и употребления языковых единиц в соответствии со стилеобразующей концепцией. Наличие стилеобразующей концепции для стиля является обязательным. Стиль есть только там, где есть идея.

Субъектом, порождающим стилевую концепцию и воплощающим ее в жизнь, может быть только **речевой коллектив**. Разумеется, носителем речевой стилеобразующей идеи может быть и отдельная личность, но только в статусе члена речевого коллектива. Под речевым коллективом мы понимаем группу людей, связанных между собой коммуникативными отношениями. В этом отличие речевого коллектива от социальной группы. Только речевой коллектив может быть, с нашей точки зрения, генератором речи. Именно и только речевой коллектив способен порождать полноценную речевую продукцию в сфере литературного языка.

В качестве речевых коллективов, существование которых представляется достаточно очевидным, можно рассматривать производственные коллективы, а также общественные, политические и профсоюзные организации и т.п. Специфика таких речевых коллективов состоит в том, что их создание и деятельность преследует цели, лежащие вне собственно речевой деятельности. Но при этом функционирование их возможно только на основе разнообразной речевой деятельности.

Подчеркнем, что речь идет не о социальных группах, а именно о речевых коллективах. В коллективе все его члены связаны между собой коммуникативными отношениями. Например, это имеет место в производственном коллективе, какой бы большой он ни был. Это не обязательно реальная реализованная речевая связь, которая реализовалась бы со стопроцентной вероятностью. В достаточно большом коллективе многие его члены за все время существования коллектива могут так и не вступить в речевой контакт, однако в своем речевом поведении они предстают в течение того времени, пока они находятся в коллективе, именно как члены этого коллектива, связанные между собой возможными и определенными для данного коллектива коммуникативными обязательствами.

В социальной группе, в отличие от коллектива, ее члены не связаны между собой коммуникативными отношениями. Так, пенсионеры, например, образуют социальную группу, но они не имеют коммуникативных обязательств перед членами своей социальной группы. Они свободны в своем речевом поведении. А моменты общности в их речевом поведении обусловлены не наличием коллектива, а причинами совершенно другого характера: возраст, полная или частичная выключенность из производственных отношений и т.п.

Речевой коллектив — структура иерархическая. Каждый член имеет свою речевую роль. Все члены речевого коллектива осознают свои коммуникативные речевые обязанности и в любое время могут их актуализировать. Социальная группа в речевом поведении регулируется другими механизмами.

Поясним сказанное на конкретном примере. Рассмотрим в качестве примера **производственного речевого коллектива** филологический факультет университета.

Первое, на что мы обращаем внимание, — это то, что его речевая деятельность неоднородна и формируется на основе различных, уже имеющихся стилевых концепций. Неоднородность речевой деятельности факультета глубоко структурирована.

Первый блок, весьма существенный по объему, объединяет речевую продукцию, обусловленную спецификой профессиональной деятельности:

- 1) устная научная речь как диалогического, так и монологического плана в сфере обучения (лекции, семинары, коллоквиумы);
- 2) устная научная речь как диалогического, так и монологического плана в сфере научного общения (доклады, дискуссии, обсуждения);
- 3) письменная научная речь в сфере обучения (учебные пособия, курсы лекций, методические разработки);
- 4) письменная научная речь в сфере научного общения (статьи, монографии, тезисы);
- 5) устная и письменная научная речь, сопровождающая процесс научного исследования (речь, сопровождающая работу по составлению плана коллективных монографий, различного рода картотек и т.п.);
- 6) учебная речевая продукция студентов (контрольные и курсовые работы, доклады и сообщения на коллоквиумах и семинарских занятиях и т.п.).

Второй блок состоит из вспомогательной речевой продукции, которая призвана обеспечить функционирование коллектива, в той его части, которая не зависит от характера трудовой деятельности коллектива. Это такие типы деловой речи, как:

- 1) документы, относящиеся к работе с кадрами;
- 2) документы, связанные с финансовой деятельностью;
- 3) документы, обеспечивающие связь с другими организациями.

Третий блок — это также вспомогательная речевая продукция, которая обеспечивает функционирование коллектива, но в той его части, которая обусловлена спецификой деятельности факультета как научно-учебного коллектива:

- 1) учебные планы и отчеты;
- 2) планы и отчеты по научной работе;
- 3) распределение педагогических поручений;
- 4) протоколы заседаний;
- 5) расписание;
- 6) ведомости, учетные карточки и т.п.;
- 7) речь на деканских совещаниях;
- 8) речь на ученых советах и т.д.

Четвертый блок включает речевую продукцию, связанную с личной жизнью членов речевого коллектива:

- 1) разговоры о личных делах во время лекций или докладов;
- 2) "пойдем покурим" как форма беседы о личной жизни;
- 3) беседы преподавателей друг с другом в перерывах на кафедре;
- 4) беседы в буфете за чашечкой кофе;
- 5) полуофициальный обмен мнениями по дороге домой;
- 6) различного рода выяснения отношений и т.д.;
- 7) приколотые и передаваемые из рук в руки записки и т.д.

Пятый блок формируется письменной речевой периферией, разнообразной по содержанию и речевому оформлению:

- 1) надписи на столах, стенах;
- 2) объявления, программы заседаний;
- 3) настенная низовая реклама;
- 4) стенгазеты.

Речевой материал пятого блока можно распределить по первым четырем блокам, но помещаем его в одну группу на том основании, что это тексты не традиционного типа с линейным принципом организации, а с плоскостной организацией материала.

Наконец, шестой блок представляет собой речевую жизнь, которую условно можно назвать общественно-организационной. Сюда можно отнести:

- 1) профессиональные праздники и юбилеи (день первокурсника, юбилей факультета, юбилей члена коллектива и др.);
- 2) дискуссионные клубы;
- 3) клубы самодеятельной песни, театр, КВН и т.п.;
- 4) спортивные секции;
- 5) ЛИТО, вечера поэзии и др.

Мы видим, что все шесть речевых блоков в совокупности создают речевую систему, которая в миниатюре представляет собой модель речевой практики общества в целом. В речевом производственном коллективе представлены все основные функционально-стилевые концепции: здесь и научный стиль, и официально-деловой, и публицистический (если понимать под этим воздействующую речь с ярко выраженным личностным началом), и литературно-художественный, и разговорный.

В теории функциональных стилей порождаемый обществом речевой материал упорядочивается по принципу соположения: в одну группу объединяются тексты, порожденные разными субъектами речи, но одной стилиевой принадлежности. Точно так, как в библиотеке на одну полку, на один стеллаж, в один зал ставятся тексты одной стилиевой принадлежности. А на другой полке, на другом стеллаже, в другом зале будут тексты другой стилиевой принадлежности. Поэтому в библиотеке мы видим зал медицинской литературы, зал научно-технической литературы, отдел художественной литературы и т.д.

Наш пример речевой организации коллектива показывает, что существует и другой аспект членения речевой практики общества. Речевая продукция организована как многомерная система. Так, второе измерение придает речевой системе способ упорядочивания речевой деятельности коллектива по принципу вложения: один компонент (речевой коллектив) отражает в своей структуре системную организацию речевой практики общества в целом.

Кроме производственных коллективов, создание и производственная деятельность которых регламентированы в законодательном порядке, а речевая деятельность в своей основе, причем обязательной, регламентирована признанными обществом стилиевыми концепциями (научный, официально-деловой стиль), в обществе постоянно происходит формирование **неформальных речевых коллективов**, которые создаются на относительно непродолжительное время и в которых происходит саморегулирование их речевой деятельности. Основа их речевой деятельности — неписанный кодекс речевого поведения, который носит неформальный характер.

Под неформальными речевыми коллективами мы понимаем группы людей, собирающиеся по своему желанию, подчас — случайно, на относительно небольшое время в одном месте. Такие группы произвольны по своему составу, а в речевом поведении связаны между собой правилами речевого поведения, обусловленными существующими обычаями, традициями. Обозревая свои личные "речевые окрестности", мы можем легко привести примеры таких неформальных речевых коллективов: пассажиры в купе, собравшиеся гости вместе с хозяевами, вагон электрички, группа туристов в походе, компания у пивного ларька, группы по изучению иностранных языков, правил вождения автомобиля и многого другого на различных курсах, больные в палате, разного рода ритуальные собрания — свадьба, похороны и т.д. Каждый гражданин периодически становится членом такого временного речевого коллектива. Рассмотрим их основные параметры.

Существенно различается время существования таких коммуникативных образований. Пассажиры в купе связаны совместными речевыми отношениями от нескольких часов до нескольких суток. Несколько часами ограничено время общения гостей, в то же время собравшиеся вместе члены группы на курсах могут осуществлять речевое взаимодействие на протяжении продолжительного времени — от нескольких месяцев до нескольких лет.

Существование временных речевых коллективов характеризуется периодичностью. С одной стороны, проявление речевой активности может носить разовый характер (случайный разговор за кружкой пива), с другой стороны, речевая активность может проявляться многократно: постоянно встречающаяся компания гостей, академическая группа.

Состав временной речевой группы может быть постоянным, но может и меняться: за время поездки меняются пассажиры в купе, может изменяться состав гостей, в то же время может образовываться достаточно устойчивая группа ("В наш тесный круг не каждый попадал"). Степень знакомства между членами группы может быть нулевой (пассажиры в купе) и достаточно высокой (гости). Даже на достаточно коротком отрезке времени эта степень знакомства может изменяться.

Отношения между членами группы могут быть официальными (встреча писателя с читателями) и неофициальными (беседа у ларька). Но эти отношения могут носить и

промежуточный характер (человек, который впервые оказался в уже сложившейся компании) и при этом имеет некоторую динамику (стал "своим" человеком, "наш" человек).

Все указанные обстоятельства оказывают существенное влияние на характер речевого поведения. Посмотрим, как происходит формирование кратковременного речевого коллектива, на примере вагона пригородной электрички.

Сразу отметим, что каждый присутствующий в вагоне ощущает себя частью речевого целого. К вагону в целом обращаются контролеры ("Граждане, приготовьте билетки"), многочисленные представители транспортной торговли ("Вас приветствует транспортная торговля"), вагонные исполнители песен ("Уважаемые пассажиры, чтобы дорога не показалась вам долгой...").

Члены данного речевого коллектива свободны в выборе степени активности своего речевого поведения. Пассажир имеет право молчать, не поддерживая разговор, и в то же время может активно поддержать предложенную попытку заговорить. И то, и другое будет в пределах нормы. Заметим, что есть речевые коллективы, где активная речевая деятельность вменяется в обязанность присутствующему. Так, например, участник вечеринки не должен "сидеть как пень", это противоречит правилам речевого поведения в данной ситуации. В то же время никто не может упрекнуть пассажира в том, что он сидит как пень. Его речевая активность хотя и возможна, но не является обязательной. Пассажир имеет право на молчание, которое понимается не как отсутствие внешней речи, а как обращенность к себе и погружение во внутреннюю речь.

При активном речевом поведении пассажир придерживается определенных правил.

Для того чтобы начать разговор, достаточно иметь повод и не обязательно иметь причину. Поводом для разговора может быть чей-то кот, собака, корзина с грибами, букет цветов и т.п.

Важна сама возможность разговора с незнакомым человеком, который может больше никогда не встретиться. Такому собеседнику можно без боязни высказать мысли, которые вас волнуют и которые вы по каким-либо причинам не можете высказать близким или знакомым. При таких условиях публичность речевого общения странным образом сочетается с интимностью. Именно поэтому так легко вписывается в общую речевую атмосферу исполняемая под гитару песня любой тематики: и про то, как казаки выгнали на берег Дона лошадей, и про страдания возлюбленных, и про философский ослепительный миг, который и является нашей жизнью между прошлым и будущим, и т.д.

Существенным компонентом такого речевого коллектива является его письменная речевая составляющая. Кратковременный речевой коллектив воспринимается как место, способствующее проявлению творческой речевой потенции, что проявляется в виде языковой игры. Приемы различны. Один из наиболее специфических — это переделывание различного рода предупреждающих надписей. Так, например, традиционная надпись "Места для пассажиров с детьми и инвалидов" преобразуется путем стирания букв в надписи "Ест пассажиров инвалид" и "Я пассажир, ты инвалид". Функциональным заместителем запятой является построчное расположение материала, буква "ы" сделана из сочетания "ьм". Небезынтересны надписи в тамбурах. Кроме традиционных матерных слов, объяснений в любви и желания засвидетельствовать свое местопребывание здесь много бытового, философского.

Именно неформальный речевой коллектив является тем основным генерирующим речевую продукцию механизмом, работа которого и ведет к обогащению языковой системы. Именно в неформальных речевых коллективах (компаниях) рождаются и рассказываются анекдоты, разнообразные байки, истории, случаи, здесь рождаются (а очень часто и умирают в неизвестности) шутки, каламбуры, а также другие многочисленные неклассифицированные и незафиксированные образцы остроумия, речевого блеска и изящества, куртуазности.

Путь речевой продукции в общество оказывается следующим: кратковременный речевой коллектив — сфера бытовой разговорной речи — произведение словесного творчества вторичного типа (писательский текст).

Отсюда еще одно интересное предположение. Любое писательское творчество — вторичный вид речевого творчества (не случайно здесь имеют значение такие факторы, как образование, профессиональные навыки и т.п.).

Приоритет бытового неформального речевого творчества оказался зафиксированным в литературных книжных текстах. Обратим внимание на то, что во многих литературных произведениях поначалу присутствовал рассказчик. В рассказах создавался хотя бы кратко образ той речевой компании, которая давала ему возможность проявить свое речевое мастерство. Не случайно название жанра "рассказ" происходит от слова "рассказывать". Приведем несколько примеров из Тургенева.

"...Расскажите-ка вы нам что-нибудь, полковник", — сказали мы наконец Николаю Ильичу. Полковник улыбнулся, пропустил струю табачного дыма сквозь усы, провел рукою по седым волосам, посмотрел на нас и задумался. Мы все чрезвычайно любили и уважали Николая Ильича за его **доброту, здравый смысл и снисходительность** к нашей братье молодежи. Он был высокого роста, плечист и дороден; его смуглое лицо, "одно из славных русских лиц", прямодушный умный взгляд, кроткая улыбка, **мужественный и звучный голос** — все в нем нравилось и привлекало. "Ну, слушайте ж, — начал он. — Дело было..." (Жид).

В один осенний день съехалось нас человек пять записных охотников у Петра Федоровича. ... Обед был, как водится в подобных случаях, чрезвычайно приятный; мы **хохотали, рассказывали происшествия, случившиеся на охоте**, и с **восторгом упоминали** о двух знаменитых "угонках". ... **Разговоры имеют свои судьбы** — как книги (по латинской пословице), как все на свете. **Наш разговор в этот вечер был как-то особенно разнообразен и жив. От частных восходил он к довольно важным общим вопросам, легко и непринужденно возвращался к ежедневностям жизни...** Поболтавши довольно много, мы вдруг все замолчали. **В это время, говорят, пролетает тихий ангел. Не знаю, отчего мои товарищи затихли**, но я замолчал оттого, что мои глаза остановились внезапно на трех запыленных портретах в черных деревянных рамках. ... "Что вы это загляделись на эти лица?" — спросил меня Петр Федорович. "Так!" — отвечал я, посмотрев на него. "**Хотите ли выслушать целый рассказ об этих трех особах?**" — "**Сделайте одолжение**", — отвечали мы в один голос. <...> "Господа, — начал он, — я происхожу от довольно старинного рода..." (Три портрета).

В небольшой, порядочно убранной комнате, перед камином, сидело несколько молодых людей. Зимний вечер только что начинался; самовар кипел на столе, **разговор разыгрывался и переходил от одного предмета к другому. Начали толковать о людях необыкновенных и о том, чем они отличаются от обыкновенных людей. Каждый излагал свое мнение как умел; голоса возвысились и зашумели. Один небольшой, бледный человечек, который долго слушал, попивая чай и покуривая сигарку, разглазгования своих товарищей, внезапно встал и обратился ко всем нам (я тоже был в числе споривших) с следующими словами:**

— Господа! **все ваши глубокомысленные речи в своем роде хороши, но бесполезны. Каждый, как водится, узнаёт мнение своего противника и каждый остается при своем убеждении. Но мы не в первый раз сходимся, не в первый раз мы спорим и потому, вероятно, уже успели и высказаться и узнать мнения других. Так из чего же вы хлопочете?**

Сказав эти слова, небольшой человечек небрежно стряхнул в камин пепел с сигарки, прищурил глаза и спокойно улыбнулся. Мы все замолчали.

— Так что ж нам, по-твоему, делать? — сказал один из нас, — играть в карты, что ли? лечь спать? разойтись по домам?

— Приятно играть в карты и полезно спать, — возразил небольшой человечек, — а разойтись по домам теперь еще рано. Но вы меня не поняли. **Послушайте: я предлагаю каждому из вас, уж если на то пошло, описать нам какую-нибудь необыкновенную личность, рассказать нам свою встречу с каким-нибудь замечательным человеком. Поверьте мне, самый плохой рассказ гораздо дельнее самого отличного рассуждения.**

Мы задумались.

— Странное дело,— заметил один из нас, большой шутник,— кроме самого себя, я не знаю ни одного необыкновенного человека, а моя жизнь вам всем, кажется, известна. Впрочем, если прикажете...

— Нет, — воскликнул другой, — не нужно! Да что, — прибавил он, обращаясь к небольшому человечку, — начини ты. Ты нас всех сбил с толку, тебе и книги в руки. Только смотри, **если твой рассказ нам не понравится, мы тебя освищем.** — Пожалуй, — отвечал тот.

Он стал у камина; мы уселись вокруг него и притихли. Небольшой человечек посмотрел на всех нас, взглянул в потолок и начал следующим образом:

— Десять лет тому назад, милостивые государи мои, я был студентом в Москве... (Андрей Колосов)

Анализируя приведенные отрывки, мы должны обратить внимание на ряд особенностей.

- Все такие коллективы формируют ситуацию общения, способствующую порождению речи.
- Существуют речевые предпочтения. Статус повествования выше статуса рассуждения (особая тема).
- Речевой коллектив ценит достоинства речи.
- Говорящий осознает свою речевую ответственность.
- Осуждаются безответственные пустые разговоры (бесполезные речи).
- Существует речевой лидер.
- Статус разговора приравнивается к статусу поступка, решения (разговоры имеют свои судьбы... как все на свете).

Повторим (поскольку это принципиально важно), что речевая продукция, порождаемая таким кратковременным речевым коллективом, имеет свою ярко выраженную специфику. Перед нами именно тот общественный речевой механизм, который порождает речевую продукцию особого рода. Ее можно назвать "живой", способной к дальнейшему творческому существованию. Она в

дальнейшем передается из уст в уста, трансформируется при этом в содержательном и техническом отношении, может переходить в сферу профессионального словесного творчества. В этом ее отличие от речевой продукции, лишенной речевой жизненной силы, существующей в застывшей речевой форме, лишенной развития (документ, научное произведение и т.п.).

И, наконец, обратим внимание на еще один тип речевых коллективов, которые мы предложили бы назвать **виртуальными речевыми коллективами**. Автор текста, особенно если он является профессионалом речи, может при создании текста мысленно в своем сознании формировать тот речевой коллектив, членом которого он себя ощущает. Точно так же автор может мысленно создавать себе образ читателя, к которому он хотел бы обратиться свое произведение. Широко известны многочисленные факты, когда писатели мыслят себя представителями того или иного литературного направления и декларируют эту принадлежность. Принадлежность к направлению предполагает и ориентацию на вполне определенный круг авторов текстов-предшественников. То, что называется словом "предтеча". Поэтому виртуальный речевой коллектив может включать в свой состав авторов, которые жили в разные времена и разные эпохи. Подражание, стилизация — все это проявления коллективного речевого творчества.

Истолкование текста предполагает определение того круга писателей, с текстами которых мысленно общался автор при создании текста. Приведем в качестве примера диалог раннего Блока с известными русскими поэтами и прозаиками, который был реконструирован исследователем на основе анализа произведений Блока: "Эта первая пора творчества (1898-1900) была периодом накопления опыта и поэтического самоопределения Блока. В то время он как бы "переживал" русскую поэзию от Жуковского до Фета: он и мыслил, и чувствовал, и творил в ее романтическом духе. Вместе с тем ему дороги и близки Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Полонский. Их мотивы, образы, цитаты то и дело мелькают в его ранних стихах" (Быстров 1998: 183). Перед нами виртуальный речевой коллектив, сформированный Блоком.

Взгляд на членение речевой практики общества с точки зрения категории речевого коллектива, обращает наше внимание на то, что формы бытования словесного произведения в обществе различны. Если речевые современники даны обществу в целых текстах, то авторы- и тексты-предшественники даны часто в виде цитат, пересказов, аллюзий, реминисценций и т.п.

Речевой виртуальный коллектив включает в свой состав и совершенно определенный тип читателей. Укажем в качестве характерного примера на стихотворение Н.С.Гумилева "Мои читатели". Отношения с читателем занимают существенное место в творчестве практически любого поэта, причем, в отличие от прозы, они здесь выражены эксплицитно (вспомним, например, творчество, М.И.Цветаевой. "Всякое литературное слово, — писал М.М.Бахтин, — более или менее остро ощущает своего слушателя, читателя, критика и отражает в себе его предвосхищаемые возражения, оценки, точки зрения. Кроме того, литературное слово ощущает рядом с собой другое литературное слово, другой стиль" (Бахтин 1979: 228). Поэтому виртуальный речевой коллектив может включать в себя авторов различной стилистической принадлежности. Так, что касается Блока, широко известен его духовный диалог с Платоном и особенно с Вл.Соловьевым.

Все сказанное относится, естественно, не только к словесному художественному творчеству. Обычно очерчен круг лиц, образующих виртуальный речевой коллектив, членом которого ощущает себя ученый или публицист. Практически все произведения В.И.Ленина — это полемические произведения, спор с современниками и не только с современниками. А диалог с читателем для публицистического текста вообще имеет статус конституирующего признака.

Таким образом, речевая продукция виртуального речевого коллектива — это совокупность текстов разных писателей, политиков, философов, живших в разные времена, исповедовавших разные политические, этические и эстетические учения. Эта совокупность текстов выступает как одно речевое целое только благодаря тому, что все они оказались членами одного виртуального речевого коллектива, созданного чьим-то мощным интеллектом.

Как правило, создание виртуального речевого коллектива сопровождается и созданием соответствующей стилистической концепции, на основе которой и осуществляет свою деятельность виртуальный речевой коллектив. Непосредственным производителем речи здесь является тот профессионал речи, чьим интеллектом и порожден этот речевой коллектив.

Некоторые специфические особенности текстов, порождаемых речевым коллективом, в значительной степени будут определяться речевой организацией профессионала речи, а также такими аспектами языковой личности, как языковая способность, коммуникативная потребность, коммуникативная компетенция, языковое сознание, речевое поведение (Карасик 2003: 98). Однако

мы оставляем пока в стороне эти проблемы, так как здесь открывается самостоятельное направление исследования речевого материала — языковая личность в речевом коллективе.

Все сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что введение в практику изучения речи категории "речевой коллектив" позволяет по-новому взглянуть на стилевую специфику речевых явлений, на характер сосуществования текстов в речевой практике общества, глубже понять принципы структурирования этой практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин М.М., 1979, Проблемы поэтики Достоевского. Москва.
Богин Г.И., 1975, Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин.
Быстров В.Н., 1998, *Блок*, Русские писатели, XX век. Ч. 1. Ленинград—Москва.
Карасик В.И., 2003, *Аспекты языковой личности*, Проблемы речевой коммуникации. Вып. 3. Саратов.
Караулов Ю.Н., 1987, Русский язык и языковая личность. Москва.
Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация, 2003. Москва.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

- Коньков В.И., 1990, *Стандарт как явление речевой структуры газетного текста*, Вестник ЛГУ. № 9.
Коньков В.И., 1995, Речевая структура газетного текста, С.-Петербург.
Коньков В.И., 1997, *Бульварная пресса как тип речевого поведения*, Логос, общество, знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса). С.-Петербург.
Коньков В.И., 2000, *Литературный портрет как речевая система («Некрополь» В.Ф.Ходасевича)*, Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика. Сборник статей. Ред.-сост. В.В.Перхин. С.-Петербург.
Коньков В.И., 2000, *Нужно ли реформировать русское правописание?* Мир русского слова. № 4.
Коньков В.И., 2001, *Стиль как речевая категория*, В поисках смысла: Сборник статей в честь профессора К.А.Роговой. С.-Петербург.
Коньков В.И., 2001, *Являются ли СМИ могильщиками русского языка?* Мир русского слова. № 3.
Коньков В.И., 2002, *Литературный портрет как художественный образ*, Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: Концепции и поэтика. Сборник статей. Ред.-сост. В.В.Перхин. С.-Петербург.
Коньков В.И., 2002, *СМИ как речевая система*, Мир русского слова. № 5.
Коньков В.И., 2004, Речевая структура газетных жанров: Учеб. пособие. С.-Петербург.

ПРИНЦИП "НАМЕРЕННОЙ СВОБОДЫ" В ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В 1943 г. Б.Пастернак, предложивший русскому читателю свою интерпретацию выдающихся произведений мировой художественной литературы (пьес Шекспира, Гете, стихотворений Байрона, Шелли, Китса, Верлена, Сакса, Рильке, Бехера, Петефи, Р.Тагора и др.), пишет ряд статей и заметок о сути и назначении перевода. Критикуя идею дословных переводов, он отстаивает принцип "намеренной свободы, без которой не бывает приближения к большим вещам" (Английская поэзия 1981: 609). Перевод должен отражать ценность подлинника и в то же время быть не "бледным пересказом" или "прямым переложением" последнего, а неповторимым художественным произведением, обладающим гармонией содержания и формы. "Дословные переводы, — считает Б.Пастернак, — всегда бывают тяжелы и в редких случаях понятны. Идея буквального перевода представляет хроническое, постоянно изживаемое и постоянно возвращающееся заблуждение" (Пастернак 1991: 402). Оригинал и перевод связаны, по мнению Пастернака, сложными отношениями производности ("основания и производного, ствола и отводка"), а не соответствия. Стилизация и подражание должны быть заменены естественным языком, который будет создавать "впечатление жизни, а не словесности" и своей жизненностью свидетельствовать о силе оригинала. (там же, с. 413). Такой подход дает возможность рассматривать перевод как равноправный диалог двух сознаний — автора и переводчика — как диалог, взаимопереплетение двух культур — оригинальной и переводной.

Примером такого диалога является, с точки зрения Б.Пастернака, "Антология английской поэзии", составитель которой А.И.Старцев избрал не традиционный прямой путь отбора материала (от лучшего подлинника к переводу), а обратный (от лучшего перевода к оригиналу), поэтому в основу издания положена коллекция не лучших произведений английской литературы, а "лучших русских переводов" (с. 699). Этот принцип "в глубочайшей степени соответствует идее перевода, его назначению", так как позволяет представить английскую поэзию "в ее русском действии", с точки зрения ее воздействия на русского читателя.

Именно "русским" называет Пастернак трехтомного Бальмонтовского Шелли, оказавшегося "находкою, подобной открытиям Жуковского", но ни один из переводов Бальмонта не был включен в упомянутое собрание. Примечательно, что антология английской поэзии, изданная в 1981 году, содержит переводы Шелли, выполненные и Бальмонтом, и Пастернаком. В то же время если труд Бальмонта свидетельствует о заинтересованном отношении переводчика к автору оригинала, то Пастернак "с чрезвычайной неохотой" переводил поэта, казавшегося ему "далеким и отвлеченным". Однако, по собственному признанию Пастернака, несмотря на творческую неудачу, именно в процессе перевода, потребовавшего пристального внимания, ему открылась значимость Шелли не как традиционно воспринимаемого романтика, а как "предшественника и провозвестника... русского и европейского символизма". С другой стороны, думаем, что именно перевод дает возможность читателю выйти за рамки стереотипного восприятия известного автора и по-новому прочитать его произведения.

Одним из стихотворений Шелли, существующих в интертексте переводов Бальмонта и Пастернака, является небольшое лирическое обращение, носящее традиционное название "К..." ("To"). Однако при общем принципе перевода "не буквы, а смысла" эти интерпретации высвечивают разные грани оригинала.

Традиционная для лирики тема оформляется в нем по законам жанра как признание в любви, но не прямое, а построенное на отказе от обыденного восприятия "заветного" чувства, ставшего для людей "рутиной". Кроме того, нельзя не обратить внимание на противоречие этого обращения, пронизанного глубоким духовным смыслом, устоявшейся репутации Шелли как "заклинателя стихий и певца революций, безбожника и автора атеистических трактатов" (Пастернак 1991: 395).

Стихотворение состоит из двух строф. Ключевым мотивом первой является мотив человеческого презрения к чувству, которое автор не называет открыто, прибегая к парафразе: "одно слово", "одно чувство", "одна надежда". Этот мотив получает в тексте Шелли комплексную реализацию. Стержневым приемом организации всей строфы, вероятно, можно считать синтаксический параллелизм, который оформляется двумя рядами трехчленных анафор:

*One word is too often profaned
For me to profane it,*

*One feeling too falsely disdained
For thee to disdain it,
One hope is too like despair
For prudence to smother,
And pity from thee more dear
Than that from another.*

Исследователи поэзии Шелли отмечают ее необычайную выразительность, создаваемую сложной музыкальной организацией стиха, основанной на единстве рифмы, аллитерации, ассонансов, смены ритмов, что свойственно рассматриваемому произведению и, естественно, обуславливает трудности при переводе. В сочетании с лексическими повторами и переносом строк синтаксический параллелизм создает ритм, актуализирующий семантику каждого слова в строке, подчеркивая ее лаконизм и смысловую емкость.

Таким образом актуализируется семантическая взаимосвязь повторяющихся глаголов "to profane" (осквернять) и "to disdain" (презирать, пренебрегать), имеющих общую сему "contempt" (презрение). Если первый глагол имеет более частное, специфическое значение, указывая на непочтительное, без чувства глубокого уважения, отношение к святыням ("treat sacred or holy places, things with contempt, without proper reverence") (Hornby 1982, V. II: 161), то второй глагол имеет более общее значение "презирать, пренебрегать, считать ниже своего достоинства" ("look on with contempt; think it dishonourable to do sth; be too proud to do sth") (Hornby 1982, V. I: 448).

В отличие от Пастернака, следующего смыслу и ритму оригинала, К.Д.Бальмонт сохраняет в переводе синтаксический параллелизм как основной принцип организации текста и личностный характер обращения, очень точно передавая смысл авторской строки посредством семантически точных глаголов "осквернять", "презирать" и повтора прилагательного "заветный", отсутствующего в тексте оригинала. Обозначая нечто "сокровенное, задушевное, свято хранимое, оберегаемое, особенно ценное, скрываемое от других, тайное", это прилагательное семантически полностью согласуется с названными глаголами, что способствует актуализации авторского замысла в тексте перевода.

*Слишком часто заветное слово людьми осквернялось,
Я его не хочу повторять,
Слишком часто заветное чувство презреньем встречалось,
Ты его не должна презирать.
И слова сострадания, что с уст твоих нежных сорвались,
Никому я отдать не хочу,
И за счастье надежд, что с отчаяньем горьким смешались,
Я всей жизнью своей заплачу.
Нет того в моем сердце, что в мире любовью зовется,
Но молитвы отвергнешь ли ты,
Неудержно вокруг солнца воздушное облачко вьется,
Упадает роса на цветы,
Полночь ждет, чтобы снова зари загорелось око,
И отвергнешь ли ты, о, мой друг,
Это чувство святое, что манит куда-то далеко,
Прочь от наших томительных мук?*

Перевод К.Д.Бальмонта

К...

*Опошлено слово одно
И стало рутиной.
Над искренностью давно
Смеются в гостиной.
Надежда и самообман —
Два сходных недуга.
Единственный мир без румян —
Участие друга.
Любви я в ответ не прошу,
Но тем беззаветней
По-прежнему произношу
Обет долголетний.
Так бабочку тянет в костер
И полночь к рассвету,*

Посредством синтаксического параллелизма в оригинале актуализирована и семантика уравнивания противоположных понятий, выраженных сопоставленными в одной строке антонимами *надежда — отчаяние* (*hope — despair*). Это уравнивание противоположного выражено и в переводах, но разными средствами.

Английское существительное *despair* означает состояние, вызванное утратой всех надежд ("the state of having lost all hope") (Hornby 1982, V. I: 234). По своей семантике это существительное полностью эквивалентно русскому существительному *отчаяние*, означающему "состояние крайней безнадежности" (Ожегов 1987: 390). К.Д.Бальмонт использует именно это существительное в сочетании с прилагательным *горький*, которое употребляется в качестве эпитета в переносном значении "горестный, тяжелый" (там же, с. 115), тем самым эксплицируя семы горя, печали, скорби, что вносит дополнительный смысловой акцент в текст перевода.

Понятие надежды также получает в бальмонтовском переводе развернутое оформление в словосочетании *счастье надежды*, где существительное *счастье* является главным, а существительное *надежды* — подчиненным, что свидетельствует о семантическом сдвиге в тексте перевода. Характерно, что английское существительное *hope* означает "ожидание, желание, доверие, уверенность" ("feeling of expectation and desire; feeling of trust and confidence") (Hornby 1982, V. I: 412), тогда как русское *надежда* означает "ожидание, уверенность в осуществлении чего-н. радостного, благоприятного" (Ожегов 1987: 302). Очевидно, можно говорить о совпадении семантики этих слов и способности русского существительного передать значение английского. Однако, в отличие от оригинала, в переводе Бальмонта оно является подчиненным и употребляется в форме множественного числа, уточняя семантику существительного *счастье*. Выражая "чувство и состояние полного, высшего удовлетворения", оно входит в тексте перевода в антонимические отношения с эпитетом *горький*. Таким образом, сближение противоположных понятий *надежда* и *отчаяние* в оригинале реализуется в интерпретации Бальмонта их сближением в двух рядах антонимических отношений. Первый ряд *надежды — отчаяние* полностью адекватно передает логику основных понятий исходного текста. Второй ряд *счастье — горькое* вносит во вторичный текст дополнительные смысловые акценты, усиливая контраст сближаемых понятий. Однако если в оригинале понятия надежды и отчаяния уравнены, уподоблены друг другу, то в интерпретации Бальмонта они актуализируются неравноправно, и главным оказывается понятие счастья.

Более того, эти строки в рассматриваемом переводе смещены относительно последующих строк оригинала и приобретают силу финальной позиции в строфе.

В отличие от оригинала и перевода Бальмонта, Б.Пастернак трактует ключевое понятие надежды через ее уподобление не отчаянию, а самообману и недугу. С одной стороны, самообман есть "обман самого себя, внушение себе того, чего нет в действительности". С другой стороны, характерно, что самообманом в русском языке называют самообольщение, т.е. "необоснованную уверенность в том, что все хорошо, благополучно" (Ожегов 1987: 567). Таким образом, в интерпретации Пастернака надежда, как "уверенность в осуществлении чего-то радостного и благоприятного", оказывается "необоснованной". Думаем, что путем такого переосмысления оригинала Пастернак сохраняет и передает логику сближения противопоставляемых в нем понятий, подводя их под общий знаменатель — определение *недуг*. Тем самым Пастернак выражает авторскую мысль о противоречивости заветного чувства, не следуя за оригиналом буквально, а в емкой лаконичной форме интерпретируя его смысл.

Первая строфа оригинала заканчивается строками, замыкающими анафорические цепочки, однако синтаксически им не параллельными. Инаковость структуры выделяет их из заданного музыкально-семантического контекста, акцентируя образующее их сравнение и завершая противоречивую логику сближений и противопоставлений, выраженную в игре местоимениями *я — ты — другой* (*for me, for thee, from thee, from another*).

Интересно, что в интерпретации Бальмонта оформление этих строк не выделяется из общего контекста и подчиняется принципу синтаксического параллелизма, образуя одну из анафорических цепочек. Кроме того, смещенные относительно оригинала, эти строки в интерпретации Бальмонта утрачивают силу финальной позиции в строфе. Однако, сохраняя игру местоимений, Бальмонт передает личностное звучание оригинала в целом.

В этом смысле интерпретация Пастернака носит менее личностный характер. Но основанная на противопоставлении мира и лирического героя в их отношении к заветному чувству, первая строфа в переводе Пастернака становится постепенным переходом от безличностной констатации фактов-истин к понятию друга, заключенному именно в финальных строках. Поэтому, как и в оригинале, в тексте Пастернака они несут особую смысловую нагрузку.

Вторая строфа оригинала, оформленная как один развернутый вопрос, является, по сути, обращением лирического героя к возлюбленной с просьбой принять его чувство, иное, чем то, что принято называть любовью.

*I can give not what men call love,
But wilt thou accept not
The worship the heart lifts above
And the Heavens reject not,
The desire of the moth for the star,
Of the night for the morrow,
The devotion to something afar
From the sphere of our sorrow?*

Свое чувство автор не называет, но внимательное его описание составляет рему вопроса. При этом ключевыми являются понятия, выраженные словами *worship*, *desire*, *devotion*. Соответственно эти понятия раскрываются в лаконичной и емкой форме тремя ассоциативными взаимосвязанными рядами, каждый из которых основывается на двух образах, оформленных посредством синтаксически параллельных конструкций, актуализирующих семантику каждого слова, указывающего на возвышенность чувства. Автор уподобляет чувство преклонению (*worship*), не отвергнутому небесами, устремленности (*desire*) мотылька к звезде, а ночи к утру, преданности (*devotion*) неземному.

Характерно, что для выражения чувства, обращенного к небесам и возлюбленной, Шелли использует существительное *worship*, которое обозначает, во-первых, глубокое почтение и уважение к Богу, во-вторых, почитание, поклонение, преклонение ("reverence and respect paid to God; admiration and respect shown to or felt for sb or sth"), что противоречит стереотипному восприятию творчества Шелли. Поэтому, думаем, что именно оригинал дает возможность трактовки этого понятия в интертексте переводов словами *молитва* (Бальмонт) и *обет долголетний* (Пастернак). Существительное *молитва*, английским эквивалентом которого является *prayer*, отсутствующее в оригинале, позволяет точно и емко выразить смысл исходных строк, актуализируя его, кроме того, за счет семных связей с такими эпитетами, как *заветный* (*заветное слово*, *заветное чувство*), *святой* (*чувство святое*), в едином семантическом пространстве. Высокая лексика в переводе Пастернака также емко и полно передает глубину и возвышенность чувств. А перевод ассоциативных рядов посредством образов солнца и облака, росы и цветов, полночи и зари (у Бальмонта), бабочки и костра, полночи и рассвета, простора и планеты (у Пастернака), свидетельствует о свободной смысловой, а не буквальной интерпретации идеи оригинала. Отметим, однако, что и здесь бальмонтовская трактовка оригинала, сохраняющая, в отличие от текста Пастернака, вопросительную форму и глубоко личностный характер обращения, является более последовательной.

Таким образом, анализ показывает, что в интертексте стихотворения Шелли сосуществуют две самооценные интерпретации, основанные на общем принципе перевода, но освещающие источник с разных сторон. Если Бальмонт передает глубоко лирический характер произведения, стремясь наиболее адекватно передать его содержание и форму на лексическом и синтаксическом уровне, то интерпретация Пастернака отличается большей степенью "намеренной свободы", наследуя лаконизм и ритмомелодическое начало оригинала. Думаем, что в своем единстве именно интертекст переводов может рассматриваться как средство погружения в исходный текст и его культуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Английская поэзия в русских переводах (XIV-XIX вв.), 1981. Сборник. Сост. М.П.Алексеев и др. На англ. и русск. яз. Москва.
- Ожегов С.И., 1987, Словарь русского языка. Москва.
- Hornby A.S., 1982, Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, V. I, V. II. Moscow—Oxford.
- Shelley P., 1981, То, Английская поэзия в русских переводах (XIV-XIX вв.). Сборник. Сост. М.П.Алексеев и др. На англ. и русск. яз. Москва.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И СТЕРЕОТИП ВОСПРИЯТИЯ "ИУДИНА ГРЕХА" В БОГОСЛОВСКОЙ И БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В памяти народной, культуре остаются не только святые подвижники, герои, великие творцы и миротворцы, но и антигерои. Кто-то снискал любовь и благодарную память потомков своей праведностью, добрыми делами, бессмертными творениями, кто-то оказался обречен на муки вечные и вечный позор в памяти людей. Образы Иуды, Агасфера, Пилата стали нарицательными, а позорные их деяния нашли отражение в таких выражениях, как "иудин грех", "иудино лобзание", "пилатово умовение рук", "вечное скитальчество". Можно сказать, что эти антигерои стали восприниматься как обобщающая метафора, символ некоторых извечных сторон человеческого характера. На протяжении веков ученые богословы, писатели и художники пытались разобраться в индивидуальной психологии этих людей, понять, что толкнуло их на преступление, которому нет названия, настолько оно велико.

"Хотелось бы (да никак нельзя) воздержаться от упоминания об Иуде Искарите, этом самом ненавистном предателе в истории человечества и в то же время самом никчемном и самом жалком из всех предателей, живших на земле", — так начинается глава "Иуда" в романе Мигеля Отеро Сильвы "И стал тот камень Христом". Кратко пересказав печально известную всем историю, автор заключает: "... в довершение всех его бед ты его ненавидишь, я его ненавижу, все мы его ненавидим" (Сильва 1989: 53). Венесуэльский писатель оказался не прав.

Совершенно иное отношение к Иуде, не имеющее ничего общего с ненавистью, было у еретиков первых веков христианства — хранителей эзотерических учений церкви. Многочисленные гностические секты делали попытки оправдать Иуду. Так, например,

© М.М.Лоевская, 2004

каиниты рассматривали Каина (отсюда и название) как носителя божественного гнозиса, преследуемого демиургом (так как мир создан враждебным человеку демиургом); предательство Иуды они понимали как исполнение им высшего служения, необходимого для искупления мира и предписанного Самим Иисусом Христом¹.

Этот взгляд нашел отражение у Волошина и Борхеса. В ранг святых ставил Иуду Викентий Феррери (XV в.), согласно его версии, Иуда хотел молить Иисуса о прощении, но не смог пробиться сквозь толпу, окружавшую Его по пути на Голгофу. Тогда он решил повеситься, чтобы его душа могла взлететь на Голгофу и добиться прощения. Поэтому по вознесении Христа Иуда стал одесную Его, среди душ других блаженных (Косидовский 1991: 425). Помимо древних, достаточно много современных попыток реабилитации Иуды. В.Брюсов в своем произведении "Алтарь Победы. Повесть IV в." пишет: "... Не может Добро прийти в мир иначе, как через зло. Не было бы заслуг человека перед Богом, если бы змий не соблазнил Еву. Не родились бы патриархи, пророки, цари и святые, если бы в мир Каин не ввел смерть. И не совершилась бы жертва Искупления, если бы Иуда не предал на пропятие Учителя. Блаженны все, исполняющие волю Создателя".

Недавно в Интернете появилась статья "Великий святой — Иуда Искарот". Автор искренне полагает, что Иуда не был предателем, "он исполнял роль предателя. Ему поручил это Сам Бог-Христос. И он знал, что печать предателя останется на нем на века. Не от стыда и раскаяния он повесился. Он полностью исполнил свой долг перед Богом. Он повесился оттого, что его миссия на земле закончилась. С печатью предателя он не мог исполнять роль апостола. Ему не оставалось просто ничего другого, как последовать за своим Учителем. <...> теперь, на грани смены двух эпох, пора снять с Иуды Искарота проклятие и признать его Великим святым. И даже потому мы должны простить его, что Иисус учил нас прощать. А тем более потому, что даже если и принять мнение евангелистов о предательстве Иуды, то они сами подчеркивают, что это потому, что в него вселился сатана, а Бог-Христос не помешал этому, потому что в этом был высший смысл" (<http://grigam.wallst.ru/hram/pr2.htm>).

Да, Христос призывал нас прощать и любить врагов, но Он же, предсказывая ученикам о Своих страданиях, сказал: "... Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться" (Мф. 26, 24).

Кроме того, Иуда не был необходимым орудием в руках Божественного промысла. Ветхозаветные пророчества следовало бы рассматривать как предостережение от преступления, они лишь усиливают ответственность за него. Иуда действовал по своей воле, вопреки предостережениям со стороны пророков и Самого Христа. Да, в Иуду вошел дьявол, он стал орудием в его руках, но так всегда происходит с тем, кто сам, по собственной воле удаляется от Бога. Также защитник Иуды полагает, что личность этого "героя" позволяет сомневаться во всеведении и всемогуществе Христа. И этот довод представляется абсурдным, так как из Евангелий видно, что Христос не раз изобличал Иуду: "не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол", — это обличение тайного злого умысла Иуды Христом в Капернаумской синагоге после беседы о хлебе небесном; (Ин. 6, 70); на тайной вечере он открыто говорит, что один из них предаст Его. "При сем Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал" (Мф. 26, 25) и др. Мог ли Господь удержать Иуду от исполнения страшного замысла? Мог бы, конечно, но это было бы насилием над свободной волей человека. Таким образом, исходя из слов Самого Спасителя и всего Евангельского мирозерцания очевидно, что Иуда совершил богоубийственное дело, величайшее из всех беззаконий и нет преступления более тяжкого и чудовищного, чем иудино.

Несколько иным (не святым, но вызывающим сочувствие) Иуда предстает в книге Э.Ренана "Жизнь Иисуса". Об отношении автора к этому персонажу мы можем судить по эпитетам, которые он использует: Иуда несчастный, Иуда бедный. Упреки и обвинения обрушиваются не на предателя, а на евангелистов, в частности, на апостола любви Иоанна. По словам Ренана, особая ненависть против Иуды заключается именно в его Евангелии. "... в проклятиях, которые на него обрушились [Иуду — М.Л.], есть что-то несправедливое. Может быть, в *поступке* [курсив мой — М.Л.] его гораздо более неразумия, чем злонамеренности" (Ренан 1991: 245-246). З.Косидовский также указывает на то, что евангелист Иоанн "преследует цель пробудить в читателе презрение" (Косидовский 1991: 422). Ни презрения, ни тем более ненависти в Евангелиях нет. Образ же Иуды — образ мрачный и таким останется навсегда, несмотря на все попытки внести в душу Иуды момент трагический, возбуждающий сочувствие, желание понять психологическую мотивацию его предательства и желание его реабилитации.

Как мы видим, подобные взгляды популярны и имеют место по сей день. Поэтому имеет смысл обратиться к трактовкам причин предательства одного из апостолов и ученика Христа. Ученые-библеисты, философы, писатели предлагают нам разнообразные версии. Начнем мы не с традиционного взгляда, который хорошо известен — Иуду погубило сребролюбие, — эту точку зрения мы рассмотрим позже, но вновь обратимся к беллетристике, а именно упомянутому роману Мигеля Отеро Сильвы "И стал тот камень Христом". Шесть причин обозначаются устами апостолов. Так:

Матфей не сомневался. Алчность — это ворон, который может растерзать самую благородную душу; капкан, который подстерегает нас в жизни; поток, который несет нас к смерти.

— То было властолюбие, — говорит Иаков-старший.

Властолюбие — это мрак, обволакивающий людей и сбивающий с пути; грязь, мутящая светлую воду дружбы; скверна, отравляющая чистоту души. Иаков-старший думает, что Иуда шел с ними не из-за любви к Иисусу, а дабы заполучить часть царства, обещанного Иисусом... но ... утратил веру в Учителя, затаил злобу на Его милосердие, от которого нет никакого проку, и решил предать его, чтобы отомстить за крушение родившейся надежды на собственное возвеличение.

— То была ярость, — говорит Симон Зелот.

Ярость — это волк, вспарывающий клыками спокойствие людей; ураган, швыряющий их в кровавую бездну... Душа Иуды возмущалась и горела нетерпением добыть свободу Израилю, стремилась заполучить ее сегодня же, не дожидаясь завтрашнего дня. Но не ему было дано затеять это сражение, а Сыну Божьему... Гнев уязвил сердце Иуды, и он донес на Учителя.

— То была трусость, говорит Петр...

— Так было написано, — говорит Фома...

— То был дьявол, — говорит Иоанн...

Все одиннадцать, кто был другом и братом Иисуса, говорили вплоть до утра, но так и не убедили и не поняли друг друга. Наверное, только два человека на этом свете знали разгадку тайны... (Сильва 1989: 56-57).

Итак, корыстолюбие, разочарование в идеях и личности самого Учителя, уязвленное самолюбие — таков общепринятый взгляд на причины, толкнувшие Иуду к злу. У Ф.В.Фаррара можно найти как бы обобщающий вывод: "В погибельной душе Иуды бушевали зависть и алчность, ненависть и неблагодарность. В этом одуряющем смятении души, запятнанной смертельным грехом, сатанинские силы восторжествовали над человеческими" (Фаррар 1893:

471). Впрочем, этого кажется недостаточным некоторым писателям и они дополняют перечень такими мотивами предательства, как ревность и любовь.

В пьесе С.Чевкина "Иешуа Ганоцри" ревность Иуды к Иешуа из-за сестры Лазаря Марии приводит ученика к преступлению; в повести Л.Андреева "Иуда Искариот" Иуда ревнует к Христу Его учеников. В романе Генрика Панаса "Евангелие от Иуды" Иуда следует за Христом, привлеченный не Божественным учением, а лишь красотой Марии Магдалины, надеясь "увести ее от этих бродяг в иную, лучшую жизнь, достойную ее красоты" (Панас 1987: 33). Страдая от любовного недуга, он пытается завоевать ее расположение, для достижения этой цели Иуда решается "низвести властелина ее души [Христа — М.Л.], лишив его ореола избранности, до обычного смертного или обратить Его влияние себе в пользу" (Панас 1987: 138). Отвергнутый Марией, он доходит до ненависти к Тому, кого она боготворит.

В романе М.Булгакова "Мастер и Маргарита", как все мы хорошо помним, Иуду губит любовь к Нике, чьи чувства он хотел купить тридцатью тетрадрахмами, ее имя он укоризненно произносит в последние мгновения жизни. Подобные вариации умаляют чудовищность поступка Иуды, переводят его в житейскую, бытовую сферу, словно забывая, что за предательством следовала Гефсимания и Голгофа — "всемирный жертвенник". В очерке "Гефсимания" А.М.Федоров писал: "Нельзя измерить величия Божественной жертвы, но мучительная дрожь охватывает при мысли о том, что за ней и перед ней — предательство. Оно издевается над ее бесплодностью, звоном сребреников оно отвечает на молитву, четками которой служат кровавые капли пота" (Федоров 1911).

Мы не случайно главную причину иудинского предательства вынесли в конец. Дело в том, что даже среди богословов эта версия не рассматривается как основная в ряду других вышеперечисленных причин. Прот. П.Алфеев пишет: "Ясно, что тридцать сребреников только оформили сделку, но не составляли интереса самой сделки. Суть сделки для той и другой стороны заключалась не в тридцати сребрениках, а имела другую подоплеку, чисто морального свойства: для Иуды — это повод для вызова Иисуса на решительный шаг, а для первосвященников и старейшин — это формальное право убить Иисуса" (Алфеев 1915: 29). Довольно часто богословы указывают, что именно разочарование Иуды в мессианстве назаретского Учителя толкнуло его на страшный шаг (Муретов 1905). О. Александр Мень также говорит о разочаровании ученика в своем Учителе, Который не стремился к земной славе в отличие от Иуды, и тот отомстил за поруганную мечту быть одним из советников царя Иудеи. "В поступке Иуды прежде всего лежала его внутренняя трагедия, трагедия разуверившегося человека, крушение его веры. А потом — драма и горький конец" (Мень 1999: 191-192). Эту точку зрения разделяет и художественная критика (в лице, например, Стасова). Иуда "не мог понять Христа, потому что вообще материалисты не понимают идеалистов" (Стасов 1904: 115). Тем не менее нельзя забывать, что о внешних благах царства Мессии помышлял не только Иуда, но и другие апостолы, но именно сребролюбие "оземлило Иуду, сделало его грубым материалистом, безусловно глухим к возвышенному учению Христа" (Богдасhevский 1907: 352). О сребролюбии Иуды пишут все евангелисты (Мф., 26, 15; Мк. 14, 10–11, Лк. 22, 5; Ин. 12, 6). "Корень всех зол сребролюбие", — читаем мы в апостольских посланиях (1 Тим. 6, 10). "Сребролюбие отвращает от Бога и от любви к ближнему, отводит от истинной жизни и вносит смерть в душу, отнимает покой душевный и телесный", — пишет в своем известном дневнике св. прав. Иоанн Кронштадтский. (Св.прав. Иоанн Кронштадтский 1999: 448). Даже в агиографической литературе мы находим примеры, показывающие, насколько тяжок этот грех. Так, в житии Андрея Юродивого повествуется о том, как святой встретил на рынке инок, шею которого обвивал страшный змей, а в воздухе над ним "написано темными письменами: "Корень всякому беззаконию — змий сребролюбия"". Затем блаженный увидел спорящих о душе грешного инок ангела Божия и беса. Победа осталась за последним, так как с неба раздался голос светоносному ангелу: "Нет тебе части в том чернце, оставь его, потому что он не Богу, в мамоне работает".

Таким образом, совершенно напрасно сребролюбие рассматривается как малоубедительная причина предательства. Грех это тяжкий, душепагубный, способный повлечь за собой любое беззаконие. Иуда совершил дьявольское дело. "Вот какое великое зло сребролюбие! Оно именно сделало Иуду и святотатцем, и предателем. Услышьте все сребролюбцы, страждущие болезнью Иуды, — услышьте и берегитесь этой страсти. <...> Ужасен, поистине ужасен этот зверь", — так предупреждает нас, взывает к нам святой Иоанн Златоуст (Иоанн Златоуст 2003: 393).

Быть может много душ, родственных Иуде. Из-за денег убивают, предают, лжесвидетельствуют, тем самым убивая собственные души. Его именем принято награждать

предателей или же людей лстивых, жадных, корыстных, обуреваемых обыкновенными "будничными" страстями, имеющих заурядные человеческие слабости. Это неправильно и незаслуженно, слишком мелка и ничтожна эта оценка в сравнении с тем, что совершил ученик-предатель. "Иуда не только мировой тип всех указанных страстей, но и воплощение того зла, которое стремилось к вечной победе над злом, т.е. над делом Христа" (Алфеев 1915: 4). К сожалению, со временем зло стало романтизироваться (представляться загадочным, а порой трагичным), прикрываться красивыми одеждами.

Этим объясняется романтизация образа Иуды в художественной литературе, для многих он становится и притягательным, и завораживающим, и весьма неоднозначным. По-разному оцениваются и причины, и предательство, и лобзание Иуды; вызывает споры вопрос о том, причащался ли Иуда во время тайной вечери; существуют многочисленные и разноречивые истории о его гибели. Коснемся некоторых из названных проблем, но начнем с портрета.

"Иуда Искарот был высок и широкоплеч, острые и темные вьющиеся волосы, резко очерченный нос и небольшая бородка; на зеленый хитон накинута желтый плащ. В его внешнем облике не было ничего отталкивающего, напротив, он выглядел живописно и мужественно, как языческий вождь", — таким предстает антигерой в романе Мигеля Отеро Сильвы (1989: 54). Итак, писатель наделяет Иуду красотой, которая контрастирует с уродством души этого персонажа. Чрезвычайно важна в портрете такая художественная деталь, как одежда. Цветовая символика — *зеленый хитон и желтый плащ* — приобретает здесь особое значение. Известно, что в символике христианского искусства желтый цвет наиболее близок к спектру золотому, напоминает о нем. Золотой же цвет в цветовой иерархии занимает первое место и обозначает сияние Божественной славы, это свет нетварный, символ Небесного Иерусалима, символ истины. Совершенно иной смысл имеет желтый цвет плаща Иуды в романе Сильвы. В Третьей книге Моисеева Левите звучит следующее: если у мужчины или женщины появится *желтоватый* тонкий волос на язве, то "священник объявит их *нечистыми*: это *паршивость*; это *проказа*" (Лев. 13, 30). Так можно сказать и об Иуде: он нечист, душа его паршива и поражена проказой. Зеленый цвет, как правило, символизирует вечную жизнь, вечное цветение, надежду. Но зеленый плащ Иуды указывает на то, что хозяин его маломощный, ему есть чего стыдиться и отчего трепетать. Так, в Четвертой книге Царств написано: за порицание и поношение Бога живого (4 Цар. 19, 16) "жители сделались маломощны, трепещут и остаются в стыде. Они стали как трава на поле и нежная зелень" (4 Цар. 19, 26). Таким образом, при красивой и благородной внешности уродливость души Иуды выдает его одежда.

Интересно отметить, что в романе М.Булгакова также подчеркивается, что Иуда хорош собой при крайнем безобразии внутреннем, что опять-таки передается с помощью такой важной художественной детали, как цвет одежды: "... молодой человек, с аккуратно подстриженной бородкой..., в белом чистом кефи, ниспадавшем на плечи, в новом праздничном таллифе с кисточками внизу и в новеньких скрипящих сандалиях. Горбоносый красавец..." (Булгаков 1978: 728). Автор не случайно указывает цвет одежды. "Согласно символике цветов, приводимой в книге П.А.Флоренского "Столп и утверждение Истины", белый цвет "знаменует невинность, радость или простоту", а голубой — "небесное созерцание". Иуда из Кариафа, действительно, простодушен и наивен, ... но его простота хуже воровства" (Соколов 1996: 229).

Но никто еще не дал столь подробный, весьма объемный и глубокий психологический портрет Иуды, как Л.Андреев в повести "Иуда Искарот". Каждая деталь поясняется, комментируется автором. Его персонаж не только производит отталкивающее впечатление, но и вызывает отвращение, недоумение, брезгливость. Перед нами монстр, чудовище. "Он был худощав, хорошего роста... и достаточно крепок силою, но зачем-то притворялся хилым и болезненным и голос имел переменчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой женщины, ругающей мужа... Короткие рыжие волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный с затылка двойным ударом меча и вновь составленный, он явственно делился на четыре части и внушал недоверие, даже тревогу: за таким человеком не может быть тишины и согласия, за таким человеком всегда слышится шум кровавых и беспощадных битв. Двоилось также и лицо Иуды: одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки. На другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая; и хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромною от широко открытого слепого глаза. Прикрытый белесой мутью, не смыкающийся ни ночью, ни днем, он одинаково встречал и свет и тьму... Даже люди, совсем лишенные проникательности, ясно понимали, глядя на Искарота, что такой человек не

может принести добра..." (Андреев 1999: 153–154). Это и есть "внутренний человек", в котором процесс разлада дошел до мучительного безобразия (Анненский 1999: 555). Отвратительные черты наружности являются не просто отражением отвратительного характера, но всей внутренней сущности Иуды. Ложь без нужды, какая-то извивающаяся лживость, ненасытная жажда дурачить людей, клевета на добрых и злых без разбора плюс воровство денег и циничный рассказ о том, как растратил их на пьянство и блудниц — таким предстает Иуда со страниц повести. Но он мучительно и глубоко страдает из-за отношения к нему равви, в конце концов его страдания доходят до апогея от холодности безгранично любимого им Иисуса. Получив деньги и спрятав их под камнем, он возвращается к своему Учителю и с этой минуты полностью отдается своей любви к Нему. "...Тихой любовью, нежным вниманием, ласкою окружил Иуда несчастного Иисуса в эти последние дни Его короткой жизни. Стыдливый и робкий, как девушка в своей первой любви, страшно чуткий и проницательный, как она, он угадывал малейшее невысказанное желание Иисуса, проникал в сокровенную глубину Его ощущений, мимолетных всплеск грусти, тяжелых мгновений усталости..." (Андреев 1999: 184). Совершив предательство, он ждет чуда: ждет, когда солдаты издеваются и насмеются над Иисусом, ждет, стоя в толпе перед Пилатом, ждет при казни... "...глупо-бесплодную, прямо кощунственную попытку сделал наш писатель Л. Андреев, — пишет проф. Богдасhevский, — проводя взгляд, что Иуда предал Господа в надежде, что Он спасет чудом, или через народное восстание, или другим каким-либо образом; или что Иуда, сгорая нетерпением скорее увидеть открывшееся политическое царство Мессии, желал своим предательством как бы вынудить Христа поскорее обнаружиться в Своей славе" (Богдасhevский 1907: 352). Этот взгляд разделяет и В.Розанов. "Вранье об Евангелии, о Христе и апостолах", — такую резкую оценку повести дал он в своей статье "Русский "реалист"..." (Розанов 1907). По его мнению, Иуда выступает в повести как лучший ученик Христа, его корбит от "ужасного религиозного цинизма" Андреева. "Хохот над Богом давно поражает меня", — пишет он в работе "О Понимании" (Розанов 1886: 150). Андреевское воплощение евангельского рассказа об Иуде было принято им "за ниспровержение священной истины, что и определило столь резкое суждение" (Мартынова 1999: 579).

Диаметрально противоположный взгляд на повесть высказал М.Волошин в статье "Подвиг предательства". По его мнению, Л.Андреев, "подходя к великой моральной теме", "принял традиционного Иуду церковного предания и дал его предательству одно из возможных психологических объяснений" (Волошин 1907).

Множество разноречивых и противоречивых оценок "Иуды Искарота" Л.Андреева свидетельствуют о том, что образ этот так и остался непонятым. Кем же являлся для писателя его герой — "обманутым предателем", "оклеветанным апостолом" (Селиванов 1999: 575), единственно верным учеником-апостолом Христа или чудовищным преступником? Пожалуй, ответ на этот непростой ответ мы можем найти в воспоминаниях дочери писателя. Она пишет, что в холле их дома висела картина, написанная ее отцом, — "это головы Иисуса Христа и Иуды Искарота. Они прижались друг к другу, один и тот же терновый венец соединяет их... Одно и то же великое страдание застыло на них... Кажется, что от обоих лиц веет одинаковой трагической обреченностью" (Андреева 1986: 27–28). Представляется, что никаких объяснений здесь больше не требуется...

Но вернемся к евангельскому Иуде, который, увидев, что Иисус осужден, раскаялся и заявил первосвященникам: "Согрешил я, предав кровь невинную" (Мф.27,3–4). Впрочем это было лишь следствием угрызения совести, а не живой веры во Христа. "Он сожалел о том, что сделал, но не нашел в себе сил ни испросить прощения у Господа, ни чем-то добрым исправить то зло, которое совершил. Он не сумел переменить свою жизнь, вступить на путь, на котором мог бы загладить прежние грехи. В этом отличие между ним и апостолом Петром: тот отрекся от Христа, но всей своей жизнью, подвигом исповедничества и мученичества доказал свою любовь к Богу и тысячекратно искупил свой грех" (Иларион 2001: 9–10).

Почему покончил с собой Иуда? На этот вопрос дает вполне логичный ответ Ф.Фаррар: "Великие преступления обладают страшною силою озарения. Сила эта озаряет совесть неестественным светом и, сумраком затеняя своекорыстие, показывает действия и побуждения в их полном и истинном виде... Он [Иуда — М.Л.] ужаснулся собственной мерзости и сознание ее неудержимо гнало его от угрызений совести к отчаянию, от отчаяния к бешенству, от бешенства к самоубийству" (Фаррар 1893: 517).

Схоласт Евсевий Кесарийский, отец церковной истории (ок. 260–340) указывает, что Иуда удавился, но веревка оборвалась и он упал на землю (Fr.Blass: 47). Наверное, отсюда и пошли

легенды о том, что Иуда остался жив, но это для него было хуже смерти. "Иуда не умер в петле, но еще жил, захваченный прежде, чем удавился". "Тело его распухло до такой степени, что он не мог проходить там, где могла проезжать повозка, и не только сам не мог проходить, но даже и одна голова его. А веки глаз его настолько, говорят, распухли, что он не мог вовсе видеть света, а самих глаз его невозможно было видеть, даже посредством диоптры врача: так глубоко находились они от внешней поверхности" (Цит. по: Богдашевский 1907: 353). Подобная гипотеза подтверждается Папием Иерапольским, ученым, епископом, учеником ап. Иоанна. Он свидетельствует, что Иуда прожил долгое время, но был поражен страшной болезнью: тело его пухло и издавало невыносимое зловоние. Страшное преступление не могло не отразиться на внешности Иуды. Вид его стал не просто отталкивающим, но вызывающим отвращение. Даже после его естественной смерти (не удушения), как гласит предание, земля, в которой он был погребен, издавала столь невыносимый смрад, что невозможно было пройти мимо. "После больших мучений и терзаний он умер на собственном участке земли, и село это, вследствие отвратительного запаха, остается пустым и необитаемым даже до сего дня; даже теперь никто не может пройти мимо этого места, не закрывши руками (органа) обоняния. Столь великое наказание постигло уже на земле его тело" (Богдашевский 1907: 353).

Есть и другие версии смерти Иуды. Согласно одному из народных преданий, за свое страшное предательство он был поражен ужасной болезнью — слоновой проказой, — вследствие которой "тело его вздулось до огромной величины" и потому он был раздавлен проходившим возом (Фаррар 1893: 517).

Беллетристика, как правило, придерживается традиционной трактовки гибели Иуды (т.е. повесился). Исключением из правила являются романы Г.Панаса и М.Булгакова. Так, в первом Иуда — человек весьма образованный и богатый, рационалист и скептик, не герой и не антигерой. Он не предает Иисуса в буквальном смысле слова, так как Учитель Сам отсылает того, кто так активно готовил мятеж. Иуда ушел, а Иисус остался, зная, что выступление обречено. Учитель погиб, а его ученик остался жить, надеясь в глубине души, что его равви удалось каким-то образом спастись. Дожив до глубокой старости, он пытается оправдать свой давний уход. Выжив, он проиграл: его честолюбивые замыслы не осуществились, он потерял Марию, ничего не узнал об участии Иисуса, все считают его предателем, а секта, им основанная, популярности не приобрела, так как была создана не из религиозных соображений, а с целью самооправдания.

В известном романе М.Булгакова Иуда-предатель погибает от рук наемных убийц. "... за спиной Иуды взлетел нож, как молния, и ударил возлюбленного под лопатку. Иуду швырнуло вперед, и руки со скрюченными пальцами он выбросил в воздух. Передний человек поймал Иуду на свой нож и по рукоятке всадил его в сердце Иуды" (Булгаков 1978: 732). Тот, кто предал Иешуа, сам будет предан своей же возлюбленной.

О том, что Иуда удавился, говорят все евангелисты. В Деяниях апостолов также упоминается о том, что предатель повесился, после чего, "упав головой вниз, расселся, и выпали все внутренности его" (Деян. 1, 18).

Но и здесь народные предания стараются дополнить евангельские сказания. "Дерево Иуды", которое якобы до сих пор стоит в Иерусалиме, описывается как "сучковатое, безобразное, безлистное" (Фаррар 1893: 517). Некоторые полагают, что это была олива, согласно русской версии — осина.

Такова память о зле — предательстве Иуды — "сына погибели". Но, как ни странно, образ этот зачастую заслоняет, порой даже "снижает" образ самого Христа, что, с нашей точки зрения, совершенно недопустимо. Булгаковский Христос-Иешуа робок и слаб, наивен и простодушен, конечно, нравственно он высок, но высота его человеческая. Булгаков полностью отверг свидетельства о внешней, телесной красоте Иисуса, ею в романе наделяется Иуда. У Ренана, напротив, Христос изображается как юноша, выросший в "упоительной среде Севера". Он чист, наивен (опять наивен!), полон нежности и снисходительности к людям. Он проповедует счастливое Царство добрых бедняков, безоблачную "религию сердца", веру в благого Небесного Отца (Ренан 1907: 129). "Гефсиманская молитва Иисуса Христа истолкована Ренаном по меньшей мере тривиально, если не кощунственно. За каждым словом здесь сквозит одна-единственная мысль: "Он человек. Он просто человек. Он такой же человек, как мы, не более. И этого было достаточно, чтобы опошлить, сделать элементарным и плоским трагическое и священное" (Мень 2001: 433).

Если вновь обратиться к беллетристике, например, рассказу Ю.Нагибина "Любимый ученик", то симпатии автора не просто на стороне Иуды, его Христос Сам предает лучшего из своих

учеников, Он явно смущен, и Ему стыдно перед благородным Иудой, готовым ради своего Учителя на любую, самую страшную жертву. "Иисус почувствовал, что Ему стыдно смотреть в глаза Иуде... Он едва не дрогнул" (Нагибин, с.194). Он готов просить у Своего преданного ученика прощения, мысленно обращается к нему со словами: "... Иуда, брат мой и жертва, прости Меня!" Христос С.Чевкина менее совестлив. Его Ганоцри использует иерусалимскую чернь для своих выгод, он нетерпелив с противниками, и его цель — привести Израиль к Царству справедливости, где не будет места обидчикам народа Израилева. Но перед нами возникает не просто вождь израильтян, но расчетливый политикан, ни о какой Истине, Жизни, Спасении речь вообще не идет. Сам автор признает, что характеры действующих лиц развиты произвольно (слишком "произвольно"! — М.Л.), но в строгом соответствии с материалом, оставленным историей. Конечно, интересно, каким именно? Скорее всего, это относится к именам и географическим реалиям, но никак не к евангельским образам.

Стоит ли после этого удивляться, что сегодня для многих и Христос, и Иуда — это миф, персонажи вымышленные, созданные народной или писательской фантазией. Согласно теории Давида Фридриха Штрауса² и Фолькмара (Ершова 2001: 43), как, впрочем, и писателя (коим он себя почитает) З.Косидовского, "все сказания об Иуде — чистейший вымысел, никакого Иуды не существовало" (Косидовский 1991: 423). Оригинальной эту точку зрения не назовешь, она далеко не единична. Р.М.Бланк также утверждает, что "не было никаких доносов и никаких предательских поцелуев... Иуда не предавал Иисуса... Да и не было, по всей вероятности, никакого Иуды Искарота" (Бланк 1923: 46-47). Хорошо хоть Христа нам оставил!

Как нам представляется, перетолкование евангельского текста непозволительно и недопустимо, до сих пор он остается уникальным, надежным и единственным свидетельством о жизни и учении Иисуса Христа. К сожалению, до сих пор многие не могут осознать всю тяжесть греха Иуды, отсюда многочисленные разногласия в трактовке этого образа. Данный факт не так безобиден, как могло бы показаться на первый взгляд. Это свидетельствует о том, что мы не можем отличить свет от тьмы, добро от зла, хорошее от плохого, не замечаем подмены белого черным, предательство и измену почитаем за подвиг. Впрочем, все это лишь следствие, а причина очевидна: духовная слепота, оскудение веры, недоверие к Священному Писанию. Поэтому делаются попытки перетолковать или найти то, чего нет в Евангелии, отсюда попытки оправдать, реабилитировать зло. А между тем основной рычаг всех действий Иуды ясно указан в Евангелии, тайна души его раскрыта Христом и евангелистами. Следует лишь обратиться к этому дару (enaggelion — от греч. "дар", лишь позже это слово стало обозначать "благовестие", "радостную весть" о жизни и учении Иисуса Христа). Нельзя не согласиться с Руссо, утверждавшим, что выдумать евангельскую историю было невозможно. По мнению Гете, "все четыре Евангелия подлинны, так как на всех четырех лежит отблеск той духовной высоты, источником которой была личность Христа и которая является Божественной более, чем что-либо другое на земле" (Эккерман 1934: 847).

1 Подобные взгляды разделяли манихеи, офиты, барбелиты, валентиане и др. См. Таевский Д.А. Христианские ереси и секты I-XXI веков. Словарь. М., 2003.

2 Штраус Д.Ф. (1894-1949) — немецкий теолог и философ. В сочинении "Жизнь Иисуса" (1835-1836) отрицал достоверность Евангелий, считал Христа исторической личностью, но не Богом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алфеев П., прот., 1915, Иуда предатель. Рязань.
 Андреев Л., 1999, Иуда Искарот. Москва.
 Андреева В.Л., 1986, Эхо прошедшего. Москва.
 Анненский И.Ф., 1999, *Иуда*, Андреев Л., Иуда Искарот. Москва.
 Бланк Р.М., 1923, Иуда Искарот в свете истории. Берлин.
 Богдасhevский Д., 1907, *Иуда предатель*, Православная библейская энциклопедия. Т. 8. С.-Петербург.
 Богдасhevский Д., 1907, *Иуда предатель*, Православная богословская энциклопедия. Т. 7. С.-Петербург.
 Булгаков М., 1978, Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Москва.
 Волошин М., 1907, *Вместо рецензии*, Русь.
 Ершова С.А., 2001, Книга Иуды. Антология. С.-Петербург.
Житие святого Андрея юродивого, 1904, Дмитрий Ростовский.
 Жития святых. Октябрь. Кн. 2. Москва.

- Иоанн Златоуст, 2003, *Толкование на Евангелие от Матфея*, Чтение на каждый день Великого поста. Москва.
- Иларион (Алфеев), иг., 2001, *Вы — свет мира*. Клин.
- Косидовский З., 1991, Библейские сказания. Сказания евангелистов. Москва.
- Мартынова Т.И., 1999, *Евангелия к философии истории*, Андреев Л., Иуда Искарот. Москва.
- Мень А., прот., 2001, *Трудный путь к диалогу*. Москва.
- Муретов М.Д., 1905, *Иуда предатель*, Богосл. вестн. Серг. Посад, июль-август.
- Нагибин Ю., *Любимый ученик*, Рассказы.
- Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей, 1999. Москва.
- Панас Г., 1987, *Евангелие от Иуды*. Москва.
- Ренан Э., 1907, *Жизнь Иисуса*. Москва.
- Ренан Э., 1991, *Жизнь Иисуса*. Москва.
- Розанов В., 1907, 19 июля, *Русский "реалист"* об евангельских событиях и лицах, Новое время.
- Розанов В., 1886, *Понимании*. С.-Петербург.
- Св. прав. Иоанн Кронштадский, 1999, *Моя жизнь во Христе*. Москва.
- Селиванов А.А., 1999, *Оклеветанный апостол*, Андреев Л., Иуда Искарот. Москва.
- Сильва Мигель Отеро, 1989, *И стал тот камень Христом*, Иностранная литература. № 3.
- Соколов Б., 1996, *Энциклопедия Булгаковская*. Москва.
- Стасов В., 1904, Н.Н.Ге, его жизнь, произведения и переписка. Москва.
- Фаррар Ф.В., 1893, *Жизнь Иисуса Христа*. С.-Петербург.
- Федоров А.М., 1911, *Гефсимания*, Новое слово, Пг., апрель.
- Эккерман И.П., 1934, *Разговоры с Гете*. Москва.
- Fr. Blass, Acla.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ РЕЧИ В АСПЕКТЕ ВНУТРИСТИЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЛЕДСТВЕННО-СУДЕБНЫХ ТЕКСТОВ

С 80-х годов XX в. лингвистические исследования в области деловой речи осуществлялись параллельно в нескольких направлениях¹. На сегодняшний день определены базовые экстралингвистические факторы официально-деловой речи, описаны ее общие стилевые черты: императивность, точность, неличный характер изложения, стандартизация (Кожина 1972, 1983; Ушаков и др.); установлено своеобразие функционирования в официально-деловых текстах некоторых семантико-стилистических категорий — предписания, констатации, оценки (Кожина 1989; Ивакина 1990 и др.). Несколько большее внимание исследователи уделяют описанию языковых средств официально-делового стиля и его лексико-синтаксическим особенностям (Шмелев 1977; Логинова, Веселов 1982; Рахманин 1973; Ивакина 1991 и др.).

Одним из нерешенных до сих пор, но чрезвычайно важных в практическом, а главное — в теоретическом плане является вопрос о внутрителиевой дифференциации текстов официально-делового стиля, "жанрах и критериях их выделения" (Губаева 1997). Большинство исследователей официально-делового стиля (Кожина 1972; Рахманин 1982; Плескачева 1984; Губаева 1990; Вшивков, Старцева 1991; Веселов 1993; Ивакина 1995; Рогожин 1999; Колтунова 2000 и др.) указывают на его неоднородность. Так, М.Н.Кожина, характеризуя общие стилевые черты официально-делового стиля, отмечает факт его внутренней дифференциации: "Деловой речи ... свойственны, во-первых, довольно заметные различия между жанрами и подстилями. Так, канцелярская речь в целом отличается большей конкретностью и более личным характером выражения по сравнению с языком и стилем собственно законодательных актов высших органов государственной власти. Во-вторых, деловой речи свойственны своего рода переходные явления, например слияние делового стиля с публицистическим..." (Кожина 1993:181)².

Наименее изученным в плане внутрителиевой дифференциации является юрисдикционный, следственно-судебный подстиль официально-делового стиля. Это закономерно, так как номенклатура документов здесь обширна, а особенности их оформления в ряде случаев строго регламентируются положениями соответствующих статей Законов, должностными инструкциями и зависят от этапов процессуальных действий. Так, В.И.Басков в предисловии к своей работе отмечает, что каждый из составляемых текстов "должен строго соответствовать требованиям уголовно-процессуального и уголовного законов, отражать цели и задачи по выполнению намечаемых процессуальных действий" (1996: 7).

При изучении юрисдикционного подстиля авторы-юристы обращают внимание на правила сбора информации и оформления документов, дают их образцы (Подголин 1975; Зубарев, Крысин, Амиров 1976; Питерцев 1981; Амиров 1990; Пиголкин 1990; Молчанов 1991; Власенко 1995; Басков 1996 и др.). Исследователи-филологи разрабатывают вопросы культуры судебной речи (Ивакина 1995, 1999 и др.; Губаева 1990), выявляют и описывают элементы разговорного стиля в сфере судопроизводства, речевые аспекты реализации языка, терминологию (Соловьев 1977; Шевченко 1983; Роман 1998; Милославская 2000). При этом регулярно отмечается существование некоего "ядра" (части подстиля, наиболее полно реализующей специфические черты официально-делового стиля в целом)³ и периферии. Однако их точные границы, признаки, критерии отнесения текстов к ядерной или периферийной зоне не уточняются.

Основанием для определения внутрителиевого деления является прежде всего функция текста, направленная на удовлетворение определенных целей (и подцелей) коммуникативно-речевой деятельности. Она обуславливает стилевые черты текста, его жанровые особенности и систему языковых средств. Нам представляется, что дополнительным критерием (показателем) при этом может служить использование в тексте тех или иных функционально-смысловых типов речи (ФСТР)⁴. Степень связи со специфическими стилевыми чертами официально-делового стиля может служить показателем распределения конкретных текстов в структуре юрисдикционного подстиля на ядерные и периферийные.

Нами проанализированы материалы следственно-судебного подстиля. Материалом исследования послужили тексты 30 протоколов допроса, 30 протоколов осмотра места происшествия, 30 судебных экспертиз и 20 текстов приговоров суда, собранные в Областной прокуратуре Пермской области с 1997 по 2003 гг. (по делам, приговор по которым вступил в законную силу). Применение методов стилистического анализа целого текста, сравнительно-

сопоставительного, а также количественного в совокупности с анализом использованных в текстах лексико-грамматических средств и признаков ФСТР позволило выявить некоторые их особенности.

В целом следственно-судебный подстиль отличается большим разнообразием жанров. Это объясняется, помимо прочего, многоэтапностью самого следственного процесса, на первой стадии которого составляются **первичные документы**, отражающие основания для возбуждения уголовного дела, — обозначим их жанрами первичной документации. Они либо сразу составлены письменно (например, рапорты работников милиции, собственноручно написанные заявления или объяснения граждан, жалобы потерпевших и др.), либо переводятся в письменную форму из устной (запротоколированные устные заявления граждан, явка с повинной, объяснения и др.). Сюда относятся **протоколы следственных действий** (допросов, осмотра места происшествия), различные акты судебных экспертиз, постановления, закрепляющие то или иное решение, и ряд других документов. Все они являются **документами стадии предварительного расследования**, фиксирующими его ход и результаты, составляющие соответствующие жанры.

© Л.Г.Кыркунова, 2004

На следующей стадии появляется текст **приговора** — это решение суда о виновности/невиновности подсудимого и о применении/неприменении к нему наказания. Он представляет собой логическое завершение всего следственного процесса, своеобразную "компрессию" нескольких предыдущих текстов, из которых отобрано только самое главное и необходимое для того, чтобы приговор был обоснован и мотивирован. Структура текста приговора может быть представлена в виде последовательности коммуникативных блоков: **сведения о составе суда в заседании** (о дате суда, председателе, прокуроре, адвокате и других лицах, имеющих отношение к суду); **сведения о подсудимом** (Ф.И.О., социальный статус, наличие/отсутствие судимостей; при наличии последних подробно указываются статьи, сроки, погашены или нет судимости); **обстоятельства дела** (описание ситуации, при которой было совершено преступление); **показания подсудимого и свидетелей** (подсудимый заявляет о признании/непризнании своей вины, свидетели дают показания, подтверждающие/опровергающие его вину); **обоснование приговора** (указывается, на основании каких сведений, показаний следует квалифицировать действия подсудимого как преступление или не нарушающие уголовно-правовых запретов; определяется необходимость вынесения обвинительного/оправдательного приговора; указываются отягчающие и смягчающие вину обстоятельства, которые должны быть учтены при вынесении приговора); сам **приговор** (подсудимый объявляется виновным/оправданным; указываются статьи обвинения, соответствующий срок лишения свободы, необходимость выплаты штрафов или возмещения ущерба; наименование учреждения и срок обжалования).

Описательная часть текста приговора суда — до формулировки собственно приговора — может быть значительна по объему, однако главная функция документа реализуется именно в заключительной части, где в лице суда государство осуществляет свое право на уголовное наказание гражданина. Например:

Суд приговорил:

Щукина Александра Михайловича признать виновным по ст. 207, 218 ч.2 УК РФ и назначить наказание — по ст. 207 УК РФ — 6 месяцев исправительных работ без лишения свободы, по ст. 218 ч.2 УК РФ — 1 год исправительных работ без лишения свободы. В соответствии со ст. 40 УК РФ окончательно назначить Щукину А.М. наказание — 1 год исправительных работ без лишения свободы, с отбыванием наказания по месту работы осужденного, с удержанием с него 15% заработка в доход государства. Мере пресечения до вступления приговора в законную силу оставить прежнюю — подписка о невыезде. Вещественное доказательство — нож, изъятый у Щукина А.М., направить в ЭТО Березниковского ОВД для уничтожения.

Мы видим, что в тексте приговора реализуются такие характерные в целом для официально-делового стиля черты, как императивность, предписующе-долженствующий характер изложения, неличный характер речи. Текст предельно обезличен, что отражено уже заголовком: "Приговор Именем Российской Федерации". Та часть текста, где излагается собственно приговор, представляет собой перформатив, (высказывание, равное действию), т.е. с произнесением слов приговора человек автоматически меняет социальный статус, становится осужденным или оправданным судом⁵. Налицо ФСТР **предписание**.

Речевое общение в исследуемой сфере осуществляется в пределах того или иного типа правоотношений, который, в свою очередь, определяет типы речи. В тексте приговора суда используются и аргументативные ФСТР, и представляющие (по классификации В.В.Одинцова). Однако "строевыми" (определяющими специфику текстов этого типа и реализующими в полной мере его коммуникативную программу) являются характерные именно для официально-делового стиля предписание и констатация⁶. Два первых коммуникативных блока текста приговора представляют собой **констатацию** с элементами перечисления объектов.

Блок "Обстоятельства дела" также представлен ФСТР **констатации**. Эта часть текста предназначена для введения суда и присутствующих в существо дела, фиксирует обстоятельства, констатирует наличие правонарушения. Языковая формула этого этапа следующая: ...суд установил: ..., вступив в преступный сговор... совершил ...

Блок "Показания подсудимого и свидетелей" оформляется с помощью **контаминированного типа** речи, в котором соединились элементы повествования (иногда описания) с элементами объяснения. Это выражается с помощью лексем типа *пояснил, подтвердил, объяснил*, например:

Подсудимый вину не признал, пояснил, что Масленникову не бил, она злоупотребляла спиртными напитками и в состоянии опьянения часто падала и от этого были синяки...

Сообщается о развивающихся действиях и состояниях, при этом подтверждается, разъясняется или опровергается какой-либо факт.

В блоке "Обоснование приговора" реализуется ФСТР **рассуждение**. Эта часть приговора содержит один или несколько аргументов, например:

По степени тяжести применительно к живым лицам телесные повреждения имеют признаки тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни в момент причинения.

Далее следует обоснование логических связей между аргументами, делаются соответствующие выводы, например:

Исследовав материалы дела и оценив все доказательства в совокупности, суд считает установленной вину Лукина в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Масленниковой, что повлекло ее смерть. Показания подсудимого суд оценивает как избранную политику защиты. В основу приговора кладет показания свидетелей, которые достаточно последовательны и у суда нет оснований им не доверять.

Языковой формулой заключительного блока "Приговор" служит стереотипная формулировка: Суд приговорил:... **признать виновным по ст. ... и назначить наказание в виде...**, вслед за этим называется мера пресечения (лишение свободы, лишение свободы условно, подписка о невыезде и т.п.), указывается срок лишения свободы или исправительных работ, другими словами, перечисляются положения, которые должны быть осуществлены для наказания лица, преступившего закон. Изложение представлено в виде ФСТР **предписания**. Еще пример:

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 301-303 УПК РФ, суд

Приговорил:

*Подвинцева Александра Григорьевича **признать** виновным по ст. 144 ч. 1 УК РФ и **назначить** ему наказание в виде лишения свободы сроком на шесть месяцев с отбыванием в исправительно-трудовой колонии общего режима, исчисляя срок с 11 июня 1993 г. Мере пресечения до вступления приговора в законную силу **оставить** заключение под стражей...*

Специфика текстов приговора суда, их коммуникативно-речевая функция, стилевые и доминирующие ФСТР обеспечивают им центральное положение в поле следственно-судебного подстиля. Это отражается и в использовании определенных лексико-грамматических средств. Анализ языковых элементов лексического уровня показывает, что в текстах приговоров, как правило, наряду с общеупотребительной лексикой широко употребляются слова и нейтральной и правовой сферы, что обусловлено коммуникативной задачей (объективно отразить реализацию правовых отношений), преобладающим ФСТР и сферой употребления текста, а кроме того, характером предмета и объекта речи.

Основу лексики приговора составляют, в основном, общеупотребительные, стилистически нейтральные слова, обозначающие действие (*купил, продал, упал, ударил, общалась*) и конкретные объекты (*коробка, деньги, подростки, киоск*), однако значительную часть составляют лексемы с абстрактным значением, тематически соотнесенные со следственно-судебной сферой (*хищение, вина, наказание, сговор*). К минимуму сведено количество лексем (имен прилагательных), обозначающих признаки предмета (*цвет, запах, личные качества человека*), что объясняется обезличенностью изложения, а также недопустимостью в тексте приговора субъективно-эмоционального компонента. Редки в употреблении глаголы, причастия. Используемые глаголы (их 6-7% от общего количества лексических единиц), как правило, тематически соотнесены с исследуемой сферой (*проник, похитил, нанес (телесные повреждения), установил, приговорил*).

В блоке "Приговор" до 90% глаголов используется в терминированных словосочетаниях в форме инфинитива со значением предписания: *признать (виновным), назначить (наказание), оставить (меру пресечения), взыскать (штраф), удовлетворить (иск)*, что обусловлено должностно-предписующим характером изложения официально-делового (законодательного) стиля, выражающегося в предписании как основном для этой части текста ФСТР. Наличие в тексте приговора значительного количества дееспричастий (до 7% от общего количества словоупотреблений), объясняется литературным (письменным) характером текста в целом, а также стремлением автора сделать акцент на констатации фактов (*установив, вступив, учитывая, причинив*).

Таким образом, приговор является центральным жанром следственно-судебного подстиля, о чем свидетельствует прежде всего его целевая установка, а также **доминирующие типы речи** (и используемые для их создания языковые средства), которые и позволяют документу реализовать свое назначение.

При анализе **протоколов допроса** мы опирались на общепринятое и нормативно закрепленное определение, а именно:

Протокол допроса — процессуальный акт, закрепляющий показания свидетеля, обвиняемого или объяснения, данные экспертом в разъяснение своего заключения. Протокол допроса составляется следователем или иным лицом, производящим дознание. Он должен закреплять с возможной полнотой показания допрашиваемого и составлять в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. (Комментарии к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, 1999).

Нами проанализированы два вида протоколов: протокол допроса свидетеля (потерпевшего) (далее ПД); протокол осмотра места происшествия (далее ПОМП).

Во многих исследованиях отмечается, что деловые тексты реализуют целый комплекс функций⁷. В рассматриваемых нами текстах протоколов их также несколько. Проводя допрос, следователь имеет в виду несколько целей: выяснить интересующие следствие факты; возможно, дать ответы на определенные вопросы; точно зафиксировать слова допрашиваемого; осмыслить всю полученную информацию под углом фактических обстоятельств, формирующих состав того или иного преступления и "уложить" сказанное допрашиваемым в рамки, установленные правилами составления данного документа. Т.В.Губаева, затрагивая проблему диалогичности официальной письменной речи, отмечает, что "стилистические свойства протоколов допроса на предварительном следствии заданы характером этого следственного действия. В ходе допросов от потерпевшего, свидетелей, подозреваемого, обвиняемого получают показания, которые должны быть облечены в предусмотренную законом форму ..." (1990: 133). На допросе свободный рассказ получает, во-первых, ту или иную направленность в зависимости от вопросов следователя, во-вторых, обретает форму, наиболее приемлемую для документа следственно-судебного подстиля официально-делового стиля, при этом следователь обязан по возможности дословно, в первом лице, с сохранением всех языковых особенностей речи допрашиваемого, зафиксировать показания.

Сравним: допрашиваемый говорит о том, что он с друзьями пил водку, ничего не делал. Следователь записывает в протоколе: *Там мы употребляли спиртные напитки, отдыхали.* Или: потерпевший рассказывает: *Я был пьяный, помню все плохо,* следователь записывает: *Я был в нетрезвом состоянии, обстоятельства помню плохо.* Т.В.Губаева отмечает: "В первоначальной беседе со следователем допрашиваемый выступает как отправитель информации. В момент записи показаний в протокол следователь становится отправителем информации по отношению ко всем участникам процесса, в том числе — и к допрашиваемому" (1990: 135).

Таким образом, основная функция протокола допроса свидетеля (потерпевшего) — коммуникативно-информационная. Протокол фиксирует информацию и устанавливает связь между фактами и обстоятельствами дела и участниками процесса.

В структуре текстов протокола допроса выделяются две части: **вступительная** (формулярная) часть, в которой имеет место последовательность клишированных конструкций. Следователь заполняет пропуски (дату составления протокола, сведения о лице, производящем допрос или осмотр, сведения о допрашиваемом (в ПД) или о понятых и лицах, имеющих отношение к осмотру (в ПОМП)); **основная** часть ПД и ПОМП представляет собой связный текст. Доминирующим ФСТР в тексте ПД является **повествование**. В ходе допроса, допрашиваемый, как правило, говорит, поясняя обстоятельства дела, а следователь записывает, но нормы УПК требуют, чтобы сказанное было записано дословно, от первого лица. Другими словами, ПД — это рассказ от первого лица о каких-либо обстоятельствах и фактах, например:

...Мы дошли до перекрестка с ул. Добролюбова. Навстречу нам шли четверо ребят. Из них двое малолетние, лет 15-16, двое постарше, 17-18 лет. Те, что были впереди, завели разговор, попросили закурить, потом спросили: "Почему без родителей, почему без шапки..."

Налицо динамически выраженное "сообщение о развивающихся во временной последовательности" действиях (Нечаева 1974 :143). Элемент **констатации** присутствует лишь во второй части документа, где допрашиваемый удостоверяет, что протокол с его слов записан без искажений, например: *Протокол мною прочитан. С моих слов записано верно. Мною прочитано, записано верно.*

Главная цель автора текста при составлении **ПОМП** — как можно подробнее описать место происшествия, точно указать место расположения объектов, положение трупа (если совершено убийство), другими словами, объективно оценить и зафиксировать на бумаге реальное положение вещей на момент осмотра. Оттого, насколько четко, ясно, точно составлен ПОМП, будет зависеть ход дальнейшего расследования. Однако то, что видит следователь на месте происшествия, сразу "включается в профессиональный фрейм, ассоциируется с типовыми моделями происшествий подобного рода и с тем, как нужно действовать", — отмечает Т.В.Губаева (1996: 264). Уже во время осмотра начинается поиск возможных версий, следователь обращает внимание на те детали обстановки, какие могли быть связаны непосредственно с объективной и субъективной сторонами преступления, что находит отражение в тексте.

Так, например, при осмотре трупа на месте происшествия в протоколе ОМП зафиксировано следующее:

Трупное окоченение выражено слабо во всех группах мышц. На передней поверхности груди, ниже левой ключицы, по средней ключичной линии — зияющая рана линейной формы в продольном направлении с довольно ровными краями, нижний конец раны — приострен... Кости свода черепа на ощупь — целые, отверстие носа, слуховое отверстие — свободны...

Основная часть протокола ОМП может быть представлена в виде четырех коммуникативных блоков: описание расположения места происшествия и его границ и окружения с указанными измерениями; описание дополнительных действий при осмотре; заявления и дополнения, сделанные участниками осмотра; подтверждение правильности составления протокола.

Первая из указанных частей текста — коммуникативных блоков — является основной в описательной части протокола ОМП, так как она направлена на конкретное описание места происшествия, все, что его окружает и имеет отношение к происшествию, при этом выполняются необходимые измерения, имеющие значение для дела, например:

Место происшествия находится в д. Слободка Чернушинского района, частный дом гр. Вяткина, одноэтажный, в деревянном исполнении, вход в дом находится во дворе. Перед входом имеется крыльцо. В доме имеется одна большая комната с печкой в центре комнаты. В доме имеется маленькая комната размером 2х2,5, где расположены две кровати с телевизором у окна посередине...

Налицо сообщение, дающее "статическую картину, представление о характере, составе, структуре, свойствах, качествах объектов путем перечисления как существенных, так и несущественных в данный момент признаков" (Нечаева 1974: 140). Другими словами, данный фрагмент текста представлен **ФСТР описания**.

"Описание дополнительных действий при осмотре" представлено **контаминированным** типом речи, а именно повествованием с элементами констатации, так как в этой части описывается не статическая картина — объекты и их признаки, а действия, например:

При осмотре места происшествия производилась фотосъемка фотоаппаратом "Зенит ТТЛ" на фотопленку "Фото-64".

Элементы констатации представлены во фразах типа: *следов, указывающих на борьбу в квартире, не обнаружено. Или: труп дактилоскопирован.* "Заявления и дополнения, сделанные участниками осмотра", и "подтверждение правильности составления протокола" также представлены смешанным типом — **описанием с элементами констатации**. Этот фрагмент является заключительным в тексте протокола. После чего указывается, кем был прочитан протокол, подписи всех участников осмотра подтверждают правильность его составления, например:

При ОМП от понятых замечаний и дополнений не поступало. Протокол ОМП прочитан следователем вслух, записано правильно.

Понятые: _____;

Следователь: _____;

Специалист: _____.

В целом для текстов ПД и ПОМП характерны представляющие типы речи: характеристика, описание, повествование. Интересно, что именно эти типы речи наиболее часто употребляются в

разговорно-бытовом стиле, под значительным влиянием которого находятся исследуемые тексты. Это проявилось в своеобразии лексико-грамматического оформления протоколов.

В ПД и ПОМП доминируют профессиональные термины, клише следственно-судебной сферы в соединении с лексикой разговорно-бытового стиля. Это не случайно. Текст протокола допроса — результат двусторонней речевой деятельности, своеобразного диалога участников допроса. Основная установка автора-составителя текста — дословное воспроизведение показаний допрашиваемого, что необходимо для более точного понимания обстоятельств дела. Однако при недостаточном владении автором-составителем ПД норм литературного языка тексты демонстрируют смешение несовместимой по своей стилистической окраске лексики, например, использованием просторечных слов и оборотов:

*Мы стали с ним разговаривать спокойным тоном. Я спросил у него, почему он бьет сожительницу. Яксанов встал с кровати, начал **ругаться на меня**, махал руками, хотел меня ударить, но не смог, так как был сильно пьян, он **задирался на меня**, поэтому, чтобы он **на меня не лез**, я толкнул его обратно на кровать. При падении он перевернулся и как-то боком упал на спинку кровати, ударившись об угол... Причинять Яксанову травму я не хотел, я его не избивал.*

Большую часть лексики текстов ПД составляют стилистически нейтральные слова. К ним относится большинство имен существительных, обозначающих конкретные предметы (*дом, подъезд, автобус, деньги*). При этом процентное содержание имен существительных достаточно высоко (до 40% от общего количества словоупотреблений). Среди имен прилагательных (а их число в целом невелико — 3-4% от общего количества словоупотреблений) в основном используются качественные (*левый, дружеский, маленький, высокий, коричневый*). В текстах ПОМП разговорно-бытовая лексика составляет от 30 до 40 %, что, возможно, обусловлено традициями оформления текстов этой разновидности или ограниченностью тезауруса автора.

Таким образом, тексты ПД и ПОМП представляют собой контаминированный тип речи, здесь, по существу, пересекаются особенности двух стилей — официально-делового и разговорно-бытового, так как коммуникантами (свидетелями) являются лица неофициальные. Здесь представлены ФСТР разных видов — повествование, описание, констатация.

Судебная экспертиза (далее СЭ) в самом широком смысле преследует те же цели, что и допрос, осмотр места происшествия и другие следственные действия. Однако если при проведении допроса или осмотра места происшествия следователь, как правило, не знает заранее того, что может выяснить или обнаружить, то для проведения экспертизы всегда необходимы вопросы, поставленные перед экспертом, а также кратко изложенные обстоятельства дела, которые и являются основанием для назначения экспертизы. В связи с этим текст экспертизы представляет собой специфический "акт общения" между следователем и экспертом: вопросы и обстоятельства дела излагаются в первом блоке — "**постановлении о назначении экспертизы**", своеобразный ответ — в "**заключении эксперта**" — второй структурной части текста. При этом на содержание описательной части постановления влияет вид экспертизы: в каждом отдельном случае следователь упоминает именно те детали, которые могут быть полезны эксперту и необходимы для производства данной экспертизы.

Первый блок текста СЭ состоит из двух частей. Две эти части значительно различаются по композиционной структуре, по используемым языковым средствам, типам речи. Это, а также разновидность экспертизы, определяет тип речи, используемый при составлении текста.

Например, в постановлении о назначении криминалистической экспертизы читаем:

Следователь...

Установил:

Водительское удостоверение ААЕ810063 имеет признаки подделки. Принимая во внимание, что по делу имеются основания для назначения криминалистической экспертизы, руководствуясь ст.ст. 78, 187 УПК РСФСР,

Постановил: Назначить по настоящему делу криминалистическую экспертизу...

"Постановление о назначении экспертизы" — это строго регламентированный фрагмент текста, представляющий собой трафарет установленного образца, куда следователь вписывает сведения и данные. Во вступительной части СЭ доминируют ФСТР **констатация и предписание** (именно в этой последовательности)⁸. Например:

Следователь ОВД Дзержинского р-на лейтенант юстиции Русанов А.Б., рассмотрев материалы уголовного дела №2740,

Установил:

2.09.96 около 22:00 в квартире 100 по ул. Большевистской, 169 Соловьева причинила проникающее ножевое ранение гр. Иванчину.

В приведенном примере нет статической картины: говорится о вещах, соотносимых со временем, способных изменяться. Автор не просто описывает события, а целенаправленно выбирает лишь те факты, которые необходимы для назначения экспертизы. Текст лишен эмоциональной окраски, практически обезличен, за ним мы не видим и не должны видеть человека, совершившего преступление, а видим лишь факт преступления.

Вторая часть постановления о назначении экспертизы включает вопросы, на которые должен ответить эксперт, и наименование объекта, предоставленного на экспертизу. Эта часть имеет тональность долженствования или предписания. Автор текста, основываясь на имеющихся у него данных, предписывает специалисту произвести ту или иную экспертизу. Например:

Принимая во внимание, что по настоящему делу необходима химическая экспертиза,

Постановил:

1 Назначить по настоящему делу химическую экспертизу, производство которой поручить ЭКО УВД г.Перми.

2. На разрешение эксперта *поставить* следующие вопросы:

1) *Является ли изъятая вещь наркотическим, если да, то к какому виду оно относится?*

2) *Каков вес представленного вещества?*

3) *Кустарного или заводского изготовления изъятая наркотическая вещь?*" [пунктуация текста-оригинала — Л.К.]

Задача эксперта — дать квалифицированное заключение по запрашиваемому вопросу, разъяснить обстоятельство, подтвердить или опровергнуть предположения следствия — реализуется во второй части СЭ, которая, в свою очередь, подразделяется на два блока — "Исследование" и "Заключение эксперта". Две эти части текста значительно различаются по композиционной структуре и используемым языковым средствам. Это, а также разновидность экспертизы, определяет тип речи, используемый при составлении текста. Здесь традиционно используются ФСТР **описание и рассуждение**.

В "Исследовании" эксперт описывает ход исследования, указывает, какие объекты и в каком виде поступили на экспертизу, при медицинском освидетельствовании отмечает жалобы исследуемого, характер телесных повреждений, при экспертизе трупа подробно описывается состояние внутренних органов и т.п. Кроме того, часто в этот фрагмент текста включается описание приборов, препаратов, методик исследований, литературы — всего того, что использовалось для проведения экспертизы.

Например:

*У гр. Паньковой И.Н. имелось **колоото-резаное ранение грудной клетки, проникающее в полость последней, с ранением сердца**. Повреждение нанесено в заявленный срок и относится к **тяжким** по признаку опасности для жизни.*

Еще пример:

*На исследование поступило **вязкое вещество темно-коричневого цвета растительного происхождения со специфическим запахом**. Вес вещества составил **0,54 гр.***

*Вещество помещено в пакетик из отрезка полиэтиленовой пленки, который упакован в бумажный пакет, опечатанный печатью Индустриального ОВД г. Перми. На экспертизу также представлен бумажный конверт размерами 220х160 мм, опечатанный печатями Индустриального ОВД г. Перми. Из конверта извлечено: пустой шприц **однократного применения** объемом 5 мл с **инъекционной иглой в пластиковой канюле** светло-коричневого цвета. На внутренней поверхности шприца имеются следы вещества коричневого цвета...*

Итак, создается статическая картина (вещество, шприц, упаковка), говорится о конкретных предметах: указываются их качества (цвет, размер, структура и различные свойства объекта исследования). Налицо типичное **описание**.

В части "Исследование", там, где описывается ход исследования, манипуляции с реактивами, веществами и т.д., проявляются отдельные черты "повествования". Например:

Водку из бутылки осторожно переливали по стенке в чистую, предварительно ополоснутую исследуемой водкой мерную колбу. После слива и выдержки бутылки над воронкой мерной колбы в течение полминуты, проверяли объем налитой водки....

На примере приведенного отрывка можно видеть, что из характерных признаков ФСТР повествования наличествует лишь перечисление изменяющихся действий. Очевидно, что данное "повествование" часто представляет собой динамическое описание.

В "Заключении эксперта", которое, как правило, находится после описательной части, на основе первой части формулируются выводы. Например:

*Согласно п. 9.10 Правил дорожного движения (ПДД), водитель **должен соблюдать** необходимый боковой интервал, обеспечивающий безопасность движения. В данной ситуации водителю автомобиля*

*КамАЗ-5320 следовало при проезде мимо стоящего человека, которого он увидел на расстоянии 85-100 м, **выбрать** безопасный боковой интервал.*

Выбрав интервал**, позволяющий безопасно объехать стоящего человека, **водитель располагал возможностью предотвратить** данное происшествие. Поскольку водитель а/м КамАЗ-5320 Акбашев при движении **не выдержал боковой интервал**, обеспечивающий безопасный проезд мимо стоящего человека, **его действия не соответствовали требованиям п. 9.10 ПДД.

Перед нами пример использования ФСТР **рассуждения** со всеми присущими этому типу речи чертами: исследуются объекты, раскрываются их внутренние признаки, доказываются определенные положения, логическая структура построения текста строго выдержана: есть посылки (исходные данные с элементами предписания); есть обоснования (данные исследования, осмотра или дополнительной литературы) и умозаключения (выводы), факты сопоставляются в их причинно-следственной связи.

В целом для основной части текста судебной экспертизы характерны контаминированные типы речи, или присутствие нескольких ФСТР. Распределение ФСТР в различных видах экспертиз неодинаково. Так, элементы повествования практически не встречаются в текстах медицинских, психиатрических, психологических и наркологических экспертиз. Описание доминирует над другими типами речи в медицинских экспертизах трупов.

Лексико-грамматическое оформление СЭ свидетельствует о стилистико-лингвистическом своеобразии текстов в пространстве следственно-судебных документов. Составитель СЭ — специалист в отдельной области исследований, обладающий определенным запасом профессионально ориентированных слов, терминов. Условия, в которых создается текст экспертизы, отличаются от условий, в которых пишутся ПД и ПОМП. Можно утверждать, что тексты СЭ по стилю оформления сближаются с научными.

Например:

*Почерк, которым выполнен исследуемый текст, **выше средней степени выработанности**. В нем наблюдаются **признаки нарушения координации движений 1-ой группы (угловатость овальных и мелкая извилистость дуговых штрихов)** и 2-ой группы (неравномерное размещение движения по горизонтали и вертикали, **неравномерность размера и разгона, неустойчивость нажима и наклона**). Кроме того, в некоторых словах имеются исправления, выполнение одних элементов букв по другим. Указанные признаки свидетельствуют о влиянии на почерк исполнителя каких-то **сбивающих факторов**.*

Текстам СЭ свойствен именной характер речи, что проявляется в большей частотности имен существительных (50-51% от общего количества словоупотреблений), замена глагольных словосочетаний именными. Но количество тех и других колеблется в зависимости от вида экспертизы: от 210 словоупотреблений в медицинской экспертизе трупа до 94 — в почерковедческой экспертизе. Однако следует отметить, что большую часть лексики экспертиз составляют, в отличие от лексики протоколов, отнюдь не общеупотребительная и тем более разговорная лексика, но профессиональная (*тампонада, рентгенография*) и научные термины (в том числе и названия приборов — *хроматография, кольцепреципитация*). Для криминалистических (физико-химических, баллистических, технических, почерковедческих и др.) экспертиз характерно использование абстрактных и конкретно-предметных существительных типа: *поверхность, принадлежность, волокно, координация, фотоснимок, спирт, признак, фактор*. В текстах экспертиз любого вида неизменным является наличие существительных общенаучного характера (*исследование, анализ, доказательство, данные, осмотр*).

Частотны также имена прилагательные, составляющие около 20% от общего количества словоупотреблений. Их количество, вероятно, зависящее от вида экспертизы, колеблется от 110 (в медицинской) до 27 (в криминалистической).

Хотя "Заключение эксперта", в отличие от ПД, ПОМП и части "Постановления о назначении экспертизы", представляет собой текст со всеми присущими научному стилю формами выражения мысли и конструкциями, для него характерна стандартизированность, сближающая его с остальными частями следственно-судебных текстов, как и со всем официально-деловым стилем.

Таким образом, в текстах СЭ, находящихся под влиянием научного стиля и определенных профессиональных сфер, преобладающими являются аргументативные типы речи: **объяснение, рассуждение**, а также **описание**; однако экспертиза в силу выполняемой ею коммуникативно-деятельностной задачи и сферы применения является, несомненно, текстом официально-деловым. В широком смысле слова она констатирует те факты и сведения, опираясь на которые совершается правосудие. Как и в текстах ПД и ПОМП, основные черты официально-делового стиля в тексте СУ реализуются неполно, что дает нам основания определить судебную экспертизу как периферийный жанр следственно-судебного подстиля.

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. В поле следственно-судебного подстиля официально-делового стиля возможно выделение центральных и периферийных "зон". В центральных "зонах" находятся тексты, которые, во-первых, в полной мере реализуют функцию волеизъявления, воздействия; во-вторых, характеризуются использованием специфичных для официально-делового стиля ФСТР — констатации и предписания; и в-третьих, демонстрируют использование языковых средств, передающих специфику официально-делового стиля.

2. Из исследованных нами текстов к "ядру" (центру) относится жанр **приговора суда**. Основной коммуникативной задачей текстов данного типа является реализация права государства на наказание граждан, преступивших закон. Последнее обуславливает использование ФСТР предписания (в части, где объявляется приговор) и ФСТР констатации (в части, где утверждается факт совершения преступления). В тексте приговора доминирует лексика нейтральная и характерная для следственно-судебной сферы. Императивность речи проявляется в использовании неопределенных форм глагола и инфинитивных конструкций, а также в функционировании форм прошедшего времени со значением подчеркнутой констатации.

3. К периферии следственно-судебного подстиля мы относим те жанры, в которых функция волеизъявления сочетается с иными функциями общения и при этом используются ФСТР, не характерные для официально-делового стиля, а языковые средства находятся под значительным влиянием других стилей. Это жанры **протокола** и **судебной экспертизы**.

Основная функция ПД — коммуникативно-информационная, а ПОМП — информационная; доминирующими ФСТР в текстах обоих документов является повествование и описание (свойственные другим функциональным стилям, в том числе разговорно-бытовому); последнее обуславливает использование нехарактерных для официально-делового стиля лексико-грамматических средств (с суффиксами субъективной оценки, с окраской разговорности, просторечной лексики).

Жанр судебной экспертизы по характеру речи и композиционной структуре близок к научным текстам, преобладающим в нем является ФСТР рассуждение. Присутствуют, кроме того, и другие типы речи — предписание и описание. Влияние профессиональной сферы на текст экспертизы проявляется в использовании профессионализмов и научных терминов. Не свойственны этим текстам разговорно-бытовые элементы.

4. Движение от центра к периферии в "поле" следственно-судебных текстов всегда сопровождается ослаблением императивности, долженствования (основных стилевых черт официально-делового стиля) и, соответственно, меньшей степенью использования ФСТР предписания и констатации; усиливается личностный характер речи, появляются и все чаще используются в качестве "строевых" функционально-смысловых типов речи описание, повествование, рассуждение, в тексте появляются иностилевые элементы. Таким образом, **наличие в текстах ФСТР предписания и констатации** является показателем их принадлежности к центру поля, а присутствие других ФСТР сигнализирует о периферийном характере текста. Тем самым ФСТР могут использоваться при решении вопроса о внутрисклассовой дифференциации судебно-следственного подстиля.

1 Т.В.Губаева пишет об этом: "Обобщая содержание соответствующих стилистических исследований, можно выделить три аспекта: 1) историко-лингвистический (диахроническое рассмотрение делового стиля как факта истории русского литературного языка — традиции А.А.Шахматова и В.В.Виноградова); 2) собственно теоретический (обоснование и разработка специального предмета исследования — деловых текстов в современном состоянии, их экстралингвистической основы, форм существования, жанров, функционально-семантических категорий, языковых признаков и т.д. — традиции А.А.Потебни, И.А.Бодуэна де Куртенэ, Л.В.Щербы); 3) методический (языковая критика, попытка объяснить функционально-стилевую норму, научить наиболее рациональному использованию языковых средств в деловом общении — традиции "лингвистической технологии" Г.О.Винокура и "риторико-стилистического анализа" В.В.Виноградова (Губаева 1997: 180)).

2 Объективности ради отметим, что некоторые авторы вообще не видят проблемы в дифференциации деловой речи, главной считают проблему отделения ее от художественной. С этой целью А.П.Ершовым (1981) введен в лингвистический оборот и поддержан некоторыми исследователями (Рождественский 1993; Щербакова 1988 и др.) термин "деловая проза". Однако содержание этого термина в лингвистике до сих пор не устоялось. А.П.Ершов относит к деловой прозе первичные документы делопроизводства, некоторые жанры научной, технической и учебной литературы, тексты АСУ и ИПС, а также машинный продукт. У Ю.В.Рождественского трактовка термина еще шире: к деловой прозе он относит служебные документы, научную и техническую литературу, тексты СМИ, компьютерные тексты, противопоставляя ей бытовую прозу и поэзию.

3 В качестве "ядра" всего официально-делового стиля обычно называют тексты законов (Кожина 1993; Ивакина 1995; Губаева 1997; Ширинкина 2001).

4 Под ФСТР мы понимаем "коммуникативно обусловленные типизированные разновидности монологической речи" (СЭС 2003: 577-580). Впервые полно и всесторонне ФСТР были описаны О.А.Нечаевой (Нечаева 1974). Дальнейшие исследования в этой области позволили выделить характерные для официально-делового стиля ФСТР предписание и констатацию (Кожина, Кыркунова 1988; Ивакина 1995; Трошева 1999).

5 Ср. с этим высказывание Т.В.Губаевой: "К правовой сфере относятся непрерывные процессы создания и реализации норм права, регулирующих наиболее важные стороны жизни человека и общества... Предмет речевого общения в правовой сфере — юридически значимые факты", которые "всегда влекут за собой возникновение, изменение или прекращение правоотношений" (Губаева 1996: 262).

6 Описание — функционально-смысловой тип речи, сущность которого сводится к выражению факта существования предметов, их признаков в одно и то же время (СЭС 2003: 267); повествование — функционально-смысловой тип речи, предназначенный для изображения последовательного ряда событий или перехода предмета из одного состояния в другое (так же : 288); **рассуждение** — функционально-смысловой тип речи..., выполняющий особое коммуникативное задание — придать речи аргументированный характер... и оформляемый с помощью лексико-грамматических средств причинно-следственной семантики (там же: 322-323); **предписание** — функционально-смысловой тип речи, используемый для директив, рекомендаций (там же: 301); **констатация** — функционально-смысловой тип речи, который реализует типовое коммуникативное задание удостоверения того или иного факта действительности вплоть до установления этого факта в статусе закона (там же:173).

7 О.А.Федоровская пишет о том, что "традиционно официальная речь соотносится только с коммуникативно-информационной функцией сообщения", но при этом отмечает, что в ряде жанров реализуется и функция воздействия, а также функция общения (Федоровская 1989: 40).

8 Т.В.Матвеева определяет констатацию факта и предписание как два основных направления официально-деловой речи. Автор пишет о том, что официально-деловой текст, будучи предназначенным для обслуживания деловых отношений в административной и правовой сферах, отражает некоторое положение дел в определенной сфере и нацеливает адресата на необходимые действия, вытекающие из этого положения. "Отношения между адресатом и адресантом, — отмечает автор, — социально-речевые, причем прагматическая программа сводится к императивно-авторскому волевому началу" (Матвеева 1991: 62).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Басков В.И., 1996, Процессуальные акты уголовного судопроизводства. Москва.
- Губаева Т.В., 1997, *Официально-деловая речь: стилистические исследования последних десятилетий*, Stylistyka. Т. VI. Opole.
- Губаева Т.В., 1990, *Стилистико-смысловые свойства протокола допроса (К проблеме диалогичности официальной письменной речи)*, Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. Пермь.
- Губаева Т.В., 1996, *Словесность в юриспруденции*. Казань.
- Ершов А.П., 1981, Программирование — вторая грамотность. Новосибирск.
- Матвеева Т.В., 1991, Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск.
- Нечаева О.А., 1974, Функционально-смысловые типы речи. Улан-Уде.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003. Под ред. М.Н.Кожинной. Москва.
- Федоровская О.А., 1989, *О жанровой классификации научно-технических документов и их лингвистических особенностях*, Разновидности и жанры научной проза. Москва.

В КРУГУ ПАРАДОКСОВ
(Заметки о стиле бытовых текстов)

К бытовым текстам относится довольно разнообразная в жанровом отношении совокупность текстов, представляющих к тому же различные функциональные стили языка (за исключением художественного), которые служат достижению определенных практических целей (см. Wojtak 1999: 254 и указанную там литературу). Выделенная таким образом совокупность жанров высказывания (и их текстовых реализаций) функционирует как открытое множество. Это несколько не означает, что бытовые тексты не могут рассматриваться как класс текстов, как текстовый тип, внутренне генологически дифференцированный и наряду с этим обладающий множеством общих признаков. В группе признаков, которые могут быть признаны выделительными по отношению к многочисленным жанровым формам, находятся структурные, прагматические, а также стилистические признаки.

Согласно принятой нами точке зрения, жанры бытовых текстов можно описывать в двух перспективах:

- в перспективе функциональных стилей, путем описания отдельных жанров разговорного, религиозного, официально-делового, научного, популярно-научного или публицистического стиля;
- в перспективе стиля бытовых текстов, который образуется совокупностью признаков, общих для большинства жанров этого типа текстов.

В данной статье принимается вторая из названных выше перспектив.

Стиль бытовых текстов отличается по своему функционированию от тех стилей, наличие которых связано с доминирующей функцией реализующих их высказываний или с той сферой общения, которая обслуживается текстами тех или иных типов.

© М.Войтак, 2004

Поэтому данная стилистическая разновидность языка не может быть включена в известные стратификационные модели как очередная ветвь в классификационном древе (в частности, такие схемы, относящиеся к дифференциации современного польского языка, представлены А. Вильконом — см.: Wilkoń 2000: 12-21).

Стиль бытовых текстов тесно связан с жанровой дифференциацией высказываний, образуя горизонтальный срез, проходящий через границы обычно выделяемых функциональных стилей. Таким образом, этот стиль определяется пучком признаков (представляющих собой экстралингвистические выделительные черты — ср.: Кожина, Котюрова 2003: 403-408 и указанная там литература)¹, в числе которых есть общие для большинства, относимые к этому классу признаки текстовых жанров, признаваемые первичными, и, наряду с ними, признаки, характеризующие отдельные жанры или жанровые разновидности, которые считаются вторичными. В опубликованных мною работах выражалось мнение о необходимости помещения в числе первичных признаков шаблонности, которая связывается со стандартизацией текстовых схем, персуасивности или апеллативности, т.е. признаков прагматического порядка, а также богатства регистров (см.: Wojtak 2001: 39). В настоящей статье хотелось бы упомянутые наблюдения уточнить и дополнить новыми замечаниями.

Однако характеристика не может ограничиваться перечислением признаков; не менее существенными представляются процессы выбора и языковые показатели признаков (Wojtak 2001: 39). Возможности выбора являются прежде всего следствием общих правил коммуникации, т.е. зависят от того, кто с кем общается, при каких обстоятельствах и с какой целью. Не менее важную роль играют жанровые правила, в частности набор допустимых вариантов жанрового образца.

В анализе бытовых жанров учитываются четыре аспекта жанрового образца:

- структурный, охватывающий тип композиции (открытая или закрытая), композиционная доминанта, принципы сегментации и показатели делимитации, очередность сегментов и соотношение между ними, степень шаблонности всей структуры и отдельных ее элементов;
- прагматический, т.е. набор интенций и их иерархия, способ определения отправителя и получателя, соотношение отправителя и получателя, а также основное и вторичное применение жанра;

- познавательный, т.е. способ представления мира, тематический охват, перспектива и точка зрения, ценностные установки;
- стилистический, т.е. набор признаков, связанных со структурой, обусловленных прагматически и связанных с происхождением используемых средств (к этой проблематике мы еще вернемся в этой статье).

Правила, определяющие форму отдельных аспектов жанрового образца, могут иметь различный характер, поскольку жанровые образцы приобретают нормативный статус (путем определения относительно твердого комплекта жанровых норм, зачастую лично кодифицированных), или же остаются эластичными, когда жанровый образец формируется (прежде всего или исключительно) в ходе практики общения. В непостоянных конфигурациях выступают также правила, определяющие соотношение между аспектами образца, что позволяет различать в его рамках несколько вариантов. Следовательно, жанровый образец приходится рассматривать как сложное явление, охватывающее определенную конфигурацию образующих его аспектов, собственно говоря, своеобразную комбинацию вариантов.

Наиболее постоянным по отношению к большинству бытовых жанров является канонический вариант жанрового образца. Как правило, именно он определяет тождество жанра в случае, когда жанр обладает полной гаммой вариантов образца.

Качественные и количественные преобразования канонического образца приводят к образованию альтернирующих вариантов. Жанровые альтернации могут иметь различный характер. В большинстве бытовых жанров процессы альтернации охватывают первоначально структуру, и лишь затем прочие аспекты образца. Таким образом, структура определенного жанра (типичная для канонического образца) может оказаться неполной ввиду отсутствия в ней одного или нескольких элементов. Процессам редукции подвергаются, как правило, элементы текстовой рамки (инициальный или финальный), реже — фрагменты центрального сегмента или центральный сегмент в целом. Количество жанровых альтернаций увеличивается за счет процессов субституции (различных по текстовому охвату). Сверх того, структурная схема канонического образца может пополняться новыми элементами. Упомянутым процессам альтернации в области структуры сопутствуют преобразования прагматического аспекта. Типичный для канонического образца иллюкуционный потенциал может оказаться редуцированным или обогащенным. Кроме того, изменения могут касаться иерархии интенций. Преобразованиям в разном объеме и различными способами текстового выражения могут подвергаться также взаимоотношения отправителя и получателя, особенно в тех речевых жанрах, которые определяются как направленные. Некоторые модификации могут касаться также способа представления мира, хотя во многих бытовых жанрах этот аспект образца оказывается наиболее прочным. Наконец, альтернирующие образцы отличаются от канонических набором признаков и их языковыми показателями.

В зависимости от степени количественного и качественного охвата альтернаций предлагаю выделять мелкие и глубокие альтернации. Названное разделение важно для интерпретации взаимоотношений между отдельными жанрами, относящимися к одной и той же сфере общения, т.е. сходными по функции. Оно может оказаться полезным и при определении степени кристаллизации жанровых вариантов, характеристике признаков стиля бытовых текстов, а также в описании их поляризации.

В модификации жанровых образцов многих бытовых высказываний участвуют также процессы адаптации, т.е. влияние чужих жанровых образцов. Они представляют собой повторяющиеся процедуры, будучи, таким образом, в некоторой степени регулярным явлением. Правила адаптации формируются в процессах общения, следовательно, они имеют узуальный характер.

По степени текстового охвата выделяю глобальные и частичные адаптации. Глобальные адаптации охватывают всю текстовую схему, хотя всегда остаются какие-то показатели жанровой принадлежности высказывания, в крайнем случае, хотя бы название жанра в текстовой рамке. К примеру, фельетон в форме письма обладает текстовой рамкой, типичной для фельетона, в то время как процессам адаптации к эпистолярному стилю подвергается центральный сегмент высказывания. Частичные адаптации относятся к отдельным сегментам текста (ср., например, случаи языковой стилизации в рекламе или в некоторых публицистических жанрах).

В числе адаптационных процедур можно назвать преобразования, в некоторой степени аналогичные тем, которые интерпретируются мною как альтернации. Это: а) структурные и стилистические трансформации — при некоторых частичных и глобальных адаптациях; б)

процессы редукции, обычно соединяемые с субституцией; в) композиция — в случае присоединения компонента, заимствованного из другого образца; г) контаминации структур. Главное различие заключается в том, что альтернации охватывают один жанровый образец и придают жанру эластичный характер, в то время как адаптации относятся к разным образцам и вызывают явление жанрового синкретизма, иногда даже жанровой гибридности.

В числе конвенций определенного жанра, а также в практике общения преобладают многосторонние адаптации, связанные с заимствованием схем нескольких жанров одной и той же сферы общения или разных сфер общения. Односторонние адаптации (если признать таковыми заимствование конвенции одного образца) случаются редко. Чаще наблюдаются заимствования из одной и той же сферы. Такие внутренние жанровые заимствования, происходящие в рамках текстового класса, характерны для журналистских жанров (этому вопросу отводится значительное место в моей книге о жанровой дифференциации журналистских текстов, которая скоро выйдет из печати).

Для интерпретации признаков стиля бытовых текстов в предлагаемой здесь трактовке важны различия в комбинациях вариантов жанрового образца в случае отдельных жанров или групп жанров. В большинстве жанров бытовых текстов формируется полная гамма вариантов образца. Однако наблюдаются существенные различия в способах и охвате кодификации жанровых норм.

Например, в случае юридических жанров можно говорить о преобладании канонических вариантов образца, относительно небольшой сфере альтернации и отсутствии адаптации. Некоторые адаптационные варианты функционируют только в официально-деловых (административных) жанрах².

В области религиозных жанров сфера вариантности зависит также от того, является ли тот или иной тип высказываний произведением церкви (церковной организации) или верующих. Регуляции касаются здесь не только жанров, но и взаимоотношений между их вариантами (ср. культовые тексты). В отношении установленной молитвы, являющейся произведением церковной организации, можно говорить о преобладании канонического образца, незначительной сфере альтернаций и адаптаций. В отличие от этого, вотивная молитва, которая формируется верующими, обладает целой гаммой альтернаций и адаптаций, а канонический образец чаще всего не соблюдается (Войтак 1998: 214-230, 268-280; Войтак 2003: 323-338).

Проповедь подлежит как относительно устойчивым регуляциям в рамках образцов, разработанных гомилетикой, так и значительной степени дезинтеграции вследствие преобразований в самой гомилетике, а также в ходе проповеднической практики (ср. Войтак 2002: 329-345).

Полной гаммой вариантов образца обладает также реклама в печати, а адаптационные образцы приобретают в этом случае особенную экспансивность³.

Интересные наблюдения, касающиеся вариантов образца, можно провести на материале журналистских жанров. Большинство из них обладает каноническим вариантом образца, реализуемым, однако, реже, чем устоявшиеся альтернирующие варианты. Это производит впечатление значительной творческой свободы журналистов. В практике общения преобладают высказывания информационного типа, но близкие к публицистике: краткое сообщение, заметка и сообщение с публицистической доминантой. Особый статус имеет анонс, который или формирует собственные конвенции, направленные на анонсирование других текстов, или адаптирует разные версии других журналистских жанров (например, анонс в форме заметки, краткого сообщения, силуэта или комментария). Однако наиболее особенным в генологическом отношении оказывается жанр силуэта, который функционирует как паразитический жанр, реализующий исключительно конвенции, типичные для других жанров. Основным механизмом адаптации в этом случае является контаминация структур, влекущая за собой преобразования остальных составных элементов образца. Заимствуются конвенции биографических жанров (в особенности биографии или некролога), которые скрещиваются с конвенциями, типичными для журналистских жанров — заметки, сообщения, статьи, интервью или репортажа. Столь широкий объем адаптации делает жанр силуэта жанром с ослабленной, или скорее, особым образом реализованной шаблонностью (Wojtak 2003: 259-278).

* * *

Набор стилистических признаков, формирующих стиль бытовых текстов, представляется мне градационной системой в рамках отдельных категорий показателей.

Шаблонность функционирует как градационный признак: а) в рамках жанра, б) в рамках группы родственных жанров, в) в области бытовых жанров в целом. В рамках жанра градационный характер этого признака связан с набором вариантов образца. Шаблонность

реализуется в канонических образцах, ослабляется в альтернирующих, а в адаптационных — функционально преобразуется. В рамках группы родственных жанров можно говорить об общих для данной группы проявлениях шаблонности. В качестве примеров назовем принцип аналогии в роли композиционной доминанты религиозных текстов, а также набор многофункциональных формул и жесткость композиционных схем в жанрах официально-деловой сферы. В журналистских жанрах, выработавших, как упоминалось выше, дифференцированные наборы жанровых образцов, выступает явление поляризации этого признака.

С более широкой перспективы, т.е. в плане бытовых текстов как целого, видна комбинация признаков, определяемых структурно. Их градационная схема выглядит следующим образом.

Шаблонность означает жесткость структурных схем, связанную с количеством сегментов, их линейным расположением, количеством эксплицитно выраженных показателей когеренции, следовательно, также с их вертикальным укладом (архитектоникой текста) и ролью, отводимой в его рамках отдельным сегментам, далее, со статусом сегментов (облигаторный, факультативный). В числе проявлений таким образом понимаемой шаблонности следует назвать принцип аналогии в построении текстов, а в случае некоторых жанров — повторение. Дополняющим (вторичным) признаком является *формульность*, так как диапазон появления клишированных элементов и частотность их использования усиливают или ослабляют первичный признак.

Определение *нешаблонная шаблонность* относится к возможностям нешаблонной формулировки постоянных элементов структуры. Чаще всего такое парадоксальное название можно применять к таким способам стилизации элементов текстовой рамки, как: газетные заголовки, их первые абзацы, заголовки молитв в молитвенниках, обращения к адресату и другие элементы вступления в молитве, проповеди, в пастырском послании или эпистолярных текстах других типов, различные формулы, вводящие личные данные отправителя в фельетоне, интервью или вотивной молитве. В общем можно сказать, что явления этого типа предусмотрены правилами альтернирующих вариантов жанрового образца. О нешаблонной шаблонности можно говорить также в случае тех бытовых жанров, в которых наблюдается низкая частотность высказываний, реализующих правила канонического образца.

Шаблонная нешаблонность означает стабилизацию некоторых способов формулировки факультативных элементов. Приемы стилизации и конструкционные схемы некоторых жанров прессы могут повторяться в данной газете или в данной группе газет или журналов. В области информационных жанров можно назвать в качестве примера манеру цитирования высказываний участников описываемых событий или цитирования документов (по ходу текста или как его дополнение). В публицистике таким примером может быть повторение одних и тех же стилистических средств в текстах одного автора (особенно часто наблюдаемое в фельетонах). В вотивных молитвах — подражание определенным способам реализации жанрового образца молитвы в данной части высказывания.

Нешаблонность появляется в нетипичных реализациях жанра. Она возможна и не встречает возражений в тех жанрах и их группах, в которых сформировался эластичный тип образца — лишенный канонических структур или обладающего такими структурами с ослабленным коммуникативным значением. В случае некоторых официально-деловых жанров она возможна только по отношению к предусмотренным конвенцией партиям высказывания, конкретизирующим модельную правовую ситуацию или формулируемым непрофессиональным отправителем. Несоответствие схеме, хотя и необязательно ослабляет эффективность высказывания, рассматривается обычно как нарушение правил общения и свидетельство недостаточных умений отправителя. В реализациях частных молитв, проповедей, публицистических жанров, некоторых эпистолярных текстов, объявлений и т.п. нешаблонность встречается часто. Благодаря реализациям, не соответствующим схеме, жанр модифицирует свои конвенции и со временем возникают видоизменения жанров или новые жанры.

Конфигурации признаков, мотивированных прагматически, претерпевают модификации, связанные с жизненным контекстом жанра или группы жанров, т.е. с его основными применениями. Персуасивность, в бытовых высказываниях разных типов преобладающая, в официально-деловых текстах появляется лишь как форма обоснования избранных норм или в случае попытки просителя снискать расположение должностного лица, т.е. в текстах, важных для отдельного человека и им же сопоставляемых, иначе говоря, в официально-деловых текстах персуасивность отодвигается на задний план. *Нормативность* является первичным признаком большинства жанров официально-деловой сферы, поскольку они представляют собой инструмент

прямого юридического воздействия. Ослабляется в них диалогичность, в принципе отсутствуют фатические иллюзии.

В религиозных текстах персуасивность появляется в высказываниях, адресуемых верующим (проповедах, пастырских посланиях), и может рассматриваться лишь в одной плоскости общения. Поскольку любые религиозные (культовые) тексты являются формой присутствия сакрума и формой участия в нем, не представляется возможным точное выделение стилистических признаков, связанных с прагматическим аспектом жанра. В молитвенных текстах это будет аппеллятивность, в числе вторичных признаков окажутся диалогичность или диалогичная монологичность.

Итак, градация прагматически мотивированных признаков в бытовых текстах представляется следующим образом: а) первичные признаки: нормативность, персуасивность, ослабленная персуасивность, аппеллятивность; б) вторичные признаки: диалогичность, диалогичная монологичность, монологичная диалогичность, монологичность.

Набор признаков, связанных с происхождением используемых средств, также оказывается парадоксальным. Не вникая в подробности, диапазон этих парадоксов можно представить так: официальность, ставшая официальной, разговорность, ставшая разговорной, официальность, разговорность. В религиозных текстах отмечаем несколько иной уклад, так как в них господствует иератичность, а официальные формы употребляются, как правило, в роли возвышенных. Налет возвышенности (сакральности) приобретают в религиозных контекстах любые употребляемые в текстах этого типа языковые средства.

* * *

Имея опыт исследования богатого и внутренне дифференцированного корпуса бытовых текстов, можно судить об их стиле с гораздо большей точностью, нежели в предыдущих публикациях.

Стиль бытовых текстов представляет собой полиморфическое явление. Его основные признаки, связанные со способом формирования жанровых конвенций, образуют динамические, дифференцированные комбинации. Признаки, связанные со структурой, мотивированные прагматически и окончательно определяемые правилами выбора средств, функционируют в градационных совокупностях, основанных на парадоксах, — располагающихся между полюсами структурной шаблонности и нешаблонности, нормативности и аппеллятивности, диалогичности и монологичности, официальности и разговорности.

Правила композиции определяют выделение стилистических контрастов, размножение регистров, одним словом, создание эффекта стилиевой разрозненности или, наоборот, стирания контрастов, гармонизации высказывания, ограничения количества регистров для получения эффекта стилиевого единства. Стилиевое единство связано, как правило, с шаблонностью и формульностью, нормативностью, а также монологичностью и официальностью. Стилиевая разрозненность означает отказ от шаблонности, персуасивность или аппеллятивность, а также диалогичность.

Стиль бытовых текстов отличается чертами, укладывающимися в определенный диапазон парадоксов. Употребляемые языковые средства используются в них в соответствии с их первичным оттенком (т.е. с их стилистическим происхождением) или в новых конфигурациях. Несоответствие между происхождением употребленных средств и их коммуникативной функцией, таким образом, оказывается присущим не одному лишь художественному стилю.

Перевод с польского Романа Левицкого.

1 Отметим, что в существующих описаниях стилиевые признаки относились к традиционно выделяемым функциональным стилям. Мои работы представляют модификацию этих концепций.

2 Более подробно эти вопросы освещаются в моей статье *Gatunki urzędowe na tle innych typów piśmiennictwa użytkowego — zarys problematyki* (в печати).

3 К таким выводам склоняют результаты анализа, проведенного моей аспиранткой Магдаленой Зинчук в недавно завершённой кандидатской диссертации, посвященной стилистической характеристике рекламных текстов в печати.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Войтак М., 1998, *Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы)*, Текст: стереотип и творчество. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Войтак М., 1999, *Стереотипизация и креативность в вотивной молитве*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Войтак М., 2002, *Индивидуальная реализация жанрового образа проповеди*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Войтак М., 2003, *Религиозный стиль в генологической перспективе*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Кожина М. Н., Котюрова М. П., 2003, *Стилевые черты*, Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва.

Wilkoń A., 2000, *Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny*. Katowice.

Wojtak M., 1999, *Stylistyka tekstów użytkowych — wybrane zagadnienia*, Język. Teoria — dydaktyka. Pod red. B.Greszczuk. Rzeszów.

Wojtak M., 2001, *Pragmatyczne aspekty analiz stylistycznych tekstów użytkowych*, Stylistyka a pragmatyka. Pod red. B.Witosz. Katowice.

Wojtak M., 2002, *Stylistyka listów do redakcji na przykładzie poczty redakcyjnej miesięcznika «bikeBoard»*, Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny. T. VIII. Pod red. M.Białoskórskiej, L.Mariak. Szczecin.

Wojtak M., 2003, *Wyznaczniki gatunkowe sylwetki prasowej*, Stylistyka. T. XII. Opole.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Wojtak M., 1992, *O początkach stylu religijnego w polszczyźnie*, Stylistyka. T. I. Opole.

Войтак М., 1998, *Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы)*, Текст: стереотип и творчество. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Wojtak M., 1998, *Czy można mówić o stylu człowieczej rozmowy z Panem Bogiem?* Człowiek — dzieło — sacrum. Red. S.Gajda, H.J.Sobeczko. Opole.

Wojtak M., 1998, *Stylistyka a pragmatyka — stan i perspektywy w stylistyce polskiej*, Stylistyka. T. VII. Opole.

Wojtak M., 1999, *Wyznaczniki gatunku wypowiedzi na przykładzie tekstów modlitewnych*, Stylistyka. T. VIII. Opole.

Wojtak M., 1999, *Stylistyka tekstów użytkowych — wybrane zagadnienia*, Język — teoria — dydaktyka. Red. B.Greszczuk. Rzeszów.

Войтак М., 2000, *Стереотипизация и творчество в поэтической молитве*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Войтак М., 2001, *Стилистика архипастырских посланий: к вопросу о стиле бытовых текстов*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.

Wojtak M., 2002, *Sprawność stylistyczna i jej przejawy w różnych typach wypowiedzi*, Język polski. Współczesność. Historia. Red. W.Książek-Bryłowa, H.Duda. Lublin.

УПОИТЕЛЬНЫЙ ШАБЛОН (Стереотип как машина творчества)

Счастливы лингвисты, всякое слово, даже кособое и хромотое, ласкающее азартным и участливым вниманием. Не то в литературоведении. Ценностная и вкусовая избирательность навредила ему отнюдь не меньше, чем идеологические запреты. Если не больше. Цензура идеологии давно исчезла, но инерция ценностно-иерархического мышления сохраняется. "Идол художественности" властно диктует, что достойно исследовательского внимания, а что нет. В результате наши представления об отечественной словесности по-прежнему существенно деформированы, и ее история остается историей литературных памятников. Так называемых шедевров. В частности, мало осмыслено и понято по существу количественно поистине безбрежное море той литературы, которую мы пока не знаем даже, как поточнее назвать: непрофессиональной, наивной, графоманской, любительской, эпигонской, вторичной¹. Единого определения и какой-либо классификации этого явления нет. Между тем такая литература есть, ее много, она живет. Нива массового словесного творчества плодородна и неиссякаема.

Жанр предлагаемой ниже публикации страшно далек от структурных требований и стилистики академического исследования. Это своего рода филологическая публицистика, вызванная к жизни совершенно конкретными обстоятельствами литературной полемики в отдельно взятом городе, чем извиняется ее полемический задор и педагогический пафос². Однако единство концептуального подхода в этих собранных вместе рецензиях все же присутствует. Это, формулируя в первом приближении, понимание стереотипа как своеобразной "машины творчества". Стереотип (для поэзии — жанрово-тематический) представляет собой модель, предполагающую жесткую схему развертки в последовательность клише, словарь которых для каждой темы также задан³.

Стоит оговорить еще одно обстоятельство — вкусовое. Рецензии, по обстоятельствам тогдашней ситуации, получились полемичными, иногда они могут показаться даже излишне резкими. Между тем писались они с удовольствием, самым непосредственным удовольствием от

© В.В.Абашев, 2004

чтения рецензируемых стихов. Автору понятно чувство Игоря Северянина, благословившего банальность: "Пропев неряшливые строки, Где упоителен шаблон, Поймете сумерек намеки, И все, чем так волнует он". Да, в поэтике стереотипа есть своя прелесть, и, надеюсь, следы удовольствия от чтения в рецензиях сохранились.

Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли.
Александр Введенский

Графоманские книги не принято рецензировать. Но приходится эту традицию нарушить. Ну, во-первых, графоман, этот осмеянный, но пока так и не понятый вечный спутник литературы, сам по себе филологически интересен. Кроме того, сейчас к этой теме понуждают обратиться сугубо местные, пермские обстоятельства. Экстраординарные. Так случилось, что в Перми этот персонаж литературной жизни в последние два года приобрел новый статус в культурной среде города. Буквально на глазах, за 3-4 года, в Перми сложилась новая и довольно неожиданная конфигурация культурного поля. А именно: заведомый литературный дилетант, графоман из фигуры сугубо маргинальной, периферийной превратился в центральную. Фаворит пермской печати, он облакан местными властями, ему охотно помогают спонсоры, наконец, даже эксперты, пермские филологи, не устояли, склонили-таки перед графоманом свои гордые научные головы. Словом, из фигуры почти фарсовой, на сомнительных правах при литературе состоящей, он превратился неожиданно чуть ли не в ее лидера, стал графоманом "в законе". Поэтому и необходимо к нему присмотреться повнимательней.

Графомания и строй провинциальной жизни вообще как-то родственно связаны. Языковая среда провинции причудлива. Это своего рода отстойник языка, где фрагменты современных стилей перемешаны с архаикой. Получается сочная мешанина стилевых миров, она бесструктурна и анахронична. Провинции неведома столичная дисциплина господствующих норм, неведома иерархия актуальных стилей, и наш литератор, как правило, пребывает в блаженном неведении относительно того, что сегодня современно, что модно и как надо говорить, чтобы попасть в тон. Вернее, провинциальный литератор зачастую сам назначает себе современность. По слухам, по наитию, по детским воспоминаниям, по последней прочитанной книжке. И это совсем не

обязательно плохо. На взгляд извне, с позиции кодифицирующего языкового центра, — это состояние невменяемости, изнутри — свободы. В такой среде возможны сумасшедшие идеи.

Здесь возникают порой удивительные стилевые сплавы, рождаются новые парадигмы. Русские футуристы, к примеру, были ведь сущими провинциальными варварами. Но такие случаи уникальны. Языковая аморфность и анахронизм провинции вкупе с верой в магическую силу слова питают графоманию. Поэтому большинство литераторов мастерит велосипеды, изобретает паровые котлы или вечные двигатели. И делает это с азартом. Здесь господствует наивный и самозабвенный повтор. Поэтому языковая среда провинции естественно пародийна, она провоцирует смешение стилей и шаржированное повторение образцов. Чувство стиля и меры — привилегия центра. Желая быть стильным, провинциальный литератор смешивает, сгущает и утрирует приметы стиля: то же, но погромче. Если шить брюки-клеш, то так, чтоб мели тротуар. До начала 90-х естественная языковая фактура провинции в публичных своих проявлениях сглаживалась, тщательно причесывалась.

Советская культура поддерживала жесткую языковую кодификацию, и сквозь её фильтры ничто, выходящее за рамки "среднего штиля", как правило, не проходило. И натуральный языковой примитив, и слишком бросакая изощренность заботливо отводились в зону анонимности — в литературные кружки, переписку с газетой и столы редакторов. Тогда редактор, подобно вездесущему гению языка, был анонимным соавтором текста, отвечающим за языковую корректность любого высказывания не менее, чем сам автор. Нередко, впрочем, с пользой для литературы. Потом шлюзы открылись, и безбрежная сфера анонимного и полуанонимного говорения начала сочиться отдельными струйками, а потом хлынула вовсю. В отсутствие идеологического досмотра и литер турно-критической цензуры в виде внутренних и внешних рецензентов, а главное, без носителя языковой нормы редактора заговорило всё, что только может говорить.

В Перми в этом смысле вроде бы как везде. Союзные литераторы продолжают жаловаться на гибель литературы, то есть на равнодушие властей к нуждам литераторов. Но скорее по инерции, чем в силу реального положения вещей. В смысле выпустить книжку рыночные времена оказались не так уж и плохи. По крайней мере, сборники стихов как жанр издательски более мобильны, и в последние годы в Перми издаются не реже, чем в доперестроечные времена. Правда, новые условия оказались более благоприятными не столько для "союзного" литератора, сколько для разношерстной "несоюзной" литературной публики. Не привыкший ждать милостей от СП и начальства, "несоюзный" писатель в массе своей оказался побойчее и сумел вкусить от свободы слова и печати. Хотя кто как. Против ожидания, многие из тех, кто особо ратовал за свободу, местные "стилистические диссиденты", к середине 90-х оказались в том же положении аутсайдеров местной печати, в каком были в 80-е. Зато настоящий праздник гласности посетил улицу графомана. В середине 90-х графоман массой высыпал на свет. Распахнулись двери языковой кунсткамеры. Чего только там нет! Графоман и только графоман являет своим творчеством правдивую картину языкового состояния провинции. Картина колоритная и достойная самого внимательного и доброжелательного взгляда. Наверное, так повсюду. И, разумеется, в графомании как таковой ничего опасного нет, это вечная спутница литературы. Опасность для хрупкого баланса сил культурной жизни провинциального города кроется в другом. Опасно, когда теряется точка отсчета для оценочных суждений, когда в порочный круг культурной невменяемости втягиваются те, кто по роду своих занятий должен бы квалифицировать и оценивать события, — эксперты, критики, когда они вдруг перестают узнавать графомана. Систематические сбои оценок и квалификаций дезориентируют читателя, привыкшего доверять специалистам, окончательно заморочивают головы учителям, вносят хаос в систему образования, что совсем уж плохо. Чем дальше, тем больше деформируются ценностные представления, эксперты теряют ответственность и репутацию, а властные инстанции сами начинают выступать в роли экспертов, полагаясь на свой, известно какой, вкус. В таком состоянии культурной среды все становится возможным. Разумеется, инвестиционный приоритет получает все подражательное и вторичное как более соответствующее уровню массовых вкусов. В самом невыгодном положении оказываются оригинальные художники. В Перми сегодня все складывается именно так. Дело ведь совсем не в том, что за последние четыре года именно Александр Гребенкин, Светлана Аширова и Елена Звезда стали самыми печатающимися пермскими авторами. Нормально, когда у человека есть возможность высказаться. Ненормально другое: авторы, графоманские сочинения которых представляют собой не более, чем литературный курьез, — предъявлены читателю как достижения местной литературы.

Предъявлены авторитетными в городской среде инстанциями, то есть кодифицированы в качестве образцовых. Причем экспансия графомании идет пока явно по нарастающей. От Александра Гребенкина до Елены Звездиной мы прослеживаем постепенное возрастание уровня общественного признания их "творчества".

1. Александр Гребёнкин. "Зовусь я Цветик"

Явило ожидание тебя! Пермь, 1996. 192 с. 2000 экз.

Живая музыка капели. Пермь, 1998. 328 с. 5000 экз.

Александр Гребенкин — типичный труженик пера⁴. Литератор со стажем, автор 10 книг, член Союза писателей России, председатель союзного Бюро по пропаганде художественной литературы, на сегодня он и по положению, и по личной активности — один из лидеров местной организации СП. Его творческий путь отчетливо делится на две части: работа с литературным редактором и без него. Первые книги заполнены выглаженными и безликими, без особо заметных сбоев, стихами о деревне и погоде. Лишь изредка редакторы, обнажая прием, позволяли себе вольность, оставляя нетронутыми следы природного авторского слога в виде, например, забавных трудовых рапортов Гребенкина. Один к одному эти стихи были у него сработаны по лекалам ильф-петровской "Гаврилиады": "я работал в леспромхозе, бревна в кузов нагружал", "я грузил железо Вторчермета, не скажу, чтоб нравилось мне это", "в моей анкете вы найдете: работал на речных судах на малокаботажном флоте", "я рассказать об этом вправе <...>, как в двадцать лет на лесосплаве всюду орудовал багром" и т.п.

Лишь эти стихи с их авторски невольной, но читателю внятной пародийностью оживляли унылый фон первых книг. Тем более, что незабвенный Гаврила тут же и являлся: "ведь недаром сосед мой — Гаврила — мне литовку наладил вчера".

В более натуральной своей языковой статье Александр Гребенкин предстал в книгах последних лет, подготовленных и изданных самостоятельно, без участия литературного редактора. Эти книги — праздник подлинного стихового и языкового примитива, той характерной простоты, что вошла в поговорку. Словарь Даля содержит толкование около 200 тысяч слов, Пушкин пользовался 40 тысячами. Александр Гребёнкин немногословен: нескольких сот ему вполне хватает, чтобы поведать о времени и о себе. И, конечно же, в резвых частушечных хореях Гребёнкина не найти слова, которое бы зацепило внимание: он не досаждаёт читателю оригинальностью. Лишь тысячи раз зарифмованные, в лоск истертые и заведомо поэтичные образы и слова слетают с его языка. В стихах Гребёнкина с автоматизмом раз навсегда заведённой словесной машинки безостановочно цветёт черёмуха, однообразно раз за разом вспыхивают закат, небосвод, звёзды, месяц и воды, неумолчно звенят ручейки, кукуют кукушки, бумажные соловьи гремят, пичуги — те просто свищут, лес либо дремлет, либо чего-то шепчет, и навязчиво из стихотворения в стихотворение пахнет мятой в час заката.

Особым расположением автора пользуются уменьшительные: "яблонька", "проталинка", "зорька", "ручечек", "звёздочка", "таляночка", "ночка", "ветерок". Их невероятное изобилие придает стихам характерно слащавую инфантильную интонацию. В согласии со словарем синтаксис Гребенкина незамысловат и монументален, как "мама мыла раму". Так же монументально просты его рассуждения. С каким забавным глубокомыслием он сообщает, что "жизнь, как река, течёт", а мы "на земле один лишь раз живём", или делится философско-фенологическими заметками в том духе, что вот, мол, "осыпаются листья с ветвей, — не такая ль судьба у людей?". С пытливостью, достойной персонажа Козьмы Пруtkова (или Д.А.Пригова), вникает он в загадки бытия и простодушно делится радостью своих немудреных открытий: "Теплом последним солнце светит. — Прошу, скажи, природа-мать, Зачем паук готовит сети?.. — Чтобы живое убивать!". Впрочем, меланхолия не в его духе. Многообещающая догадка, что "в каждой женщине скрыта изюминка", решительно гонит мимолётные осенние рифмы. В главной своей тональности стихи Гребёнкина безмятежны, кокетливы и ребячески игривы.

*Буду ждать тебя у речки,
Вешним солнышком согрет,
Из травинки вить колечки
И гадать: Придёшь или нет?*

Или еще шедевр в том же роде:

*В ручье звезда сегодня ночевала,
До зорьки отдыхала от тревог.
— Люблю тебя! — А мне и горя мало,
— Ей отвечал беспечный ручечек.*

Не правда ли, как мило и как неожиданно: "беспечный ручеек"! Каким ветром, откуда донесло к нам сей свирельный напев? В ответ на ошарашивающий диалог звезды и ручейка со дна литературной памяти неуверенно всплывают какие-то аркадские пастушки, зелёные лужайки, овечки, что-то вроде "стонет сизый голубочек"... Впрочем, трудно вообразить, как пастораль осымнадцатого столетия могла уцелеть в столь розовощёкой свежести.

Рискнём предложить всецело гипотетический взгляд на природу сочинений Александра Гребёнкина. Сдается, что стилистическая родина их — не что иное, как Букварь. Вообще странно, что литературное влияние Букваря до сих пор не изучено. Ведь его грамматические примеры, подписи под яркими картинками, стихи про Таню, мячик и мишку, которого уронили на пол, — это как-никак наш первичный кодифицированный языковой и литературный опыт. Букварь для ребенка — непрекаемый образец языка, стиля, мысли. А первые "стиховые макеты", как это называл Тынянов? Они ведь тоже из Букваря. "Травка зеленеет, солнышко блестит...", "вянет уж лист золотой...", "вот — моя деревня, вот — мой дом родной", — это, кстати, три самые ходовые модели Гребёнкина.

Конечно, сложные механизмы культурной традиции все эти первичные впечатления потом перепахивали, усложняли, обогащали нюансами и букварная ясность и простота оставалась в старых ранцах. Ну, а если случилось так, что культурная традиция прошла мимо? Тогда совсем другая картина. Сначала стихи про Таню и бедного мишку, а потом сразу шершавый язык плаката и передовицы, многотонный каток многотиражки со стихами к праздничным датам — похоже, всё это и произвело на свет гладкий, не знающий смущения стих Гребёнкина. И вот результат. Как рекомендовался коротыш из Цветочного города: "Я поэт, зовусь я Цветик, от меня вам всем приветик!". А что? Именно такая вот — невменяемо безмятежная, никакой рефлексией не потревоженная и как бы лабораторно чистая прелесть языкового примитива составляет редкое, а по нынешним временам так просто музейное, качество стихов Александра Гребёнкина. И формальные проблемы, кстати, у него те же, что у Цветика: "речка" — "свечка" — "печка" — "колечко", или "огонёк" — "ручеек". Словом,

*Жить на свете радостно и любо.
Это не красивые слова:
Я вчера в малиновые губы
На рассвете зорьку целовал.*

Любо все-таки следить, как слова, даже такие пустые, как эти, проявляют строптивость и мстят автору, совсем не чуждому языку: "не красивые" превращаются в "некрасивые", а "малиновые губы" придают обескровленной бумажной "зорьке" такую неожиданную натуральность, что она начинает немедленно мычать. Конечно, далеко не всё у Гребёнкина укладывается в детски-ясный мир Букваря. У него ведь как-то пичуги свищут, а то "беспечный ручеек" вдруг возьмёт да и брякнет ухарским баском:

*Не судите строго меня, люди!
Я и сам себе теперь не рад.
Ведь не зря её тугие груди
Выпрыгнуть из платья норовят.*

Впрочем, и жаркий интерес к "тугим грудям", и невинные песни "беспечного ручейка" мирно уживаются в стихах пермского поэта. Да и нелепо было бы ожидать от него какой-то цельности и подходить к его стихам с понятиями, которые привычно прилагаются к лирической поэзии: стиль, поэтический мир, творческая индивидуальность. Стоит только вообразить даже традиционные темы студенческих курсовых вроде "Поэтика Гребёнкина" или "Лирический герой Гребёнкина", чтобы разом понять их неуместность применительно к его поэзии. Таковых реальностей просто не существует.

Понятно, что судить по таким сочинениям о личности автора было бы опрометчиво. Совсем не исключено, что строчки про "речку — свечку" ваяет Достоевский "по жизни" персонаж или, напротив, степенный, исполненный солидных добродетелей и не склонный к сентиментам гражданин. Нельзя же в самом деле допустить, что автор вполне отдаёт себе отчёт в том, что у него выходит, когда он мило так шуткует:

*Я от тебя всё чаще слышу,
— Мол, время попусту не трать.
Ведь лучше, чем Асадов пишет,
Тебе, увы не написать.
Кому нужны стихи о БАМе?*

*Зачем же каяться в стихе,
Что позабыл о старой маме
И всякой прочей чепухе.
Когда стихи ты прочитала
О красоте своей души,
Ты вдруг впервые мне сказала:
"Я спать пойду, а ты — пиши!"*

Понятно, что "старая мама" попала в разряд "всякой прочей чепухи" ненамеренно, просто рифма такая выскочила: БАМа — Мама.

Случай Гребёнкина, конечно же, типичный. Он хорошо иллюстрирует мысль О.Седаковой о том, что массовая советская поэзия — это своего рода квазифольклор, с присущей ему коллективной безличностью авторства. Фольклор вырожденный. Он оторвался от живой почвы мифа и обряда и паразитирует на литературных стереотипах, его мифологией стала идеология. Такое стихописание ничего общего не имеет с поэтической традицией, к которой настойчиво апеллируют литераторы вроде Гребенкина. Тут уже не творчество, а что-то вроде конструктора Lego: механически соединяются словесные клише-кубики.

Стихи Гребенкина с хрестоматийной наглядностью демонстрируют машинную природу графоманского письма. Вал шарманки крутится — органчик посвистывает.

В программе заложено несколько сотен слов, полдюжины мотивов и несколько вечно юных тем о том, что весной ручейки звенят, апрель-капель, душа радуется, а осенью наоборот: дождик капает, птички на юг улетаются, грустно очень, но есть надежда, что весна вернётся. С рифмами, ясно, проблем и подавно нет, все они под рукой: "речка" — "свечка" — "печка". По всему по этому было бы наивно искать здесь какие-то вопросы, проблемы. Здесь все давно решено:

*Спрашивают дети:
Что такое счастье?..
Счастье — жить на свете
В вёдро и в ненастье.
Ну, как с этим поспоришь?..*

Гребенкин издает свою "книжку за книжкой", гонит строку, бодрится, неустанно воюет с "бездуховностью" и "пошлостью". Членский билет СП, где черным по белому записано: "поэт", поддерживает его самочувствие и вводит в заблуждение простаков, а руководство "пропагандой художественной литературы" обеспечивает, видимо, вес и влияние. Свою роль в размывании критериев лите ратурной оценки и воспитании терпимости ко всякому он сыграл. Но личного реального успеха ему изведать не удалось. Графомански клишированная, донельзя упрощенная природа его письма уж слишком очевидна. Он архаичен, его стих уже кажется слишком пресным, не цепляет. Пришедшие вслед за Гребенкиным-"традиционалистом" авторы-"модернисты" оказались гораздо удачливей.

2. Светлана Аширова (Бедрий).

Пропуск в розовое счастье.

Медленное солнце: лучистая живопись строк. Пермь, 1995. 64 с. 1000 экз.;

Таинственный маршрут: лучистая музыка строк.

Пермь, 1996. 80 с. 1000 экз.;

Неподсуден: лучистая истина строк. Пермь, 1996. 100 с. 1000 экз.;

Разовый пропуск в счастье. Пермь, 1997. 142 с. 5000 экз.;

Музыка звуков. Пермь, 1998. 180 с. 3000 экз.

Энергия пермячки Светланы Ашировой неисчерпаема и всепроникающа. Именно так, хоть не совсем по-русски, но зато напористо выражаясь, она себя и рекомендует: "расслоившись достойно по Вечности, тут я и там". Вроде Фигаро. Ее поэтическая карьера в Перми ошеломительна. За три года из автора тощих полусамиздатовских сборничков, вызывавших смешки околелитературной братии, она стала любимым поэтом пермской чиновно-политической элиты, автором роскошных целлофанированных томов цветной печати. Стих Ашировой впитал многие веяния. В нем очевидны следы массовой советской, особенно песенной, поэзии 70-х с ее "яростными стройотрядами". Именно оттуда этот характерный навязчивый дидактизм, вялость которого маскировалась искусственно форсированным темпераментом речи: "я не просто о городе думаю, я слагаю легенды о том, как страну мою, как судьбу мою ты вместили в свой подблочный дом". Но явно преобладает у нее влияние иного письма. Видимо, чрезвычайное впечатление на Аширову произвел ранний отечественный модернизм преимущественно в бальмонтском изводе, с его

заклинательными напевами, стихийностью, эротической экзальтацией и бутафорским космизмом. Отсюда у нее и пристрастие к гипертрофированным до комизма аллитерациям ("всем жененьям с жжением не справиться в неглиже на высохшей меже", "в ласк оскаленные скалы скитаться манят аксакалы"), к знаковым для 1900-х абстрактностям на *-ость*, всем этим "хрустальностям", "неразрывностям", "млечностям", "неразлучностям" и прочим "изысканностям", которые испещряют стихи Ашировой.

Из репертуара тех же современных 1900-х она усвоила характерную, чрезмерно аффектированную позу стихийного гения, поэта-пророка:

*Пермь, сплетением вер
Я тебе напророчу
Оголившись нервов
Великие строки.*

Забавно, но, сама того не ведая, Светлана процитировала тут название скандальной некогда книги "Обнажённые нервы" раннего декадента Александра Емельянова-Коханского: розовая бумага, портрет автора в перьях оперного Демона и посвящение самому себе и египетской царице Клеопатре. Странная цитата. Это как невнятное воспоминание о родине своего языка: "И как же это Вы среди страстей и плясок меня узнали, тихую, как сон?". Каково: жить в Перми "среди страстей и плясок"? Это ведь та же самая брюсовская "радость песен, радость пляск", от которой млели московские дамы *style modern* на заре века. Махровая прелесть стихов Светланы Ашировой состоит именно в том, что этот ранний московский модерн со всеми его "страстями и плясками" у нее расшит по хорошо проявленной в стихе категориальной канве советского коммунального сознания с его близкими бытовыми горизонтами и невнятной речью. Есть у нее чудная строчка: "Здесь в отдельно забытой стране намечается чувств икебана". Тут вам и цепкое воспоминание о социализме в "отдельно взятой стране", и вековая мечта об отдельной квартире, и ушедшая в городской фольклор полная "икебана" как синоним всяческого совершенства и гармонии. А на этом коммунальном фоне страсти, пляски, "надменные тайны" и "бесстыдство ласки".

Своеобразная эстетика космически демонических грез простой советской девушки, живущей безвыездно в городе Перми, вполне отразилась в книге "Разовый пропуск в счастье". Книга стала триумфом Светланы Ашировой. Может быть, это самый экзотический цветок на ниве не только пермской, но и всероссийской словесности. Попробуйте достать и прочесть. Уверяю, не пожалеете. В своём оригинальном роде она совершенна. Во всём — от дизайна до стихов. Книга издана в альбомном формате с массой любительских семейных фотографий, виньеток и выглядит совсем как интимный альбом девушки-подростка. Ну, скажем, восьмой класс или ПТУ безмятежных семидесятых. Бытовал такой жанр в подрастающем народе. В подобные альбомы обыкновенно переписывались особо душевные стихи, перлы житейской мудрости, клеились открыточные розы, малиновые закаты, фото подружек в изящных позах: три четверти, кокетливый наклон головы, томный взгляд из-под ресниц. Вот такую книгу издала Светлана.

Между прочим, формально сходные художественные задачи решают художники-симуляционисты. Они эксплуатируют языки локальных субкультур: язык дембельского альбома, раскрашенной рыночной фотографии, дешёвой рекламы и всего остального в том же роде, то есть языки городского китча. Но там чувствуется ироническая дистанция, отсвет игры. А Светлана поёт, как птица.

Китч — ее родная стихия. Воспроизвести, спародировать такую стилистику почти невозможно, она сама по себе пародийна. И розы на обложке, и страсти в стихах, и девушки в позах на любительских фото — все трогательные детали этого словесно-визуального жанра городского подросткового фольклора в ашировской книге-альбоме соблюдены почти буквально. Такой альбом не обходился, например, без сакраментального кредо подросткового эротического кодекса: "Не давай поцелуя без любви". Пожалуйста, есть это и в альбомчике Ашировой:

*Не расточай, о чернь, чарующих объятий
И необъятности пучину не учи.
Любвеобильности мирских мероприятий
Полны уж плоть и плотность скорбная ночи.
К чему бутон чуждой осенней хризантемы?
Уж не за тем ли, чтоб спасенье диктовать?
Я, принимая роскошь звёздной диадемы,
Не разрешу истошность губ поцеловать.*

В том же духе 125 мелованных страниц. Но особую пикантность альбому Ашировой придало то обстоятельство, что весь этот рифмованный и смачно иллюстрированный вздор вышел в свет в виде официального юбилейного издания к 200-летию Пермской губернии. Это надо видеть. На первой странице пермский герб, портрет губернатора и его обращение к читателю: "Творчество Светланы Ашировой (Бедрий)... продолжает добрые традиции российской поэзии, свидетельствует о том, какой богатый духовный потенциал может быть сохранен и приумножен в наше время. В год 200-летнего юбилея Пермской губернии особенно важно заметить и оценить каждый светлый росток нашей духовной жизни, сочетающий преемственность и обновление. Очень надеюсь, что стихи Светланы принесут вам истинную радость".

Иначе говоря, курьезная книжка Ашировой предстала перед слегка ошалевшей пермской общественностью как некий итог двухвековых достижений губернии в области изящной словесности. Ситуация сложилась в духе губернских фантасмагорий Салтыкова-Щедрина. Но пермская общественность этот назначающий помпадурский жест приняла в общем-то с покорностью, реакция была вялая и почти исключительно кулуарная. Успех утроил, усмерил энергию Светланы Ашировой, подтвердив верность избранной ею стратегии творческого поведения, — быть любимым поэтом пермской политической элиты. Года не минуло со дня выхода в свет ее "пропуска в счастье", как она порадовала поклонников новинкой "Музыка звуков". Эта "музыка" была не для разборчивых ушей. Окрыленную победой Светлану несло:

*Пирамидами принял
Придворный примат.
А бездействию прима
Играет набат.*

Или:

*О судьба напрокат,
Многokrатный уют.
Взгляд в сто тысяч карат
Яд, вибратор и плут.
Мы пройти не смогли
По отвесной стене.
Неуместный верлибр
Подпевал сатане.*

И т.д. и т.п. Тем не менее эта графоманская "музыка" вышла трехтысячным тиражом как официальный юбилейный подарок городской и областной администрации выпускникам школ города к 275-летию Перми. Книга открывается портретами высоких официальных лиц и обращениями к выпускникам. Особенно лиричным оказался председатель Пермской городской Думы Валерий Сухих: "Именно эту книгу хочется сегодня подарить вам — в час, когда прекрасное будущее открывает перед вами свои горизонты". Невольно вторя Блоку, он призвал школьников "вслушаться в музыку слов" Светланы Ашировой и в ответ "услышать в себе чистые ноты будущей инвенции (sic!) своей жизни".

Но признания пермских чиновников и политиков, назначивших ее на роль поэта, представляющего Пермь, Светлане показалось мало. Понимая, видно, неубедительность чиновных рекомендаций, она решила испытать на прочность пермскую интеллигенцию. И, представьте, ей это удалось. Книга буквально пестрит рекомендациями известных в городе гуманитариев. Аннотацию к "Музыке звуков" подписал доктор филологических наук. Хотя оценки его уклончиво амбивалентны (филологическое образование сказалось), общий тон поощрителен: "поиски", мол. Но это еще что. Доктор философских наук, академик Российской академии социальных наук рекомендовал книгу "в качестве пособия по совершенствованию самосознания". Известный пермякам музыковед, не сдержав прилива чувств, разразился дифирамбом на страницу: "стихи Светланы <...> сами по себе — музыкальная стихия. Не составляет особого труда чуткому сердцу откликнуться "песнью без слов" на это мастерское плетение словес, нацеленное на пробуждение гармонической памяти нашей многомерной сущности". И, доводя ситуацию до абсурда, к хору гуманитариев присоединился голос врача, рекомендовавшего чтение книги как "надежное средство профилактики и лечения многих заболеваний, в том числе сердечно-сосудистых, онкологических, наркомании и СПИДа". Пахнуло откровенным шарлатанством, но заявление медика интригует: как данную книгу лучше применять.

Читаешь все это и глазам не веришь: театр абсурда. Более всего удручило, конечно, участие в рекламе книги Ашировой коллег-гуманитариев.

Настораживало какое-то слишком уж блаженное непонимание специалистами того, что их имена используются в откровенно рекламных целях, что авторитет их ученых званий сбивает с толку учителей и школьников. По аналогии припоминается старый литературный анекдот. Мережковский узнал, что толковый критик написал одобрительную рецензию на заведомо бульварный опус. — "Как же Вы, батенька, могли? Неужели Вам это на самом деле понравилось?" — "Да нет, Дмитрий Сергеевич, я знаю, что книга — совершенная дрянь, но уж очень просили... Не сумел отказать". — "Ну, это совсем другое дело, — мигом успокоился Мережковский. — Ежели из подлости, то это ничего. А то я подумал, что Вы всерьез".

Да, после "Музыки звуков" еще верилось, что все это не всерьез. Дальнейшие события показали, что все серьезно и искренне. Просто графомания в Перми перестала казаться графоманией.

3. Елена Звездина. *A la candelabre*.

Роман с жизнью. Пермь, 1998. 216 с. 1000 экз.;

Немое кино: Поэма будней. Пермь, 1998. 60 с. 100 экз.;

Преодолеть отражения: Стихи и поэмы.

Пермь, 1998, Ч. I. 84 с, Ч. II. 74 с. 100 экз.

"Роман с жизнью", которым дебютировала Елена Звездина (невероятно, но, говорят, это не псевдоним), стал в Перми литературным событием минувшего года. Книга в своем роде действительно примечательна, и хотелось бы представить ее читателю в целом, наглядно. Хотя бы в виде дайджеста.

Королева, как вы помните, играла в башне замка Шопена и т.д. Что-то в этом роде у Звездиной, вроде метасюжета. Итак, в "замке любви" у "хризантемно-коралловых вод", "вся первобытно-влюбленная", Она грезит "на вулканическом пуфике" — "полюшко чувственных дум вспахано сном наобум". В сих "чувственных думах" являются Ей то "юные пророки" — поэты (они же — "прелестные шалуны"), то мелькнет "младехонький корнет", то покажется "юный граф", то — "герцог безрассудных зелий". Она "врастает в бездны упоенья", и вот уже "у подножья ветвистой любви сочится поэтической влагой". Словом, "слагает вдохновение сонеты красоте". Тогда-то "из недр конвертного жеманства" на читателя изливается "лепестковый бред", где перемешаны "хризантемы влюбленных васильков", "помада музыки", "звездно-струйные шелка", "звучальная лунность тревог", "бутоны глаз", "кудрей безбрежные сонеты", "орхидеи окон", снова "бутоны тайны и тишины", "любви сгоревшая комета в гробу хрустальном пышных нот", опять "бутоны слез", ну и, как положено, свечи, вуали, терзания, пажы, упования, кареты, кларнеты, вдохновения, фиалки, хрустали, скрипки, множество зеркал и, конечно же, канделябр. Далее "тайны ласковые свечи в канделябрах глубины" гаснут, а тут, как водится, "талии выпустят алости и распояшутся шалости". Вот уж "сорвали с облака штаны", "нет нелепости одежд", и "пленно пенится спинной, захребетный поцелуй"... "Бессонной ночи акварель" ударно завершается "спазмом плети в спине между рифмами ног". Апофеоз. "Восторга боль под ля бемоль". Вот так, если вкратце, хотя и сгущая отчасти колорит, но используя подлинную авторскую фразеологию и следуя оригинальным мотивам, можно пересказать "Роман с жизнью", показав попутно смачную манеру письма Елены Звездиной.

Манера эта, если без обиняков, представляет собой донельзя претенциозную, но невероятно смешную смесь стилистических штампов времен Бальмонта и Северянина с мыльной эстетикой Санта-Барбары. Все это густо заправлено порядочной порцией безграмотности. Право же, ничем, кроме неуверенного владения русским языком, не объяснишь выражений вроде "прокрустный", "умертвлен", "спинной жест" и "грудная влюбленность", "чешуя глазниц", "глаз мимозы симметричны наизусть", "изрекать пены", "вкус вколочена в язык" и такое чудо грамматики, как "прими касательно мой глас компрессом к утомленью глаз". О синтаксисе умолчим, что за чем следует и к чему относится, понять порой просто невозможно. Елена Звездина, как видно по приведенным примерам, в простоте не произносит ни словечка, любит выражаться замысловато и красиво, галантерейно-страстно.

Такую манеру письма можно назвать *a la candelabre*. Помните, как Екатерина Васильева в "Бумбараше" в роли бандерши-эстетки с утрированным прононсом исполняет романс с неподражаемой по интонации концовкой: "И тогда я сама, я сама потушила надоевший уже канделябrrr!""? Этот "канделябр" — метонимия чрезвычайно распространенной и действенной эстетики. Нехитрый, но с таким дивно звучным иностранным именем свечной прибор стал непременным атрибутом представлений о какой-то головокружительно красивой, утонченно-изящной жизни с корнетами, хризантемами и роковыми страстями. Иначе говоря, это эпигонский вариант модерна,

модерн для "бедных". Вслед за Ашировой, но гораздо круче Звездина подтверждает удивительную его живучесть.

Машина стихов Елены Звездиной заправлена действительно гремучей смесью стилевых стереотипов от 1830-х до 1900-х годов: от рифмы "сладость—младость" до "звучальной лунности". Провинциальные барышни, начитавшиеся Бальмонта и Брюсова, подобными стихами наполняли местные газеты еще в начале нынешнего века. Столетие на исходе, а песни все те же. Только если в начале века они были относительной новостью, то сегодня звучат как пародия.

Такая манера — вернее, машина! — письма, овладевшая Еленой Звездиной, питается, конечно, энергией неразвитого, если не сказать вульгарного, вкуса. Как и у Светланы Ашировой, в ее стихах господствует все та же неразборчивая склонность к трескучему, блестящему, бросающемуся в глаза: ко всему, что "чересчур" и "слишком". Слишком уж явно автор предпочитает вычурное простому, крикливую экзальтацию ("чувств гремучая смесь") — ясности переживаний. Эти провалы вкуса — прямое следствие неукорененности в культуре.

Да, хотя внешне, в отличие от той же Ашировой и тем более Гребенкина, знаков культуры в стихах Звездиной навалом: то у нее Кант (но под инициалом Э.), то Кастанеда, то Л. (sic!) да Винчи, все это — звонкие пустые оболочки, аксессуары. Написано "Кант" — читай "канделябр". На деле автор как-то до обидного мало обеспечен эстетическим тактом, чувством уместности и меры.

Отсюда посвящение "Мариночке" Цветаевой, отсюда "шаловливый" кивок Чайковскому: "Как Вы светлы сегодня, Петя!". И как объяснишь, почему все эти дамские фамильярности отдают такой — словно ножом по стеклу! — фальшью, если для автора вообще в норме потрепаться с Цветаевой:

*Я умираю над строкой твоей о лжи,
Как не повеситься потом, Марин, скажи?*

Как узнаваем этот интонационный и фразеологический жест: "я умираю"! Девочки-подростки так объясняются сегодня по поводу Ди Каприо. Впрочем, хорошо хоть не сказано "я тащусь!", и на том спасибо. Подытожим: вульгарный вкус + неразвитое чувство языка + поверхностное знакомство с поэзией русского модернизма — такой вот представляется формула стихов Елены Звездиной. Это хрестоматийно типичный образец графомании, очередная аватара капитана Лебядкина. Следует оговориться. Все оценки, по видимости звучащие так жестко и, возможно, обидно для авторов, принципиально не имеют в виду житейские личности Александра Гребенкина, Светланы Ашировой или Елены Звездиной. Они относятся исключительно к их авторской, литературной роли.

Опасно смешивать человека в жизни и человека в письме. Сплошь и рядом это две большие разницы. Письмо, оно как одушевленная и часто агрессивная машина: захватывает и тащит пишущего порой совсем не туда, куда он хочет, а по своей собственной программе.

Объясняя природу графомании в терминах "машинной" модели, можно сказать, что не графоман управляет машиной письма, а наоборот. Это его родовой признак.

Соблазн для графомана в том, что тот самый миг, когда он попадает под власть машины письма, он принимает за прилив вдохновения: его ведь действительно прорывает и несет. В таких случаях даже незаурядный, тонкий человек в письме может выглядеть дурак дураком. Что ж, не в свои сани не садись. Еще одно замечание — о самосознании автора-графомана. Один пример для сравнения из пермской же литературной практики. Недавно в поселке Майский с населением где-то около 5 тысяч тамошние самодельные литераторы издали сборник стихов с подзаголовком: "стихи жителей поселка Майский". Какой, между прочим, тактичный, точный и исполненный достоинства жест предъявлен этим подзаголовком. Жест в полном смысле культурный. Жители Майского осознают себя адекватно, они культурно вменяемы.

Об Александре Гребенкине, Светлане Ашировой, Елене Звездиной этого не скажешь. В отличие от скромных поселковых авторов, они-то убеждены, что решают глобальные задачи. Каждый по-своему. Гребенкин отчаянно воюет с "бездуховностью" и воспитывает "любовь к своему Отечеству, к матери, к женщине, природе, культуре, искусству, литературе, а также к поэзии".

Аширова развивает "концепцию бесконечного творческого развития человека, города, мира" и борется со СПИДом. Звездина тоже "несет что-то тайное миру".

Ни больше, ни меньше. Такую глухоту к себе трудно объяснить чем-либо иным, как неспособностью адекватно идентифицировать и оценить себя в пространстве культуры, осознать свой статус. Это и есть культурная невменяемость, еще один родовой порок графомании. Но, с

другой стороны, что с них спрашивать. Они действительно любят поэзию, самозабвенно пишут стихи, и делают это как умеют. Еще любят публиковаться, и умеют это делать очень хорошо. Можно только пожелать им дальнейших успехов.

Нечего спрашивать и с чиновников. Они действуют в меру своего вкуса и понимания. Ну, нравится им творчество Светланы Ашировой, что с этим поделаешь. Главный спрос с экспертов, кто как не они отвечает за различие, что есть хорошо, а что плохо, что полезно, а что вредно. Светлана Аширова рискнула проверить пермских гуманитариев на прочность.

Оказалось: ничего, не кусаются, вполне свои. Но и при этом оставалась надежда, что в нужный момент свое слово скажут профессиональные филологи, литературоведы, они-то и расставят все по местам. Филологи сказали свое слово с выходом книги Звездиной. Случай Звездиной пермскую ситуацию проявил с окончательной, не оставляющей сомнений ясностью. То, что она была встречена самыми благожелательными рецензиями в газетах, еще более или менее обыкновенно. Но о Звездине по горячим следам первой книги (случай пока беспрецедентный!) заговорили филологи. Творчество (!) Звездиной стало предметом углубленного литературоведческого рассмотрения на ученых конференциях. В одном из докладов со ссылками на Канта, Кассирера, Гуссерля, Ницше и Бахтина трактовалось ни больше, ни меньше как о "духовном синтезе в поэзии Елены Звездиной".

Вообще-то, положи руку на сердце, трудно даже вообразить ситуацию и условия, при которых сочинения, подобные звездинским, можно квалифицировать иначе, чем графоманские. Сделаем невероятное усилие, закроем глаза на все нелепости языка, и даже неграмотность попробуем объяснить безразмерной "творческой индивидуальностью": так, мол, видит поэт. Пусть. Но встречая (сплошь!) в стихах современного автора молю траченные красоты из прабабушкиного сундука вроде "звездно-струйных шелков" или "небесногрудого гибкого стана", воспринять их иначе, чем цитату либо литературную игру, просто нельзя. Таков уж контекст современной культуры. Ну, а если подобное пишется всерьез, с претензией и даже пафосом, то перед нами автор явно литературно невменяемый, то есть графоман.

Нет, говорят пермские литературоведы, гений родился, "духовный синтез": "Явление всякого поэта уникально. Поэтический Космос Елены Звездиной суперуникален", ее стихи "замечательны своей переливчатой диалектичностью", им еще "предстоит найти своего читателя, наделенного полифоническим слухом, своего критика, способного к многомерным суждениям, и даже своего теоретика, искушенного опытом исследования метафизики души". Это фрагменты предисловия к "Роману с жизнью".

Чем вызвана такая дикая и ведь довольно массовая по масштабам города аберрация восприятия? Остается признать, что условия идентификации явлений культурной жизни, сформулированные для нормальной культурной ситуации, в Перми сегодня уже не действуют. Все более и более тональность жизни города определяет полная дезориентация причастных к культуре инстанций: творческих, экспертных и властных. Пермь вяло погружается в транс провинциализма.

* * *

Что же делать с графоманией? Педагогическое сознание требует решительных мер по прополке территории хорошего вкуса. Архивный подход более гуманен и экологичен: всякому документу найдется местечко на полке. Тем более границы хорошего вкуса изменчивы, ракурсы восприятия многообразны, а Дмитрий Александрович Пригов, неутомимый санитар леса русской поэзии, привил-таки читателю пытливую терпимость к любым завихрениям языка.

Вот только одно тревожит — дети, школа. Как ни говори, а ведь изучение литературы кое-что сообщает человеку для жизни, что-то устраивает в его сознании, в способностях и способе думать, чувствовать, говорить. А в новые программы вводится обязательное знакомство с местной литературой. Немаловажно все-таки, что будут наши детки читать. Из новых авторов в Перми рекомендуют читать Гребенкина, Аширову, Звездину.

1 Среди немногочисленных работ, посвященных такого рода литературе, вспоминаются, в первую очередь, две: Марков В. Можно ли получить удовольствие от плохих стихов, или о русском чучеле совы. СПб., 1994. С.278-292; Жолковский А. Графоманство как прием (Лебядкин, Хлебников, Лимонов)// Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С.54-70.

2 Первоначально это был цикл рецензий на книги стихов, выходившие в Перми в 1995-2000 годах. Рецензии публиковались в местных газетах. Позднее они были собраны в статью, опубликованную в малотиражном уральском журнале: Графоман в "законе", Из очерков литературной жизни Перми, Уральская новь. №1. 1999. Статья вызвала определенный резонанс, появилась в Интернете. См., например: <http://cascenka.pisem.net/abashev.html>.

3 Механизм "машины творчества" был описан автором в другой, того же времени, но неопубликованной работе "Труженики пера: Опыт погружения". Цитируем соответствующий фрагмент:

"В том, что не боги горшки обжигают, убеждён каждый труженик пера. В самом деле, любой относительно грамотный человек после небольшой тренировки успешно овладевает навыками изготовления несложных, но вполне читабельных словесных изделий. Работа над стихом обыкновенным включает несколько рутинных операций по подбору и комбинации слов при заданных условиях чередования безударных и ударных слогов — ямба, хорей и т.п. Что касается рифм, то нескольких десятков стандартных двойняшек (кровь-любовь, тройка-бойко, слёзы-морозы, тумана-обмана и т.п.) хватает для изготовления сотен небольших (обычно 2-3 строфы) стихотворений.

Итак, главный производственный принцип труженика пера заключается в том, что он, как правило, пишет на тему. Именно тема играет главенствующую роль в стихе обыкновенном. Тематический репертуар труженика пера невелик: весна, зима, лето, осень, детство, труд, война, любовь (к России, женщине, детям, миру, матери, труду), гражданские чувства. Поэтому начинающему следует прежде всего практически освоить типовые модели, по которым развёртываются основные темы. Так сказать, освоить схемы тем. Бессознательно, кстати, такими схемами владеет каждый из умеющих читать.

Итак — литературные модели. Поскольку лирических тем вообще немного, в поэзии достаточно быстро складываются стандартные способы (схемы) словесного развития каждой темы. Это и есть типовые тематические модели. Простейшие из них быстро выходят из творческого оборота, поскольку возникает жёсткая связь сюжетики, словаря и ритмики — появляются штампы.

Эти отходы творчества поступают в полное распоряжение профессиональных тружеников пера. Модели, которыми они пользуются, многочисленны, просты в обращении и чрезвычайно продуктивны. Например. Если весна, поэт радуется, верит в будущее и надеется на скорую встречу с Ней, ежели осень — с грустью провожает стаи птичек, улетающих на юг, тоскует, но верит, что они вернуться, и вернётся Любовь. Зимой, как правило, поэт сидит у жаркой печки, обнимая Её драгоценные плечи или мечтая о весне, летом бродит над речкой в лунном сиянии, вдыхает запах мяты и вспоминает о свиданиях с Ней ... Каждую типовую модель можно представить в виде простой блок-схемы.

Для практического руководства мы предлагаем описание нескольких расхожих моделей стихотворений обыкновенных. Принцип их действия мы проиллюстрируем примерами, составив соответствующие заданной схеме тексты.

Один практический совет. Приступая к изготовлению стихотворения, не напрягайтесь, расслабьтесь, постарайтесь безвольно отдаться звучанию избранного вами мотивчика (тра-та-та/ тра-та-та и т.д.). Стихи обыкновенные настолько накатаны, что они сами вывезут вас, куда надо. С каждой темой и напевом автоматически связаны соответствующий словарь, мотивы, рифмы. Это жёсткие, окостеневшие структуры, и в вашем сознании заложены сотни подходящих стандартных словосочетаний, сравнений. Ваша задача, в сущности, сводится к тому, чтобы заполнить пустые клетки схемы словами, которые вам заранее известны.

Модель 1: "Ласточка с весною в сени к нам летит"

Слово ВЕСНА действует на труженика пера возбуждающе. Основу самой ходовой модели ВЕСНЫ составляют два тематических блока: ПРОБУЖДЕНИЕ ПРИРОДЫ и ПРОБУЖДЕНИЕ ДУШИ. Связаны они по принципу параллелизма. Вариации создаются за счёт смены ключевых слов каждого из блоков (каждому блоку соответствует свой словарь) и изменения ритмики. Широко, например, варьируются компоненты блока природы: "таяние снега", "ручьи", "капель", "цветение" (черёмуха, калина-малина, верба и т.п.), "пение птиц", "солнце", "небо" и т.п. Варьируя эпитеты, можно сконструировать сотни вариантов словосочетаний. Для "душевного блока" также предусмотрено немало вариантов: "возвращение молодости", "возрождение веры в будущее", "ожидание любви", "жажда счастья" и т.п. Большое разнообразие в конечном продукт вносит изменение способа связи блоков: пересечение, прямое следование, контраст.

Итак, за дело:

*Расцвела за окошком калина,
Белопенным пролилась дождём.
Роща песней полна соловьиной,
Вешним солнцем омыт окоём.

И на сердце растяли годы,
Словно талой водой унесло.
Вновь пахнуло дыханьем свободы,
И душа расправляет крыло.*

Можно ограничиться двумя строфами. Можно дописать третью, как бы неожиданно переключив тему в интимный план. Добавим, например, воспоминание о бывлой любви:

*Настежь ставни, волной ароматной
Грудь наполни, и годы — долой.
...Твои губы с привкусом мяты,
Светлый месяц, туман над рекой...*

Не смущайтесь перебоем ритма в третьей строчке. Это вышло нечаянно, но кстати. Нечаянная удача лучше всего имитирует отсутствующий творческий компонент производственного процесса. Представьте, что лёгкая запинка (выпал слог во второй стопе анапеста) будто бы выражает внутреннее волнение, охватившее вашу душу при воспоминании о первом свидании. Так что не надо стремиться к тотальной правильности. Труженик пера, помни завет великого Пушкина: "Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю..."

Кстати, начинающему труженику пера следует заучить несколько подобных выражений "великого Пушкина" и время от времени вставлять их в свою речь. Дело в том, что профессиональные труженики пера любят ссылаться на Александра Сергеевича (Сергея Александровича) как на своего главного литературного начальника и не избегают подчеркнуть, что выполняют именно его личные указания (заветы)".

4 Выражение *труженик пера* здесь не случайно. Оно входит в разработанную автором этих строк типологию графоманов в уже упомянутом "трактате" "Труженики пера".

"Графоман графоману при близком рассмотрении — рознь. Не претендуя на исчерпывающую и подробную классификацию, мы выделим четыре основных типа.

Чрезвычайно редкий и благородный тип — *дервиши*. Это люди с детски раскрепощённым и ярким сознанием — блаженные. *Дервиши* бескорыстны. Они равнодушны к известности, публикациям — всему тому, что так заботит массового графомана. *Дервиши* не принимают в расчёт существующей литературы и её норм, они повинуются только интуиции. Они непредсказуемы. Это творческие натуры в наиболее чистом виде. Среди них встречаются гении — такие, как Хлебников. *Дервиши* порой открывают совершенно новые горизонты в искусстве поэзии, чаще — срываются в безумие.

Немногочисленна и другая, тоже симпатичная порода графоманов — *импровизаторы*. Как правило, это хорошо образованные люди с умным вкусом и чувством меры. Они пишут легко и много. Остроумные тосты, послания, рифмованные жизнеописания юбиляров делают их желанными гостями любого застолья. Они пишут и для себя, но знакомят с такими стихами только близких. У *импровизаторов* есть внутренний сторож — культура. Они способны трезво оценить функциональное задание своих сочинений. Поэтому *импровизаторы* не стремятся к публикациям, чуждаются так называемой литературной среды. Культурная вменяемость этого типа делает даже сомнительным его квалификацию как графомана.

Многочисленные отряды *ушибленных литературой* представляют уже тёмную и массовую сторону графоманства. Этих людей не удовлетворяет сочинительство само по себе. С юности их сознание бывает отравлено стремлением к литературной известности, а главное — к обретению сакрального статуса писателя. *Ушибленные литературой*, как правило, не имеют систематического образования, им трудно оценить себя трезво. Сочиняя стихи, они старательно воспроизводят массовые образцы и убеждены (часто справедливо), что пишут не хуже тех, кого печатают. Это неперенные участники всевозможных литературных объединений и кружков: кружок даёт им чувство близости к цели. Они заваливают редакции газет своими рукописями. Редкое и робкое счастье для *ушибленного литературой* — увидеть свои стихи в местной газете, встретить упоминание о себе в обзоре так называемой "поэтической почты". Большинство *ушибленных литературой* плохо социализированы, одиноки и склонны к иллюзиям.

Но есть среди них активисты, владеющие технологией житейского успеха и подспудно понимающие, что дело не только в литературе. Именно они добиваются своей цели: получают официальный статус писателя и издают книжку. Они-то и составляют четвёртый, многочисленный, социально активный и самый тягостный тип графоманов. Такой *труженик пера* — исключительно отечественное явление. Советская литература была не столько литературой, сколько мощной и престижной социальной организацией. Как любая организация, она заботилась о расширении своих рядов: в Союзе писателей состояло что-то около 10 тысяч членов. Эту кафианскую массовость творцов могло обеспечить только широкое привлечение в писательские ряды творчески несостоятельной, но социально бойкой и умеющей ловить момент посредственности. Получая вожделенный членский билет Союза писателей, *ушибленный литературой* графоман преображался, он становился *тружеником пера*. Внутренне он оставался всё тем же — малообразованным, некультурным, не способным к творчеству, но в новеньком членском билете черным по белому было написано: ПОЭТ, стояла печать и авторитетная подпись. Это была вечная индульгенция его сомнениям, его неуверенности, это было вознаграждением за годы ушибленности, за унижения. В качестве *труженика пера* графоман приобретал не только право, но и прямую обязанность писать, писать и печатать написанное.

Времена изменились. Союз писателей продолжает уже почти иллюзорное существование, но инерция его мощного движения сохранилась. И прежде всего в провинции. Здесь отряды *тружеников пера* по-прежнему активны и наступательны. Они всё пишут, а в последние годы, оправившись от первого потрясения, начинают вновь активно печататься, щедро одаривая читателя плодами своего странного труда".

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА:
НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В рамках данного сборника становится доброй — пусть пока и недолгой — традицией приводить обзоры не только публикаций, но и актуальных терминов лингвистической науки. Данный обзор посвящен *концепту*; мы намеренно избегаем приложений типа "понятие", "слово", "термин", поскольку все они, как увидим далее, требуют особого обоснования применительно именно к *концепту*. Актуальность обзора продиктована не только частотой использования термина, но и междисциплинарностью концептуальных исследований, возможной перспективой изучения разных пластов, срезов, сфер языка.

В работе приводится дефиниционный и — где представляется возможным — контекстуальный анализ *концепта*. Количество работ по данной тематике действительно безгранично. Мы сосредоточимся лишь на наиболее авторитетных, магистральных направлениях. При этом рассмотрим работы, представляющие разночтения относительно *концепта* либо имеющие, на наш взгляд, в современном состоянии вопроса новизну и ориентирующие читателя на перспективу развития *концепта*, а также связанных с ним концептуализации и концептуального анализа.

Этимология этого слова соотносится с латинской лексемой "conceptio, conceptum" — "1) соединение, совокупность, система; 2) резервуар; 3) зачатие, зародыш; 4) словесное выражение". В лингвофилософской и исторической перспективе это позволяет трактовать концепт как диалектическое единство потенциальных образов, значений и смыслов словесного знака, выражающего непреодолимую сущность бытия в неопределенной сфере сознания (Колесов 2002: 51, Латинско-русский словарь 2000).

© С.Л.Мишланова, Т.М.Пермякова, 2004

В самом общем виде *концепт* (лат. conceptus — понятие) — 1) формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие; 2) в логической семантике — смысл имени (Философский словарь 1972: 189). Отсюда *концепция* [< лат. conceptio — восприятие; лат. conceptus — мысль, представление] — 1) система взглядов на те или иные явления; способ рассмотрения каких-либо явлений, понимание чего-л.; 2) общий замысел художника, поэта, ученого (Словарь иностранных слов 1982: 362). Легко видеть, что философский словарь акцентирует логическую составляющую, понятие, а словарь иностранных слов — особенности внутренней формы слова, учитывая восприятие, видение, образ.

Категория концепта фигурирует в исследованиях философов, логиков и психологов, она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций (Попова, Стернин 2001: 11). В свете этого актуально замечание Ю.А.Левицкого о том что основная категория когнитивной лингвистики — концепт — категория мыслительная, ненаблюдаемая, дающая большой простор для ее толкования.

В современном употреблении слово концепт пришло в лингвистику не из латинского языка, а из английского, из работ по когнитивной психологии, а позднее — когнитивной лингвистики. В английском языке слово concept может обозначать как "понятие", так и "общее представление". По определению в словаре Вебстера concept — это "мысленно представляемый образ" (mentally conceived image). Таким образом, концепт — это "не совсем понятие". ... Дело вовсе не в том, что человек (особенно ученый) всегда связывает слово с понятием, а в том, что он может это сделать в соответствующих условиях.

По своему характеру концепт есть не что иное, как общее представление, или, если быть более точным, — обобщенное представление. Обобщенное представление, или концепт, получает языковое выражение в виде целого ряда слов, каждое из которых связано с той или иной стороной, особенностью, этого обобщенного представления, сложившегося в данном языковом коллективе о некотором явлении действительности. В разных культурах эти обобщенные, коллективные представления получают разную эмоциональную окраску (Левицкий 2003).

Для лингвистов наибольший интерес представляет место концепта в ряду смежных явлений. В лингвистическом энциклопедическом словаре концепт в этом отношении определяется через понятие. Понятие — 1) Мысль, отражающая в обобщенной форме предметы или явления

действительности посредством фиксации их свойств и отношений ... 2) То же, что грамматическая или семантическая категория, обычно не высшего уровня обобщения, например, ... понятие события; в этом значении стал часто употребляться термин *концепт*.

Понятие (концепт) — явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение — в системе языка, понятие — в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике. ... При сближении [языкознания и логики] понятие (концепт) стало выводиться из употребления разных слов и конструкций (ср. концепты "события", "процесса", "факта" и др.). При этом за основу берутся и предложения, и их номинализации, и существительные общего и конкретного значения с учетом контекстов употребления. Эта процедура называется "концептуальным анализом", одна из задач которого сделать концепт более определенным (Большой ...1998: 383-383).

Фактически не дифференцируются понятие и концепт и в следующем случае: концепт состоит из континуума значений, формируется разнообразными и, что важно, разнородными определениями, уточняется именными, предложными и глагольными конструкциями, дополняется производными словами и связывается с однотипной лексикой — аналогами, синонимами и антонимами.

Концепт, в отличие от значений слова, — это совокупность всех значений слова, целостный смысловой образ, ассоциируемый с данным словом. Он формируется в процессе восприятия слова в составе разнородных и разнообразных употреблений. Это проявляется, в частности, в том, что родной язык усваивается автоматически, не заучивается дискретно, а воспринимается целостно. Так, в норме носитель языка не осознает, что большинство слов в его языке многозначно (Рябцева 2000).

Практически ни одно исследование концепта не минует определения, данного Ю.С.Степановым:

Сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего, культура входит в сознание человека, то, посредством чего, человек сам входит в культуру, ...это тот "пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово. В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений (Степанов 1997: 40-41)¹.

Опираясь на это определение, Л.А.Грузберг решает вопрос о месте концепта (культурно-ментально-языковой единицы) в ряду других единиц языка, а также вопрос о концептуальном анализе принципиально по-иному. Своеобразие разграничения слова и концепта, семантического и концепторного (а не концептуального!) анализа зависит от конечных целей и материала для его осуществления. Если материалом для семантического анализа служат реализующие слово речевые контексты, то для постижения концепта — прецедентные тексты, художественные дефиниции, концепции, выработанные в том или ином произведении словесного творчества. В итоге, "внутреннее содержание концепта — это своего рода совокупность смыслов, организация которых существенно отличается от структуризации сем и лексико-семантических вариантов слова" (Грузберг 2002: 127-130)². Противоречие, выявленное автором, решается в пользу семантики, поскольку в формировании концептов весьма велика роль субъективного начала (что не характерно для слова), а объективная смысловая сфера, в которой мыслит человек, — чрезвычайно широка.

Нам представляется, что важно перенести решение проблемы в плоскость когнитологии (к которой, собственно, концепт и принадлежит) и соотнести концептуализацию и категоризацию как деятельности, различающиеся по своему конечному результату и/или цели. Концептуализация направлена на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а категоризация — на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории.

Концептуализация — это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию представлений о мире в виде концептов.

Категоризация — это деление мира на категории, то есть выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий, включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов³, или концептов. Вместе с тем категоризация как познавательный процесс — это мысленное соотнесение объекта или события с определенной категорией (Манерко 2003: 120).

В таком ракурсе в ипостаси "слово-концепт" иницилирующим свойством обладает концепт⁴.

В связи с этим можно встретить определение концепта как динамического явления для некоторых видов речевой деятельности. Например:

Культурологический концепт понимается как когнитивно-семиотический процесс взаимодействия между интерпретируемым знаком и его интерпретантами в различных культурах, разворачивающийся в

сознании переводчика и направленный на постижение коммуникативной нагрузки культурологической лакуны с целью нахождения оптимального способа трансляции ее в текст перевода (Ситкарева 2001).

Более удобную систематизацию и описание концептуализации, категоризации и других когнитивных операций и их единиц предлагает Н.Н.Болдырев (2002). Дискуссия о правомерности и необходимости концептуального анализа в отечественной лингвистике представлена в работе Л.О.Чернейко (1997). В основе отечественного направления когнитивной лингвистики лежат исследования Е.С.Кубряковой (см. обобщающую монографию 2004 г.).

Далее рассмотрим некоторые вопросы современного состояния концептуальных исследований.

Во-первых, неожиданная актуализация концепта и противоречивость мнений обусловлены междисциплинарностью объекта, изучаемого в лингвистике, антропологии, психологии, философии, математике. Концептуальные исследования, разрабатывающие общую теорию человеческого познания, фокусируются на том, до какой степени концептуализация базируется на лингвистической репрезентации и варьируется в ряду культур, групп, индивидуумов (Language and Conceptualization 2002; Language, Logic, and Concepts 2002). Концепт как воплощение всех видов знания о вещах в мире всепроникающ. С одной стороны онцепты объясняют восприятие таких доменов⁵, как социальные институты, типы личностей, художественные стили. С другой же — простые когнитивные процессы, например, ходьба или понимание речи, в формировании концептов оказываются невероятно трудными (Murphy 2002)⁶.

Во-вторых, язык понимается как специализированное использование общей познавательной способности. Значение уравнивается с концептуализацией в смысле когнитивного процесса (переработки языка), и концептуализация является антропоморфичной, субъективной и культурно-специфичной. Именно отсюда возникает необходимость изучать культурно-языковую относительность.

Наиболее известной в когнитивно-лингвистическом отношении стала теория когнитивной грамматики Р.Лангакера, основная цель которой — изучение семиологической функции языка. Природа языка анализируется по модели, базирующейся на употреблении (Курс 2003; Langacker 1988, 2000; 2002).

Эта теория объединяет разноаспектные частные исследования: изучение концептуальных ассоциаций в утверждениях, когнитивный базис значения и функций различных глаголов, референция объектов в производстве текста и т.д. (Belgian ... 1993); междисциплинарное исследование эпистемической модальности в трех языках, при этом концептуализация выступает как многоуровневая (Epistemic Modality, Language, and Conceptualization 2001); коммуникация посредством концептуальных структур в трех областях — лексикализации метонимии и метафоры, межкультурной коммуникации и профессиональной коммуникации (Text, Context, Concept 2003); сопоставительное исследование грамматики, семантики и прагматики дейксиса в нескольких языках с учетом когнитивно-культурных контекстов; стремление теоретически выяснить субстантивность значения как языковой протяженности и протяженностей реального мира как интерфейса между концептуальными и лингвистическими структурами (Rueland and Werner 1993).

Показателен и тот факт, что когнитивный подход признается некоторыми учеными как единственно перспективный при решении проблем восприятия, причинности и лингвистического выражения (Deictic Conceptualisation of Space, Time and Person 2003).

Уместно вспомнить (в рамках концепции настоящего сборника) о концептуализации творческого и эффекте новизны знания, когда концепт формируется как набор сторон, именуемых аттракторами (Пермякова 2000). Междисциплинарная модель лингвистических аттракторов отражает языковой процессинг как последовательность фракционных наборов и позволяет исследовать динамику каждого набора у отдельных индивидуумов и групп. Теория игр и катастроф помогает предсказать возможные топологии языкового изменения. В литературе вводятся техники изолирования и замера аттракторов и интерпретация их стабильности и относительности содержания внутри системы (Cooper 1999).

В-третьих, особым направлением описания концептуальных исследований может служить стратификация. Это означает когнитивный подход к тому, как дискурс производится и понимается в экспериментальных исследованиях (Dooley, Levinsohn 2001), или обосновывается психолингвистическая и когнитивная психология как методологическая основа преподавания перевода, что позволяет обращаться к таким вопросам, как коммуникация и качество, понимание, приобретение знания, трудности перевода, копирование, применение информационных технологий (Gile 1995). Когнитивная лингвистика анализирует скрытые и явные идеологии,

предоставляя описательный инструмент для языка-в-действии: он содержит дейктический центр говорящего, иконографическую референцию, фреймы, культурно-когнитивные модели как подгруппы идеализированных когнитивных моделей, концептуальные и корневые метафоры, ментальные пространства и концептуальное смешение (Chaban 2003; Language and Ideology 2001).

В-четвертых, получают свою разработку механизмы концептуализации. Структура определенных концептов или доменов системно наследуется из других концептов или доменов путем специфических операций наложения (mapping), метафоры и смешения (Lakoff and Mark 1980; Coulson and Oakley 2000). Этому ряду исследований принадлежат исторические прецеденты когнитивно-лингвистической теории метафоры, лексический анализ языковых метафор, концептуальных доменов, например, сенсорики запаха или экономики, соотношение теории концептуальной метафоры и концептуального смешения (conceptual blending), концептуальной метафоры и культуры (Metaphor in Cognitive Linguistics 1999), восприятие морфологических изменений в испанском языке через концепт смешения, аналогии, контаминации и пр. (Rini 1999).

Концептуальная метонимия признана таким же когнитивным феноменом, как и метафора для конструирования значения. Благодаря этому, метонимической основой служат экспликации и импликации, исследуется роль метонимической интерференции в речевых актах и интерпретации дискурса, влияние метонимического наложения и другие принципы метонимии в языках и культурных контекстах (Metonymy and Pragmatic Inferencing 2003).

И, наконец, в рамках теории концептуальной интеграции (ТКИ) (Conceptual Integration) следует сказать о концептуальном смешении (Conceptual Blending, Cb; авторы — М.Тернер и Ж.Фоконьер — Mark Turner and Gilles Fauconnier):

Для формирования концептуального аппарата и его использования требуется постоянная компрессия существенных отношений. Эта компрессия естественна. Мы сокращаем различные физические расстояния, сокращаем временные промежутки. Концептуальное смешение — неизбежный механизм компрессии (Analysis versus Global Insight 2002).

В докладе "Принципы концептуального смешения" авторы выражают точку зрения, что концептуальное смешение является общей когнитивной операцией⁷ (в лингвистических терминах описываемой как *грамматические конструкции, риторика, метафора, концептуальное изменение*), мощным механизмом постоянного (on-line) генерирования значений/смыслов, со множеством функций, среди которых имеет место закрепление устойчивых (conventional) концептов⁸ (Blending and Grammar 1995).

Далее в рамках ТКИ авторы и их последователи анализируют: а) принципы механизма концептуализации (к ним они относят интеграцию, сеть/паутину, распаковку, топологию, причинность, ограничение на метонимическую проекцию); б) формы организации фреймов и уровни топологии — аналогию, эмоции, одно- и двусторонние структуры (симметричные и асимметричные, с привлечением метонимической проекции, с привлечением дополнительного фрейма) (см. там же), градиентность и композиционность последовательных интеграций (Conference on Conceptual Structure, Discourse, and Language 1996).

Анализ современных источников показал, что категория концепта рассматривается в большинстве работ: фактически нет исследований, где концепт не вводился концепт в качестве основного или рабочего понятия. В свою очередь, это свидетельствует о том, что в современных направлениях лингвистики (антропоцентрическом, когнитивном, дискурсивно-коммуникативном) данное понятие обладает большим, в полной мере далеко не реализованным эвристическим потенциалом. Именно понятие концепта позволяет интегрировать такие мало сопоставимые категории, как слово, мышление, культура. Концепт создает предпосылки для комплексного исследования названных категорий, обеспечивает комплементарность результатов разрозненных исследований. Думается, что высокая активность концептуального направления и появление новых исследований в этом русле иллюстрируют в полной мере исходное значение слова "концепт".

1 Такой трактовке концепта близко определение В.И.Карасика, со смешением в сторону лингвокультурологии: "Мы говорим о наличии имен концептов в том случае, если концептуализируемая область осмыслена в языковом сознании и получает однословное обозначение" (Карасик 2002: 129-130).

2 Данная мысль созвучна идеям Д.С.Лихачева в статье "Концептосфера русского языка" (Лихачев 1997: 281).

3 Концепт рассматривается в связи с понятием смысла в русле *психолингвистических* исследований (А.А.Залевская, Р.И.Павиленис, В.А.Пищальникова). А.А.Залевская эти понятия разводит, трактуя концепт как базовую когнитивную сущность, позволяющую связывать смысл с употреблением слова, как содержательную единицу процесса концептуализации, посредством которого действительность преломляется в голове человека. При этом автор

подчеркивает, что когнитивные сущности имеют перцептивные корни и эмоционально-оценочно переживаются индивидом (Залевская 1999: 98). Ряд исследователей (А.В.Бондарко, Е.В.Лукашевич, А.И.Новиков) акцентируют внимание на различии концепта и смысла. Так, по мнению А.И.Новикова, природу смысла следует искать в сферах, отличных от тех, в которых он находит проявление и с чем отождествляется, — значениях, понятиях, концептах, знаниях и других ментальных репрезентациях действительности. Смысл и концептуальные модели являются средством отражения действительности, но они по-разному членят эту действительность (Новиков 2000).

4 С.Е.Никитина отмечает: "Само словосочетание "концептуальный анализ" тоже двусмысленно: оно может обозначать и анализ концептов, и определенный способ исследования, а именно анализ с помощью концептов, или анализ, имеющий своими предельными единицами концепты, в отличие, например, от элементарных семантических признаков в компонентном анализе" (1991: 117). Подобная двусмысленность разрешается на основе применения логической структуры концепта, могущего восприниматься эйдетически в человеческом сознании. Концепт анализируется с помощью концептов и на базе концептуальных коннекций в структуре сознания, конечной целью такого анализа является реконструкция и моделирование требуемого концепта, высвеченного исследователем.

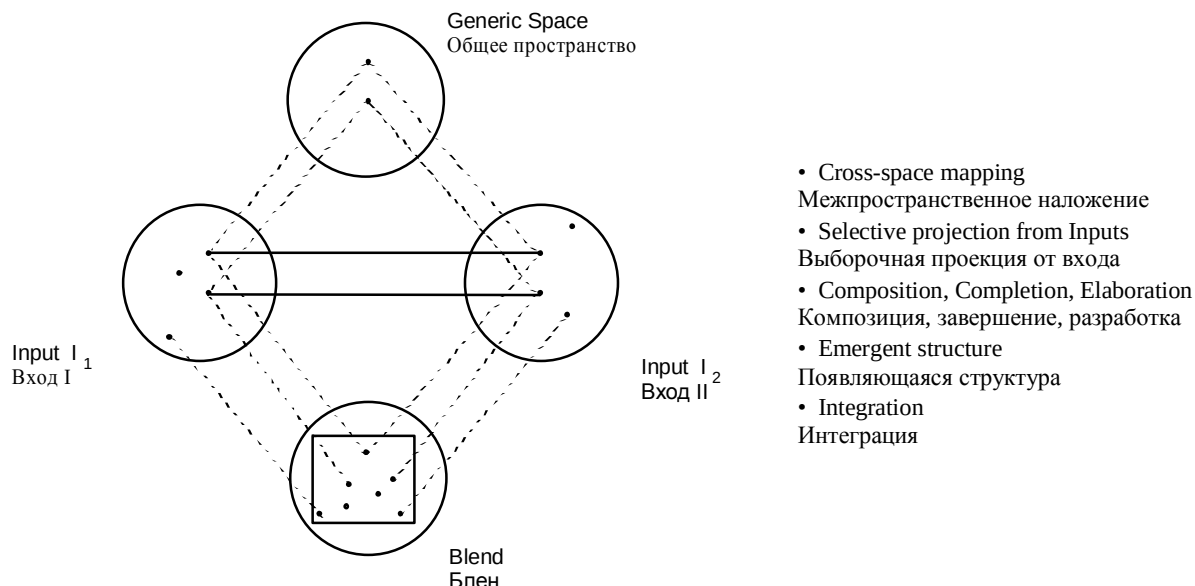
Р.М.Фрумкина выделяет четыре типа концептуального анализа: логический (Н.Д.Арутюнова, Е.С.Яковлева, Т.В.Радзиевская, Р.И.Розина, Н.К.Рябцева), этноцентрический (А.Вежицкая), семантический (И.А.Мельчук, С.Е.Никитина, А.К.Жолковский), идеологический (В.М.Сергеев, А.Н.Баранов, В.Л.Цымбурский). См. там же об особенностях концептуального и семантического анализа (Селиванова 2000).

См. также обсуждение классификаций концептов в работе В.В.Красных (2001).

5 Домен (domain) — укрупнение, группа концептов. Здесь и далее мы стремимся сохранить терминологию авторов.

6 Стал хрестоматийным пример о попытке мультипликации текста японской сказки о зайце и черепахе. Текст звучал так: черепаха, обогнав зайца, оглянулась назад, сказала: "Ну, он еще далеко!" и уснула. Но в мультфильме оказалось, что она заснула с повернутой назад головой. Компьютер, опираясь на лексическое значение слова "спать", упустил концептуальную информацию, что обычно спят в удобной позе (Рахилина 2000).

7 Рассмотрим следующую схему (Principles of Conceptual Integration):

- Ментальные пространства — небольшие концептуальные пакеты, конструируемые по мере того, как мы думаем и говорим. Они взаимосвязаны и модифицируются по мере разворачивания мысли и дискурса;
- При смешении структуры из двух входов проецируются в третье пространство;
- Бленд (готовое смешение) наследует частичные структуры от пространств входов и имеет собственную появляющуюся сиюминутную структуру.

Некоторые черты смешения:

- Смешение использует и развивает противоречивые связи между входами. Противоречия могут быть смешаны или не смешаны, но в готовом бленде не должно быть противопоставленных элементов;
- Смешение производит много эффектов, включая концептуальную интеграцию связанных событий в одно комплексное событие, развитие новой концептуальной структуры, использование и эволюция в бленде фреймов, необычных для входов. Пространства смешения — место для центральных когнитивных процессов: причинности, выводов, развития эмоций;
- Смешение обычно сознательно не воспринимается, но "высвечивается" (в шутках, образах, головоломках, поэзии...);
- С динамической точки зрения, пространства входов и бленды задействуют структуру наиболее стабильных, разработанных, устойчивых концептуальных структур, где устойчивые связи могут быть разного рода: общий фрейм ролей, связи идентичности или трансформации или репрезентации, метафорическая связь и т.д. Смешение может задействовать одновременно более одного вида противоречивой связи (например, связи фрейма ролей и связь идентичности). Укрепляясь, смешение может влиять на устойчивые структуры и устойчивые связи. Тем самым бленды сами становятся устойчивыми;
- При смешении создание концепта может проходить по любому пути концептуального "арсенала". Пространства, домены и фреймы могут воспроизводиться и модифицироваться.

8 На наш взгляд, это положение ТКИ помогает разрешить исторически сложившееся противоречие о принципах концептуального анализа, базирующееся на модуляризме и холизме, а также когнитивизме и коннекционизме. Отчасти решение найдено Е.А.Селивановой в представлении концепта как целостной диффузной системы множественных коннекций (Селиванова 2000).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Болдырев Н.Н., 2002, Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов.
- Большой энциклопедический словарь. Языкознание, 1998. Москва.
- Грузберг Л.А., 2002, *Концепт как культурно-ментально-языковое образование*, Изменяющийся языковой мир. Пермь.
- Дворецкий И.Х., 2000, Латинско-русский словарь. Москва.
- Залевская А.А., 1999, *Психолингвистический подход к анализу языковых явлений*, Вопросы языкознания. № 6.
- Карасик В.И., 2002, Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград.
- Колесов В.В., 2002, *О логике логоса в сфере ментальности*, Мир русского слова. № 2.
- Красных В.В., 2001, Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. Москва.
- Кубрякова Е.С., 2004, Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва.
- Курс по лингвистике, Университет Райс. <http://www.owl.net.rice.edu/~ling306/>.
- Левицкий Ю.А., 2003, *Это голос омара (заметки по поводу когнитивной лингвистики)*, Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Москва.
- Манерко Л.А., 2003 *Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения*, Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Москва.
- Новиков А.И., 2000, *Смысл как способ членения мира в сознании*, Языковое сознание и образ мира. Москва.
- Пермякова Т.М., 2002, *Проблема "творческое-стереотипное" (по работам, реферируемым лингвистическим сайтом и его поисковой системой)*, Стереотипность и творчество в тексте. Под ред. М.П.Котюровой. Пермь.
- Попова З.Д., Стернин И.А., 2001, Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж.
- Рахилина Е.В., 2000, Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва.
- Рябцева Н.К., 2000, Научная речь на английском языке. Руководство по научному изложению. Словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики. Новый словарь-справочник активного типа. Москва.
- Селиванова Е.А., 2000, Когнитивная ономазиология. Киев.
- Ситкарева И.К., 2001, Лакуны в художественном тексте: лингвокультурологическое исследование (на материале художественных произведений писателей франкоязычной Европы). Пермь.
- Словарь иностранных слов, 1982. Москва.
- Степанов Ю.С., 1997, Константы. Словарь русской культуры. (Опыт исследования). Москва.
- Философский словарь, 1972. Москва.
- Чернейко Л.О., 1997, Лингво-философский анализ абстрактного имени. Москва.
- Belgian Journal of Linguistics, 1993. Vol. 8, Perspectives on Language and Conceptualization.
- Chaban N., 2003, *Seeing Ukraine Through Others' Eyes: Cognitive Approach to National Identity Studies*, Journal of Eurasian Research. Vol. 2, № 1, 2.
- Cooper D.L., 1999, *Linguistic Attractors. The cognitive dynamics of language acquisition and change*, Human Cognitive Processing. № 2.
- Coulson S., Oakley T., 2000, *Blending Basics*, Cognitive Linguistics. № 11-3/4.
- Deictic Conceptualisation of Space, Time and Person, 2003. Ed. F.Lenz. Pragmatics & Beyond New Series. № 112.
- Dooley R., Levinsohn S.H., 2001, Analyzing Discourse: A Manual of Basic Concepts.
- Gile D., 1995, Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Benjamins Translation Library. № 8.
- Langoff G., Johnson M, 1980, Metaphors We Live By. Chicago—London.
- Langacker R., 1988, *A View of Linguistics Semantics*, Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam—Philadelphia.
- Langacker R., 2000, *A Dynamic Usage-Based Model*, Usage-Based Models of Language. Stanford.
- Langacker R., 2002, *Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*, Cognitive Linguistic Research.
- Language and Conceptualization, 2000. Ed. J.Nuyts, E.Pederson, J.Benjamins.
- Language and Ideology, 2001. Vol. 2: Descriptive cognitive approaches. Ed. R.Dirven, R.M.Frank, C.Ilie. Current Issues In Linguistic Theory. № 205.
- Language, Logic, and Concepts, 2002. Ed. P.Bloom, K.Wynn, R.Jackendoff. MIT Press.

- Metaphor in Cognitive Linguistics, 1999. Selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference. Ed. R.W.Gibbs, G.J.Steen. Current Issues in Linguistic Theory. № 175. Amsterdam.
- Metonymy and Pragmatic Inferencing, 2003. Ed. K.U.Panther, L.L.Thornburg. Pragmatics and Beyond Series. № 113.
- Murphy G.L., 2002, *The Big Book of Concepts*. Bradford.
- Nuyts J., 2001, *Epistemic Modality, Language, and Conceptualization : A cognitive-pragmatic perspective*. Human Cognitive Processing. № 5.
- Rini J., 1999, *Exploring the Role of Morphology in the Evolution of Spanish*, Current Issues In Linguistic Theory. № 179.
- Rueland E., Werner A., 1993, *Lexical and Conceptual Structure*, Knowledge and Language. Vol. 2.
- Text, Context, Concept, 2003. Ed. C.Zelinsky-Wibbelt. Text, Translation, Computational Processing.
- Turner M., Fauconnier G., 2003, *Analysis versus Global Insight: How and Why do we Blend Cause and Effect?*, 4th Int. Cognitive Linguistics Conf. <http://www.wam.umd.edu/~mturn/>.
- Turner M., Fauconnier G., 1995, *Blending and Grammar*, 4th Int. Cognitive Linguistics Conf. <http://www.wam.umd.edu/~mturn/>.
- Turner M., Fauconnier G., 1996, *Principles of Conceptual Integration*, 2nd Conference on Conceptual Structure, Discourse, and Language. <http://www.wam.umd.edu/~mturn/>.

РЕЦЕНЗИИ

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н.Кожиной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2003. — 696 с.

Несмотря на то что "Стилистический энциклопедический словарь русского языка" был издан совсем недавно, он получил высокую оценку отечественных и зарубежных ученых. "Выход в свет "Стилистического энциклопедического словаря русского языка" — это выдающееся событие не только в русской стилистике. Насчитывающий около 300 статей, этот словарь явился достижением авторского коллектива, состоящего из 30 человек, которым руководит известнейший представитель общей и русской стилистики М.Н.Кожина, создатель известной во всем мире Пермской стилистической школы. Значительная часть авторского коллектива — это ее ученики. Вероятно, этим объясняется весьма удивляющая при таком числе авторов целостность и однородность словаря", — считает известный польский лингвист С.Гайда (Gajda 2003). О.Б.Сиротинина расценивает подготовленный в Перми словарь как "фундаментальный труд с большим прикладным значением", Л.А.Новиков — как "достаточно полное лексикографическое описание современной стилистической терминологии, выполненное на высоком профессиональном уровне", Г.Я.Солганик характеризует изданный словарь как "наиболее полный на сегодняшний день компендиум стилистических знаний" (Котюрова 2004).

Прежде всего отметим высокий теоретический уровень и единство методологических позиций словаря. "Стилистический энциклопедический словарь русского языка" создан на основе новейших достижений современной науки, с опорой на целый ряд речеведческих и смежных дисциплин. Материалы словаря дают представление о его открытости и интегративности, раскрывают междисциплинарный характер современной стилистики.

Так, при рассмотрении **взаимоотношения стилистики и смежных дисциплин** утверждается, что междисциплинарный подход в области функциональной стилистики закономерен и предполагает соответствующий принцип анализа объекта. При этом выделяются различные исследовательские парадигмы современной стилистики: имманентный анализ, системный функционально-стилистический анализ, интертекстуальный анализ, антропоцентрическая парадигма, опирающаяся на такие понятия, как "дискурс", "концепт", "картина мира", "языковая личность", а также семиотическое направление, предлагаемое формально-структурной школой Ю.М.Лотмана. Одним из центральных направлений стилистики, изучающих закономерности функционирования языка в различных сферах речевого общения, является **функциональная стилистика**. В последнее время появились интересные исследования в плане динамики, деятельностного аспекта языка в процессе его употребления и создания своеобразия того или иного стиля. Функциональная стилистика все теснее смыкается с прагмалингвистикой, лингвосоциопсихологией, теорией речевого общения, т.е. дисциплинами коммуникативного речеведческого плана. Особенно перспективным в связи с этим считается формирование такой самостоятельной интегративной отрасли лингвистики, как **речеведение**, включающей комплекс наук, исследующих с разных сторон один и тот же объект — речь (речевую деятельность, речевое общение и поведение) и объединенных общим принципом изучения, которым является функционирование языка во внешней среде (контексте).

Безусловно, приоритет принадлежит тем словарным статьям, в которых отражено развитие стилистической науки, представлена динамика ее интеграционно-дифференциальных процессов. При обсуждении вопросов **классификации и внутренней дифференциации функциональных стилей** подчеркивается, что, с современной точки зрения, функциональный стиль — явление не монолитное, а представляющее собою "многослойное" (сложное) единство. Каждый из функциональных стилей подразделяется на более частные и конкретные стилистико-речевые разновидности: подстилевые, жанровые и др. — вплоть до отражения в стиле индивидуальной стилиевой манеры автора текста. Поэтому целесообразным оказывается введение **полевой структуры функционального стиля**, т.е. модели функционального стиля, представляющей собой подразделение каждого на более частные речевые образования, структурируемое по принципу поля, т.е. с выделением центра (ядра) стиля и его периферии. Научная достоверность представленных в словаре сведений, их полнота и системность, **общие закономерности**

функционирования языковых единиц в функциональных стилях основаны на строгой количественной (стило-статистической) зависимости употребления языковых единиц определенной семантики от обуславливающих это употребление экстралингвистических факторов.

Развитию стилистики способствует не только углубление и расширение теоретических аспектов ранее освоенных категорий, но и поставляемый самой жизнью новый фактический материал. Уникальность данного стилистического словаря проявляется прежде всего в том, что он впервые в теоретический аппарат отечественной функциональной стилистики вводит новый функциональный стиль — **церковно-религиозный**. В словаре справедливо отмечено, что в доперестроечное время эта область бытования русского языка была практически закрыта для филологических исследований, вследствие чего даже отсутствовало упоминание о церковно-религиозном стиле в литературе по стилистике, а также было распространено мнение, что данная сфера обслуживается не современным русским, а церковнославянским языком. Но если церковнославянский язык подробно изучен и описан, то изучение церковно-религиозного стиля русского языка (функциональной разновидности русского языка, обслуживающей сферу церковно-религиозной деятельности и соотносящейся с религиозной формой общественного сознания) только начинается. Основным отличием церковно-религиозного стиля от всех остальных книжных функциональных стилей считается сочетание общекнижных элементов с церковно-религиозными и газетно-публицистическими, а также архаически-торжественной и эмоционально-оценочной окраски.

Как известно, за последние полтора десятилетия произошли глобальные изменения в информационной системе, в радио- и телеречи; все большее распространение получает и такое средство массовой коммуникации, как Интернет. Все эти информационные процессы не могли не повлиять как на параметры речевого поведения, так и на специфику языкового воплощения различных жанров. В словаре большое внимание уделяется характеристике таких новых для стилистики русского языка понятий, как "язык и стиль рекламы", "язык и стиль электронных СМИ", "язык сети Интернет". Однако из всех функциональных стилей русского языка наиболее заметные изменения в последние полтора десятилетия зафиксированы в СМИ (см. **Языково-стилистические изменения в современных СМИ**), что естественно и закономерно при учете глобальных политико-социальных преобразований, происшедших в России с 1985 г. Среди экстралингвистических факторов, вызвавших преобразования в стиле, прежде всего выделяются такие, как изменение статуса и функций СМИ в обществе, обретение демократических свобод (печати, слова), отмена цензуры, перестройка системы СМИ под влиянием политического, идеологического расслоения общества, развитие конкурентных отношений между СМИ, изменение коммуникативного статуса аудитории. В целом, по данным авторов словаря, за последние полтора десятилетия в русском публицистическом стиле зафиксированы следующие изменения: 1) информационной нормы в стиле, в связи с этим усиление информационной функции СМИ; 2) экспликации как информационной, так и воздействующей функций, вызванные преобразованиями в выражении субъекта речи, а также в презентации отношений с адресатом; 3) жанровой системы; 4) стилистики СМИ разных типологических групп.

Материалы словаря убедительно свидетельствуют также о том, что функциональная стилистика, сыграв приоритетную роль в движении парадигмы языкознания к функциональной, способствовала расширению современных исследований речи в разных аспектах. Словарь практически впервые вводит в концептуальный аппарат стилистики такие категории, как "языковая личность", "концепт", "дискурс". **Языковая личность** является центральной категорией антропоцентрически ориентированных аспектов стилистики и представляет собой результат взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными целями, мотивами поведения, установками и проявляется в текстах, создаваемых данным человеком. При этом вводится существенное с точки зрения функциональной стилистики уточнение, что связь и взаимодействие уровней в структуре языковой личности осуществляется на основе экстралингвистической информации (Ю.Н. Караулов).

Новым для отечественных исследований в области функциональной стилистики является понятие **дискурс**. В литературных источниках представлено мнение о дублетности понятий "дискурс" и "стиль". Поскольку для западно-европейской и американской лингвистики более типичным считается понятие "дискурс", а русистика преимущественно опирается на категориальный аппарат функциональной стилистики, то понятия "дискурс" и "стиль"

практически не встречаются в рамках одного издания. Безусловной заслугой авторов словаря следует признать стремление восполнить недостаточно представленную в имеющейся словарной литературе терминологию стилистики русского языка и сопоставить в одном специализированном (узкоспециальном) лексикографическом издании понятия "функциональный стиль", "дискурс", "дискурсивный анализ". По данным словаря, в современных лингвистических исследованиях все более распространенным методом становится **дискурсивный анализ**. С одной стороны, дискурсивный анализ сближается по некоторым характеристикам с функциональной стилистикой, особенно если концептуализировать дискурсивное пространство в соответствии со сферами социокультурной деятельности, а с другой — возможно выделение типов дискурса, не совпадающих с традиционно выделяемыми функциональными стилями. Существенным отличием дискурсивного анализа считается то, что обращение к понятиям "дискурсивная практика" и "код" позволяет учитывать не только целенаправленную сознательную деятельность коммуникантов, но и факторы, организующие факторы дискурсивного речепорождения на бессознательном уровне: автоматическое воспроизведение коммуникантами знакомых дискурсивных практик и культурных кодов. В целом же **дискурс** как лингвистическая категория определяет особую исследовательскую стратегию, предполагающую макросемантический и одновременно глубинно-семантический анализ текста, направленную на выявление эпистемических предпосылок и условий порождения высказываний/текстов, обуславливающих определенное в данной коммуникативно-прагматической и социально-исторической ситуации формы, структуры, языковые единицы или текстовые характеристики.

Несомненным достоинством стилистического энциклопедического словаря является то, что в нем, в отличие от других стилистических и даже лингвистических словарей, имеется статья о **концепте**. Термин "концепт", подчеркивается в словаре, также связан с антропоцентрической парадигмой языкознания и когнитивно-прагматической методологией и используется наряду с такими ключевыми понятиями, как "дискурс", "картина мира" и др. для репрезентации мировоззренческих, интеллектуальных и эмоциональных интенций личности, отраженных в ее творениях — текстах. Утверждение в лингвистике понятия "концепт" обозначило новую ступень в постижении способов, закономерностей и особенностей взаимодействия языка, сознания и культуры, расширило рамки содержательного анализа языковых явлений и придало значительно большую глубину и эффективность семантическим исследованиям. В рамках словарной статьи концепт рассматривается как категория когнитологии, лингвокультурологии, психолингвистики.

Теоретико-методологическая основа словаря определяет его открытость и интегративную направленность, что проявляется в более полном, комплексном толковании традиционных лингвистических и стилистических категорий и позволяет уточнить ряд основополагающих понятий. Иными словами, интеграция наук, привлечение данных смежных, и особенно молодых, интенсивно развивающихся, направлений лингвистики дают импульс для развития стилистики.

Одним из современных и интенсивно развивающихся направлений лингвистики является, как известно, лингвистика текста, достижения которой во многом способствуют развитию стилистики, в том числе появлению стилистики текста. Под **стилистикой текста** авторы словаря понимают направление стилистики, предметом изучения которого является целый текст и его (текстовые) единицы в стилистическом аспекте. Поэтому в словаре **текст** рассматривается как одно из центральных понятий, в статье даны его определения с точки зрения семиотики, языкознания, грамматики и семантики текста, а также функциональной стилистики. Функциональная стилистика исследует целые тексты и их стилевую типологию, причем анализирует их в единстве сторон — поверхностной, формально-грамматической и содержательно-коммуникативной. При имеющемся многообразии подходов к пониманию текста основным его свойством признается системность, которая обуславливается наличием структуры, иерархичности, целостности и взаимосвязи со средой.

Материалы словаря подтверждают актуальность данных лингвистики текста для стилистических исследований. Так, максимально полное, исчерпывающее описание понятия "текст" стало возможным благодаря интеграции в словаре результатов изучения различных аспектов текста. Авторам словаря удалось представить такие аспекты текста, как **текстовая категория** (Т.В.Матвеева), **текстовое пространство** и **текстовое время**, **тема текста**, **тональность текста** (Т.В.Матвеева), **глубинный** и **поверхностный смысл текста** (Н.А.Купина), **информативность текста** (М.П.Котюрова), **регулятивность** как системное качество текста (Н.С.Болотнова), **синтаксис** и **целостность текста** (Г.Я.Солганик), **членимость** и

континуальность текста (М.П.Котюрова) и др. Особое внимание уделяется **интертекстуальности** (Е.А.Баженова) как текстовой категории, отражающей соотношенность одного текста с другими, — категории, обеспечивающей диалогическое взаимодействие текстов в процессе функционирования и приращение смысла произведения. Результатом взаимодействия текстов является содержательно или ситуативно обусловленная совокупность текстов, т.е. **сверхтекст** или **макротекст** (Н.В.Данилевская), в качестве своих компонентов включающая **микротексты**. Разновидностями микротекста служат такие единицы, как, например, субтекст (Е.А.Баженова), развернутый вариативный повтор (Н.В.Данилевская), коммуникативный блок (Е.М.Крижановская), типовые комплексы коммуникативно-познавательных действий (В.А.Салимовский).

Выгодно отличает стилистический энциклопедический словарь от других лингвистических словарей и словарная статья, посвященная **термину**. При этом термин рассматривается не как изолированная лексическая единица языка, соотносимая со специальным понятием, а в составе терминосистемы, являющейся (знаковой) моделью некоторой области знаний или сферы деятельности. Критерием терминологичности признается специальная область употребления, а основными свойствами термина — дефинитивность, мотивированность, структурность и системность. Видовая классификация терминов включает следующие классы: собственно термины, терминоиды, предтермины, квазитермины, прототермины, номенклатура, профессионализмы, профессиональный жаргон, характеристики и др. Стилистический энциклопедический словарь является практически единственным лексикографическим изданием, в котором дается определение терминоведения. Важно отметить, что авторы словаря не только констатируют факт формирования новой лингвистической науки, но и подробно описывают историю терминоведения, выделяют основные терминологические школы, в которых изучаются различные аспекты термина (философский, лингвистический, информационный, технический и др.).

Кроме того, привлекательной оказывается филологическая направленность словаря, проявляющаяся прежде всего в том, что практически все словарные статьи содержат многочисленные и в то же время удачные примеры, взятые из классических литературных источников. Филологическая направленность словаря ощущается также и в том, что авторы не избегают раскрытия стилистических понятий, смежных с литературоведческими, таких как **литературный жанр** (В.А.Салимовский), **поэтика** (Б.В.Кондаков), **композиция** (Е.А.Баженова) и т.п.

Безусловно, следует отметить большую практическую ценность стилистического энциклопедического словаря, поскольку данный словарь не только обладает высоким научным потенциалом, но и может использоваться в учебных целях. Несмотря на то что словарь является узкоспециальным, что отражено уже в самом названии, в нем сохраняется тесная связь с лингвистикой, т.е. ощущается надежная лингвистическая основа. Опора на лингвистические закономерности проявляется и в том, что при описании различных стилистических явлений, как правило, происходит отсылка к одному и тому же лингвистическому обоснованию.

Практическая значимость словаря в значительной степени усиливается благодаря тщательно оформленной библиографии. Каждая словарная статья снабжена хронологически упорядоченным списком литературы, включающим как классические работы, раскрывающие дефинируемый термин, так и самые современные источники (изданные уже в XXI веке), в том числе авторефераты диссертаций, сборники статей, материалы конференций и адреса веб-страниц. Примечательно, что практически каждая статья содержит ссылки на исследования, выполненные в Пермской стилистической школе. Такая организация библиографического списка, безусловно, свидетельствует об удобстве использования словаря в учебном процессе.

Примечательно, что ряд словарных статей имеет выраженную практическую направленность. Так, в статье **жанры научного стиля** даются алгоритмы написания автореферата, тезисов, научной статьи, рецензии и т.п., необходимые любому (особенно молодому) ученому. Высокую практическую ценность имеют также такие статьи, как **жанры официально-делового стиля**, **судебное красноречие**, **речевой этикет** и т.п.

Однако не все статьи в полной мере реализуют концептуально-методологический потенциал словаря. Например, статья **троп** не только не привносит ничего нового по сравнению с ранее изданными словарями, она, по существу, игнорирует возможности рассмотрения тропов как в динамическом аспекте, так и с позиций антропоцентрической лингвистики. В данной статье представлена традиционная точка зрения, согласно которой троп

определяется только как стилистический прием, заключающийся в употреблении слова (словосочетания, предложения) в переносном значении. Более поздние версии теории тропов в ней практически не рассматриваются, хотя посвященная тропам статья В.Н.Топорова в "Лингвистическом энциклопедическом словаре" со всей определенностью констатирует необходимость изучения тропов в контексте общей теории знаковых систем, лингвистики текста и нейролингвистики, в связи с чем становится возможным понимание тропов как системы, элементы которой — отдельные тропы — организованы иерархически (ЛЭС, с. 520). Справедливое замечание В.Н.Топорова, что укорененность тропов в структуре языка явно недооценивалась учеными, подтверждается рядом исследований, в которых доказывается, что в процессе текстообразования формируется иерархия номинативных единиц, представляющих собой разные фазы текстообразования; наиболее устойчивые стадии этого процесса зафиксированы в языке в виде системы тропов. Примечательно, что деривационная модель системы тропов была создана при изучении текстообразования в медицинском дискурсе (Мишланова 2002). Более того, обнаружена зависимость характера экспликации тропов от типа дискурса, в том числе от структурно-семантического типа текста. Иными словами, еще раз хотелось бы подчеркнуть, что для современного этапа стилистики исключительное значение приобретают исследования, в которых система тропов соотносится с механизмом текстообразования, поскольку именно они могут пролить свет на основные теоретические аспекты функциональной стилистики, в том числе и на вопросы динамики стилей.

К сожалению, приходится констатировать отсутствие в материалах словаря самостоятельной статьи о метафоре, несмотря на то что за последние десятилетия именно этому явлению посвящено наибольшее количество работ как в лингвистике, так и в смежных с ней областях, особенно в психологии, философии, теории познания. Такой исследовательский резонанс обусловлен, по-видимому, тем, что в настоящее время метафора представляется гораздо более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее. В результате многочисленных исследований доказано активное участие метафоры в построении модели мира индивидуума, определена ее важная роль в интеграции вербальной и концептуальной систем личности, а также в категоризации языка, мышления и восприятия. Думается, что высокий теоретический уровень, энциклопедичность и антропоцентризм стилистического словаря создают все предпосылки для обстоятельного изложения в рамках отдельной словарной статьи теории метафоры и основных направлений ее исследования, а также для всестороннего рассмотрения метафоры как языкового явления, отображающего базовый когнитивный процесс. Возможно, при таком подходе к описанию метафоры определенный интерес представили бы исследования метафоры в деривационном аспекте (см. работы Л.Н.Мурзина), позволившие углубить представления о поэтической метафоре (Симашко, Литвинова 1993) и раскрыть специфику метафорического терминопорождения (Алексеева 1998). Можно даже предположить, что одним из источников развития теоретического потенциала современной стилистики следует признать ее взаимодействие с динамическими направлениями лингвистики.

Таким образом, вышедший в свет "Стилистический энциклопедический словарь русского языка" по разработанности своей концептуально-методологической основы, глубине осмысления фундаментальных лингвистических явлений и широте охвата привлекаемых информационных источников, в том числе самых современных, можно с полным правом охарактеризовать как словарь XXI в. Содержательность и практичность издания позволяют рекомендовать его широкому кругу лингвистов.

В заключение хотелось бы выразить глубокую признательность всем авторам словаря и пожелать им дальнейших творческих успехов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Л.М., 1998, Термин и метафора: семантическое обоснование метафоризации. Пермь.
Котюрова М.П., 2004, *Стилистическая школа профессора М.Н.Кожина*, Информационный бюллетень № 7 Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. Пермь.
Мишланова С.Л., 2002, Метафора в медицинском дискурсе. Пермь.
Симашко Т.В., Литвинова М.Н., 1993, Как образуется метафора: (деривационный аспект). Пермь.
Топоров В.Н., 1990, *Тропы*, Лингвистический энциклопедический словарь. Москва.
Gajda S., 2003, *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Ред. М.Н.Кожина, Stylistyka. Т. XII. Opole.

С.Л.Мишланова

Лесневска Димитрина. Търговска кореспонденция на руски и български език. Съпоставителен лингвостилистичен анализ. София, 2002. — 133 с.

Рецензируемая книга болгарского исследователя Д.С.Лесневской посвящена описанию коммерческой корреспонденции в сопоставительном плане и актуальна обращением к такой малоизученной разновидности официально-делового стиля (ОДС), как коммерческое письмо. Материалом синхронного сопоставления послужили коммерческие письма на двух близкородственных славянских языках — болгарском и русском, что позволило автору выявить сходство и различие анализируемых текстов.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения, библиографии.

Несомненным достоинством рецензируемого издания является то, что в нем представлено не просто сопоставительное описание языковых средств коммерческой корреспонденции на двух сопоставляемых языках по уровням их системы, но дан анализ в функционально-стилистическом аспекте, поскольку речь идет об одной из разновидностей текста, в данном случае — ОДС. Известно, что сопоставительные стилистические исследования обычно ограничиваются собственно сопоставительно-языковым аспектом, тогда как анализ текстов различных функциональных стилей требует осуществления его именно в функционально-стилистическом ключе (см.: Кожина М.Н., 1994, *Сопоставительная стилистика: современное состояние и аспекты изучения функциональных стилей*, Stylistyka. Т. III, Opole).

Примечательно также и то, что теоретические установки автора, как и вообще болгарской стилистики, весьма близки отечественным (российским).

Во введении функциональная стилистика характеризуется как интенсивно развивающееся научное направление, которое имеет не только теоретическое, но и практическое значение при обучении иностранным языкам. Рассмотрев основные этапы развития русской и зарубежной стилистики, положительно оценив современные исследования функциональных стилей в России, Д.С.Лесневская рассказывает о становлении лингвистики в Болгарии. Так, первые болгарские университетские учебники по стилистике появились в 60-е годы XX в. Изучение художественного стиля проводилось К.Г.Поповым на материале произведений И.Вазова, Х.Ботева. Теоретическая концепция болгарской стилистики разрабатывалась в контексте европейских лингвистических школ: экспрессивной стилистики, ПЛК, теории В.В.Виноградова — усилиями В.Поповой, Д.Чизмарова, М.Янакиева, К.Попова, Р.Русинова, Ст.Георгиева и др. Историографом стилистики в Болгарии выступила Венче Попова.

Отечественному читателю интересно узнать, что, отталкиваясь от различия Ф.де Соссюром языка и речи, Д.С.Лесневская разделяет речеведческие позиции, свойственные отечественной (русской) функциональной стилистике. Сходство двух национальных научных школ обнаруживается и в отношении таких вопросов, как само определение функциональной стилистики и функционального стиля (с. 4), направлений стилистики (с. 7-8), полевой структуры стиля (с. 11), экстралингвистических стилеобразующих факторов (с. 9-10), специфических стилевых черт и норм стиля (с. 11), историзма стиля (с.7) и др. Автор говорит о целостной концепции функциональных стилей, разработанной в России такими учеными, как В.Г.Костомаров, И.Р.Гальперин, В.В.Одинцов, Р.А.Будагов, М.Н.Кожина, О.А.Лаптева,

Н.М.Лариохина, О.Д.Митрофанова, Д.Э.Розенталь, Г.Я.Солганик, О.Б.Сиротинина, О.Д.Митрофанова, Н.М.Разинкина и др. Между прочим, особо отмечается "плодотворно работающий коллектив пермской школы лингвостилистов" (с. 4).

Успешные сопоставительные исследования в лингвостилистике последних десятилетий, отмечает автор, позволили обнаружить сходство функционально-стилистической организации русского и болгарского литературных языков. Так, в каждом из них существует 5 стилей: научный, официально-деловой, публицистический, разговорный, художественный.

В книге подробно описываются экстралингвистические факторы, обуславливающие функционально-стилевую дифференциацию языка, при этом, в частности, используется их классификация Е.С.Троянской, а также полевая структура функциональных стилей, их специфические стилевые черты и стилистические нормы.

С учетом того что стилистика есть одновременно и метод исследования, и практика пользования языком, Д.С.Лесневская подчеркивает ценность этой науки для лингводидактики. В связи с этим рассмотрено понятие подязыка сопоставительно с терминами "специальный язык", "язык для специальных целей" и т.п.

Автор книги рассматривает коммерческие письма как частную разновидность ОДС в русском и болгарском языках и отмечает, что речевой сферой ОДС является административно-правовая действительность. Стиль разделяется на 3 подстиля: законодательный, дипломатический и административно-канцелярский, реализующиеся посредством различных жанров. В частности, административно-канцелярский подстиль существует в двух формах: устной (деловая речь) и письменной (общедоминистративные документы), к которым относится и коммерческая корреспонденция. Это различные по структуре и содержанию тексты:

- документы общего характера: просьбы, заявления, жалобы, предложения, удостоверения, декларации;
- справочно-информационные документы: протоколы, доклады, докладные записки, отчеты, справки, автобиографии, а также организационно-распорядительные документы, к которым относятся инструкции, указания, решения, распоряжения.

Коммерческая корреспонденция имеет следующие разновидности:

- простые коммерческие письма;
- коммерческие документы-письма;
- бухгалтерские документы;
- юридические документы.

В свою очередь, конкретные тексты различаются специфической структурой, темой и содержанием, поэтому существуют также такие подвиды корреспонденции, как письма-просьбы, письма-сообщения (простые коммерческие письма), оферты, рекламации и др. (коммерческие документы в виде писем), сертификаты качества, гарантийные свидетельства, инструкции по монтажу и т.п. (коммерческие документы), фактуры, приходные и расходные кассовые ордера и др. (бухгалтерские документы), учредительные, трудовые и др. договоры (юридические документы). Далее Д.С.Лесневская справедливо отмечает, что в пособиях практического характера для бизнесменов административные документы и коммерческая корреспонденция обычно объединяются под названием "деловая корреспонденция". Термин "коммерческая корреспонденция" окончательно не уточнен и часто используется как синоним терминов "деловая корреспонденция" и "бизнес-корреспонденция". При обучении иностранным языкам уделяют особое внимание коммерческим письмам, объединяя их в пособиях под названием "Коммерческая корреспонденция".

В результате сопоставления коммерческих писем русского и болгарского языков определены сходство и различие в использовании необходимых средств. В первой главе "Коммерческие письма на русском и болгарском языках. Силевые черты, виды" приводится общая характеристика коммерческих писем, которые являются составной частью эпистолярного подстиля. В Болгарии эпистолярные тексты ранее изучались в рамках риторики. Многочисленные письмовники успешно выполняли функцию обучения особому типу текста — письмам.

Само перечисление разновидностей эпистолярного подстиля дает представление о его пестроты. Он состоит из деловой (служебной) переписки в виде коммерческих писем и дипломатической корреспонденции (личные и вербальные ноты), частной официальной переписки, включающей лично-служебные письма и частные дипломатические письма полуофициального характера, а также частной неофициальной переписки (личных писем).

Коммерческая и дипломатическая корреспонденция, административные документы - жанры ОДС. Личная корреспонденция относится к разговорному стилю. Это значит, что эпистолярный подстиль находится на периферии двух названных функциональных стилей.

В этой же главе Д.С.Лесневская характеризует стилеобразующие факторы коммерческих писем — коммуникативные (экстралингвистические) и лингвистические (выбор языковых средств), отмечая, что стилевые черты коммерческих писем формируются коммуникативными факторами, а именно сферой общения и речевой ситуацией. Описаны компоненты речевой ситуации, в которой порождаются коммерческие письма, т.е. их предмет и тема, цель общения, его участники и условия. В тексте письма обнаруживаются признаки диалога, что эксплицируется посредством указания адресата, ожидаемого ответа, обращения, приветствия, напоминания об условиях договора, заключительной фразы.

Исходя из признания полевой структуры ОДС и иерархии его стилевых черт, автор показывает стилевую специфику административно-канцелярского подстиля. К его ядру отнесены правовые и юридические документы, отличающиеся официальностью, безличностью, императивностью, стандартностью, безэмоциональностью. Утверждается, что ядерным текстам — коммерческим, трудовым, гражданским и учредительным договорам — близки дипломатические и законодательные документы, тогда как административные жанры характеризуются слабо выраженной императивностью, стандартностью, безэмоциональностью. Составление административных писем требует соблюдения таких правил, как передача необходимой информации, например адресов, изложение фактов в краткой и ясной форме, использование традиционной формулы вежливости.

Что касается коммерческих писем, то они отнесены к периферии административно-коммерческого подстиля. В письмах-рекламациях проявляются такие несвойственные ОДС качества, как субъективная эмоциональность, оценочность, индивидуальность, стремление к изысканной стандартности, характерные для публицистического стиля. Специфичны также рекламные письма, находящиеся на периферии подстиля, где действуют стилеобразующие факторы убеждения и привлечения внимания.

Говоря о стилистических приемах и стилистически маркированных средствах, используемых в коммерческих письмах, Д.С.Лесневская указывает на книжность, композиционную точность, однозначность, активизацию внимания читателей, использование стандартных средств, а основными языковыми средствами считает нейтральные, общеупотребительные. Наряду с этим существуют и специализированные, языковые средства — лексические, морфологические, синтаксические, текстовые, выбор и комбинация которых формируют стилевую специфику коммерческих писем.

Отмечается также строгая композиция, наличие обязательных реквизитов коммерческих писем, использование готовых бланков и стандартных образцов текстов. Отличительным признаком административных документов — просьб, заявлений, предложений и т.п. текстов — является наличие реквизита "Наименование документа", а также даты под текстом. Набор и последовательность реквизитов в русских и болгарских коммерческих письмах в общем совпадают.

В книге представлены различные классификации писем. К коммерческим документам, обладающим юридической силой, отнесены запросы, предложения (оферты), заказы, рекламации и ответы на них. В отличие от простых коммерческих писем, контрактные документы составляются по образцам и содержат данные о покупке-продаже. Простые письма не так сложны по содержанию, меньше по объему. В соответствии с поводом написания различают послания, содержащие просьбы, сообщения, приглашения, подтверждения, поздравления, извинения и др. Наиболее трудным для составителя является рекламное письмо, цель которого — убеждение, выражаемое свободно, нестандартными фразами. Широко распространены в сфере бизнеса коммерческие письма-просьбы.

Во второй главе "Сопоставительная лингвостилистическая характеристика лексических особенностей коммерческих писем на русском и болгарском языках" Д.С.Лесневская описывает лексику ОДС — нейтральную и книжную, сгруппировав ее в тематические группы и подгруппы. Так, и в русских, и в болгарских коммерческих письмах под воздействием эпистолярной формы и сочетания монолога с диалогом употребляется межстилевая лексика со значением мысли, речи, чувства, оценки и т.п. Книжная лексика коммерческих писем содержит термины, канцеляризмы, глагольно-именные сочетания.

Автор детально классифицирует терминологию писем — научно-техническую (экономическую) и официально-деловую, выделяя 17 тематических групп терминов, характеризующих товар, цены, сроки, условия поставки (*сделка, платеж, пошлина, маркировка; должность, глоба, валюта*) и термины делопроизводства (*переписка, бланк, дубликат, расписка; копия, входящий номер; оповещать, заверять; отправляя, уверяю*).

Приводятся примеры книжно-письменной лексики нетерминологического характера, придающие текстам коммерческих писем официальную торжественность: *нижеупомянутый, требуемый, надлежащий; надлежен, приемлив*, т.е. канцеляризмы. Характерным элементом книжной лексики в коммерческих письмах выступают устойчивые глагольно-именные словосочетания, например: *производить расчеты, нести убытки, иметь место; взема участие, търпя загуби* и т.п.

Убедительно доказано сходство русских и болгарских коммерческих писем в отношении употребления как нейтральной, межстилевой, так и книжной лексики, что обеспечивает соблюдение официальности, точности, ясности, краткости, безэмоциональности этих текстов.

В третьей главе "Сопоставительная лингвистическая характеристика грамматических особенностей коммерческих писем на русском и болгарском языках" Д.С.Лесневская обращается к морфологическим и синтаксическим средствам, создающим определенный стилистический эффект этих писем. Среди морфологических это книжные предлоги и союзы (*ввиду, в случае, с целью, при условии, что; относительно, согласно*), имена существительные - технические термины, имена собственные и др., глаголы, причастия, деепричастия (*просим прислать — моля да пратите; поставленные товары — доставлении стоки, имея в виду — като имаме предви* и др.).

Отмечается также использование имен числительных (*5000 тонн пшеницы — 5000 тона пшеница, вторая партия — втора партида*), наречий (*бесконечно — безкрайно, крайне — крайно, только — само, насыпно — в насыпно състояние* и др.). Опираясь на качественно-количественные показатели употребления в коммерческих письмах морфологических средств, автор делает вывод о придании с их помощью текстам официальности, повышенной этикетности, императивности, точности и ясности, оценочности и эмоциональности.

Затем рассматривается синтаксическая специфика коммерческих писем на двух сопоставляемых языках, в частности функционирование в них простых и сложных предложений различных типов, анализируются их стилистические возможности и реализация в текстах.

Четвертая глава книги посвящена функционально-стилистическим особенностям текстов коммерческих писем на двух языках в сопоставительном плане. Д.С.Лесневская характеризует внешнюю структуру текста, отличающуюся строгой композицией. Проявление такой стилистической черты, как стандартность, иллюстрируется примерами клишированных фраз на русском и болгарском языке в каждой части письма. Отмечается относительная самостоятельность абзацев в тексте письма в смысловом и формально-синтаксическом плане.

Обращается внимание читателя на использование в коммерческих письмах функционально-смыслового типа речи "сообщение с элементами повествования" и на характерную для него лаконичность, информационную насыщенность. С точки зрения актуального членения текста, т.е. его внутренней структуры, показано, что рема предыдущего высказывания становится темой следующего, тем самым обеспечивается точность речи.

В заключительной части книги подводятся итоги проведенного сопоставления русских и болгарских коммерческих писем, которые занимают место на периферии ОДС. При этом коммерческие письма-документы оказываются носителями основных стилистических черт, свойственных жанру письма в сфере бизнеса.

Показано, с помощью каких средств реализуются основные первичные и вторичные стилистические черты в коммерческих письмах на том и другом языке.

Из лингвистического сопоставительного анализа следует, что стилистически маркированные языковые средства русских и болгарских коммерческих писем совпадают. Это термины, канцеляризмы, отглагольные существительные, модальные конструкции, выражающие необходимость, пассивные конструкции. Наибольшее сходство наблюдается на лексическом уровне при употреблении стилиобразующей общеславянской лексики. Отмечается, что различия между двумя стилистическими системами на уровне морфологии существенны, а на синтаксическом уровне наиболее значительны.

Приложение содержит бланки и образцы коммерческих писем-документов на болгарском и русском языках с краткой характеристикой каждого вида: запроса, предложения (оферты), заказа, рекламы и ответов на них.

Приводятся также использованные источники — пособия по составлению деловой и коммерческой корреспонденции на различных языках, изданные с 1983 по 2000 гг. Библиографический список содержит 165 наименований, принадлежащих перу авторов из разных стран, в том числе известнейших лингвистов, от Ш.Балли, Г.О.Винокура, В.В.Виноградова до Н.Энквиста и М.Холлидея. Наличие в списке многочисленных работ болгарских авторов дает представление о плодотворных лингвостилистических исследованиях, проводимых в этой стране.

Несомненным достоинством книги Д.С.Лесневской следует считать рассмотрение коммерческих писем в широком контексте лингвостилистики, с опорой на труды известных советских и российских авторов, в русле современной функциональной стилистики. Теоретичность, аналитичность и доказательность изложения убеждают читателя в правомерности выводов автора относительно выявленных особенностей русских и болгарских коммерческих писем.

Весьма высоко можно оценить раскрытие автором внутристилевой дифференциации ОДС на подстили и жанры и согласиться с отнесением коммерческих писем к периферии административно-канцелярского подстиля. Справедливо отмечается, что характерной особенностью ОДС в сопоставляемых языках выступает жанровое разнообразие. Неоднородны также и сами письма коммерческого характера, разделяемые на простые письма и документы.

Несомненна также и практическая ценность сопоставительно-стилистического анализа коммерческих писем на двух славянских языках, результаты которого могут найти применение в лексикографии, переводе, обучении иностранным языкам. В связи с этим укажем на допущенную в рецензируемой книге незначительную неточность в оформлении реквизита "Подпись" в русском письме. Согласно ГОСТа все три части этого реквизита — наименование должности, личной подписи и ее расшифровки — должны располагаться на одной горизонтальной линии, что можно легко исправить при переиздании книги, представляющей несомненный интерес для сопоставительной стилистики.

О.В.Протопопова

АВТОРЫ

Абашев Владимир Васильевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики Пермского государственного университета

Алексеева Лариса Михайловна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Пермского государственного университета

Венгранович Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянского языкознания факультета филологии и журналистики Тольяттинского государственного университета

Войтак Мария — доктор филологических наук, профессор университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине (Польша)

Вяничева Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Томского государственного педагогического университета

Гиренко Лариса Сергеевна — аспирант кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета

Данилевская Наталия Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета

Дунев Алексей Иванович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург)

Дускаева Лилия Рашидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета

Коньков Владимир Иванович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета

Котюрова Мария Павловна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и стилистики Пермского государственного университета

Кыркунова Лариса Геннадьевна — ассистент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета

Левченко Елена Васильевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Пермского государственного университета

Лоевская Маргарита Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Мишланова Светлана Леонидовна — доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Пермской медицинской академии

Пермякова Татьяна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Пермского государственного университета

Протопопова Ольга Витальевна — доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета

Стоянович Андрей — доктор филологических наук, профессор университета в Белграде (Сербия)

Чернявская Валерия Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

Штайн Клара Эрновна — доктор филологических наук, профессор Ставропольского государственного университета

Шутемова Наталья Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью Пермского государственного технического университета

СОДЕРЖАНИЕ

Котюрова М.П. Предисловие	3
--	---

— I —

Штайн К.Э. Культурное достояние России: Пермская научная школа функциональной стилистики	6
Стоянович А. К общим закономерностям диффузии стилей.....	58
Венгранович М.А. Традиционность как базовая стилиевая черта фольклорного текста	96
Вяничева Т.В. Из истории изучения субстантивного пласта устойчивых композитивных номинативных единиц в отечественной и зарубежной лингвистике.....	111
Дунев А.И. Интенциональность грамматических значений в аспекте речевого воздействия	129

— II —

Данилевская Н.В. Аргументативные действия в рамках познавательной оценки	137
Чернявская В.Е. Научное познание — "власть дискурса" (Лингвистическое осмысление преждевременных научных открытий)	162
Левченко Е.В. О первичных и вторичных свойствах текста	174
Гиренко Л.С. Один из возможных путей изучения плотности научного текста	185
Алексеева Л.М. Антропологизм как предмет научного перевода....	204
Котюрова М.П. Культура письменной научной речи: стереотипность и творчество.....	219

— III —

Дускаева Л.Р. Оценка мнений о действительности в публицистике	234
Коньков В.И. Речевой коллектив как единица членения речевой практики общества.....	247
Шутемова Н.В. Принцип "намеренной свободы" в переводе поэтического текста.....	264
Лоевская М.М. Интерпретация и стереотип восприятия "Иудина греха" в богословской и беллетристической литературе.....	273
Кыркунова Л.Г. Функционально-смысловые типы речи в аспекте внутрителиевой дифференциации следственно-судебных текстов.....	290
Войтак М. В кругу парадоксов (Заметки о стиле бытовых текстов).....	312
Абашев В.В. Упоительный шаблон (Стереотип как машина творчества).....	325

ОБЗОРЫ

Мишланова С.Л., Пермькова Т.М. Современная концептосфера: направления и перспективы	351
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Мишланова С.Л. <i>Стилистически енциклопедически словарь русского языка / Под ред. М.Н.Кожиной.</i> <i>Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2003. — 696 с..</i>	365
Протопопова О.В. <i>Лесневска Димитрина, Търговска корреспонденция на руски и български език.</i> <i>Съпоставителен лингвостилистичен анализ.</i> <i>София, 2002. — 133 с.</i>	377
АВТОРЫ	387

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СТЕРЕОТИПНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО В ТЕКСТЕ

Выпуск 7

Межвузовский сборник научных трудов

Редактор *М.П.Котюрова*
Компьютерная верстка *А.Л.Зуев*

ИБ № 579

Подписано в печать 09.07.2004

Формат 60х84 1/16. Печать офсетная. Бум. офсетная.

Усл. печ. л. 22,78. Уч.-изд. л. 24,8.

Тираж 300 экз. Заказ №

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в СПУ "МиГ"

г. Пермь, ул. Попова, 9